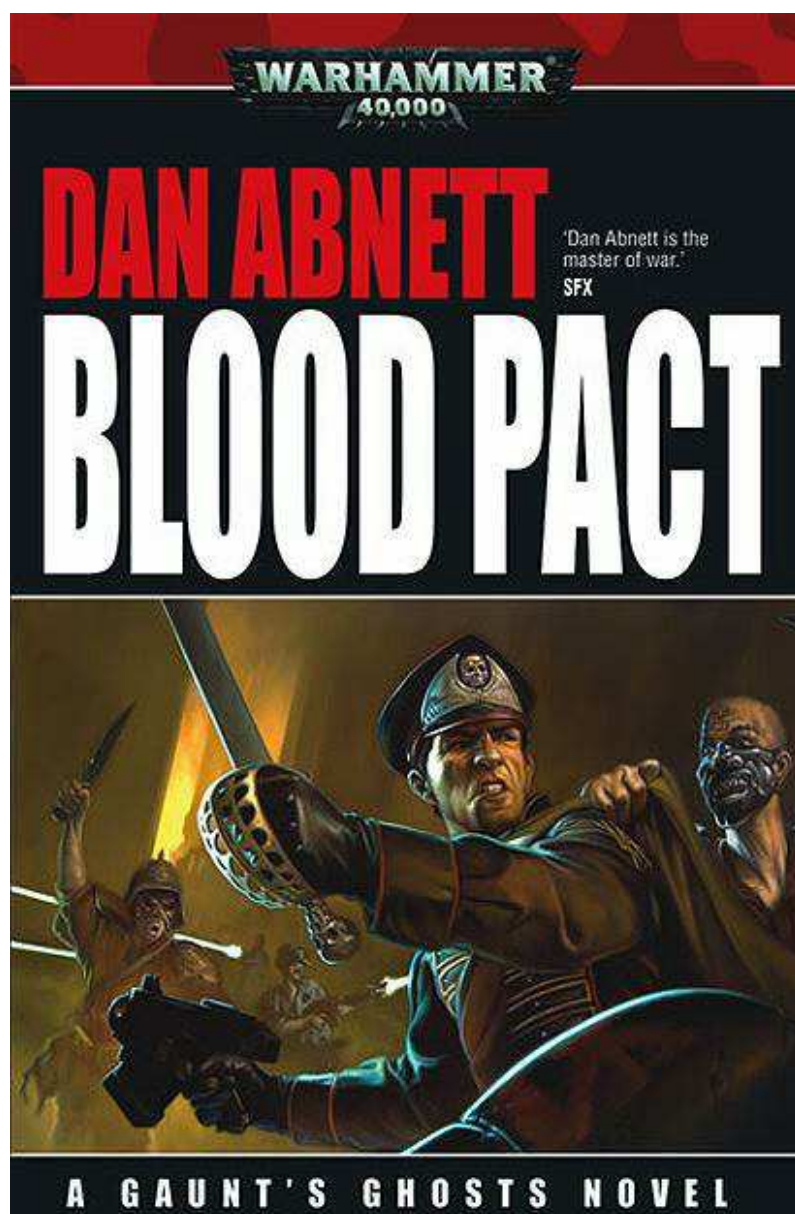

Gaunt's Ghosts - 12

Blood Pact

Призраки Гаунта

Кровавый Пакт

Перевел: AquariusNox

Сорок первое тысячелетие.

Уже более ста веков Император недвижим на Золотом Троне Терры. Он — Повелитель Человечества и властелин мириад планет, завоеванных могуществом Его неисчислимых армий. Он — полутруп, неуловимую искру жизни в котором поддерживают древние технологии, ради чего ежедневно приносится в жертву тысяча душ. И поэтому Владыка Империи никогда не умирает по-настоящему.

Даже в своем нынешнем состоянии Император продолжает миссию, для которой появился на свет. Могучие боевые флоты пересекают кишачий демонами варп, единственный путь между далекими звездами, и путь этот освещен Астрономиком, зримым проявлением духовной воли Императора. Огромные армии сражаются во имя Его на бесчисленных мирах. Величайшие среди его солдат — Адептус Астартес, космические десантники, генетически улучшенные супервоины.

У них много товарищей по оружию: Имперская Гвардия и бесчисленные Силы планетарной обороны, вечно бдительная Инквизиция и техножрецы Адептус Механикус. Но, несмотря на все старания, их сил едва хватает, чтобы сдерживать извечную угрозу со стороны ксеносов, еретиков, мутантов. И много более опасных врагов.

Быть человеком в такое время — значит быть одним из миллиардов. Это значит жить при самом жестоком и кровавом режиме, который только можно представить.

Забудьте о достижениях науки и технологии, ибо многое забыто и никогда не будет открыто заново.

Забудьте о перспективах, обещанных прогрессом, о взаимопонимании, ибо во мраке будущего есть только война. Нет мира среди звезд, лишь вечная бойня и кровопролитие да смех жаждающих богов.

«В конце концов, зверь набросился на охотника и проглотил его. Но у охотника был нож в кармане, и нож разрезал живот зверя изнутри, и все крестьяне вылезли наружу и спаслись.»

-- из Нихтгейнской легенды об охотнике и звере

«После многообещающего периода наступления, основные боевые группы Магистра Войны Макакота пришли к неожиданной и абсолютной мертвой точке у границ Групп Эриний.

Архонту Гору, военачальнику Архиврага, удалось вывести свои силы из Каркарадонского Кластера с достаточной расторопностью, чтобы создать крепкую оборонительную позицию вдоль границы Эриний.

Магистру Войны не приходилось рассчитывать на помощь от вторичного фронта Крестового Похода. Включая в себя Пятую, Седьмую, Девятую и Двенадцатую Армии, вторая боевая группа действовала позади основных сил Макакота. Несмотря на годы тяжелой борьбы, вторая группа оставалась неспособной изгнать легионы Магистра Анакванара Сека, наиболее талантливого лейтенанта Гора, из Систем Кабала.

Между ними, Архонт и его магистр создали линию сопротивления, которая полностью срывала планы крестового похода Макакота. Попытка сдвинуться с мертвой точки, посредством установления третьего фронта, закончилась непростительной катастрофой с потерей Второй Армии под командованием Маршала Алдо, у Хелиса.

Тем не менее, далеко позади передовой, в давным-давно приведенных к миру Имперским крестовым походом Мирах Саббат, имели место события, которые будут иметь, хотя немногие признавали это в то время, фундаментальные последствия для будущего кампании.

Это был 780.М41, двадцать пятый год Крестового Похода в Миры Саббат.»

-- из Истории Поздних Имперских Крестовых Походов

ОДИН

Утешение

Похоже, у мертвых было умение находить путь назад на Балгаут.

Таким было мнение дяди Е.Ф. Монтвелта, вскоре после Знаменитой Победы, и таким же было мнение самого Е.Ф. Монтвелта, примерно пятнадцатью годами позже. Е.Ф. Монтвелт унаследовал мнение от своего покойного дяди, так же, как унаследовал дядин пост в качестве управляющего пристанью Пирса Тридцать Один, большой и красный нос, и картонную коробку с личными вещами, которые включали в себя медаль с дней Хуланских Войн, банку с краской для волос и порнографический альбом со знаменитой театральной исполнительницей Адель Коро.

Мертвые находили путь назад в почти невообразимых количествах. Это было так, словно кровь, которая пропитала землю Балгаута за время достижения Знаменитой Победы, стала, от какой-то алхимической реакции, приманкой для мертвых: соблазн, песнь сирены, которая звала их назад сквозь пространство из очень далеких мест, где они погибли. Е.Ф. Монтвелт однажды прочитал в одной из энциклопедий, лежащих внизу картонной коробки с вещами дяди, о хищной рыбе с такими чувствительными ноздрями, что они могли засечь каплю крови в океане воды, и найти ее. Так же было с Балгаутом и мертвыми. Балгаут был каплей крови, а космос – океаном. Мертвые могли учуять место, и запах вел их назад. В конце концов, они заключили договор на крови.

Балгаут, настолько вымоченный в крови, стал местом паломничества для мертвых, и для множества, множества живых душ тоже: душ, чьи жизни были связаны с мертвыми. Балгаут был местом, куда люди приходили, чтобы быть похороненными, если они были мертвы, или чтобы горевать, если нет. Это было из-за Знаменитой Победы.

Даже после пятнадцати лет, это название нужно было произносить с подчеркнутыми заглавными буквами, как и другие, относящиеся к нему, как Слава Слайдо или Бесстрашная Операция или Поворотная Точка, или какая-нибудь равнозначная фраза. Балгаут все еще считался наиболее значимой победой крестового похода, и, поэтому, был пробирным камнем успеха, символом всего Имперского стремления и,

в качестве добавки, местом, где мертвые могут быть преданы земле и оплаканы в свете триумфа.

Гробы с офицерами доставлялись назад на Балгаут, чтобы быть закрыты в мавзолеях и криптах новых полковых часовен. Помеченные кости обычных солдат доставлялись назад, чтобы заполнить разрастающиеся земли на бесконечно расширяющихся кладбищенских полях. Пепел безымянных погибших, безликих и неидентифицированных, привозили в бочонках, как порох, чтобы быть рассеянным на ветру на больших публичных службах, проводимых пять раз в день, каждый день.

Скорбящие тоже прибывали. Некоторые привозили своих мертвых с собой, в чести или страдании, чтобы увидеть, как их упокоят с миром в стонущей земле Балгаута. Другие приходили, чтобы отдать дань уважения могилам и мраморным мемориальным доскам возлюбленных, которые уже нашли свой путь на Балгаут.

Остальные, самым большим числом из всех, прибывали на Балгаут, потому что они не знали судьбы или последнего места упокоения сынов и отцов, братьев и мужей, которых они потеряли, и поэтому выбирали Балгаут, с его символическим значением в качестве мемориала. За декаду и еще половину, основным импортом Балгаута стали трупы и плакальщики, а основным бизнесом, шелководство и монументальные каменные работы.

Бизнесом Е.Ф. Монтвелта были импорт и экспорт, и, как следствие, надзор. Он надзирал за Пирсом Тридцать Один, лучеобразным лонжероном гигантской орбитальной платформы под названием Хайстейшн, с усердием и точностью, которые, он надеялся, заставили бы его дядю гордиться.

Из своего офиса со стеклянным полом он мог смотреть вниз на корабли, пришвартованные на стапелях пирса, и следить за их прибытием и отбытием на широком гололитическом дисплее, проецируемом над ним, как навес из света. Его рубрикаторы, у своих отдельных когитаторов вокруг офиса, заведовали товарами и пошлинами, в то время как клерки вели переговоры насчет контрактов о снабжении, и подсчитывали расходы на топливо и время простоя.

Все данные направлялись к нему через кабели, но, как и его дядя до него, он любил использовать свои собственные глаза.

Он любил смотреть за кораблем на причале, и беспокоиться из-за того, что требовалось слишком времени, чтобы разгрузить его и очистить место, чтобы другой мог занять его место и заплатить свой собственный тариф, прямо так же, как когда он жаловался, когда причал оставался пустым больше, чем на день или два. Он знал тягачи и лихтеры на вид, и носящихся с место на место грузовых сервиторов по их раскраске и цифровым обозначениям, и он мог идентифицировать пилота корабля просто по стилю и исполнению маневров.

Но больше всего, он наслаждался видом: из офиса, сквозь стеклянный пол, сквозь заросли балок и топливных линий, сквозь носящиеся точки, которые были рабочими и буксировочными судами, сквозь открытые структуры и жесткие тени гигантских причалов, и выжженные радиацией корпуса широких кораблей, которые располагались в них, сквозь это все через блеск солнечного света на медленно бегущих облаках, и через прозрачность яркой атмосферы, и через сто сорок километров внизу, он наслаждался видом на голубой и серый и коричневый Балгаут, медленно вращающийся внизу.

Конкретно в этот день, *Геммингер Борофф Вейкшифт* занимал четвертый причал, *Суперлюминал Гранди Улиссес* пятый, а *Гордость Тарнагуа* начинал маневры, чтобы войти в восьмой. *Релятивистик Итерайшенс оф Ханс Фейнголт*, стоящий на седьмом причале, обнаружил дефект в зажигании, который, как сказали Е.Ф. Монтвелту, задержит его отбытие минимум на неделю. Он уже посчитал штрафной тариф. *Александр Грейт Сольер* был готов отбыть менее, чем через час, при условии, что чартерные агенты согласятся на плату за задержку. На втором причале, *Утешение*, только что прибывший, начал разгружаться.

Е.Ф. Монтвелт не видел *Утешение* два года. Это был корабль Плаккетта, а Плаккетт был известен своими долгими походами через Хулан и Безан Хало. Тем не менее, грузовая накладная, которую дал ему помощник рубрикатора, сказала Е.Ф. Монтвелту, что *Утешение* вышло с Сан Велабо восемь месяцев назад, и прилетело к ним с западной стороны галактики. Плаккетт изменил свои привычки. Е.Ф. Монтвелт решил, что расспросит капитана корабля об этом, когда тот сойдет. Е.Ф. Монтвелт всегда старался лично приветствовать каждого капитана. Это была старомодная вежливость, которой дядя его научил.

Он уже подозревал, какой ответ даст ему Плаккетт. Война меняет планы и торговлю. Крестовый поход заного открыл большую часть Группы Хана и другие территории на той стороне.

Плаккетт отправлялся туда, где был бизнес.

Если только это был не Плаккетт. Е.Ф. Монтвелт снова просмотрел накладную. *Утешение* сменило владельца. Имя ее нового владельца было записано, как Жонас.

«Жонас,» прочитал он. Несколько клерков оторвались от работы.

«Вы говорили, сэр?» позвал один.

Е.Ф. Монтвелт посмотрел на молодого человека.

«Жонас,» повторил он. «В грузовой накладной имя капитана *Утешения* указано, как Жонас.»

«Это важно, потому что?»

«Жонас!» резко бросил Монтвелт. «Понимаешь? Указано, Жонас?»

«Я не улавливаю смысл, сэр,» признался клерк.

В эти дни они были все молодыми идиотами, напомнил себе Е.Ф. Монтвелт, слишком молодыми. Никто из них не знал традиций. В дни его дяди, каждый знал имя Жонас. Это было имя-шутка, довесок. Ты пишешь его в накладной в качестве владельца, когда ты не знаешь настоящего имени капитана. Иногда даже свободные торговцы использовали это имя, чтобы скрыть свою личность или отвлечь внимание от мошенничества.

«Жонас!» повторил Е.Ф. Монтвелт. «Так же как, Дьявол Жонас!»

«Ох,» кивнул молодой клерк, «как в детской сказке? Что у него там было? Коробка, так ведь?»

«Ящик,» вздохнул Е.Ф. Монтвелт.

«Точно, ящик,» засмеялся молодой клерк, «далеко-далеко в глубинах космоса, в котором он держал души бедных странников, потерпевших кораблекрушение.»

Молодой клерк тихо рассмеялся над этой мыслью и покачал головой.

Е.Ф. Монтвелт лично спустился ко второму причалу.

Он шел сквозь толпу на причале. Экипаж и пассажиры хлынули из корабля, и все представители человечества пришли приветствовать это. Здесь были причальные команды, сборщики пошлин в двуугольных шляпах, инспекторы из Внутренней Охраны, витталеры, торговцы наркотиками, носильщики, перекупщики, кидалы, предлагающие туры по полям сражений, роскошное жилье или переправку на поверхность планеты, спекулянты, продающие разрешения и поддельные бумаги, коммерсанты и частные лица, которые прибыли на Хайстейшн, чтобы поприветствовать корабль. Е.Ф. Монтвелт проталкивался сквозь суету. Он чувствовал запах подмышек и зловонное дыхание, чесночный запах пирожков с мясом от печных тележек, жженный сахар от продавца сладостей, озон, идущий от полей атмосферного давления пирса и, над всем этим, странный вкрадчивый, прогорклый воздух, который повис над причалом, когда корабль выпустил переработанный воздух, который рециркулировал через его системы очистки кислорода восемь месяцев.

Сервиторы с пыхтением проходили мимо него, буксируя ряды ящиков. Буксирная лодка проплыла над головой, моргая фарами. *Утешение*, джаггернаут, покрытый ржавчиной и выжженной пустотной обшивкой, стоял в конце причала. Сервисные команды уже работали, покрыв его обуглившиеся борта, как альпинисты скалу. Е.Ф. Монтвелт слышал *тум-тум* магнитных шагов, когда сервиторы шли по корпусу перпендикулярно к нему. Он облокотился на перила и посмотрел вниз, в тень причала. Он увидел воздушный шлюз, протянутый и соединенный, и фейерверк от сварочных работ. По ту сторону от мрака тени от корабля медленно проплывали ослепительные белые облака Балгаута.

Е.Ф. Монтвелт открыл свой планшет с данными и снова взглянул на документы корабля. *Утешение*, как и не было неожиданно, везло мертвых. Среди товаров в обозначенной грузовой накладной было «Пятьдесят погребальных контейнеров, полностью сертифицированных, перевозимых в целях интернирования на Балгаут».

Далее мелким шрифтом было обозначено, что в каждом контейнере было двадцать человеческих трупов или частей трупов в индивидуальных закрытых гробах. Они

были людьми из 250го Борунского Стрелкового, родного полка Балгаута, и жертвами трагической ошибки Алдо на Хелисе. Они были парнями Балгаута, возвращающимися домой.

Сопровождающие группы плакальщиков с Сан Велабо были перечислены в списке пассажиров.

Высокорожденные, некоторые из них, судя по титулам и почетным званиям, проделали большое путешествие на Балгаут в официальном проявлении долга и уважения. Е.Ф. Монтвелт поправил свой воротник и отряхнул рукава кителя. Этикет, всегда этикет.

Огромные створки грузового отсека *Утешения* начали раскрываться. Металлические консоли, грузовые рампы и мостики на шарнирах выдвинулись, чтобы соединить освещенные фонарями грузовые отсеки с доком. Массивные сервиторы потащили вниз первый из контейнеров. Е.Ф. Монтвелт увидел пассажиров и членов экипажа, спускающихся по ближайшему мостику.

Он увидел двух вдов, идущих рука об руку, с единственным траурным зонтиком с двумя ручками над их покрытыми вуалями головами. Позади них шли трое слуг в ливреях, несущих ящик из розового дерева, и член экипажа в перепачканном маслом комбинезоне с мотком тяжелого кабеля. За ними по мостику хромал выглядящий уставшим полковник с пустым, свободно висящим рукавом, рядом со своим заботливым адъютантом, за которыми следовал высокий, атлетичный человек в длинном плаще из кожи бейжа. Бритая голова человека была скульптурной и с острыми чертами, как будто была эргономично спроектирована. Пропорции головы казались довольно неправильными: изящное, достаточно четкое лицо, и компактный и обтекаемый череп, который казался слишком маленьким, чтобы соответствовать ему. Человек шел с прямой шеей и поднятой головой, что говорило о военной педантичности.

Затем Е.Ф. Монтвелт увидел другую вдову. На ней было длинное платье из черного шелка, и она несла черный веер и пурпурный платок. Полы ее платья, шелковые и крепированные, шуршали, когда она двигалась. Ее волосы, цвета белого золота, были приколоты заколками, и с них свисала черная газовая вуаль, такая тонкая, что

висела, как дым. Он не мог видеть ее лица, но он мог видеть ее бледную тонкую шею. Затылок казался неприличным, как умышленная нагота.

Е.Ф. Монтвелт пошел к пассажирам, спускающимся на палубу.

«Мастер Жонас?» спросил он. «Мастер Жонас?»

Казалось, что никто не озаботился признать его.

«Где твой капитан?» спросил он члена команды с кабелем. Человек равнодушно пожал плечами.

Раздраженный его поведением, Е.Ф. Монтвелт постучал по пуговицам и знакам гильдии, указывающим на звание и на службу в Муниторуме, которые он носил на левой стороне кителя.

«Ты на моей земле!» сказал он апатичному парню.

«И рад этому,» ответил человек, перевесив тяжелый моток кабеля на другое плечо.

«Где капитан этого судна?» спросил Е.Ф. Монтвелт.

«Вон та леди, она просила его проверить ее личный груз,» ответил человек, кивая в сторону вдовы с возмутительным затылком.

«Мамзель?» позвал Е.Ф. Монтвелт, когда пошел к ней. «Извините меня, но вы не знаете, где найти капитана?»

«Ох, дорогой, он мертв,» ответила леди. Ее голос был тих, но очень четок, и звучал с отдаленным акцентом. В нем была дрожь, как будто она боролась с эмоциями.

«Он мертв?»

«Действительно, ужасно жаль,» согласилась она, с еще одной запинкой в голосе.

«Но как?» спросил Е.Ф. Монтвелт.

«Ну, нам пришлось убить его, когда он отказался сотрудничать с нами,» сказала она. Е.Ф. Монтвелт не мог видеть ее лица сквозь тонкую вуаль, но он чувствовал, что ее глаза зафиксировались на нем, регистрируя его выражение беспокойства.

«Что вы сказали, мамзель?» спросил он.

«Я не могу лгать,» произнесла вуаль. «Я извиняюсь за это.»

«Мамзель,» сказал Е.Ф. Монтвелт, обеспокоенный растущей напряженностью в ее голосе, «вы в порядке?»

«Нет, нет,» сказала она. «Я не могу говорить ложь. Честное слово, это мое великое бремя. Я вынуждена говорить всем без исключения правду, даже жестокую.»

«Возможно, вам нужно присесть?» предложил Е.Ф. Монтвелт.

«Моя дорогая сестра, ты опять переутомилась?»

Высокий человек в длинном плаще из бейжа появился рядом с вдовой, и заботливо положил руку на ее. Его руки были в перчатках.

«Этот джентльмен спросил меня о капитане,» сказала леди.

Человек посмотрел на Е.Ф. Монтвелта. Как и у вдовы, его голос был приправлен отдаленным акцентом.

«Мои извинения,» сказал он. «Моя сестра очень обеспокоена, и вы должны извинить ее. Горе ужасно повлияло на ее разум.»

«Мне жаль это слышать,» настоятельно ответил Е.Ф. Монтвелт. «Я не хотел ее утомлять.»

«Я ни секунды в этом не сомневался, сэр,» сказал человек. Он держал руку сестры довольно крепко, как будто она могла выскользнуть и улететь.

«Тем не менее, это правда,» сказала леди. «Я не могу говорить ложь. Больше никогда. Это совершенно не в моих силах. Это цена, которую я должна платить. Если я желаю правды, у меня должны быть все истны, поэтому только правда может вылетать из моего рта и--»

«Тссс, сестра,» сказал человек, «ты почувствуешь себя дурно. Позволь мне отвести тебя в тихое место, где ты сможешь собраться с мыслями.» Он бросил взгляд на Е.Ф. Монтвелта. «Сэр?»

«В конце зала выгрузки есть комната отдыха, в конце дока,» сказал Е.Ф. Монтвелт, указывая.

«Вы очень любезны,» сказал человек. «Леди Эйл ценит ваше понимание. Она не понимает, что говорит.»

«Ну, это очевидно,» сказал Е.Ф. Монтвелт. «Я спросил, где может быть капитан, а она мне прямо сказала, что его убила.» Он засмеялся. Человек – нет.

«Это потому, что я заколдована!» запротестовала вдова.

«Капитан ушел в шестнадцатый кормовой отсек, чтобы присмотреть за нашим багажом,» сказал человек. «Я полагаю, что вы найдете его там.»

«Я вам признателен,» сказал Монтвелт.

Человек повел сестру прочь. Монтвелт поднялся по мостику и вошел на корабль. Он вызвал список пассажиров на экран планшета и пролистал его. Леди Эйл. Вот она, Леди Ульрике Сереп фон Эйл, из Сан Велабо, путешествует со своим братом Бальтасаром Эйлом и слугами.

Все еще чувствуя дискомфорт от своей встречи с тронутой Леди Эйл, Е.Ф. Монтвелт спустился в недра древнего грузового корабля. Он задумался, кого она потеряла. Мужа, решил он.

Возможно, другого брата. Она говорила такие вещи. Для такого разума, который измучен и изорван в клочья горем, такие мысли невыносимы. Мертвые возвращались на Балгаут, и приносили свои призраки с собой, но по-настоящему страшным явлением были души, разрушенные потерей.

Нижние палубы *Утешения* были тихи: темные коридоры, темные боковые проходы, поток тепла на его лице, вырывающийся из вентиляционных отверстий, плохой запах воздуха, выдохнутый слишком много раз, звуки материала корпуса, трещащего и стабилизирующегося, пока обычная орбитальная гравитация сменяла деформирующее безумие Эмпирей.

Фонари в каркасе горели мягким желтым светом, их когда-то белые защитные стекла стали коричневыми от времени. Масляный конденсат капал из труб климатической

системы, бегущей вдоль потолка. *Утешение* щелкало, выравнивалось и расслабляло свои кости, как будто она была старой дамой с артритом. Е.Ф. Монтвелт наслаждался запахами и звуками первоклассного грузового корабля. Он был членом одного из них, *Ганимеда Элейсона*, в юности, прослужив три года в качестве младшего казначея, пока влияние его дяди не обеспечило ему работу в Хайстейшн. Глухие звуки шагов по решетчатой палубе, низкие переборки люков, запахи краски, масла и переработанного воздуха вернули все обратно.

Без необходимости проверять кодовые маркеры у дверных проемов, потому что планировка *Утешения* совпадала со всеми кораблями ее класса, Е.Ф. Монтвелт нашел шестнадцатый кормовой отсек.

Воздух внутри был полон пара. Створки были открыты, поэтому солнечный свет врывался внутрь, а прекрасный вид вниз на яростные белые и снежные облака открывался сквозь решетчатый пол складского помещения. Он вступил на решетчатый пол, Балгаут поворачивался под ним, и выкрикнул имя капитана.

Никто не ответил.

Контейнеры стояли привязанными на решетчатом полу, готовые к разгрузке сервиторами.

Их сертификаты были приклеены к ним, а печати были нетронутыми. Е.Ф. Монтвелт снова выкрикнул имя капитана.

Он достал свой сканер и навел на ближайший контейнер, чтобы проверить, что код сертификата совпадает с номером в его документах.

Все совпадало, но здесь было что-то странное. Сканер засек температурный след.

Он положил руку на контейнер, а затем резко отдернул ее.

«Что-то не так?» спросил человек в плаще из бейжа. Он сошел сквозь пар на решетчатый пол и приблизился к управляющему пристанью.

«Эти контейнеры,» ответил Е.Ф. Монтвелт. «Они не то, чем кажутся, сэр.»

«Как так?»

«След тепла,» ответил управляющий. «Здесь механизм. Это не контейнеры.» Он показал Бальтасару шкалу на своем сканере. «Видите?»

«Вижу.»

«Сами попробуйте.»

Человек прижал руку в перчатке к контейнеру.

«Нет, сэр, снимите перчатку и попробуйте,» сказал Е.Ф. Монтвелт.

Бальтасар Эйл стянул правую перчатку. Рука, которая показалась, была так ужасно помечена старыми шрамами, что при виде ее Е.Ф. Монтвелт вздрогнул. Эйл увидел его реакцию.

«Я держу их прикрытыми, главным образом,» объяснил он. «Я понимаю, как они выглядят. Они провозглашают пакт, который я заключил с моим хозяином.» Управляющий пристанью уставился на него с широко раскрытыми глазами. Эйл улыбнулся.

«Я не жду, что вы поймете. Послушайте меня, я болтаю, как моя сестра. Изоляция путешествия сделала меня разговорчивым. Я выдаю секреты.»

Е.Ф. Монтвелт сделал пару шагов назад. «Я ничего не видел,» сказал он. «Серьезно, сэр, я ничего не слышал.»

«Почему вы мне это говорите?» спросил Эйл.

«Потому что, я боюсь, что в противном случае вы будете вынуждены убить меня,» сказал Е.Ф. Монтвелт.

«Я думаю, что мог бы,» сказал Эйл. «Если честно, я не хочу ничего такого.»

«Пожалуйста, сэр,» сказал управляющий пристанью, пятясь назад.

«Самая ужасная вещь!» кричала Леди Эйл, несясь по пристани. «Самый ужасный несчастный случай! Он упал. Он просто упал! Пожалуйста, сюда! Там случился самый ужасный инцидент!» Е.Ф. Монтвелт выпал из открытых створок грузового отсека *Утешения*. Широко раскинув руки, он упал в воздух и яркое облако. Это был долгий путь вниз.

Он набрал предельную скорость уже мертвый. Атмосфера начала разрушать его, пока огненный хвост не появился позади него, навроде падающей звезды, при виде которой кто-нибудь загадывает желание.

Он падал навстречу планете. Он и его почивший дядя были совершенно правы.

Похоже, у мертвых было умение находить путь назад на Балгаут.

ДВА

Назад на Балгаут

«Ты помнишь Вергайла?» спросил Бленнер за ланчем в Клубе Митридат.

«Верджила?» ответил Гаунт. «Аугуста Верджила? Штабиста Удинотцев?»

«Нет, старик,» засмеялся Бленнер. «*Вергайл*. Салман Вергайл. Парень из Урдеши, служил вместе с 42ым. Мы были в поле вместе с ним в Серпсике.»

«Ты, может быть,» сказал Гаунт. «Я никогда не был в Серпсике. Ты думаешь о ком-то другом.»

«Разве?» с сомнением спросил Бленнер.

На другом конце стола Зеттсман тихо засмеялся над ними.

«Вы как старая женатая парочка,» сказал он. Он закончил обрезать кончик отличной сигары из листов с Хулана, и поджег ее длинной черной спичкой.

«В самом деле?» ответил Бленнер.

«Я не уверен, кто из нас должен быть более оскорблен,» сказал Гаунт.

«Как и я,» согласился Бленнер.

«Вы так болтаете,» заметил Харгитер, попивая кофеин из маленькой чашки с толстым дном.

«Я никогда в жизни не болтал,» сказал Гаунт.

Харгитер поймал взгляд и пожал плечами.

«Ну, может и нет. Но вот он,» сказал он, делая жест в сторону Бленнера.

«Это возмутительное замечание!» ответил Бленнер.

«Так что ты там говорил об этом парне, Вергайле?» спросил Эдур.

Бленнер похлопал по газете, которую читал. «Оказывается, он был здесь все это время. Прибыл год назад, примерно в то же самое время, как и ты, Брам.»

«Погоди,» сказал Гаунт, положив щипцы для сахара. «Этот Вергайл, он был высоким парнем с виноватым выражением лица?»

«Точно,» сказал Бленнер.

«Да, я помню его. Он был в Фантине, кажется. В любом случае, если он здесь, я не видел его.»

«И не увидел бы,» ответил Бленнер. «Тут говорится, что он совсем мертв. Его тело в полковой часовне Урдеша уже двенадцать месяцев.»

«От чего он умер?» спросил Зеттсман.

«Ох, ну знаешь, война,» сказал Бленнер.

«Где?» спросил Гаунт.

«Здесь не сказано,» сказал Бленнер, смотря в газету. «Ой, погоди, сказано. Морлонд.»

«Не единственная хорошая душа, потерянная там,» мрачно заметил Эдур.

Бленнер посмотрел на Гаунта. «Я думал, что мы должны пойти и отдать дань уважения. Этим днем, может быть?»

«У меня есть дела, Вэй.»

Вэйном Бленнер вздохнул. «Тогда, завтра утром? Ну же, старик, мы должны сходить туда и извиниться перед ним, что не заскочили раньше. Это благое дело.»

«Надо полагать,» сказал Гаунт.

Мажордом, в темно-красном, черном и золотом, топтался возле стола, где сидели пятеро Имперских комиссаров.

«Хотите чего-нибудь еще, сэры?» спросил он.

Гаунт помотал головой. «Не могли бы вы просто принести мне счет на подпись?»

Мажордом кивнул. Бленнер выглядел подавленным.

«Я хотел еще порцию фруктового пирога,» печально заявил он.

«В итоге ты сам будешь *выглядеть*, как фруктовый пирог,» сказал Эдур.

«Полегче, старик!» ответил Бленнер. Он выглядел уязвленным. Он похлопал по оранжевому кушаку Комиссариата, который был повязан вокруг его обширного живота. «Это – твердая мышца. Твердая.»

«Эдур прав,» сказал Гаунт, взяв стилус у мажордома, чтобы подписать счет. «Когда я вернулся с Гереона в первый раз, мои штаны висели на мне, как палатка. Прошлым утром – а это были те же самые штаны, заметьте – я осознал, что начал застегивать их на третью пуговицу. Раньше у меня был живот, как стиральная доска.»

«Кое у кого из нас до сих пор, старик,» сказал Бленнер.

«Больше похоже на *прачечную*,» прошептал Харгитер.

«Ой!» фыркнул Бленнер. Остальные засмеялись.

«Время идет,» сказал Бленнер. «О том и речь. Ты вернулся с Гереона в 76-ом, Ибрам. Это почти пять лет назад. Смотри в лицо фактам. Мы стареем.»

«Говори за себя!» хором ответили остальные четверо. Последовало еще больше смеха.

Гаунт сказал мажордому, чтобы он вызвал его машину. Он ждал Бленнера в атриуме, из вежливости. Его самый старый друг исчез в гардеробе, выражая недовольство из-за пропавшей перчатки.

Мраморные колонны атриума были обмотаны траурным шелком, и белые лилии были в ониксовых корзинах. В дальнем конце зала, под круглым окном, которое выходило на улицу и на север к Вратам Олигархии, двое ремесленников в спецодежде работали над последней фазой восстановления мозаичных фресок. Ночной управляющий Митридата сказал Гаунту, что окончание работ ожидается в течение следующих восемнадцати месяцев. Потребовалось пятнадцать лет, чтобы достигнуть этого. В клуб попал танковый снаряд в последние часы войны, и сложные фрески были серьезно повреждены.

Гаунт задумался, не было ли более лучших вещей, на восстановление которых можно было потратить пятнадцать лет.

«Итак, что у тебя на остаток дня?» спросил Зеттсман, застегивая на пуговицы свое пальто, пока подходил.

«Я должен провести несколько часов с Капайцами,» ответил Гаунт.

«Ты оценил их?»

«Они достаточно хороши,» ответил Гаунт. «Я бы лучше провел время с моей собственной бандой, но Капайцев надо привести в форму, а Секция весьма увлечена этой менторской ролью.»

«Рассказывай мне об этом,» ответил Зеттсман. «Мне дали группу кадетов, и ожидается, что я протащу их через SP31. Они ужасны. Трон, помоги мне, они действую так, что заставляют Бленнера выглядеть так, как будто он действует на приемлимом уровне компетентности.»

Гаунт рассмеялся, но было обидно. В последнее время Бленнер получал слишком много насмешек ниже ватерлинии.

«Я не понимаю, почему ты терпишь его,» сказал Зеттсман.

«Кого?»

«Бленнера, конечно же.»

Гаунт сделал паузу.

«Мы вместе были в школе прогениум,» сказал он. «Вэйном прожил дольше, чем кто-нибудь еще, кого я знал. Я должен отдать ему должное за это.»

«Надо думать,» ответил Зеттсман. «И он был прав, конечно, насчет течения времени. Никто из нас не становится моложе. Это должно быть особенно странно для тебя.»

«Это почему?» спросил Гаунт.

«Ну, мы все выполняли наши маленькие роли годами, и у нас у всех были свои моменты, но твой послужной список заставляет большинство из нас стыдиться. Если бы я сделал половину из того, что ты, я бы получил маршальский жезл и кресло в высшем командовании годы назад.»

«Не мой стиль.»

«Ох, разве? Как я сказал, все это должно быть странно для тебя, эта легкая жизнь, эти неспешные обеды, вечера в клубе. Должно быть странно принять, что твоя активная служба окончена, и что это конец, заниматься менторством нововобранцев и отращивать пузо, пока сидишь в офисе на пути к полувотставке.»

«Что происходит?» спросил Бленнер, подойдя к Гаунту. Он нашел свою неуловимую перчатку.

«Ничего.»

«Не надо мне вот этого, Ибрам. Этот взгляд. Зеттсман был здесь, всего лишь мгновение назад. Я видел, как он уходит. Что он тебе сказал?»

«Ничего,» снова сказал Гаунт.

«Я опрокину тебя на землю, и не думай, что не смогу.»

Гаунт посмотрел на Бленнера. Бленнер все еще не привык к вспышке в новых глазах старого друга.

«Зеттсман просто сказал кое-что,» ответил Гаунт. «Он ничего такого не имел в виду. Это просто то, о чем я раньше совсем не думал.»

«Ну, и о чем?» спросил Бленнер. «Что ты обязан всей своей карьерой моему вдохновляющему примеру?»

«Эта деталь, очевидно, пришла из-за возмущения,» сказал Гаунт. «Нет, он просто выдумал, что со мной все. Даже не подумал о втором варианте. В этом не было никакого злого умысла. Он просто принял как должное мысль, что я сыграл свою роль, и что моя карьера на передовой окончена.»

«Ах,» произнес Бленнер.

«Я всегда предполагал что, в свое время, придет приказ, и я заберу Первый и Единственный назад на передовую. Основной фронт крестового похода, вторичный фронт, без разницы. Мне никогда не приходило на ум, что может быть другой вариант.»

«Ты слишком много беспокоишься,» сказал Бленнер.

«Мне снова дадут должность, так ведь?»

«Ты слишком много беспокоишься.»

«Но--»

«Слушай, старик,» сказал Бленнер, похлопывая Гаунта по руке, «ты был на передовой чертовски долго. Ты и Призраки, сколько это было?»

«С Основания? Двенадцать лет.»

«Двенадцать чертовых лет, старик! Двенадцать чертовых лет без отвода с передовой! Большинство полковых командиров послали бы официальные жалобы на самый верх командования!»

«Я думал об этом.»

«И спасибо, что они отвели вас до того, как тебе пришлось.»

«После Яго прошло два года, Вэй.»

«Тебе нужно было это время, чтобы восстановиться, старый ты дьявол. Ублюдки почти убили тебя.» Гаунт пожал плечами.

«Мы уже отдохнули,» сказал он. «Мы проделали весь этот путь назад на Балгаут, на мир, который я не ожидал снова увидеть, и мы сидим тут уже год, толстая, скучая и теряя форму, и ни одна из этих вещей не наполняла меня тревогой, потому что я ожидал приказа об отправлении каждый день.»

«Он наступит,» сказал Бленнер.

«Да?»

«Да.»

«Они пошлют меня назад?»

«Ради Трона, Ибрам, ты чертовский парень с плакатов за нелепый Имперский героизм. Они не смогут долго обойтись без тебя на передовой.» Гаунт кивнул.

«Если хочешь знать мое мнение,» сказал Бленнер, направляясь к двери, «я не понимаю, почему ты так чертовски спешишь.»

Снаружи был зимний холод, такой же причиняющий беспокойство, как и настроение Гаунта. Небо было слегка розовым, и свет превратил городской пейзаж в бледный белый. Они стояли на лестнице и надели перчатки, их дыхание парило.

«Простите за задержку, сэры,» сказал швейцар. Служебная машина Гаунта еще не появилась. Харгитер стоял внизу на мостовой, ожидая, когда его лимузин прибудет из гаража. Они присоединились к нему.

Харгитер изучал горизонт. Еще много шпилей и куполов все еще были одеты в леса и брезент. Там все еще отсутствовали части, как при улыбке с промежутками между зубов.

«Вы были здесь, так ведь?» спросил Харгитер.

«Ох, тогда все было совершенно по-другому,» сказал Бленнер. «Я помню Башню Плутократов--»

«Тебя здесь не было, Вэй,» сказал Гаунт. «Ты и Грегорианцы были на Хиске.»

«Справедливо,» надулся Бленнер. «Если бы ты дал мне закончить, я собирался сказать 'Я помню Башню Плутократов по множеству гравюр и эстампов, которые я видел'. Да, Ибрам был здесь. На самом деле, я думаю, что он – основная причина, по которой здесь нет больше Башни Плутократов.»

«Я сомневаюсь, что ты узнаешь это место,» сказал Харгитер. «Здесь была такая дробилка, что мало что осталось из того, что стояло, когда ты был здесь.»

«Нет,» согласился Гаунт. «Время проходит и вещи меняются. Ты склонен видеть вещи другими глазами.»

«Конечно, в его случае,» сказал Бленнер, «он имеет это в виду буквально.»

ТРИ

Капитан Даур и Валет Кубков

Он дошел до конца Селвайр Стрит, а затем, на расположенном на сквозняке углу, проверил инструкции, которые были написаны на клочке бумаги. Дневной свет быстро исчезал, и ощущалось так, как будто он забирал тепло с собой. Он задумался, пойдет ли снег. Он задумался, будет ли он таким сильным, как проблемы, в которые он собирался ввязаться.

Налево от угла, говорилось в инструкции, по дороге, а затем через маленький двор, скрытый позади торгового дома и швейной. Вниз шесть ступеней с уровня улицы, туда, где перила из черного железа заканчиваются клювом грифона. Там будет красная дверь, цвета ленты медали победы.

Также, подумал он, цвета, который как правило был похож на края страницы обвинительного листа Комиссариата.

Не было смысла думать об этом. Он зашел слишком далеко, чтобы повернуть назад. Он пошел вниз по лестнице, и нажал на кнопку звонка цвета слоновой кости. Он ждал. Двор наверху был освещен огнями из швейной. Они работали допоздна. Он мог слышать стук швейных машин и ткацких станков, похожих на отдаленный огонь стабберов.

Дверь открылась, и красивая женщина в зеленом платье посмотрела на него. Она казалась слегка развеселенной, как будто кто-то, кого он не мог видеть, сказал ей что-то смешное прямо перед тем, как она открыла дверь.

«Капитан,» произнесла она.

«Привет,» ответил он.

«Я так понимаю, вы не позвонили в звонок по ошибке?»

«Нет, если это место «У Золандера»,» сказал он.

«Над дверью это не написано,» ответила она, «но так и есть. Вам нужно две вещи, чтобы попасть внутрь.» Он показал ей толстую пачку банкнот, которая сидела, как горячий уголь, в кармане его штанов.

«Это одна,» сказала она. «Вторая – это имя.»

«Даур,» сказал Бан Даур.

Хостесс провела его по холодному коридору и вниз по лестнице в главную комнату. Воздух пах качественной пряностью от горелок, а музыку предоставляли певчие зяблики, порхающие и заливающиеся трелями в изысканных висячих клетках. «У Золандера» было на несколько уровней выше обычных игровых притонов и шумных домов, где солдаты теряли свою зарплату. Это было спокойное и эксклюзивное место, обслуживающее офицеров и аристократов.

В настоящий момент шли три игры за широкими лакированными столами, расставленными в нишах по периметру комнаты. Вежливые девушки в длинных платьях сновали вокруг с подносами с напитками.

«Почему вам нужно было мое имя?» спросил Даур хостесс, хотя он понимал почему. «У Золандера» было нелегальное подключение к базе данных Муниторума, которое они использовали, чтобы проверять личности. Чтобы пройти красную дверь и хостесс в зеленом, вам нужно было быть тем, кем вы назвались. Обман, при всем желании, не пройдет.

«Безопасность,» ответила она.

Она отвела его к бару. Он был впечатлен увидеть, что он был сделан из цельного полированного куска из дерева нала. Это был хороший знак, или плохой?

«Что вас забавляет?» спросила она.

«Ничего.»

«Вы этого не делали раньше, так ведь?» спросила она.

«Нет, я такими вещами не занимался,» сказал он.

«Тогда почему?» спросила она.

Даур пожал плечами. «Мне нужно достать немного денег.»

«У вас есть немного денег в кармане.»

«Немного больше.»

«У вас проблемы?»

«А у всех не так?» спросил он.

Хостесс нахмурилась. Это был хороший ответ. Почти у всех, кого она видел по ту сторону красной двери, были проблемы, даже если эта проблема была просто излишней любовью к картам. Она всегда чувствовала сожаление к игрокам, которые приходили с отчаянными мечтами превратить немного в много. Этого никогда не случалось.

Она всегда чувствовала сожаление к людям, подобным красивому капитану перед ней, которые казались честными и добросердечными, но которые собирались разрушить свой хороший характер навсегда.

«Я пришлю кого-нибудь,» сказала она.

«Зачем?» спросил он.

«Чтобы составить вам компанию, пока у стола не освободится место,» ответила она.

«Я думал, что вы будете составлять мне компанию?» сказал он.

Она засмеялась.

«Вы не сможете себе меня позволить, капитан,» сказала она.

Он тотчас покрылся румянцем.

«Я не имел в виду--» начал он.

Она была искренне удивлена оскорблением, которое, по его мнению, было совершено.

«Я пришлю кого-нибудь,» сказала она.

Хостесс оставила Даура у бара и ушла за занавес в частные комнаты. Урбано наблюдал за зоной бара на мониторе. Он казался в особенно скверном настроении.

«Что там с этим, Элоди?» спросил он, жестом показав на изображение Даура на экране. «Он нервничает так, как я не люблю.»

«Ну, у него пачка в кармане, как ты любишь,» ответила она. «Он настоящий джентльмен, и такой невинный. Ты можешь взять его за все, что угодно. Я уверена, что тебе это понравится.»

«Сколько у него?» спросил Урбано. Он аккуратно чистил зубы зубочисткой из нержавеющей стали. Элоди работала на Сайруса Урбано восемь лет, и она до сих пор не смогла согласовать его изысканные манеры с бешеной жестокостью, на которую, она знала, он был способен.

«Я не брала и не считала,» ехидно сказала она, «но я бы сказала, что не меньше тысячи.» Урбано присвистнул. «Где такой человек достал тысячу?»

«Может быть от присвоил это из жалованья в Гвардии. Это могло бы объяснить его нервы.»

«Тут говорится, что он офицер Танитского Первого,» сказал Урбано, читая данные.

«Очевидно, что у него проблемы,» сказала Элоди. «Это делает его отчаянным, что делает его легкомысленным.» Она посмотрела на девушек, ожидающих на диванах.

«Мне нужен кто-нибудь, кто очарует его,» сказала она. Две или три девушки почти подняли руки.

«Вы сказали, что он Танитец?» спросила новенькая.

«Точно,» сказала Элоди.

Девушка встала.

«Я займусь им.»

«Ладно, ты же тоже с мертвого мира, так ведь?» спросила Элоди.

Девушка кивнула. Она была симпатичной, с темными волосами и бледной Танитской кожей. Она была с ними всего две ночи, все еще на испытательном сроке, и она все еще не обслуживала клиента.

«Пошли кого-нибудь более опытного,» сказал Урбано Элоди.

«Нет, дадим ей шанс. Связи Танитца слишком хороши, чтобы их потерять. Этот Капитан Даур нуждается в осторожном обращении, если он собирается быть в долгу перед домом.» Урбано пожал своими мощными плечами. Он осмотрел новенькую и кивнул.

«Иди,» сказала ей Элоди. Новенькая улыбнулась, осмотрела свое отражение в зеркале, расправила свое платье из красного шелка, и направилась к выходу.

«Просто помни,» крикнула ей вдогонку Элоди. Новенькая остановилась и посмотрела назад.

«Попытайся не облажаться, Бэнда,» сказала Элоди.

Новенькая улыбнулась.

«Сделаю все возможное,» сказала она.

«Нам нужно выпить,» сказала она.

Даур поднял взгляд. До этого он смотрел на зябликов в ближайшей клетке.

«Я хотел, чтобы моя голова была ясной,» сказал он.

«Вы здесь, чтобы поиграть?» спросила она, садясь рядом с ним, и элегантно расправляя полы своего красного платья.

«Да,» сказал он.

«Тогда, вы здесь, чтобы хорошо провести время,» сказала она. «Мы выпьем, а потом, может быть, еще.» Он сделала жест двумя пальцами сервитору. «Сакры,» сказала она.

«Это мощная штука,» сказал Даур.

«Вы не пьете сакру?»

Она наклонилась к нему и понюхала.

«Вы совсем не Танитец, так ведь?» спросила она.

«Вергхастец,» сказал он. «Влился в полк после осады Улья Вервун, и он был преобразован--»

Девушка в красном платье сделала жест рукой, что он много болтает.

«Много слов, и они совсем не интересны,» сказала она. «Как тебя зовут, Вергхастец?»

«Бан. Бан Даур.»

«Бан, а? Ладно, я Бэнда.»

«Серьезно? Знаешь, есть Танитка в Первом, которую зовут Жесси Бэнда. Она выглядит прямо, как ты.»

«Да?» спросила Бэнда. «А я думала, что я одна такая.»

«Ну,» сказал Даур, «она такая же прекрасная.»

Бэнда улыбнулась. «Вот видишь. Рот двигается, хорошие слова вылетают. Это было почти чарующе.»

«Ох, я могу быть,» сказал Даур.

«Когда?» спросила она.

Сервитор поставил две маленьких стопки с сакрой перед ними.

«Я предупрежу тебя, когда это снова случиться,» сказал он.

Они чекнулились.

«Ты нервничаешь,» тихо сказала она.

«Это все внове для меня,» сказал он.

«Тогда почему ты пришел сюда?»

«У меня не было особого выбора.»

«Ты действуешь под давлением?»

«Типа того.»

«Дай предположить,» сказала она. «Есть злой старший офицер, и ты ужасно обязан ему, по долгу как-то. Он послал тебя сюда ночью, чтобы поднять денег, чтобы он отцепился от тебя, потому что ты сама невинность. Ты его секретное оружие.» Даур побледнел.

«Не надо,» задрожал он.

«Что такое?»

«Почему ты это сказала?»

«Я просто шутила. Трон, я что зашла слишком далеко?» Даур сделал глоток выпивки.

«Как его зовут?» спросила она.

«Роун,» ответил он.

«Ты его секретное оружие?»

«Как я могу быть им, если ты уже видишь меня насквозь?»

Она пожала плечами. Она увидела сигнал Элоди из-за занавеси.

«Место освободилось,» сказала она Дауру. «Ты чувствуешь себя счастливым?» Урбано наблюдал в монитор, как Танитский капитан занял свое место у одного из лакированных столов.

Девушка в красном платье стояла рядом с ним, слишком дерзко положив свою руку ему на плечо.

«Это будет болезненно,» улыбнулся он. «Нинкер напуган. Вышел из своей зоны комфорта. Легкая добыча.»

«Или так,» сказала Элоди, «или самый лучший жулик, которого ты когда-либо видел. Он почти слишком хорош, чтобы быть настоящим.»

«Он настоящий лопух,» рассмеялся Урбано. «Все здесь, в данных. Нам нужно сделать его беспечным. Позволим ему сыграть пару партий, а затем возьми двадцать тысяч из сейфа и отнеси их к ящику крупье. Убедись, что он видит это. Убедись, что он истекает слюной. Я хочу, чтобы он слетел с тормозов.»

Карты были большими и раскрашенными вручную. Они летели из рук крупье, как талоны из когитатора. Вокруг стола была заряженная атмосфера.

Роун научил Даура основам игры, разновидности под названием Короли-Самоубийцы, но Даур едва ли был экспертом. С каждой раздачей, это была постоянная борьба, чтобы запомнить основные комбинации иерархии и правильные моменты, чтобы сбросить карты, не говоря уже о подсказках, которые ему дали.

Тройка считает две пары, а четверки считают все, кроме династий. Шансы прямой или царской династии 649739 к 1, поэтому паршивый игрок всегда гоняется за раскладами, которые, статистически, маловероятны. Двойка мечей меняет ход событий, очередность игры, и позволяет внеочередную ставку. Король кубков, Голубой Сеянус, как его называют, это дичь, когда игра идет по часовой стрелке, а туз мечей, его единственное появление весьма увеличивает банк, это дичь, когда игра идет против часовой стрелки. Основывайте свои ставки на вычислении доступных вам аутов. Некоторые придворные карты – магические повороты событий, которые могут развязать руки.

Так много, чтобы помнить. Даур сфокусировался на двух главных правилах. Играть вяло, чтобы оставаться в игре так долго, насколько возможно, но стараться заставлять их беспокоиться о том, сколько еще у тебя есть в кармане.

Он делал минимальные ставки на каждой раздаче, но между раздачами, или когда направление игры менялось, он вытаскивал пачку денег и притворялся, что пересчитывает их под столом. Он сыграл четыре раздачи, ничего не выиграл, и потерял минимум.

«Ради Трона, чего не сделаешь реальную ставку?» прошептала ему на ухо Танитка.

Прямо перед пятой раздачей, хостесс в зеленом подошла к столу с плоским кожаным портфелем. Она открыла деревянный выдвижной ящик в столе, там, где стоял крупье, и вытащила его. В ящике уже была наличка, около пятнадцати тысяч разными купюрами. Она открыла портфель и положила в ящик двадцать тысяч в хрустящих пачках. Даур наблюдал за процессом с возрастающей скоростью моргания.

«Можно мне выпивки?» спросил он Танитку. «У меня слегка пересохло во рту.»

«Конечно,» сказала она и отошла от стола.

Хостесс закрыла на замок ящик и ушла с портфелем. Началась пятая раздача. У Даура была пара семерок. Он начал делать ставки со слегка большей энергией.

Танитка вернулась назад, и поставила выпивку рядом с его запястьем.

«Все сделано,» прошептала она ему на ухо. Она посмотрела на стол. «Стал немного храбрее?» поддразнила она. Ставки снова прошли по кругу. Остались только Даур и другой игрок, угрюмо выглядящий офицер Флота, который отвечал ему.

У них обоих были пара семерок. Офицер Флота фыркнул и перевернул карту. Это была десятка мечей.

Даур перевернул свою.

Валет кубков.

Крупье передал банк Дауру. Он только что сделал больше сотни на одной раздаче.

«Ты мне начинаешь нравится,» тихо рассмеялась Танитка, поглаживая его ухо.

Послышался внезапный треск. Этот был тот тип треска, который могла произвести только дверь цвета ленты медали победы, выбитая внутрь. Последовала суматоха и несколько криков. Игроки повскакивали из-за столов, побросав карты. Четыре человека в боевой форме ворвались в салон, целясь из пистолетов. Несколько игроков и девушек попытались скрыться, но солдаты уже перекрыли выходы.

«Какого черта?» потребовал Урбано, ворвавшись из частных помещений. Элоди съежилась. Она надеялась, что у ее босса хватит рассудка не натворить дел.

«Для меня все это выглядит, как нелегальная игра,» ответил Имперский комиссар, который прошел в салон между солдатами с пистолетами.

«Ох, да ладно!» сказал Урбано. «Вы знаете, что это трата вашего времени.»

Комиссар огляделся. «Ух. Значит, это знаменитое «У Золандера», а? Вы понятия не имеете, как долго Комиссариат пытается прикрыть вас.»

Он посмотрел на Урбано. «Отличное место. Я имею в виду, с хорошим вкусом. У вас рисунок на ковре, который не от последствий рвоты. Это редкость, по стандартам игровых салонов.»

«Вы совершаете ошибку, комиссар...»

«Харк,» ответил комиссар.

«Ладно, Комиссар Харк,» сказал Урбано, «вы должны знать, что Комиссариат уже пытался закрыть нас раньше, но безрезультатно.»

«Ох, я знаю, как вы себя прикрываете,» сказал комиссар. «Вы держите ох-каких-дорогих адвокатов на зарплате, которые отбрасывают любые рейды, как незаконные обыски, и вы держите значительную наличку запертой в сейфе, понимая, что мы можем конфисковать деньги только в игровой зоне. Так что мы заберем несколько сотен со столов, выдадим вам штраф за нелицензионные игры, и уйдем, поджав хвосты.»

Комиссар улыбнулся Урбано. «Вещи таковы, дружище, что мы здесь сегодня ночью не для еще одного бессмысленного рейда на это место. Но тебе бы захотелось, чтобы это было так.»

«О чем это вы говорите?» прорычал Урбано. «Просто дайте мне извещение о штрафе и выметайтесь.» Комиссар положил руку на плечо Даура. Даур продолжал пялиться на карты на столе, но он дрожал.

«Привет, Даур.»

«Сэр,» прошептал Даур.

Комиссар посмотрел на Урбано. «Мы здесь за Капитаном Дауром.»

«Что он сделал?» спросил Урбано.

«Не ваше дело, но это было не хорошо,» сказал комиссар. «И этого было достаточно, чтобы заставить его прийти сюда сегодня ночью в отчаянной попытке поднять достаточно денег на билет с мира. Забирайте его, парни.»

Солдаты подошли к Дауру и подняли на ноги. Один из них надел наручники на Даура и повел прочь.

«Отпустите его!» резко бросила Танитка.

«Заберите ее тоже,» сказал комиссар своим людям. «Поглядим, что она знает о его делишках.» Танитка начала кричать, когда другой солдат потащил ее из помещения.

Комиссар снова посмотрел на Урбано.

«И последняя плохая новость для вас,» сказал он. «Мы только что арестовали дезертира в бегах. Это тяжкое уголовное преступление, и это означает, что мы можем арестовать все активы, вовлеченные в указанное преступление.»

«Вы, должно быть, разыгрываете меня,» выдохнул Урбано, округлив глаза от ярости.

Комиссар покачал головой. Его двое оставшихся людей очистили стол от налички, опустошили карманы других игроков, а затем открыли ящик стола и извлекли толстые хрустящие пачки купюр, которые туда положила Элоди. Они свалили все в три холщовых мешка для улик.

«Вам нужна квитанция?» спросил комиссар. «Проваливайте,» сказал Урбано.

Ночное небо над древним городом было подернуто красно-коричневой дымкой. Люди загрузили Даура и Танитку в кузов транспортника-8 и забрались на борт. Грузовик тронулся, и выкатился со двора на пустую улицу.

В кузове грузовика, комиссар сел на скамью лицом к Дауру и девушке. Он взвесил мешки для улик в руках.

«Около двадцати двух, двадцати трех тысяч,» сказал он.

Даур уставился на него в ответ.

«Комиссар Харк,» улыбнулся он.

«Отличная работа, капитан.»

«Спасибо,» ответил Даур. «Кстати, вы выглядите абсолютно нелепо в этой комиссарской форме.» Роун снял комиссарскую фуражку.

«Ну, это сработало,» сказал он.

«Точно,» тихо рассмеялся Мерин, откинувшись и расстегнув пуговицу на воротнике своей формы.

«Могу я поддержать добычу?» спросила Бэнда Роуна. «Просто поддержать, секундочку?» Роун засмеялся и кинул ей мешки.

Она открыла холщевые мешки и фыркнула.

«Мы из тебя сделаем профессионального преступника, Даур,» сказал Мерин.

«Это было разовое дело, Мерин,» ответил Даур.

«Ох, они все так говорят,» сказал Варл. «Они абсолютно все так говорят.» Грузовик начал замедляться. Роун наклонился и постучал кулаком по кабине.

«Лейр? Кант? Почему мы замедляемся?» крикнул он.

«Кажется, что дорога закрыта, босс,» пришел голос Лейра из кабины. «Мы собираемся уйти влево.»

Грузовик развернулся.

«Как я говорил,» сказал Варл, нахально показывая пальцем на Даура, «у вас самообладание отъявленного жулика.»

Даур уже собирался ответить, когда грузовик резко остановился.

«Какого феса?» спросил Варл. «Какого феса происходит, Кант?» крикнул он в кабину.

«Застава!» пришел голос Рядового Канта.

«Чего?»

«Это фесов Комиссариат!» услышали они крик Канта. «Настоящий, я имею в виду!»

Роун посмотрел на Мерина, Варла, Бэнду и Даура. «Ох, нехорошо,» сказал Варл.

«Ага,» сказал Роун, «это абсолютно нехорошо.»

ЧЕТЫРЕ

Крепость Аарлем

К тому времени, как лимузин привез его обратно в Крепость Аарлем, уже было темно. Пока они ехали по дороге на холме, он смотрел на мелькающие мимо натриевые фонари, линию периметра, и на очертания цепей и колючей проволоки. В свете появлялись снежинки и превращали воздух в белый шум.

За рвом и двойным ограждением, подобно театральной сцене, ярко освещенной для представления, он мог видеть главный тренировочный двор, окаймленный фонарями, и цепи фонарей на шестах, расходящихся от двора, освещающих ряды модульных зданий. Крепость Аарлем была названа так из-за крепости под названием Аарлем, которая когда-то стояла на этом месте. Она была разрушена до основания во время Знаменитой Победы, и на ее основании вырос гарнизон.

Это уже год был их дом.

Гаунт никогда не ожидал вернуться на Балгаут, и он, определенно, не ожидал оставаться на нем длительное время. Он делил, произвольно, как предполагал, свою жизнь на три части: на свое кадетство, свою службу с Хурканцами, и свое командование Призраками. Балгаут был концом Хурканского периода, водоразделом перед Танитским. Это было похоже на возвращение в прошлую жизнь.

В то же время, все было, как возвращение в прошлую жизнь после Яго.

Они сделали ему пересадки кожи, значительные пересадки кожи, и каким-то образом залатали его жестоко поврежденные органы. Были такие повреждения органов, которые подвели его к концу в течение недель после спасения из рук мучителей Архиврага, и было фесово близко к концу полдюжины раз.

Глаза, по-странному стечению обстоятельств, были самым поверхностным повреждением. Аугментику легко было вставить в пустые глазницы. Генерал Вон Войтц, возможно изводимый чувством вины, одобрил особенно сложные импланты из керамики и нержавеющей стали. С точки зрения характеристик, они были лучше, чем собственные глаза Гаунта. Он видел на большее расстояние, и у него было более глубокое восприятие, и ощутимо расширенное видение света и тепла. И они

достаточно хорошо сидели в его лице. Они выглядели, как... глаза. Немного, как фарфоровые глаза дорогой куклы, часто думал он, когда видел их в зеркале, но, по крайней мере, они были живыми, а не пустыми, как у куклы. Когда ловишь их под правильным углом, в них видна вспышка зеленого огня.

Хотя, именно глаза больше всего беспокоили его, больше, чем месяцы зудящих пересадок кожи, и больше, чем режим приема лекарств и процедуры, чтобы вылечить его зашитые внутренности. Глаза не болели, они прекрасно работали, и они не пугали детей; они просто были не его.

И время от времени, он видел...

Не было четко ясно, что было тем, что он видел. Это происходило слишком быстро, слишком подсознательно. Док Дорден сказал, что этот феномен совсем не имеет ничего общего с его новыми глазами. Это была память от травмы от потери его старых глаз. Память навещала его глазные нервы.

Это казалось возможным. Гаунт не мог вспомнить многое из того, что Кровавый Пакт делал с ним, и мимолетные проблески передавали больше ощущения, чем что-то зрительное, но он мог чувствовать в них боль.

Он был убежден, что прерывистые отблески были вспышками самых последних вещей, которые видели его старые глаза.

Колеса лимузина прогрохотали по рифленой поверхности моста через ров, и они поехали вверх к главным воротам. Фары выхватили черно-желтый орнамент ограждения, пока он рос, как челюсти зверя.

Танитские казармы были на западной стороне двора, напротив серых тусклых блокгаузов, которые использовал 52ой Бремененский. Все еще шел легкий снег, но ничего не оседало. Толстые снежинки казались желтыми, когда падали в янтарном свете натриевых фонарей. Воздух был полон сырого, металлического холода, который можно было почувствовать в задней части легких.

Гаунт выбрался из лимузина рядом с лестницей командного пункта. Водитель Муниторума придержал дверь для него.

«Завтра во сколько, сэр?» спросил водитель.

«Не беспокойся,» ответил Гаунт. Он посмотрел на человека, который, внезапно, напрягся. «Я запрошу нового водителя.»

«Сэр?» пробормотал человек. «Я не понимаю.»

«Ты заставил меня ждать,» сказал Гаунт.

«Я... я приношу извинения за это, сэр,» сказал человек, стоя по стойке смирно и пытаюсь не поймать взгляд керамических глаз Гаунта. «На автостоянке была задержка, и--»

«На автостоянке была карточная игра. Ты играл с остальными водителями. Хороший расклад, который ты не хотел сбросить, поэтому ты заставил меня ждать.»

Человек открыл рот, но затем быстро закрыл. Уже было достаточно плохо получить выговор от комиссара, но гораздо хуже было быть пойманным комиссаром во лжи.

«На этом все,» сказал Гаунт.

Человек отдал честь, сел в машину и уехал.

Гаунт поднялся по ступенькам в командный пункт. Карточная игра была удачным предположением. Откуда оно пришло? Были ли эти идиоты так предсказуемы в своем притворстве и некомпетентности, или он просто становится слишком старым и циничным? Он уже видел все это раньше. Он сделал разумное предположение.

За исключением того, что это ощущалось так, как будто он каким-то образом был свидетелем проступка человека: водители, сгорбившиеся вокруг перевернутого ящика рядом с жаровней в холодной парковке, карты, стюард, пришедший из клуба, выкрикивающий номера запрошенных служебных машин, пренебрежительный взмах рукой и слова, «Пусть ублюдок подождет минуту.»

Ясно, как день.

Он засмеялся. Слишком много лет в качестве дисциплинарного офицера: он знал все трюки и увертки. Он видел их все тысячи раз.

Капитан Обел нес вахту. Он поднялся из-за стола рядом с канцелярским бюро, которое было пустым ночью, и отдал честь. Солдаты, стоящие у дверей, встали по стойке смирно.

Гаунт махнул рукой «вольно» в их направлении, когда вошел, снимая перчатки.

«Что к сегодняшнему вечеру, Обел?» спросил он.

Обел пожал плечами.

«Квадратный корень из всякого феса, сэр,» сказал он.

«Могу я взглянуть на журнал?»

Обел потянулся к столу и передал Гаунту планшет, содержащий дневное расписание полка и журнал активности. Гаунт просмотрел его.

«Майор Роун не на базе?»

«Трехдневный пропуск, сэр.»

Гаунт кивнул. «Да, я помню, что подписывал его. У тебя вся ночь?»

«Я до двух. Потом Гол Колеа. Кстати, ваш адъютант нашел вас?» Гаунт посмотрел на Обела. «Белтайн? Он искал меня?»

«Да, сэр. Ранее.»

«Знаешь, в чем дело?» спросил Гаунт.

Обел потряс головой. «Он не сказал, сэр. Простите.»

Гаунт отдал журнал обратно Обелу. «Есть что-нибудь, о чем я должен знать?»

«Было шумное дело этим днем на дворе между кое-кем из наших и несколькими парнями из Бременинского. Много горячего воздуха. Комиссар Ладд накрыл его крышкой.» Гаунт сделал мысленное замечание поговорить с командиром Бременинцев. Скука на базе начинала портить когда-то дружественное соперничество между соседствующими полками.

«Что-нибудь еще?»

«Комиссара Харка вызвали в город примерно час назад, сэр,» сказал Обел.

«Официально?»

«Это звучало так, сэр.»

Гаунт вздохнул. Вне базы одновременно по пропускам было, по меньшей мере, три сотни Призраков. Это означало пьянство, ставки, шлюх, и список других, менее приятных дел. Одного из комиссаров полка вытаскивали в улей каждые пару дней.

Мы толстеем, подумал Гаунт. Мы становимся толстыми и ленивыми, и наше терпение истощается, и это истощение причинит наихудшие проблемы.

Гаунт брел по коридору блокгауза к своей квартире, и увидел человека, сидящего на стуле снаружи его офиса. Он был гражданским: молодой, слегка неряшливый парень в черной, застегнутой на пуговицы одежде и с шарфом. Несколько коробок из кожи для переноски и ящики с инструментами стояли на полу рядом с ним. Когда появился Гаунт, он поднялся на ноги.

«Полковник-Комиссар Гаунт?» начал он.

Гаунт поднял указательный палец.

«Секундочку,» сказал он. Он прошел мимо человека и вошел в свой офис.

«Где вы были, черт возьми?» спросил Белтайн.

Гаунт поднял брови, посмотрел на своего адъютанта и тихо закрыл дверь офиса за собой.

Белтайн заморгал и успокоил себя. Он положил пачку бумаг, которые сортировал на столе Гаунта и кратко отдал честь.

«Мои извинения, сэр, я перешел черту. Добрый вечер.»

«Добрый вечер, адъютант,» ответил Гаунт, снимая пальто.

«Итак, где... где вы были, сэр?» спросил Белтайн.

«Я провел день с Капайцами. Это нормально?»

«Было бы...» начал Белтайн. Он передумал. «К несчастью, нам не удалось поговорить днем, сэр. У вас было несколько обязательств.»

«Да?»

«Встреча в три часа на совместном обзорном совете,» сказал Белтайн.

«Тогда, это, возможно, милость, без которой я обошелся, так ведь?»

«И вы должны были быть здесь в пять для встречи с Мистером Жайме.»

«Кто такой Мистер Жайме?» спросил Гаунт.

Его адъютант поднял руку в форме лебединой шеи и указал на дверь офиса.

«Гражданский снаружи?»

«Да, сэр.»

«И что у него за фесово дело?»

«Он – портретист,» ответил Белтайн. «Ему поручили сделать портреты офицеров, которые служили во время Балгаутской Войны.»

«Я не сижу для рисования.»

«Он делает фотографические экспозиции, сэр. Было рекомендательное письмо. Я показывал его вам. Вы разрешили встречу.»

«Я не помню.»

«Портрет для мемориальной часовни, или что-то такое.»

«Я не умер,» сказал Гаунт.

«Точно,» ответил Белтайн. «Мистер Жайме пришел в назначенное время, а вас тут не было. Он ждет с тех пор.»

Гаунт сел за свой стол. «Просто отошли его домой с моими извинениями, и переназначь время. Скажи ему, что я ничего не знал о встрече.»

«Несмотря на то, что знали,» сказал Белтайн.

«Что?»

«Я первым делом прикрепил записку с вашим расписанием к вашему блокноту этим утром и оставил его на столе.»

Гаунт посмотрел на стол. Он отодвинул кипу документов в сторону. Его коричневый кожаный блокнот и желтый листок бумаги, прикрепленный к обложке, лежали на столе.

«Вы не взяли его с собой,» сказал Белтайн.

«Видимо, нет,» ответил Гаунт.

Белтайн вздохнул.

«Я пойду, перенесу встречу,» сказал он. Гаунт посмотрел на него. Он мог видеть раздражение Белтайна. Он мог видеть его говорящим, *Тебе нужно быть более сфокусированным! Есть дело, которое нужно сделать, а ты относишься ко всему, как к игре! В тебе нет больше строгости! Ты бы предпочел взять и свалить! Этот твой друг, пьющий идиот Бленнер, он твоя погибель!*

Конечно, Дуган Белтайн никогда бы ничего такого не сказал ему, но, просто на секунду, Гаунт мог видеть его стоящим рядом со столом и говорящим это. Гаунт мог видеть, как его адъютант разрушает всю свою карьеру в одной вспышке ярости.

Белтайн ничего не сказал. Тем не менее, со слегка тошнотворным ощущением, Гаунт осознал, что это было именно тем, что подумал его адъютант.

«Как насчет завтрашнего утра?» спросил Белтайн.

«Точно в девять часов, Бел, было бы неплохо.»

«Спасибо, сэр.»

Белтайн направился к двери. До того, как он дошел до нее, она открылась, и вошел Дорден.

«Я услышал, что ты вернулся.»

«Входи,» сказал Гаунт, небрежно махнув рукой.

Белтайн вышел в коридор, чтобы поговорить с портретистом, и закрыл дверь. Дорден сел в кресло напротив стола Гаунта. С одним исключением, Старший Медик Дорден был самым старым человеком в полку. Гаунт только сейчас осознал, каким старым начинал выглядеть доктор. В поле Дорден был седым и измученным, но два года вне передовой вернули немного мяса на его кости и подрумянили цвет его лица. Он превратился из преждевременно состарившегося человека в мягкого, слегка пухлого сельского доктора. Серая тусклость в его жестких волосах стала белой, как одеяние Святой.

«Я тебя весь день искал,» начал Дорден.

«Не начинай,» ответил Гаунт.

«Вообще-то, начну,» сказал Дорден. «Медикае и Секция дышат мне в шею. Квартальная сертификация должна была состояться два дня назад, а она не может закончиться, пока все медосмотры в полку не пройдут.»

«Ну так сделай их,» сказал Гаунт.

«Ха-ха,» ответил Дорден. «Тебе-то хорошо. Если сертификация задержится, тебе, возможно, Секция даст по рукам. А так как задержка относится к медосмотрам, меня сотрут в порошок или хуже. Ты можешь, пожалуйста, разобраться с этим?»

«И корень проблемы в?»

Дорден пожал плечами, как будто ему едва ли нужно было говорить об этом. «Полковые медосмотры нельзя закончить, потому что один член этого полка отказывается от осмотра.»

«Этот тот, о ком я думаю?»

Дорден кивнул.

«Он отказывается от медосмотра на религиозной почве?»

«Я думаю, что он отказывается на почве того, что он сварливый старый ублюдок.»

«Я поговорю с ним.»

«Ночью?»

«Я пойду прямо сейчас,» ответил Гаунт.

Часовня примыкала к командному пункту с восточной стороны, просто еще один модульный блокгауз, как и все строения в лагере. Здание легко можно было сделать общежитием или складом, но они убрали внутреннее перекрытие, поэтому квадратное помещение было в два этажа высотой, наполнили его скамьями, и поставили освященную святыню у северной стены. Это была типичная конверсия Имперской Гвардии.

Отец Цвейл, старый аятани, прикрепил себя, как прилипала, к Танитскому Первому по время турне по Хагии, и так и не отцепился. Как впрочем, и у них никогда не хватало духу отскрести его от своего корпуса.

По умолчанию, по привычке, и по выгоде, он стал полковым священником. Он был противоречивым, непредсказуемым, сварливым и воинственным. Его возраст и опыт наделили его мудростью, но, как правило, была проблема, чтобы извлечь эту мудрость из него. На бумаге, в полковых отчетах, часто было тяжело объяснить его постоянную связь с подразделением.

С другой стороны, у Цвейла было определенное качество, которое Гаунт нашел трудным не брать во внимание, как и распознать его. Несмотря ни на что, Цвейл был с ними, непреклонно, весь путь с Хагии. Он прошел через все битвы, все драки, все лобовые атаки; он пережил резню Херодора, войну в отсеках Спаршад Монса, освобождение Гереона и осаду Хинцерхауса.

На каждом шагу пути, он совершал богослужения по умирающим и мертвым. Его кровь соединилась с Танитской кровью таким образом, что ее нельзя было разделить.

Цвейл проводил дневные службы в часовне, и другие примечательные церемонии, когда они появлялись в календаре. Каждое утро, несмотря на погоду, он ходил из Крепости Аарлем в Темплум Министория в Аарлем-Саксен, в четырех километрах, и проводил там час в личном богослужении. Это ежедневное восьмikiлометровое паломничество, как он заявлял, было его способом доказать *имхаву* или «кочевую» часть его титула *имхава аятани*. Годы назад (как давно, Гаунт не знал), Цвейл выбрал жизнь кочевого богослужения, чтобы путешествовать по Мирам Саббат по следам

Святой, и повторить эпический круг, который сделала она. Когда они встретили его на Хагии, он заявил, что его великое путешествие почти закончилось. Он пошел с ними и следовал их путем с тех пор, но он всегда настаивал, что, со временем, ему будет нужно оставить свое служение.

«Однажды, ты понимаешь,» говорил он, «мы разойдемся. Ох, да. Вы пойдете своим путем, и ваш путь больше не будет меня устраивать. Тогда, мы скажем друг другу прощай, и я пойду туда, куда мне нужно пойти. Я потратил слишком много времени, следуя за вами. Вы будете скучать по мне, когда я уйду. Я знаю, что будете. Вы все будете убиты горем и без руководства. Я не могу помочь с этим. У меня есть священные цели, цели, к которым я должен отнестись с вниманием. Святая ждет этого от меня. На самом деле, вот сейчас, когда я пришел к этой мысли, я ведь могу начать завтра, или послезавтра. Завтра клёцки? Так ведь? Точно. Я начну послезавтра.» Каждую ночь с тех пор, как они обосновались и сделали часовню, Отец Цвейл предлагал вниманию то, что он описывал, как «шансы на просвещение». После ужина любой член полка без служебных обязанностей, и любой член кортежа полка, был рад прийти в часовню на пару часов и послушать его рассуждения на любую тему, которая возбуждала его интерес в этот день. Иногда, шансы были категоричными проповедями, наполненными издевками и плохим настроением, если Цвейл выходил из себя. Иногда, они были больше похожи на лекции, методичные и поучительные, и подавались со ссылками на качающиеся стопки текстов, которые он притаскивал из библиотеки Темплум Министория. Иногда, он просто громко читал вслух, охватывая темы от истории до поэтики и философии, или даже основы этики. Иногда, он раздавал книги, чтобы каждый присутствующий мог один час почитать про себя. Иногда, он ходил среди них, и пользовался случаем, чтобы помочь некоторым наименее образованным освежить их грамотность.

В течение любой недели, его проповеди могли менять направление от священного до богохульного и назад. Он говорил о Святой, или других святых, или об обычаях аятани. Он рассказывал об истории и обычаях Миров Саббат. Он с энтузиазмом хватался за новости дня, и использовал это, чтобы разжечь энергичное обсуждение и дебаты среди своей паствы. Он учил, прямо или косвенно, грамматике и арифметике, истории и политике, музыке и поэтике. Он открывал, почти случайно, один из

множества чердаков в своем разуме, и выкладывал его содержимое на всеобщее обозрение.

Гаунт приходил всегда, когда ему выдавался шанс. Всякий раз, когда, между прочим, Цвейл выдавал факт или деталь, которую Гаунт до этого не знал, он делал краткую пометку в своем блокноте. За год на Балгауте, Гаунту пришлось запросить три блокнота со склада.

Этим вечером, когда Гаунт вошел в часовню, выбранной темой было или история поэтики или поэтика истории. Здесь присутствовало, примерно, сорок Призраков, а Цвейл, опирающийся на кафедру, как усевшийся на насест гриф, заставлял их читать вслух стихи из выцветшей копии *Ранних Саббатистов* в зеленой обложке.

Сейчас была очередь Шогги Домора. Он стоял, внимательно читая короткие части поэмы, в которой Гаунт опознал или Ахмудский или какой-то средний Фейянтанский период. Гаунт немного подожд. Когда Домор достаточно прочитал, Цвейл показал ему сесть, а затем выбрал Чирию, адъютанта Домора.

Она встала, нерешительно потерла ладонью щеку со шрамом, и начала читать с того места, где закончил Домор.

Гаунт нашел место в конце, и прислушался. Когда Чирия, читая неловко и запинаясь, закончила, встал Костин и стал чрезмерно поспешно читать одну из Од Сарпедона. После Костина, Сержант Раглон читал Нисиезианский сонет, а после Раглona, Велн, который удивительно плавно и живо продекламировал Указания Конгресса. После Велна настала очередь Эзры.

Нихтгейнец поднялся на ноги, высокий и заслуживающий внимания, и прочитал одну из Притчей Локастера. Было необычно слышать его Антиллские гласные звуки в Низком Готике. За два года после Яго, и особенно за последний год на Балгауте, Цвейл с Гаунтом научили Эзру ап Нихта алфавиту. Нихтгейнец практически не пропустил ни одного «шанса на просвещение» старого аятани. Он хорошо читал. Он даже снимал свои потрепанные старые солнечные очки, когда требовалось читать книгу в помещении. Когда он писал свое имя, он произносил его, как *Эзра Ночь*.

Если год на Балгауте приобщил к цивилизации Эзру, подумал Гаунт, то, что же он сделал с остальными из нас? Насколько мягкими мы стали? Насколько потеряли хватку? Осталась ли в нас какая-нибудь острота?

Когда собрание закончилось, Гаунт пошел поговорить с Цвейлом. Старый аятани оторвал взгляд от дискуссии с Булом, и увидел приближающегося Гаунта.

«Это не может быть хорошо,» сказал он.

«Ничего особенного,» сказал Гаунт.

«Если это насчет того амасека в квартире Баскевиля, кто-то уже раньше выпил большую его часть.»

«Это не насчет этого,» сказал Гаунт.

«Ладно, если это насчет талисмана Удинотцев, не я зажарил его, как и не предлагал никому зажарить его, и я, определенно, не давал рецепт из плойна и фарша.»

«Это не насчет талисмана Удинотцев,» сказал Гаунт. Он сделал паузу. «Какой еще талисман Удинотцев?»

«Ох, у них нет ни одного,» поспешно сказал Цвейл.

«У них нет?»

«Нет, с тех пор, как кто-то зажарил его,» добавил Цвейл.

Гаунт покачал головой. «Это не насчет чего-то из этого. Мне просто нужна небольшая помощь, отец.»

«Помощь?»

«Точно. Польза от вашего огромного опыта.»

«И от моей мудрости?»

«И это тоже. Есть проблема с одним из людей, и я бы хотел ваш совет.» Цвейл нахмурил брови, концентрируясь. «Ох, естественно. Без проблем. Выкладывай.»

«Есть член полка--»

«Я его знаю?» спросил Цвейл.

«Да, отец.»

«Ладно, продолжай.»

«Этот член полка, он создает большую бюрократическую проблему.»

«Вот, маленький фес!» прошипел Цвейл, заговорщически кивая. «Ты собираешься его выпороть?»

«Выпороть?»

«Порка – это слишком хорошо для него. Я думаю, привяжи его к ракете и выстрели в сердце местной звезды,» сказал Цвейл.

«Ну, это, определенно, входит в список моих возможностей.»

«Да? Хорошо.»

«Проблема,» сказал Гаунт, «в том, что этот человек отказывается проходить медосмотр.»

«Отказывается?»

«Каждый должен быть сертифицирован, а он отказывается подчиниться проверке.»

«Всегда есть один, так ведь?» сказал Цвейл. Он еще сильнее нахмурился и постучал пальцем по подбородку. «Я бы сделал из него пример, если бы был тобой.»

«Сделали?»

«Ты не должен терпеть такое нарушение субординации, Гаунт. У тебя должна быть некоторая власть. Не мирись с этим. Погоняй человека по двору туда-сюда, а потом, может быть, привяжи его к чему-нибудь тяжелому, чтобы остальные из нас кидали в него тупые предметы.»

«Значит, по вашему мнению, этот человек определенно перешел все границы?» спросил Гаунт.

«Абсолютно, категорически, непростительно перешел все границы. Он должен быть сертифицирован, и он знает это. Это просто чистая чертова непредвзятость, вот что это такое. Его нужно заставить следовать правилам дословно – Погоди-ка. Это я, так ведь?»

«Ага,» сказал Гаунт.

«Хмм,» произнес Цвейл. «Это было очень хитро с твоей стороны.»

«Я знаю. Вы пойдете к Дордену?»

«Полагаю, что так.»

«В чем проблема?»

Цвейл покачал головой из стороны в сторону и пожал плечами. «Я никогда не любил докторов. Суют свои носы в места, где носы не должны находиться. У меня его не будет.»

«У вас он будет.»

Цвейл показал язык Гаунту.

«Что, вы боитесь, они найдут?» спросил Гаунт.

«Я старый. Я очень-очень старый. Чего они *не* найдут?» Гаунт улыбнулся. «Завтра утром, пожалуйста. Не заставляйте меня снова говорить с вами по этому поводу.»

Цвейл сердито посмотрел.

«Теперь, благословите меня.»

Цвейл равнодушно махнул руками. «Благословляю тебя, во имя Бога-и все такое, бла-бла.»

«Спасибо.»

Цвейл вернулся к разговору с Булом. Халлер ждал, чтобы задать свой вопрос. Гаунт пошел к месту, где работал Эзра. Нихтгейнец терпеливо писал в блокноте. Он был сконцентрирован, водя ручкой по бумаге медленно и аккуратно.

«Хистю, соуле,» сказал Гаунт.

Эзра поднял взгляд. «Хистю.»

Гаунт сел рядом с ним. «Занят?»

Эзра кивнул. Он осторожно затирает параграф, который написал, используя коричневую бумажную затирку. «Отец, он просил меня написать рассказы, которые принадлежали моему полку,» сказал он.

«Цвейл просил тебя?»

Эзра кивнул. Под *полком*, Эзра имел в виду свой народ, Нихтгейнцев Антилла Гереона. Его словарный запас расширялся каждый день, часто со значениями нюансов, но он понимал слово полк в весьма специфичном виде. Его нельзя было заставить использовать слова «племя» или «народ» или даже «община» по отношению к Нихтгейнцам, как и невозможно было убедить в специфическом военном определении полка. Танитский Первый был полком и, для Эзры, он демонстрировал в точности ту же преданность и коллективное доверие, как племя или семья.

«Он просил тебя записать Нихтгейнские рассказы? Ты имеешь в виду, историю?» Эзра помотал головой. «Не те вещи, которые были сделаны, но старее, чем вещи.»

«Ты имеешь в виду, фольклор?» спросил Гаунт.

Эзра пожал плечами. «Соуле не знает слова.»

«Я имею в виду легенды. Мифы,» сказал Гаунт.

Эзра улыбнулся. «Да. Это слово, как отец говорит его.»

«У Нихтгейнцев много мифов?» спросил Гаунт.

Эзра надул губы и закатил глаза, чтобы продемонстрировать уровень преуменьшения Гаунта.

«Им принадлежат много, много,» сказал он. «Здесь рассказ о спящем ходоке, который я здесь написал, и рассказ о мотыле и сосуде, и рассказ о змее и ветке,

которые я написал здесь и здесь. Так же, здесь рассказ о ходячем спящем, и рассказ о старом солнце, и рассказ об охотнике и звере--»

«Сколько ты уже написал?»

«Четыре и десять,» сказал Эзра. Он посмотрел в открытый блокнот. «Это я написал, это рассказ об охотнике и озере. Это будет пять и десять. Охотник, он ходит во множестве моего полка их рассказов.»

«Могу я почитать их?»

Эзра охотно кивнул, а затем замешкался. «Но я должен иметь книгу, чтобы написать больше из них.»

«Знаешь что,» сказал Гаунт. «Почему бы мне не дать тебе второй блокнот? Ты пишешь рассказ в одну книгу, пока я читаю другую, затем поменяемся. Как насчет этого?» Эзра казался совершенно удовлетворенным этим компромиссом. Внезапно, он прикоснулся к рукаву Гаунта и кивнул в сторону двери часовни.

Только что вошел Белтайн со следующим за ним Нахумом Ладдом, младшим полковым комиссаром. Ладд был в полной униформе, и тающие снежинки испещрили его пальто.

«Вот и он,» сказал Белтайн.

Гаунт встал. «Что-то неправильно, Бел?»

Белтайн показал жестом на Ладда. Младший комиссар вытащил из пальто конверт. Гаунт мог видеть, что он был отделан синей полосой, указывающий на депешу от Комиссариата.

«Курьер только что принес его, сэр,» сказал Ладд. «Он доставлен прямым из Секции, только для ваших глаз.»

Гаунт быстро вскрыл конверт, вытащил тонкий лист и развернул его, чтобы прочитать.

«Тебе будет нужно перенести встречу с Мистером Жайме, Бел,» сказал он.

«Почему, сэр?»

«Потому что мне нужно доложиться в Секцию завтра на рассвете.»

«Тут сказано, почему?» спросил Ладд.

«Нет,» сказал Гаунт, «тут вообще ничего не сказано.»

ПЯТЬ

Скоропортящиеся Товары Эннискера

Вскоре после того, как последние часовые башни Олигархии закончили наполнять звоном наступившую ночь в беспорядочно застроенном Балополисе внизу холма, люди в Скоропортящихся Товарах Эннискера начали умирать.

Ночь была холодной и суровой, как закаленное железо, и снежные порывы поднимались и опускались под желтым уличным освещением. Трафик на Нью Полис Бридж и Олд Кроссинг освещал балки фарами, и выхватывал снежинки, подобно пыли в солнечном свете. Свет рябил на маслянистой реке.

Скоропортящиеся Товары Эннискера были мясоконсервным заводом на северном берегу, который представлял собой огромную жилу из оуслита и травертина, которая возвышалась над городской стеной в тени Нью Полис Бридж. К этому месту был наземный доступ сквозь перенаселенные улицы, тянувшиеся вдоль городской стены, и доступ с берега реки посредством подъемников и лифтов.

Завод был мрачным, и вонял сырым камнем. Илистое дыхание реки пробиралось в него сквозь глубокие подвалы, и сквозь вентиляционные отверстия, которые усеивали его грязный фасад выше линии воды, подобно арбалетным щелям в наружной стене донжона. Завод был, по существу, покинутым после войны. Лига Хенотиков, благотворительный орден, основанный, чтобы помогать ветеранам и бездомным, использовал его в качестве хостела несколько лет, пока ему не предоставили большие и менее ядовитые помещения рядом с Площадью Арквраунд. Призрачные остатки извещения, оповещающего о смене места расположения, и приглашающего покинутые и нуждающиеся души найти «холл с желтыми дверями» на Арквраунде, все еще висели на одной из погрузочных дверей завода с облупившейся краской. Последующие попытки оживить завод в качестве мясоконсервного закончились плохо в 81-ом, но энергия, водоводы и системы отопления, установленные в то время, никогда не отключали, факт, который Валдюк с удовлетворением отметил, пока обследовал место для своего нанимателя.

Надо Валдюк был рекомендован человеком, который знал человека, который знал человека. Его репутацией было посредничество. Отсутствие угрызений совести, и

готовность ввязаться в дело, не важно, насколько незаконное, отлично вписывались в его резюме. Хотя он и переписывался со своим нанимателем, несколько писем, в которых давались требования к некоторым деталям, Валдюк не встречался с нанимателем лично.

Его наниматель был с другого мира.

Когда Валдюк получил сообщение, что, после долгого и трудного путешествия, его наниматель, в конце концов, прибыл на Балгаут Хайстейшн, Валдюк вышел из своей квартиры в Полисе и поехал, чтобы убедиться, что все приготовления на месте.

С собой он взял четырех человека, четырех громил, которым он платил очень хорошо за свою охрану.

Валдюк не собирался оставлять себя уязвимым перед каким-то иномирцем, которого он никогда не встречал.

Наниматель поздно приехал в Скоропортящиеся Товары Эннискера на машине, арендованной в городе. Через несколько минут после машины приехали два нанятых трактора, тянущие прицепы с контейнерами, которые едва влезали в узкие прибрежные улицы.

Двое громил Валдюка послушно открыли грузовые двери при первом признаке приближающихся фар. Валдюк уже включил энергию на заводе, и привел, как было поручено, двух массивных сервиторов для разгрузочных работ, и медика, человека, зовущегося Арбусом, который не задавал вопросов и брался за любую работу, которую мог найти, из-за маленького вопроса насчет него, из-за которого его исключили из реестра общества за преступную халатность.

Три машины заехали в обширный грузовой склад завода, пахнущую плесенью пещеру, освещенную шкворчащими керосиновыми лампами. Пол склада был кирпично-красным от десятилетий кровопролития. По знаку от Валдюка, громилы с грохотом закрыли двери.

«Я – Валдюк,» сказал Валдюк, направляясь к человеку, выбирающемуся из арендованной машины. «Вы – Господин Эйл?»

Человек отряхнул свой плащ из кожи бейжа и осмотрел Валдюка с головы до ног. «Да,» сказал он.

«Рад наконец-то встретиться с вами,» сказал Валдюк. Он подумал насчет того, чтобы протянуть руку, но человек казался не из таких. Совсем не из таких.

«Значит, вы хотите, чтобы этот груз разгрузили,» начал Валдюк, «и--»

«Вы получили мои инструкции?» с ударением в голосе спросил его Эйл.

«Да, получил.»

«Они были понятны по всех деталях?»

«Ох, полностью,» сказал Валдюк.

«А оплата, которую я перевел, она получена полностью?»

«Это предоплата, на которой мы сошлись,» отметил Валдюк с кивком.

«Тогда, я не совсем уверен, зачем требуется дальнейший разговор,» сказал Балтасар Эйл.

Валдюк на секунду замешкался. Человек пришел с отношением, установленным на уровень «задница», а Валдюк нарезал людей кубиками за меньшее, за много меньшее. Валдюк решил, тем не менее, ответить согласной улыбкой и вежливым кивком. Сочетание улыбки-и-кивка было вдохновлено двумя вещами. В первую очередь, оплата, обещанная за работу, была значительной, и Валдюк знал единственный способ гарантировать ее получение, только если должным образом сделает работу.

И напоследок, у человека, этого иномирца, была какая-то окружающая аура, что-то, что говорило, что он гораздо больше, чем просто опасен. Опасен было слишком мелким словом. Он был собран и спокоен, а его жесты были короткими и сдержанными, но Валдюк чувствовал, что это из-за усилия, направленного на поддержание силы воли.

Эйл тщательно контролировал плоть и поведение, как будто сдерживая их, подобно тому, как смирительная рубашка удерживает руки человека. Они держали крепкой

хваткой что-то, что пылало дикой жестокостью, что-то, что никто из них, даже Эйл, не хотел увидеть выпущенным на свободу.

Так что, Валдюк изобразил свои улыбку-и-кивок, и хлопнул руками. Громилы отодвинули внутренние двери склада, открыв вторую 'пещеру', окутанную паром, и заполненную маслянисто-черными производственными машинами. Арбус, медик, приготовил свое снаряжение, а сервиторы потащились вперед, ярко оранжевые и с клешнями, как у крабов, чтобы сгрузить контейнеры.

Пока работа продолжалась (и Валдюк поздравил себя за выбор места, потому что это было шумное дело с грохотом, лязганием, воем поршней, шипением пара и, в любом другом месте, за исключением полузаброшенных домов на берегу реки, это могло разбудить соседей и привлечь внимание Магистратума), Валдюк еще немного поизучал своего нанимателя. В компании Эйла было еще трое, двое мужчин и одна женщина. Мужчины были тощими, с глазами, как у собаки, как и у их господина, и Валдюк предположил, что они были нанятыми мускулами, хотя они близки с Эйлом по их разговорам. На них были кожаные перчатки, ботинки и залатанные Гвардейские куртки, но такие были у каждого громилы на районе. Двое мужчин управляли тракторами. Эйл управлял арендованной машиной. Учитывая то, что он, несомненно, руководил, казалось странным, что у него нет водителя.

Четвертым членом его компании была женщина, вдова, одетая в черные шелка и вуаль. Она приехала на заднем сидении машины Эйла, как будто он был ее шофером. В ней тоже что-то было. Когда Валдюк посмотрел на нее – вдова или не вдова, она была красивой женщиной, которая заслуживала того, чтобы на нее смотрели – это было так, словно она появлялась и исчезала из поля зрения, подобно слегка искаженному изображению на пленке под воздействием тепла. Это заставляло Валдюка чувствовать себя очень нехорошо, поэтому, немного погодя, он прекратил смотреть.

Сервиторы сгрузили контейнеры с кузовов тракторов, и оттащили через склад в примыкающий зал. Валдюк лично подключил их к источнику питания завода, как будто они были ящиками с замороженным мясом, сменившими источник поддержания заморозки с мобильного на стационарный.

Системы внутри контейнеров начали гудеть и щелкать. На контрольных панелях загорелись дисплеи.

Валдюк их проверил. Выглядело хорошо.

«Температура поднимается, и у меня четкий зеленый на жизненных показателях.» Он обернулся к Эйлу.

«Они выглядят прямо, как грузовые контейнеры,» сказал он.

«Конечно,» ответил Эйл.

«Но это гибернационные камеры.»

Эйл уставился на него.

«Что?» спросил Валдюк. «Да ладно, я еще и не такое повидал. Даже если бы я был настолько туп, что не смог бы сложить вместе нужные вам ресурсы и медицинский опыт, который был нужен вам, вы не первый человек, который провозит контрабандой живые тела на Балгаут внутри похоронных ящиков.»

«Не первый?» беспечно спросил Эйл. Его лицо, слегка освещенное дрожащими керосиновыми лампами, было нечитаемо.

Валдюк пожал плечами. «Дезертиры, нелегальные иммигранты, люди, которые предпочитают избегать света Трона, много такого.» Он ухмыльнулся. «Иногда бедные покойники внутри, как ни странно, выживают при разморозке.»

Валдюк взял монтировку и пошел к двери первого контейнера.

«Мы можем начинать?» спросил он.

Эйл кивнул. Валдюк подозвал медика, а затем открыл маленькую баночку с коммифорой и намазал пасту под носом. Терпкий запах наполнил его нос. Эйл, определенно, не был первым человеком, который провозит живую контрабанду на Балгаут в качестве похоронного груза, а Валдюк ассистировал нескольким своим предшественникам. Низкий уровень выживаемости был еще хуже, чем шутил Валдюк. Большинство раз, вы, на самом деле, не захотите ощущать запах того, что размораживается в ящике.

Он разбил транспортную печать, вставил монтировку в прорезь и повернул ее. Потребовались нажим и хрип от усилия, но зубцы замка сломались, и главный барабан замка откинулся на петлях. Валдюк отодвинул его, вытащил стержень, вставил его во внутреннее гнездо, и снова налег.

Запечатанная дверь открылась. Последовал глубокий и неприятный стон испорченного воздуха, выдох, похожий на долгий, медленный и самый последний выдох человека, один последний опустошающий легкие выдох, после которого больше не будет никаких вдохов. Валдюк настежь открыл дверь.

«Ох, Трон,» произнес медик, кашляя и махая рукой перед лицом.

«Ага, это созрело,» сказал Валдюк, который мог чувствовать запах несмотря на коммифору. Это был теплая вонь испорченного мяса, грязной крови, гангрены. Грязная талая вода потекла из двери и полилась на пол. Она была густой, и наполненной, как бульон, кусками органической материи.

«Смотрите за своими туфлями, док,» сказал Валдюк. Арбус пробормотал едкий ответ, и сделал глоток чего-то медицинского из фляжки. Валдюк уронил монтировку, и вытащил кривой консервный нож, кривое лезвие сорока сантиметров длиной с кромкой внутри изгиба.

Он воткнул кончик в полимерное покрытие, окутывающее содержимое контейнера, и полупилиющим, полурежущим движением разрезал его вниз. Запах стал хуже. Валдюк смог увидеть внутри первую из упаковок. Радуюсь, что на нем перчатки, он потянулся внутрь и вытащил упаковку на телескопической направляющей. Упаковка была похожа на кусок мяса, завернутого в полимерную пленку, прикрепленного к направляющей тяжелыми металлическими скобами.

Труп внутри был человеческим. Волосы были сожжены, и он был, равномерно, цвета полусырого стейка, за исключением выгоревших глазных впадин и жемчужного блеска зубов. Руки были сложены крестом на сморщенной груди.

«Думаешь, сможешь спасти его?» спросил Валдюк.

«Не будь идиотом,» ответил Арбус.

Валдюк рассмеялся и вытащил вторую упаковку. Этот был еще больше изуродован. У обоих трупов были привязаны бирки на лодыжках, которые висели снаружи упаковок.

Валдюк повернулся и посмотрел на Эйла. Эйл стоял неподалеку, на краю склада, и с вдовой и двумя мужчинами наблюдал за работой.

«У вас тутдохлое мясо, сэр,» сказал Валдюк. «Толькодохлое мясо. На самом деле, это выглядит похоже на обычный груз пушечного мяса, доставленного с передовой.»

«Нет,» сказал Эйл. «Присмотритесь.»

Валдюк нахмурился, а затем улыбка расплылась по его лицу и стала хитрой.

«Вы набили внешнюю часть бедолагами?» спросил он, указывая большим пальцем назад на контейнер. «Вы это сделали? Вы набили внешнюю часть настоящими трупами, на случай, если контейнер проверят?»

«Нет,» внезапно ответила вдова, говоря впервые. «Тела и кровь, они для запечатывающего ритуала, или контейнер не будет--»

«Шшш, сестра,» мягко сказал Эйл, поглаживая ее руку.

«Что она сказала?» спросил Валдюк.

«Она сказала, что вы правы,» сказал Эйл.

«Хитро,» сказал Валдюк, одобрительно кивая. «Очень хитро, мой друг.»

«Я не ваш друг,» сказал Эйл.

Валдюк пожал плечами на это. Он тоже не испытывал сильного желания быть приятелем иномирца. Он потянулся в контейнер и вытащил третий кусок мяса.

«Ах, черт,» сказал он.

«Что?» спросил Эйл, делая шаг вперед.

«Этот тожедохлый. Простите, у вас, должно быть, была серьезная авария в гибернационных системах. Лицо выглядит так, как будто его обглодали.»

«Валдюк?» прошептал Арбус рядом с ним.

«Что?»

«Этот жив.»

«Чего?» Валдюк повернулся и посмотрел на тело в грязной упаковке. Внутри кровь собралась в обвисших частях полимерной упаковки, а лицо и плечи бедного ублюдка выглядели так, как будто кто-то поработал над ними лезвием бритвы.

«Это абсурд,» сказал Валдюк.

Арбус помотал головой. Он использовал датчик, чтобы просканировать тело.

«Жизненные показатели низкие, но они такие, что я бы связал их с выходом из гibernации.» Он посмотрел на Валдюка, и Валдюк увидел что-то, напоминающее проблеск ужаса в старых глазах врача-шарлатана.

«Ты неправильно считаешь, старый дурак,» сказал ему Валдюк.

«Нет, правильно, я клянусь!» ответил Арбус. Затем он вскрикнул от ужаса, и отпрыгнул от упаковки.

«Что еще?» крикнул Валдюк.

«Глаза! Глаза!» заикаясь, сказал медик.

Валдюк снова посмотрел на тело. Его глаза были открыты, пожелтевшие радужные оболочки и маленькие черные зрачки смутно просматривались на кровавой маске. Они палились прямо на него.

«Святой Трон Терры,» сказал Валдюк и отступил назад. «Что это?» спросил он. Он посмотрел на Эйла. «Что это за чертовщина?»

«Что есть, то есть,» сказал Эйл. «Шрамы – это ритуальные отметины преданности. Я не ожидаю, что вы поймете.»

Позади Валдюк услышал краткие приглушенные звуки дыхания, и влажный треск полимерной упаковки, когда спящий груз задвигался в ней. Он услышал царапающие звуки и случайное шипение или удар внутри контейнера.

«Думаю, что мне пора,» сказал Валдюк.

Эйл покачал головой. Вдова начала дрожать. Валдюку на мгновение показалось, что она заревела под вуалью, но затем он осознал, что она хихикает.

Надо Валдюк крикнул своим громилам. Никто не ответил. Когда он повернулся, чтобы посмотреть, все четыре его человека лежали на полу. Они лежали в странных, неестественных позах. Двое людей Эйла стояли над ними, опустив руки по бокам, смотря на Валдюка сузившимися глазами.

Валдюк выплюнул проклятие в их сторону, и один из мужчин улыбнулся ему в ответ, обнажив зубы. Зубы были розовыми. Кровь потекла по губе.

Валдюк взвизгнул и повернулся, чтобы побежать. Он врезался во что-то твердое, такое же твердое, как стена. Это был Эйл.

Валдюк схватил его, но Эйл ощущался, как камень, холодный и жестокий. Эйл толкнул его, легкий толчок, который, тем не менее, почувствовался, как удар стенобитного шара.

Валдюк попятился назад, задыхаясь, уверенный, что несколько его ребер только что сломались. Он ощущал себя полностью дезориентированным. Внезапно, у Эйла в руке оказался консервный нож, которым пользовался Валдюк.

Он воткнул его в горло Валдюку, разрезав пополам адамово яблоко и вогнав лезвие так глубоко, что кончик вышел с задней стороны шеи под линией волос Валдюка. Валдюк мгновение висел, как рыба на крючке. Его руки сжимались и разжимались. Его рот был широко раскрыт, как будто он задыхался. Кровь текла по его подбородку. Его глаза были широкими от шока, как будто он пытался совладать с огромной болью, и пытался сделать это с пониманием того, что его не просто ранили, а что ему нанесли катастрофическую рану, которая уничтожила его жизнь, и которую нельзя починить.

Эйл позволил ему упасть.

Медик, Арбус, съежился и рыдал рядом с открытым контейнером. Он поднял взгляд, когда приблизился Эйл. «Пожалуйста,» сказал он, «пожалуйста, вы меня тоже собираетесь убить?»

«Ты мне нужен, чтобы благополучно оживить моих людей,» откровенно сказал Эйл.
«А-а после этого?» шмыгнул Арбус.

Эйл не ответил.

«Что вы такое, во имя Терры?» завопил Арбус. Эйл посмотрел вниз на него. «Мы ничто, во имя Терры,» сказал он. «Мы – Кровавый Пакт.»

ШЕСТЬ

Интервью в Секции

Многоэтажный дом из серого кирпича, известный, как Секция, стоял рядом с сердцем Олигархии, и возвышался как над Авеню Регнум Хулан, к которому примыкал высокими стенами и черной изгородью с западной стороны, так и садами Площади Вайсрой, к которому был расположен фасадом. Его официальными названиями были Вайсрой Хаус, или Министратив Официо Комиссариат, Балополис (Балгаут), но все его называли Секция, что было условным обозначением высочайшего местного уровня власти Комиссариата.

Он не был привлекательным местом. Второй после Дома ордосов на Улице Мелканор, он был наиболее ужасным зданием на Балгауте. Он был частично административным зданием, с целыми этажами, отданными под бюрократическую активность, частично зданием суда и частично тюрьмой. Хотя в северной части Балгаута и было несколько тюрем для содержания военных преступников, на нижнем уровне Секции был тюремный блок максимальной безопасности, где держали наиболее важных заключенных.

Гаунт прибыл перед рассветом.

Хотя хронометр на руке показывал, что солнце уже должно было пять минут, как взойти, на небе не было никаких признаков рассвета. Рассвет, так говорилось в депеше. Он никогда никуда не опаздывал, и он не собирался начинать сейчас.

Он вышел из машины. На западе, над огнями города, другой освещенный город проплыл над головой. Он был похож на коричневое грозное облако, движущееся навстречу ночному небу, усеянное огнями, подобно миражу, как будто небо было тихим озером, в котором отражался Балополис. Это был один из орбитальных доков. Возможно, Хайстейшн, скользящий мимо по кругу, ловя солнце раньше, чем земля внизу.

За рулем машины, Рядовой-Разведчик Вес Маггс зевнул. Гаунт наклонился и посмотрел на него.

«Слишком рано для тебя?»

Маггс быстро выпрямился. «Простите, сэр.»

«Тебе придется ждать,» сказал Гаунт. «За углом ворота, где ты можешь показать свой пропуск и припарковаться. Я пошлю за тобой, когда понадобится.»

Маггс кивнул.

Предыдущим вечером, разочарованный плохим сервисом от местных водителей, Гаунт сказал Белтайну, чтобы он вместо этого назначил одного из Танитцев. Он предложил выбрать кого-нибудь, кто проштрафился и должен был отработать. В результате, он рано встал этим утром, чтобы обнаружить Веса Маггса в качестве шофера.

Маггс был Белладонцем, одним из первых Белладонцев, который попал в Танитские разведчики.

Он был болтливым, и, определенно, непослушным, что напоминало Гаунту о Варле, но он был чертовски хорошим солдатом, и отличным разведчиком.

«Что ты сделал?» спросил его утром Гаунт.

Маггс что-то пробормотал в ответ.

«Я не слышу, Маггс.»

«Комиссар Харк обвинил меня в неподобающем поведении, сэр. В наказание у меня шестьдесят часов работ.»

«Кажется, что ты будешь отрабатывать их со мной, Маггс. Ты знаешь, как управлять штабной машиной?»

Гаунт вошел в главный вестибюль Вайсрой Хаус. Свет был выключен, только светосферы горели над столами ресепшена. На высокой лестнице стоял человек, меняющий нити накала в одной из массивных, но не горевших люстр. Трое кадетов Комиссариата стояли на четвереньках, чистя мраморный пол щетками.

Шшшеррк, шшшеррк шшшеррк! доносилось от щеток, когда Гаунт проходил мимо. Никто из них не осмелился поднять взгляд.

Было, делал, подумал Гаунт.

Дежурный офицер у стола был предупрежден о прибытии Гаунта от внешних ворот, и ждал, стоя.

Он отдал честь. «Доброе утро, сэр.»

«Доброе утро.» Гаунт вручил ему бумагу, и человек быстро прочел ее, как будто уже знал, о чем в ней говорится.

«Спасибо, сэр. Я уже позвонил и сказал, что вы пришли. Кто-нибудь придет сейчас за вами, если вы немного подождете.»

Гаунт кивнул, и отошел от стола, снимая перчатки и расстегивая пальто. Дежурный офицер сел и вернулся к работе. Прошла минута. Щетки продолжали свое *Шшшеррк, шшшеррк шшшеррк!* Курьер пробежал по вестибюлю и выбежал через главный вход. Человек, ремонтирующий люстру, слез с лестницы, сложил ее, и унес.

Гаунт слышал шаги и повернулся.

Это был Виктор Харк.

«Откуда ты появился?» спросил Гаунт.

«Я был здесь всю ночь,» ответил Харк. Гаунт мог видеть, как Харку не доставало сна. Харк был единственным человеком в полку, чьи объем работы и ответственность, казалось, возросли с тех пор, как они ушли с передовой. Война давала людям что-то, чтобы делать, а когда ты забираешь это...

«Должно быть, это плохо.»

«Ты не захочешь знать,» сказал Харк. «Иногда я думаю, что мы в штрафном подразделении.»

«Кто?»

Харк вздохнул. «На этот раз маленькая группа. Маленькая группа жуликов, которая включает в себя двух капитанов и майора.»

«Что, Роун?»

«Боюсь, что так.»

Теперь настала очередь Гаунта вздохнуть. За два застойных года после Хинцерхауса, казалось, что Майор Роун медленно превратился назад в злобного и ненадежного мятежника, с которым Гаунт впервые встретился в Танит Магна.

«И Мерин тоже, раз Роун вовлечен?»

Харк кивнул.

«Кто другой капитан?»

«Ты не согласишься», ответил Харк. «Бан Даур.»

«Ну, это, должно быть, какая-то ошибка. Не Даур. Он мог быть вовлечен только случайно.» Харк пожал плечами.

«Значит, все плохо?»

Харк снова кивнул. «Это настоящее дерьмо, и обвинения будут суровыми. Я не уверен, как мы будем вытаскивать их задницы из этого маленького конфликта.»

«Так почему же меня вызвали этим утром, если ты был здесь всю ночь?» спросил Гаунт.

Харк задумался. «Ну, я занимался этим. Я собирался поехать назад в Аарлем около часа назад, но кое-кто сказал мне, что тебя вызвали, поэтому я подождал.»

«Ты за мной не посылал?»

«Нет», сказал Харк.

Гаунт показал ему бумагу. «Они прислали мне это ночью.»

Харк просмотрел ее. «Черт, Ибрам. Это не связано с последним поступком Роуна. Это что-то совершенно другое.»

Каким-то образом, Гаунт уже это знал. Он понял это в тот момент, когда увидел Харка, идущего по вестибюлю к нему.

Гаунт отправил Харка назад в Аарлем, чтобы тот вздремнул, и ждал дальше. Прошло еще двадцать минут прежде, чем кто-то еще появился.

«Прости, что заставил тебя ждать, Гаунт,» сказал Комиссар Эдур, когда подошел. Гаунт пожал плечами *не важно*, и решил не спрашивать, по крайней мере, прямо сейчас, почему его принял офицер, с которым он обедал только вчера.

Правда была в том, что он не знал Усейна Эдура долго, и он не знал его хорошо. Харгитер и Зеттсман регулярно бывали в клубе последние семь или восемь месяцев, и Гаунт знал их и полки, к которым они были прикреплены. Он считал их достаточно знакомыми, двоих из полупостоянных лиц, которые часто посещали Митридат в обед или ужин. Эдур был в городе всего неделю или две. Он примкнул к их компании достаточно легко; у Гаунта было ощущение, что его привел Зеттсман. Эдур был приветливым, благоразумным собеседником, и показывал отношение к долгу, которое Гаунт нашел притягательным, но он понятия не имел о биографии Эдура, месте службы или прикреплении, и, пока он следовал за Эдуром по вестибюлю, он осознал, что это было необычно. Такие разговоры всегда появляются. Люди говорят об их службе, и ищут точки соприкосновения. Они отмечают места, людей и битвы, которые были у них общими.

В течение двух или трех раз, когда Гаунт бывал в компании Эдура, Эдур ни о чем таком не говорил, что означало, либо он был необыкновенно замкнутым человеком, либо он что-то скрывал.

Теперь Гаунт мог видеть такое тоже.

Эдур повел его в боковой офис. Здесь был стенографический сервитор, и стол со стульями с каждой стороны. Эдур жестом показал на один из стульев.

«Кто-нибудь предложил тебе кофеина?» спросил он, когда сел на другой стул.

«Никто мне даже не предложил объяснения,» ответил Гаунт.

Эдур поднял взгляд от закрытого досье на столе перед собой и уставился в глаза Гаунту. Эдур был на несколько лет младше Гаунта и на несколько сантиметров ниже, и он был красивым с резко очерченным, но бескровным лицом, подобно классической статуе. Его кожа была царственно черной, и он напоминал Гаунту Витрианцев, с которыми он служил. Эдур улыбнулся, и улыбка была расслабленной и искренней.

«Давай просто упростим себе путь в это,» сказал он. «Меня только что назначили на это, поэтому я тороплюсь. Я понимаю, что это немного неловко, что ты и я познакомились друг с другом неофициально неделю назад или около того, но я полагаю, что именно поэтому меня поставили на этот вопрос. Ты меня знаешь, и поэтому этот брифинг может быть слегка менее официальным перед--»

«Перед чем?» спросил Гаунт.

«Мы дойдем до этого,» сказал Эдур.

На самом деле, я тебя совсем не знаю, подумал Гаунт. К чему ты клонишь? Каков был шанс того, что ты внезапно начал приходить в клуб и вошел в мой круг товарищей? Я почти могу видеть тебя насквозь.

Эдур кивнул сервитору, который с жужжанием ожил. Тонкие шестерни провернули барабан с бумагой, и блоки клавиш опустились на место.

«Предварительное интервью, Ибрам Гаунт,» начал Эдур, и сопровождал это датой и временем.

Сервитор начал печатать, маленькие клавиши застучали по бумаге, бумаге, продвигающейся под валиком с мягким треском. Эдур открыл досье, расправил первую страницу рукой и зачитал послужной список Гаунта, который был так же надлежащим образом записан сервитором.

«Вы можете подтвердить эти детали?» спросил он.

«Я их подтверждаю,» ответил Гаунт.

Эдур кивнул. «Вы – командующий офицер Танитского Первого?»

«Это верно.»

«Пост, который вы занимаете двенадцать лет?»

«Верно, за исключением небольшого периода около пяти лет назад.» Эдур перевернул пару страниц. «Это было во время... ах... миссии проникновения на Гереон?»

«Да.»

«И эта миссия была?»

«Миссией по обеспечению безопасности.»

Эдур поднял взгляд на Гаунта и улыбнулся, как будто ожидал большего.

«И секретной,» сказал Гаунт.

Эдур надул губы и поднял брови. «Ваше командование было восстановлено по возвращении?»

«Все было не совсем так гладко, но да.»

«Вы – полковник-комиссар?»

«Да.»

«Двойное звание. Это необычно.»

«Что есть, то есть.»

Эдур снова одарил Гаунта веселым взглядом. «Вы проходили курс Продвинутое Техники и Методологии Допроса Комиссариата?»

«Это один из ваших вопросов?» спросил Гаунт.

Эдур покачал головой, все еще развеселенный чем-то. «Нет, я просто подумал спросить. Я видел меньше уклонений в сражении на мечах.» Он снова посмотрел в досье и перевернул страницу.

«Танитский Первый был отведен с передовой два года назад?»

«Да.»

«И вы приехали сюда, на Балгаут, для пополнения запасов и переподготовки?»

«Да.»

«Вы здесь уже год?»

«Да.»

«И каким вы находите это место?»

«Скучным,» сказал Гаунт.

«Почему?»

«Люди продолжают говорить мне вещи, которые я уже знаю.»

Эдур засмеялся. «Я просто спрашиваю то, что они просили меня спрашивать, Гаунт. Это боль в заднице, я знаю.»

«Тогда, давайте перейдем к части, где вы мне говорите, почему они сказали вам задавать мне эти вопросы.» Эдур кивнул. «Перейдем. Вы здесь уже год? Да, мы это установили. Было что-нибудь странное, о чем есть доложить, за это время?»

Гаунт откинулся назад. «Какого сорта странное?»

Эдур пожал плечами. «Странные просьбы? Странные контакты? Кто-нибудь следит за вами или шляется около Аарлема?»

Гаунт помотал головой.

«Отметить мотание головой,» сказал Эдур сервитору. «Значит, совсем ничего странного? Особенно за последний месяц?»

«Нет,» сказал Гаунт. «Так или иначе, в Танитском Первом целая куча странного, но ничего такого, что было бы мне неизвестно.»

Эдур снова надул губы и кивнул. «Хорошо, Гаунт, вот для чего это все. У нас тут заключенный. Значительная поимка, очень важная. Ходят разговоры, что его нужно просто казнить, но Секция думает, что есть потенциально высокое значение его информации, поэтому они держат его в живых. Он внизу.»

«Как это связано со мной?»

«Нам нужно забраться ему в голову, и выяснить, что у него есть.»

«Это я понял,» сказал Гаунт, «но спрошу опять, как это связано со мной?»

«Заключенный ясно понимает, что оставшаяся часть его жизни и относительное качество этой жизни будут зависеть от того, как он откажется от своих секретов. Он

понимает, что будет ликвидирован в тот момент, когда мы почувствуем, что он истощил свою полезность.»

«Значит, он не говорит?»

«Нет, не говорит,» сказал Эдур.

«Вы вызвали меня сюда только для того, чтобы я посоветовал вам методы убеждения?»

«Нет,» ответил Эдур. «Достаточно забавно, но мы уже подумали об этом. Он совершенно невосприимчив к боли. Мы подумали, что можем попробовать другой подход. Предложить ему кое-что, что он хочет, в обмен на его подчинение.»

«Ясно. Рискую прозвучать как вокс, поставленный на повтор, но, как это связано со мной?»

«Полностью, Гаунт,» сказал Эдур. «Ему нужны *вы*.»

СЕМЬ

Заклученный Б

Бронированный лифт опустил их на тюремный уровень. Тюремная зона, строго охраняемая, была отделана белой каменной плиткой, и ощущалась больше, как хирургическое отделение в медицинском учреждении, чем тюрьма. Эдур отвел Гаунта в комнату наблюдения, которая выходила в простую тюремную камеру сквозь темное одностороннее зеркало.

Когда санкционированные мучители, их холщовые капюшоны были в настоящее время заправлены за ремни, привели заключенного в камеру, фосфорные лампы замерцали, и омыли камеру болезненным зеленым светом. Палачи, крепкие мужчины с жестокими лицами, приковали заключенного к единственному стулу, прикрученному к полу в центре камеры.

«Я его не знаю,» сказал Гаунт.

Заклученный был солдатом. Гаунт мог это сказать с первого взгляда. Это не из-за его размера, хотя он был массивным и весьма мускулистым, а из-за того, как он держался. У него была прямая спина. Он был как-то благороден. Он потерял вес, и, очевидно, испытал физическое насилие, но он не был напуган. Он держался так, как ведет себя солдат.

Заклученный был одет в простую тюремную тунику и бриджи, а на ногах у него были тапочки из мешковины.

«Вы уверены?» спросил Эдур.

«Я его не знаю,» повторил Гаунт.

«Пожалуйста, убедитесь.»

«Эдур, не будь идиотом. Я бы запомнил такое лицо.»

Лицо и голова заключенного не были благородными. Скальп был обрит, и плоть покрывали глубокие ритуальные шрамы, старые шрамы, шрамы, которые означали наиболее ужасный и кровавый пакт.

«Он спрашивал о тебе по имени,» сказал Эдур. «Он ясно дал нам понять, что будет говорить только с тобой.»

«Откуда он меня знает?» спросил Гаунт. «Откуда он знает, что я здесь, на этом мире?» Эдур пожал плечами. Гаунт мог видеть, что Эдур наблюдает за ним, изучая язык тела, любой промах или поддавки. Он знал, так же, что прямо так, как они наблюдают за заключенным в камере, за ними, в свою очередь, тоже наблюдают.

«Вы отчаянно пытаетесь разблокировать его,» заметил Гаунт Эдуру, «и я – самая лучшая надежда на это, которая у вас есть, но вы мне тоже не доверяете.»

«Это сложный вопрос,» ответил Эдур, его веселый тон не мог замаскировать напряжение. «Он очень щепетильный. Возражения выросли от идеи привести кого-нибудь сюда. Ваш уровень допуска не настолько высок, насколько они бы хотели.»

«Уровень моего допуска печален с тех пор, как я вернулся с миссии на Гереон,» ответил Гаунт. «Я предполагаю, что ваши коллеги рассмотрели это, и они прочитали досье, составленное на меня Комиссаром-Генералом Балшин, Комиссаром Фарагутом, и множеством других личностей, включая служителя святого ордоса.»

«Полагаю, что они, возможно, так и сделали,» согласился Эдур.

«Я предполагаю, что они не представляли меня привлекательным участником в этом деле, и поэтому ты провел последние пару недель проверяя меня, и поэтому они сейчас за нами наблюдают.» Гаунт посмотрел на потолок, и пробежался взглядом по стенам.

«Но, несмотря на все это, я тут точно из-за миссии на Гереоне, так ведь?» спросил он.

Эдур кивнул.

«Этот человек связан с Гереоном?»

«В частности, из-за вашей миссии там,» сказал Эдур.

Гаунт задумался и снова посмотрел на заключенного в камере. Человек не двигался. Он просто тупо смотрел на зеркало.

«Он сказал нам, что его зовут Маббон Этогор,» сказал Эдур.

«Ну, это совсем не точно,» сказал Гаунт.

«Что ты имеешь в виду?»

«Может быть, Маббон и его имя, хотя я сомневаюсь, что ему дали его при рождении. Это, возможно, святое имя, которое он принял, когда заключил свой пакт.»

«Святое имя?» спросил Эдур.

«У них тоже есть святы, Эдур,» ответил Гаунт. Он снова посмотрел на заключенного. «Этогор – это не имя, Это его звание. Он дал вам свое имя и звание. Этогор, примерно, эквивалент генерала.»

«Ясно.»

«Это старшее звание в армии Кровавого Пакта.»

«Что-нибудь еще?» спросил Эдур.

Гаунт кивнул. «Да. Несмотря на все это, он – не Кровавый Пактиец.»

«Разве?»

«Ритуальное шрамирование на лице и черепе, это отметки пакта, определенно, но посмотри на его руки.»

Они посмотрели сквозь зеркальную стену. Предплечья заключенного были пристегнуты к подлокотникам. Его руки спокойно покоились на краях подлокотников.

«Я ничего не вижу,» сказал Эдур.

«Точно.»

Эдур бросил взгляд на Гаунта. «Если что-нибудь знаешь, скажи.»

«На руках нет шрамов,» сказал Гаунт, все еще пристально смотря на тихого заключенного. «Ни на ладонях, ни снаружи. Из всех отметок пакта, шрамы на руках самые важные. Когда воин Кровавого Пакта дает клятву, он режет ладони об острые края брони своего варварского повелителя. Это торжественно заключает пакт. Это и *есть* пакт. У этого человека нет шрамов.»

«Нет, у него нет,» сказал Эдур.

Гаунт нахмурился, чтобы еще пристальней посмотреть. «Трудно сказать при таком свете, но плоть на его руках кажется новой. Она безупречна. Немного гладкая. Я не могу быть уверен, но я ставлю на то, что он перенес пересадку кожи, чтобы скрыть или убрать ритуальные шрамы. Шансы таковы, что это человек был Кровавым Пактийцем, но теперь уже нет.»

«Значит, ты предполагаешь, что он отказался от своего пакта?»

«Весьма возможно. Он важный человек в их мире, и он потратил много сил и средств, чтобы стереть свои шрамы. Это, в самом деле, заявление.»

«Разве он не мог просто скрывать, кто он на самом деле такой?»

Гаунт помотал головой. «Дело не в сокрытии. К тому же, у него все еще ритуальные шрамы на голове. Они достаточно четко указывают на его связь с Кровавыми Мирами. Нет, руки говорят. Он не прячет свои шрамы, он удаляет их. Он активно отвергает пакт.»

«И что это из него делает?»

«Это делает из него множество вещей, Эдур, но, по меньшей мере, это делает его предателем. Генералом-предателем.»

«Интересно,» сказал Эдур.

«Не совсем. Ты все это уже знаешь,» ответил Гаунт.

Эдур поднял брови. «Что заставляет тебя так говорить?»

«Ох, да ладно, комиссар,» вздохнул Гаунт. «Мысль, что ты и наши невидимые кураторы, и весь отдел Разведки Секции уже не узнали все это, откровенно оскорбительна. Мы изучали Пакт годами. Это все за тем, чтобы ты выяснил, что мне известно.» Эдур улыбнулся и примирительно поднял руки. «Справедливо, Гаунт. Ты не можешь винить нас.»

«И как я справился?» спросил Гаунт.

«Совсем неплохо. Что еще ты можешь сказать мне?»

Гаунт сделал глубокий вдох и снова посмотрел на заключенного. «Ключевая вещь, я предполагаю, что он сменил сторону. Это огромный психологический маркер. Он был способен присягнуть чему-то, быть абсолютно преданным этому, а затем сменить сторону и отвергнуть это. Если он сделал это однажды, он может сделать это снова. Это, как атеизм.»

Эдур тихо рассмеялся. «О каком типе смены стороны мы говорим, как думаешь?» Гаунт пожал плечами. «Ужасное количество Кровавых Пактийцев начинали, как Имперские Гвардейцы или СПО. По большей части, это 'присоединись к нам или умри', но иногда выбор гораздо более личный. Как все сменившие сторону, желая того или нет, они могут часто быть наиболее радикальными, наиболее рьяными. Этот человек, может быть, когда-то был Имперцем. Затем он принял кровавый пакт. Затем он отверг его тоже. По какой-то причине, он последовательно неверен.»

«Как полагаешь, кто он сейчас?» спросил Эдур.

«Это, всего лишь, интуиция,» ответил Гаунт, «но я думаю, что он один из Сынов Сека.»

«Поясни свою логику,» сказал Эдур.

«Кровавый Пакт – это личный военный состав, присягнувший на службу Архонту. Магистр Сек, называемый некоторыми Анархом, самый талантливый лейтенант Архонта Гора. Это, как король и принц, отец и сын. Сек амбициозен, и бесстыдно завидует Кровавому Пакту Гора. Когда я был на Гереоне, мы слышали, что агенты Сека были посланы, чтобы создать свой собственный Кровавый Пакт, Сынов Сека. Прямо так, как Кровавый Пакт крал людей из Имперской Гвардии годами, так и Сыны начали приворачивать у Пакта. Офицеров, особенно, людей с опытом, чтобы помочь им сформировать Сынов быстро и крепко. Человек говорит, что он этогор, а у Сынов практически такая же система званий. Я думаю, что это наилучшая причина, почему он все еще носит это звание, но он стер шрамы со своих ладоней.»

Эдур улыбнулся и кивнул.

«Да,» сказал он, «это в точности то, о чем мы думали.»

«Тогда, остаются два вопроса,» сказал Гаунт. «Что наш этогор знает, и почему он хочет поговорить об этом со мной?»

«В самом деле,» ответил Эдур.

«Итак, ты хочешь, чтобы я пошел и поговорил с ним?» спросил Гаунт. «Или я слишком большая ответственность?» Эдур замешкался.

Вокс, вмонтированный в стену рядом с зеркалом, внезапно зазвенел. Эдур снял трубку до того, как он закончил первый звонок.

«Да?» сказал он. Гаунт ждал. Он мог слышать только шепот голосов, говорящих на другом конце линии.

«Очень хорошо. Спасибо.»

Эдур повесил трубку обратно. Он посмотрел на Гаунта.

«Ты можешь войти,» сказал он.

ВОСЕМЬ

Этогогор

«Я – Гаунт.»

Заклученный, прикованный к стулу, повернул голову, чтобы посмотреть. Он довольно долго пристально смотрел на Гаунта, без выражения на лице. Дверь камеры закрылась позади Гаунта с грохотом наковальни. В камере было душно.

Заклученный начал говорить. Его голос звучал сухо, почти пыльно, как будто был запущен и неиспользовался годами.

«Я никогда не встречался с вами,» сказал он. «На Гереоне. Я никогда не встречался с вами лично. Мне нужно какое-нибудь...доказательство.»

Владение Низким Готиком заключенным Б было превосходным, но у него был акцент, чуждый акцент, который добавлял хрип словам, и заставлял каждый слог слышаться так, как будто он был обернут колючей проволокой.

Гаунт один раз обошел стул, и остановился перед заключенным. Заклученный тотчас посмотрел ему в глаза без вздрагивания. Его глаза казались далекими Гаунту в фосфорном зеленом свете камеры. Гаунт мог видеть—

Ничего. В них ничего нельзя было увидеть!

Гаунт прочистил глотку.

«Мой отряд ликвидировал генерала-предателя Ночеса Стурма в Бастионе Летрики,» сказал он, сразу выдав сухой факт, как будто он был резюме того, как он провел в свободное от служебных обязанностей утро. «Выстрел в голову, который покончил с ним, он сделал сам, последнее мгновение чести в презренной жизни. Из уважения к этому, я накрыл его лицо тканью с кровати перед тем, как оставил тело. Ткань была зеленым шелком.»

Заклученный кивнул.

«Теперь, откуда вы меня знаете?» спросил Гаунт. В камере все еще было душно и тихо. Гаунт хотел постучать по одностороннему зеркалу и заставить Эдура включить циркуляцию воздуха.

«Я был старшим офицером в оккупационных силах Гереона,» ответил заключенный голосом из песка и колючей проволоки. «Моей задачей было допрашивать Стурма и, посредством допросов и бесед, вытащить из него столько полезной информации, сколько смогу. После его смерти, были приложены большие усилия, чтобы обнаружить, идентифицировать и уничтожить его убийц.»

«Я помню. Я был там,» сказал Гаунт.

«Вы были активны на Гереоне довольно долгое время после убийства. Вы работали с сопротивлением. Вы эффективно подняли сопротивление с нуля. Хотя мы так и не поймали вас, ваше имя было нам известно. Имя Гаунт, имена вашего элитного отряда... Они были печально известны.»

«Это почти звучит так, как будто вы делаете мне комплимент,» сказал Гаунт.

Заклученный пожал плечами, насколько позволили его ограничители. «Любой солдат, который не уважает достижения другого солдата – дурак.»

«Вы теперь собираетесь мне цитировать Слайдо?»

«Я бы процитировал Архонта Гора, но ваши уши будут кровоточить.»

Гаунт пошел к двери камеры.

«Куда вы?» спросил заключенный.

«Я не думаю, что нам есть, о чем говорить,» ответил Гаунт.

«Мы только начали,» сказал заключенный.

Гаунт повернулся к нему. «Империиум тратит очень мало времени на захват или допрос солдат Архиврага. Их порча считается очень пагубной. Никакая информация, полученная от них, не может считаться надежной, и всегда есть риск заражения допрашивающих. Вас уже должны были казнить, а не держать в заключении.»

«Я умудрился убедить моих тюремщиков позволить мне оставаться в живых так долго. Вы – мой последний шанс.»

«Почему это должно меня волновать?»

«Ради Империиума,» сказал заключенный.

«Вы об этом беспокоитесь?» спросил Гаунт, не делая попытки замаскировать сарказм.

«Я практически перестал беспокоиться о чем-либо,» сказал заключенный. «Но я знаю, что вы беспокоитесь, и этого достаточно. Я могу помочь Империиуму, Гаунт, но чтобы сделать это, Империиум должен научиться доверять мне.»

«Не думаю, что это произойдет.»

«Я верю, что вы единственный, кто может убедить их прислушаться ко мне.»

«Почему?»

«Вы были на Гереоне год,» сказал заключенный. «Оккупированный мир, Гаунт. Зараженный мир. Не важно, что вы сделали или как храбро служили Золотому Трону, вас были обязаны казнить по возвращении. Никто не продержался так долго не став жертвой порчи Хаоса. Но, вы живы, и все еще служите. Каким то образом, вы убедили своих начальников в том, что вы чисты.»

«Чудом,» сказал Гаунт, «и все еще есть разногласия.»

«Но вы это сделали. Больше нет никого, более подготовленного, чтобы судить меня, чтобы дать оценку, насколько я искренен, а затем убедить власти, чтобы быть выслушанным.»

Гаунт покачал головой. «Я не уверен, что хочу это делать. Я буду проклинать себя.»

«Если вы откажете мне, я буду мертв к концу дня,» сказал заключенный. «Я – ценность, Гаунт, и только вы можете увидеть это, если посмотрите.»

Гаунт пошел назад к двери камеры, и уже протянул руку, чтобы постучать. Он замешкался.

«Когда вы говорите, что можете помочь Империи, что вы имеете в виду?» спросил он.

«Я имею в виду,» ответил заключенный, «что я могу помочь Империи выиграть войну за Миры Саббат.»

ДЕВЯТЬ

Сладкоежка

Этим утром, холодным и мрачным на западе, врагом был кусок *альмоотте*. У него был слой из крема, и еще один из ротчки, и мягкий торт пах орехами попомя и был покрыт синей сахарной глазурью.

Она бежала на север, по Варфблейду, по своему обычному маршруту, держа реку справа от себя и свет Олигархии слева. Она пересекла широкие рокритовые участки земли, где старые рынки и коммерции располагались до войны, и остановилась, смотря на резервуары, чтобы попить воды из фляжки и расслабить мускулы на ногах.

Ночью шел снег. Огромные, покрытые сеткой резервуары для фильтрации, которые перерабатывали речную воду для городских нужд, выглядели, как зимние камуфляжные сети. На внешних улицах города черные линии на снегу указывали на дорожки от раннего трафика. Когда она снова побежала, ее собственный путь снова начался.

Рынок снаружи города располагался позади электростанций Полиса. Она почувствовала запах от жаровен, когда приблизилась. Здесь собрались сотни отходов общества и помойных крыс, закутанных в платки и защищающую от погоды одежду, чтобы установить пластиковые тенты над прилавками и выставить свои товары. Это было собрание для свободного бартера, и ничего больше.

Она так часто бегала этим путем, что многие из них махали ей, когда она пробегала мимо. Она была девушкой, которая пробегает мимо, каждое утро, в солнечную погоду или в снежную. Она была девушкой, которая, иногда, машет в ответ. Она была худой иномиркой с короткими светлыми волосами, длинными ногами и в поношенной Гвардейской тренировочной одежде.

После рынка она свернула налево на Перекрестке Сломана, а затем пересекла пустые резервуары доков по пешеходному мосту, наслаждаясь пружинящими металлическими листами, дрожащими под ее бегущими ногами. Затем она повернула в северном конце Варфблейда и направилась к Лаймкатскому Мосту.

Кусок *альмоотте* притаился в глубине ее разума.

Она могла видеть птиц-падальщиков, толпящихся на мусорных баржах, вставших на якорь в центре реки.

Их резкие крики доносились до нее в холодном воздухе, резкие и пронзительные, как отдаленный визг лазерного огня.

Как далеко сегодня? Через мост и дальше в Олигархию? Тогда туда и обратно в Аарлем будет больше шестнадцати километров. Никто не бегал так далеко, за исключением нее. Враг заставил ее сделать это.

Две фигуры приближались к ней, шаг в шаг, в хорошем темпе. Это были Вадим и Халлер, единственная пара Призраков, знала она, у которой беговой режим даже немного более строгий, чем у нее. Она видела их на этом маршруте каждые несколько дней. Лаймкатский Мост был самым дальним местом, до которого они добежали.

«Хей, Тона,» приветствовал Халлер, когда они приблизились к ней. Вся тройца стала бежать на месте, когда они остановились поговорить.

«Холодно сегодня,» сказал Вадим.

«Ага, холодно и становится холоднее,» согласилась Крийд.

«Далеко собралась?» спросил Халлер.

Она пожала плечами.

«Может быть, до Турнирной Площади,» сказала она.

Вадим присвистнул. Они с Халлером серьезно относились к своим тренировкам, и бег держал их в форме на Балгауте, особенно Халлера, который был большим парнем и предрасположенным к легкой полноте. По обычным полковым стандартам, они были в суперформе. По их стандартам, она была фанатиком.

«Ты собираешься пробежаться рядом с Секцией и помахать Роуну?» со смешком спросил Халлер.

«Я не поняла,» ответила Крийд.

«Ты разве не слышала?» спросил ее Вадим. «Прошлой ночью?»

Она помотала головой.

«Роун серьезно вляпался,» сказал ей Халлер с некоторым злорадством. «Так, по крайней мере, я слышал. Вызывали Харка. Скорее всего, будут наказания.»

«Что он сделал?» спросила Крийд.

«Мы не знаем,» сказал Вадим, «но он был не один. Мерин, Лейр, Варл.»

«Гак! Ты шутишь?»

«Нет, и Даур тоже.»

«Даур? Теперь я точно знаю, что ты шутишь!»

«Серьезно, Тона,» сказал Халлер. «Была какая-то крупная афера, и их арестовали, и Даур тоже там был.»

«Не могу в это поверить.»

«Сорвались с цепи,» согласился Вадим.

«Точно,» сказал Халлер. Халлер был из бывшего Вербунского Главного, и он знал Бана Даура и его порядочность долгое время. Если Халлер решил, что история подлинная, для Крийд этого было вполне достаточно.

«Они забрали всех в Секцию,» сказал Халлер.

«Я слышал, что их отправили в Тюрьму в Браунхеме,» вставил Вадим.

«Секция,» настаивал Халлер. Он посмотрел на Тону и улыбнулся. «С другой стороны, скоро могут появиться места, которые нужно будет заполнить, а, 'Капитан' Крийд?»

«Ага, заткнись,» ответила она.

Тона Крийд начала бегать примерно через месяц после их прибытия на Балгаут. Все благодаря ее прошлому, и годам, которые она провела на плохой стороне Улья Вербун. Все благодаря ее любви к сладостям.

Ребенком из трущоб на Верхасте, ее скорее вырастили ее сверстники, чем родители. Ее родители были без гроша. На самом деле, они были без многих вещей, включая

родительские инстинкты, трудолюбие, желание оставаться верными Имперскому Закону, заинтересованности в своем отпрыске, или проверенного временем метода контроля рождаемости.

Она рано научилась заботиться о себе. Она проводила время с остальными, кто научил ее некоторым жизненным навыкам. Она провела множество лет в качестве ребенка из трущоб и члена банды, делая вещи, которыми она особенно не гордилась. Война, разорение Вергхаста и Балгаута, создали ее.

Она могла вспомнить старые дни, дни, проведенные с пустыми карманами и еще более пустым желудком, когда она и некоторые другие предпринимали рискованную попытку забраться в верхний улей, чтобы попытаться достать немного еды или консерв. Они крали бумажники, или обносили ларек с едой, даже угрожали, если улица была достаточно тихой, и кто-нибудь обеспокоился принести нож.

Верхний улей был страной чудес. Он был большим и искрящимся, и был шумным от людей в хорошей одежде и с дорогой аугментикой, людьми, которые имели больше, чем общее состояние ее семьи в том, что им принадлежало там, где они жили, людьми, чьи разговоры, когда она подслушивала их, были о культуре и политике, и об искусстве, и о финансовой системе, и о всяких смешных вопросах, которые ей казались пустой тратой воздуха. Коммерции верхнего улья были сверкающими павильонами по продаже роскошных товаров: шелка, кружева, драгоценности, аугментика, ксено-питомцы, ковры, сервиторы, хрусталь, специи, безделушки, так много вещей, что это заставляло ее смеяться в неверии. Что могло заставить кого-нибудь мечтать или хотеть все это? И если они мечтали, тот как они могли себе позволить осуществить эти мечты?

Она могла часами стоять, прильнув к витрине, пялясь на причудливые вещи, пока разгневанные владельцы магазинов не прогоняли ее.

Ей было около девяти-десяти лет, когда она впервые увидела пекарню в Главной Центральной Коммерции. Она никогда не знала ее названия, потому что оно было написано таким узорным позолоченным шрифтом на доске, что она не могла разобрать ни буквы. Она уже видела магазины с дорогой едой раньше, много раз, но пекарня была чем-то другим. Под ее навесом с полоской в виде конфет, за окнами, были торты, пирожные, тимбалы, пироги, эклеры, штрудели, корзинки, булочки,

сдобы, и тысячи других изделий из сахара и искусства, которые были такими же изысканными, как и выставленные напоказ драгоценности в ювелирном квартале. Цвета, формы, украшения, все эти вещи заставляли ее восторгаться. Как и экзотические названия, написанные вручную на карточках рядом с каждым произведением искусства. И *цены...*

Если они стоят столько, каковы они, во имя Золотого Трона, на вкус?

В возрасте девяти или десяти лет, Тона Крийд могла с удовольствием насмехаться над почти всеми роскошностями жизни верхнего улья, но в пекарне она нашла свою собственную мечту. Для ее юного разума, торты и десерты были показателем состоятельной жизни, не столько из-за их стоимости или красоты, но потому, что если ты купишь один, он не будет вечным, как браслет. Он исчезнет сразу, как только ты накинешься на него. *Это было роскошью. Это было роскошной жизнью.*

Это стало ее привычкой, каждую неделю или около того, находить одну из пекарен или кондитерских верхнего улья и проводить несколько мгновений с истекающим слюной ртом, любуясь недостижимыми вещами за окнами, и думая, каковы они на вкус.

Когда Призраки вернулись на Балгаут, Тона Крийд столкнулась лицом к лицу с жизнью, которую она раньше никогда не знала. До Гвардии и войны, она была ребенком из трущоб, а затем она была Призраком, утомительно перебирающимся из одной гаковой дыры в другую.

Внезапно, она стала взрослой женщиной, офицером, с обязанностями, и весьма комфортным жильем, и самой лучшей частью была выплата за службу, зачастую задерживаемую годами. Здесь нечего было делать, кроме как ждать и тренироваться, и готовиться, и сидеть, сложа руки, и найти что-нибудь, на что потратить свою зарплату. На горизонте не было никаких признаков скорого отправления.

Любой ветеран мог сказать, что приспособление к жизни в отставке – это тяжелый удар, подобно отказу от приема стимуляторов. Твое тело слишком приспособилось жить на высоком адреналине за месяцы. Ты становишься отстраненным. Ты становишься нервным, дерганным, беспокойным. Ты испытываешь мигрени,

головокружения, тревогу. Страдает твой сон. Твои руки потеют. А если ты особенно невезучий, то у тебя появляется фобия или обнаруживаются антисоциальные привычки. У тебя в памяти появляются вспышки, вызванные чем-то невинным, как звук крика или запах костра, и ты приходишь в возбужденное состояние, принимая литий на медицинском осмотре или какой-нибудь антистрессовый медицинский коктейль.

Крийд выбрала бег, чтобы справиться с отводом с передовой.

Она уже была на Балгауте около полутора недель, когда нашла пекарню во время тренировочной пробежки вокруг Старой Стороны Балополиса. Вид в окне остановил ее, и заставил ее пробежать назад, чтобы посмотреть внутрь. Работа высококлассного пекаря лежала перед ней, вспышка в памяти, относящаяся к ее детству в коммерциях Улья Вервун.

Работники за прилавком с большим подозрением рассматривали худую, крепковыглядающую женщину в промокшей от пота одежде.

Это было удовольствие, которое она повторила три или четыре раза в последующие недели. Бегать было бессмысленно, но пекарня дала ей направление, точку. Она начала искать другие, увеличив расстояние, меняя маршруты. Она отметила, к своему отвращению, что слегка набрала вес, поэтому она начала увеличивать дистанцию, чтобы противодействовать калориям, которые она поглощала. Длинные, тяжелые забеги стали одержимо длинными, тяжелыми забегами. Требовательная, контролирующая часть ее разума, нездоровая часть, в этом она была фесово уверена, советовала ей бегать, пока она не потеряется в усталости и боли в мускулах каждый раз, когда она жадно пожирала новое замысловатое произведение искусства из сахара. Это было наказание. Это было наказание за ее любовь к сладкому.

Лишенная обычного врага, с которым нужно сражаться, кондитерские изделия стали ее немезидой.

Тона Крийд не была тупой женщиной. Она прекрасно понимала, что эта патология была весьма извращенной, и поэтому она не делилась подробностями ни с кем. Она убедила себя, что это была система наград, что это держало ее в форме, и что это

побороло спуск в ад злоупотребления стимуляторов, или выпивки, или чего-то намного, намного хуже.

Она продолжила бежать и перебежала через Лаймкатский Мост, ощущая холодный металлический запах от реки внизу. Небо было цвета и текстуры заклинившего пиктера. Как только она очутилась на берегу реки со стороны Олигархии, она повернула на восток, на мощеную дорогу и индустриальные пути, которые шли вдоль северного берега через старые причалы к Нью Полис Бридж. Большая часть этой территории была заброшена: старые склады и магазины пришли в упадок и вышли из употребления, наполненные паразитами и принесенным ветром мусором, их окна были тусклыми от катаракт из грязи, их крыши были дырявыми, их дыхание было кислым от плесени, гниения и застоявшейся воды. Этим утром, пороги, карнизы и крыши были покрыты снегом, как мехом горностая, как сахарной глазурью.

Эта территория могла быть слегка опасной, но Крийд держала свой серебряный клинок на ремне под жилетом. Она хотела направиться на восток, а затем повернуть к центру Олигархии. Ее первоначальным планом было добежать до Турнирной Площади, и съесть кусок *альмоотте* «У Зинвана» позади Колледжа Министорума.

Она выбросила эту мысль. Она собирается направиться к Секции, как и предложил Халлер. Она собирается посмотреть: просто посмотреть. В нескольких улицах от Секции было место, где она сможет достать сносный лаймовый *софорсо*.

Скелет Олд Кроссинг и, позади него, Нью Полис Бридж, виднелись впереди.

Любой ветеран мог сказать, что приспособление к жизни в отставке – это тяжелый удар. Этим утром, Крийд чувствовала себя особенно дерганой. Это могло быть из-за новостей о Роуне, но ее ладони были вспотевшими, а во рту был медный привкус. Это ощущалось, как адреналин, боевой адреналин, чувство, которое ты получаешь в боевой зоне, чувство, чтобы быть начеку все время. Ей не было так плохо недели, и казалось, что становится все хуже и хуже, когда она забежала в тень моста.

Она остановилась со стучащим пульсом, и огляделась. Несколько ошеломительных секунд ощущалось так, как будто она снова на передовой, продвигается сквозь какой-то пригород, знает, что враг за каждой стеной и за каждым окном. Ей пришлось побороть сильное желание прыгнуть в укрытие.

Из-за чего это? Что вывело ее из равновесия? Она осмотрелась, повернувшись вокруг, но здесь не на что было смотреть, и не было никого. Она стала сверх-осведомлена гулом трафика, железной тенью моста, небом, похожим на арктический камуфляж, снежной коркой, крепкой и яркой в утреннем солнце, вялым плеском реки, ставшей глянцевой от ледяной каши, тусклым черным влажных каменных стен, оуслитом и травертином, запахами гниения, сточных вод и изглоданного камня, испарением своего дыхания в воздух, стуком своего сердца, золотой аквилы на шпиле у реки, ловящей свет, и шелушащейся и поблекшей краской названия *Скоропортящиеся Товары Эннискера* на ближайшем здании.

Ничего.

Она вдохнула, и снова побежала, направляясь на восток.

Балтасар Эйл ослабил хватку на рукояти консервного ножа. Прямо снаружи только что кто-то был, и он собирался разобраться с незванным гостем.

Кто бы это ни был, что бы это не было, оно уже исчезло. Эйл забрался на одну из осыпающихся арок, которая выходила на дорогу у реки. Внизу никого не было. Он продолжал смотреть еще минуту, а затем вернулся на склад.

На складе были открыты оба контейнера, и все те, кого можно было разбудить, были разбужены. Один из старших Эйла, его сирдар Кархунан, надзирал за возрождением братства в дрожащем свете керосиновых ламп. Некоторые из отряда, самые последние из пробужденных, просто сидели и дрожали, слишком окоченевшие, чтобы делать что-нибудь, кроме как трястись и тупо смотреть перед собой. Другие, которые уже стали более подвижными, сгибали свои конечности, чтобы восстановить кровообращение, или распростились ничком в молитве и произносили пылкие слова благодарности Королям Варпа.

Нескольким вкололи стимуляторы из тех, что остались в медицинской сумке. Медик Валдюка сделал все, что было в его силах, чтобы вывести людей из гибернатического оцепенения.

В итоге, Кархунан решил, что кровь медика гораздо полезнее для них, чем его навыки, и нашел себе консервный нож.

Наиболее наблюдательные члены братства приступили к своим обязанностям. Ритуальные знаки благодарности Высшим Силам были отмечены пальцами на их щеках и лбах кровью медика, Валдюка и его телохранителей. Люди приветствовали Эйла глубокими поклонами и крепкими объятиями, когда он шел среди них. Шорб обновлял отметины пакта на левой руке ритуальным ножом. Он сделал глубокий надрез в честь Эйла и протянул руку, ладонью наружу, своему дамогору.

Эйл поцеловал окровавленную ладонь.

«Мы должны будем обновить обеты над нашими душами, потому что мы вступим на эту землю, дамогор,» сказал Шорб. «Должны быть проведены старые ритуалы.»

«Должны, и будут,» согласился Эйл, «но время уходит. Сначала долг. Братство должно выдвигаться.»

«Мы знаем местоположение фегата?» спросил Имри.

«Скоро,» уверил его Эйл.

Имри кивнул. Он перевязывал свою ногу. Заморозка превратила большинство пальцев в почерневшие колышки.

Малстром, Гнеш и Наеме присматривали за оружием. Эйл передал точные требования в сообщениях, которые посылал, и, казалось, что Валдюк достал все, что было запрошено. Все снаряжение было Гвардейским, упакованным в коробки цвета хаки, которые Валдюк привез сюда задолго до рассвета. Здесь были различные лазганы, автоматические винтовки, пистолеты, несколько тяжелых пушек и большое количество боеприпасов.

«Какое качество?» спросил Эйл.

Малстром пожал плечами, проверяя затвор карабина, который вытащил из ящика.

«Нищие не могут выбирать, Эйл Дамогор,» сказал он. «Оружие старое. Его достали на нелегальных рынках и на перерабатывающих заводах.» Он откинул голову назад и держал оружие так, чтобы получше его изучить в свете керосиновых ламп. Его зубы были розовыми от крови.

«Ну, хотя бы, достаточно хорошее?»

«Большую часть мне нужно будет почистить и освятить.»

«Сделай это побыстрее.»

Малстром кивнул.

«Клянусь своей душой, магир,» ответил он.

Наеме доставал лазерные пистолеты из другого ящика, умело их проверяя, и вставляя силовые ячейки. Как обычно, он бормотал свой лист имен.

«Юталес, потом Шархоек, потом Муулм...»

Он поднял взгляд, когда приблизился Эйл, и предложил ему один из заряженных пистолетов. Эйл взял его.

«Как проходит родословная?» спросил он.

Старый солдат улыбнулся.

«Я проснулся сегодня в этом странном месте и обнаружил, клянусь честью, что близок к концу,» сказал он. Он сделал паузу, и отвернулся, как будто услышал отдаленный голос. Он снова начал бормотать. «Затем Хьеве, затем Юмес...»

Это был избранный ритуал Наеме, который он выбрал в качестве бремени на душе, когда молодым человеком принял пакт. Он пытался произнести, в течение жизни, каждое из бесчисленных имен Смерти, и когда произнесет их все, станет Смертью. Родословная Смерти была популярным ритуалом среди братств Кровавого Пакта, хотя Эйл никогда не встречал солдата, который бы забрался так далеко в священном списке.

Малстром пробормотал тихое проклятие, и Эйл повернулся к нему.

«Здесь нет взрывчатки, дамогор,» сказал Малстром.

«Ты проверил?»

«Все ящики. Есть несколько гранат, но никаких зарядов.»

Эйл секунду подумал. Валдюк, все же, не был настолько надежным. Это было препятствие.

«Нам нужно будет использовать кровавого волка,» сказал Гнеш. Эйл кивнул. «Да,» сказал он, «будет нужно.» В зале позади склада, Бэр и Самус доставали из упаковок трупы, которые были использованы, чтобы ритуально запечатать контейнеры. Задачи миссии основывались на доступном оружии в целевой зоне, потому что груз боеприпасов приличного размера стал бы слишком видимым для сенсоров Имперцев. Тем не менее, было жизненно важно привезти определенные предметы, и они были спрятаны внутри тел, чтобы минимизировать их следы.

Ритуальные ножи отряда – пилозубые, с одной режущей кромкой, клинки, длиной, примерно, с человеческую руку, с рукоятями из человеческих костей – были вшиты в мясо и мускулы у длинных костей рук и ног. Бэр и его товарищ выдолбили первые два, а затем использовали их для продолжения работы. Внутренние полости тел были использованы для железных гротесков отряда.

Когда Эйл вошел в зал, Бэр кончиком своего ритуального ножа срезал желтый жир и полупрозрачную плоть с грудной клетки, чтобы вскрыть ее. Эйл предложил ему большой, похожий на нож мясника консервный нож, и Бэр страстно принял его. Он начал отламывать ребра, как мясник. Он залез в полость, которую открыл, и вытащил один из гротесков.

Эйл взял тяжелую железную маску и повернул ее в руках. Из особенного дизайна сердитого взгляда и воющего рта, он опознал, что она принадлежала Жонасу, но Жонас Каторг был одним из тех, кто не пережил губернацию. Маска останется неиспользованной. Ее нужно будет ритуально уничтожить, чтобы умиротворить Жонаса и его покровительствующих духов.

«Найди мою,» сказал Эйл.

Самус уже нашел ее. С испачканными кровью руками, он протянул серебряную маску дамогора. Глаза Самуса были белыми, и у него было идиотское выражение лица. Много лет Эйл знал Самуса по его плотскому имени, Безов. Самус было именем его покровительствующего духа, особенно шумной твари, которая постепенно заняла место в душе Безова. После этого, Безов настаивал, чтобы его звали по имени его духа, и личность, которую знал Эйл, скрылась за молочными глазами, дрожащими тиками и животными звуками.

Эйл радовался, что его товарищ был отмечен таким благословением Высших Сил. Он взял свою серебряную маску. Он скучал по ее холодному весу.

Ведьму отвели в сырую комнату на чердачных уровнях здания. Кэйлба Сирдара, другого старшего Эйла, приставили присматривать за ней.

«Сколько?» спросил он Эйла, когда дамогор зашел на верхний этаж.

«Шестеро не выжили,» тихо ответил Эйл.

«Труп бога!»

«Жонас один из них.»

Кэйлб покачал головой и снова выругался.

«Остаются тридцать четыре. Мы сможем сделать дело с тридцатью четырьмя.»

«Конечно. Но шесть. Шесть!»

«Они были десятиной,» сказал Эйл своему старому другу. «Они были кровавой платой, чтобы провести нас в сердце врага нераскрытыми.»

«В этом есть истина. Когда выдвигаемся?»

«Как только сможем. Как только она скажет нам. Она готова?» Кэйлб посмотрел в дверной проем позади себя. В темной комнате, они могли видеть, как Леди Ульрике Сереп фон Эйл ходит туда-сюда под изорванными и поблекшими воодушевляющими плакатами Лиги Хенотиков. Она все еще была одета в вуаль и траурное платье. Она разговаривала сама с собой.

«Я разберусь с ней,» сказал Эйл своему сирдару. «Иди вниз, вооружись, помоги Кархунану с ритуалами.» Кэйлб кивнул, обнял своего командира, а затем исчез на гниющей, предательской лестнице.

Эйл вошел в комнату.

«Сестра?»

Ульрике остановилась и посмотрела на него. Эйл мог чувствовать ее взгляд за вуалью.

«Мне не нравится это место,» сказала она.

«Мы знали, что оно нам не понравится, сестра,» ответил он.

«Мы все здесь умрем,» заявила она.

Эйл кивнул. Она никогда не ошибалась, и, кроме как смерти на Балгауте, он не ожидал ничего другого. Это, на самом деле, не имело никакого значения.

«Анарх умрет?» спросил он.

«Ты знаешь, что есть только одна вещь, которую я не могу увидеть,» ответила она. Ее руки сустились под длинными кружевными манжетами траурного платья.

«Тогда скажи мне, что ты можешь увидеть,» сказал он.

Она вздохнула. «Я устала. Я не хочу делать это. Я голодна. Скоро снова пойдет снег. Мне не нравится это место.»

«К черту снег, и позже будет время, чтобы поесть и отдохнуть,» ответил снег. «Ты знаешь, что я хочу знать.»

«Я устала!» обидчиво ответила она. «Правда заставляет мое сердце болеть. Предсказания утомительны. Не заставляй меня делать это.»

Внезапно Эйл оказался перед ней, его руки, как проволочные ловушки, сомкнулись на ее запястьях. Она издала звук от удивления и боли.

«Не заставляй меня делать тебе больно,» тихо сказал он, смотря прямо на вуаль. «Не заставляй меня делать больно моей собственной крови. Это твое предназначение. Вот почему кровавые маги нашего Кровного Родства создали тебя. Вот почему они вырастили и заколдовали тебя.»

«Клянусь душой,» ответила она, «хотела бы я, чтобы они этого не делали.»

«Я знаю.»

«Я, на самом деле, хотела бы, чтобы они этого не делали.»

«Шшш,» произнес он, отпуская ее запястья.

«Ты хочешь знать, где фегат?» спросила она.

«Ты знаешь, что хочу.»

«Ты что-нибудь принес мне?»

Эйл кивнул. Он залез в карман плаща, и вытащил аккуратно сложенную карту Внутреннего Балополиса и Олигархии. Это было еще одно требование от Валдюка. Она лежала в конверте на ящиках с боеприпасами.

Эйл разрезал печать на карте, раскрыл ее, и положил на почерневший от копоти старый стол под темными потолочными балками. Он разгладил ее.

Она подошла, посмотрела на карту, и пробежалась пальцами по бумаге, ведя их по линиям улиц и магистралей отрывистыми стремительными жестами.

Холодный ветер задувал в комнату сквозь окна без стекол, и хлопал свисающими краями карты.

Она вздрогнула, и произвела низкий стонущий звук, звук кошки, побитой и загнанной в угол. Эйл держал ее плечи, мягко, но крепко. Он мог чувствовать ее холод сквозь перчатки.

Ее тяжелое дыхание паром появлялось за вуалью. Его собственное дыхание тоже начало парить.

Без предупреждения, она вырвалась, и побежала к окну, черный силуэт на фоне белого неба.

Эйл закричал, думая, что она собирается выпрыгнуть, и рванул за ней так быстро, как позволял его улучшенный метаболизм.

Он поймал ее у окна, схватившись за черный шелк длинного платья, но она совсем не собиралась прыгать.

Он отпустил. Она стояла на подоконнике и смотрела на Имперский город. Он был бледным, словно кость, в зимнем свете, а небо было цвета замерзшего озера.

Он услышал ее вздох. Она потянулась и подняла вуаль, чтобы посмотреть на мир без барьера. Эйл не смотрел. Он не хотел видеть ее лица. Он просто хотел знать, что она

видит. Он уставился на башни и трубы, на крыши. Город был огромным, возможно самым большим, который он когда-либо видел. Он заполнял мир от горизонта до горизонта. В этом месте, меньше, чем целую жизнь назад, была определена великая судьба. В то время, это казалось потерей для Кровного Родства, но это, всего-навсего, была необходимая цена, родовые муки новой эры. Это позволило Гору подняться и принять корону Архонта. Это установило новый курс для судьбы.

Сейчас должна была решиться вторая великая судьба на Балгауте, нить которой он сжимал в своих руках, хотя она, все еще, выскальзывала. Это заставляло выглядеть первую незначительной, в сравнении.

Ульрике засмеялась. Тихие, тяжелые снежинки падали с блестящего неба.

«Я говорила тебе, что пойдет снег,» сказала она.

«И я поверил тебе,» ответил он, хотя он не был уверен, что это не она *вызвала* снег.

«Ты можешь его увидеть?» спросил он.

«Я могу,» сказала она. «Опусти меня.»

Он взял ее за бедра и опустил с подоконника. Она опустила вуаль, на которой таяли снежинки.

«Кэйлб умрет первым. Тебе нужно это знать.»

«Хорошо,» сказал он, кивая. Он сглотнул.

«Я имею в виду, Кэйлб скоро умрет. Сегодня, возможно.»

«Хорошо,» снова сказал он.

«Ты будешь по нему скучать?»

«Всегда.»

Она пожала плечами и опять подошла к столу. Она снова пробежалась пальцами по улицам.

«И?» спросил Эйл. «Где я найду фегата?»

«Здесь,» сказала ведьма, стуча пальцем по точке на карте. «Он в этом здании на Площади Вайсрой. Здание известно, как... Секция.»

ДЕСЯТЬ

Снег на Снегу

Небо над городом стало болезненно-желтым, и снова пошел снег. Снежинки производили мягкие, стучащие звуки, когда ударялись о стекла высоких окон, которые выходили на внутренний двор, и стук стал контрзвуком тяжелому, траурному стуку богато украшенных часов на столике в углу.

Гаунт немного посидел, а затем начал ходить по приемной. Он посмотрел вниз, на двор, где снежинки начали постепенно скапливаться. Он посмотрел на незаметное движение стрелок по медному циферблату часов. Он подошел к двери приемной и выглянул в холодный коридор. Люди были где-то в другом месте. Он услышал эхо от громких голосов на отдалении. Он пошел назад, сел в кресло, и отхлебнул теперь уже холодного кофеина, который принес дежурный офицер. Он вытащил блокнот Эзры и попытался прочитать еще одну историю Нихтгейнцев, но его мозг был занят не этим.

Появился Комиссар Эдур, и закрыл дверь приемной за собой.

«Что происходит, Эдур?» спросил Гаунт, вставая на ноги. «Когда я смогу вернуться к допросу?»

«Скоро, я надеюсь,» ответил Эдур.

«Ты слышал, что он мне сказал, Эдур,» резко сказал Гаунт. «Это жизненноважно, чтобы я продолжал говорить с ним. Почему, во имя Бога-Императора, ты меня оттуда вытащил?»

«Появились сложности,» уклончиво сказал Эдур.

«Какие сложности?»

Эдур выглядел особенно неловко.

«Я хочу говорить с ним,» сказал Гаунт.

«Мы хотим, чтобы ты говорил с ним,» заверил его Эдур.

«Тогда, почему я не делаю это прямо сейчас?» спросил Гаунт.

«Тебе придется еще немного подождать,» сказал Эдур. Он почесал подбородок, как будто было еще много чего, что он хотел сказать, но просто не мог.

Гаунт пристально посмотрел на него, а затем снова, медленно, сел.

«А, пока что, есть что-нибудь, что я могу организовать для тебя?» спросил Эдур. «Что-нибудь освежающее? Или, возможно, ты бы захотел увидеть своих людей?»

«Моих людей?»

Эдур замешкался, и вытащил блокнот из кармана мундира. Он пролистал страницы и ознакомился с пометками.

«Хмм, Майор Роун, так? Его и шестерых других привезли сюда прошлой ночью. Они внизу, в камере. Я подумал, так как у тебя есть свободное время, ты мог бы--»

«Майор Роун был у меня занозой в заднице двенадцать лет,» сказал Гаунт. «Я не знаю, какие проблемы он себе нажил. Мне все равно. Он может оставаться внизу в камере и гнить там, пока я не почувствую, что меня это заботит. Возможно, это научит его не наживать себе проблемы, хотя я в этом сомневаюсь.»

Эдур откашлялся и убрал блокнот. «Это было просто предложение,» сказал он.

Он повернулся, чтобы уйти, но дверь открылась. Дежурный офицер вошел в приемную и что-то прошептал Эдуру, который кивнул и снова повернулся к Гаунту.

«Идем со мной,» сказал он.

Гаунт вышел за Эдуром в коридор. Ему пришлось быстро идти в живом темпе Эдура.

«Слушай внимательно,» сказал Эдур Гаунту, тихо и настойчиво, пока они быстро шли. «Вчера поздно вечером, ордосы узнали о том, что здесь происходит. Они настаивают, чтобы мы передали Заключенного Б им. Секция отстаивает наше право держать и допрашивать заключенного, но Инквизиция крайне тяжеловесна в этом вопросе.»

«Могу себе представить,» ответил Гаунт.

«Они говорят о юридическом оспаривании власти Комиссариата, и настаивают на проведении полного расследования Ордосом Еретикус. Меркюр пытается

воспрепятствовать им. Он аргументирует это тем, что это все полностью в нашей компетенции.»

«Меркюр? Ты имеешь в виду, Исайю Меркюра, главу Отдела Разведки?»

«Да.»

Гаунт присвистнул. Они вместе завернули за угол, и, поддерживая темп, начали идти по следующему коридору. Несколько вооруженных охранников стояли у пары внушительных дверей в дальнем конце.

«Он вызвал тебя,» сказал Эдур. «Отвечай на все вопросы просто и четко. Не играй с этими людьми. Сейчас не время для саморекламы.»

«Понял,» ответил Гаунт.

«Надеюсь, что так,» сказал Эдур. Охранники взяли на караул, когда подходили два комиссара.

«Откуда они узнали?» спросил Гаунт.

«Что?»

«Откуда ордосы узнали о Заключенном Б?»

Эдур остановился и посмотрел на Гаунта.

«Я не знаю,» сказал он. «Это неизвестно.»

«Ты должен выяснить,» сказал Гаунт. «Если ордосы могут выяснить, значит информация не в безопасности.» Эдур прошел мимо охраны, решительно постучал в двери, а затем открыл одну из них.

Он подержал ее открытой, чтобы Гаунт вошел внутрь.

«Полковник-Комиссар Гаунт,» объявил он.

Гаунт вошел в комнату и сотворил символ аквилы. Перед ним было около двадцати офицеров Комиссариата и клерков, вместе с несколькими членами Имперской Инквизиции. Они располагались по обе стороны большого стола, освещенного бледным светом, идущим сквозь большие окна. Так, как все повернулись, чтобы

посмотреть на него, когда он вошел, заставило Гаунта почувствовать, как будто он вошел в особенно деликатный момент в разговоре.

«Точно, Гаунт,» сказал старший офицер Комиссариата. «Да не стой ты там, мужик. Подойди, пожалуйста.»

Гаунт сделал так, как ему сказали. Никто не ответил на его отдание чести. Никто не отступил назад или не освободил место для него. Пара офицеров Секции отодвинули свои стулья в сторону, чтобы Гаунт смог встать у стола рядом со старшим офицером.

Это был Исайя Меркюр. Гаунт достаточно хорошо знал его по дюжине брифингов на высшем уровне, хотя они никогда не разговаривали. Гаунт обычно был далеко от внимания Меркюра.

Меркюр имел дело с делами Крестового Похода на уровне сектора, и держался в компании системных губернаторов, лордов генералов, и Магистра Войны. Гаунт слышал, что предполагали, что будущее Меркюра может включать в себя звание лорда милитанта, или даже власть над каким-нибудь значительным военным театром.

Меркюр был крепким человеком с сереющими темными волосами, и его решительным чертам удавалось быть как грубыми, так и мягкими одновременно. Он был совсем не красавчиком. Его кожа была плохого цвета и с оспинами, а громада его тела говорила о чрезмерно роскошной жизни, но у него была замечательная осанка. У него был глубокий голос, и его манера поведения, как-то образом, была успокаивающе грубой и подлинной.

«Вы допрашивали Заключенного Б, так ведь?» спросил Меркюр Гаунта, на самом деле, не смотря на него.

«Кратко, сэр.»

«Первые впечатления?»

«Нам не нужно казнить его, по крайней мере, пока мы не вытащим из него все, что сможем.» Меркюр кивнул. Он, все еще, не обеспокоился посмотреть на Гаунта. Половина его внимания, казалось, было захвачена листами, разложенными на столе

перед ним. Другая половина, казалось, была занята человеком, который сидел напротив него.

Человек был, без сомнения, служителем ордосов. На нем была темная нательная броня, и мантия, отделанная белым мехом. Его тело было гибким и с длинными конечностями. Он занимал стул, как танцор на отдыхе, или манекен, который был искусно расположен в качестве модели для художника. У него была львиная грива волос, зачесанных назад, а черты его лица были почти идеальными в своей доведенной до совершенства структуре: его глаза, например. Гаунту пришло на ум, что он уже видел такие глаза раньше.

Он видел их в своем собственном лице. Глаза инквизитора были дорогостоящими моделями, и, кроме того, дело было не только в глазах. Эстетика его лица, линии его челюсти, щек и носа, были слишком благородными, слишком красивыми, чтобы быть настоящими. В какой-то момент времени, инквизитору пришлось переделать все лицо лучшей аугментикой Империи.

«Что конкретно, вы думаете, мы можем вытащить из него?» спросил инквизитор, пристально смотря на Гаунта.

«Жизненноважную информацию для продолжения этого крестового похода,» ответил Гаунт.

«Что квалифицирует вас, как эксперта по анализу такой информации?» Гаунт замешкался. «Простите,» сказал он. «С кем я говорю?» Позади стула, на котором сидел инквизитор, было полдюжины людей в черных одеждах. Его агенты, предположил Гаунт, его команда, его приспешники. Как и их господин, они были худыми и гибкими, и стояли, как труппа танцоров, готовых к выступлению. Даже невооруженные, никто из них не выглядел, как люди, с которыми ты захочешь поспорить. В них было что-то странное, что Гаунт не мог точно описать. Они ошетились на вопрос Гаунта.

«Следите за своим тоном,» начал один из них.

Инквизитор поднял руку.

«Достаточно, Сиркл,» сказал он.

Слуга, Сиркл, слегка расслабился, но его взгляд не покидал лица Гаунта.

Изучая Сиркла и его товарищей, Гаунт осознал, что в них так сбивало с толку.

У них у всех было лицо их господина.

Цвет волос, цвет глаз и даже цвет лица были различными от лица к лицу, но основные элементы физиогномики были идентичными и безошибочными. Лица агентов инквизитора были аугментически переделаны, чтобы отражать героическое совершенство его собственного.

Во-первых, странный кусок тщеславия, подумал Гаунт, и вдвойне странно, когда лицо, которое ты увековечиваешь – это выдумка.

«Я – Хандро Райм,» сказал инквизитор. «Я здесь сегодня на службе Ордо Еретикус. Я спросил, что квалифицирует вас в качестве эксперта?»

«Компетентность Гаунта не для дискуссий, Райм,» вклинился Меркюр. «Он обладает громадными знаниями по Гереонской Кампании, и это то место, где мы захватили Заключенного Б. Если Гаунт говорит, что в этом что-то есть, я верю ему. Он мой человек в этом деле. Так ведь, Гаунт?» Гаунт обнаружил, что Меркюр смотрит прямо на него в первый раз. Это был взгляд, который говорил: *Не заставляй меня выглядеть глупо сейчас, ты, маленькое дерьмо.*

«Безусловно, сэр,» сказал Гаунт.

Райм наклонился вперед, Он улыбнулся, но улыбка не была теплой. Это была превосходная копия улыбки, осуществленная сотнями синтемускульных тензоров и подкожных микромоторов. Он зафиксировался на Меркюре своим аугментическим взглядом.

«Я думаю, что настоящая проблема в том, сэр,» сказал он, «что Отдел Разведки Комиссариата, не ссылаясь ни на кого, или не получив разрешения от любого другого департамента или агентства, включая священный ордос, удерживает ядовитого заключенного Архиврага в сердце одного из городов Балгаута. Это чрезвычайный риск, не говоря уже о том, что это в корне противоречит установленному определению рабочих процедур, как установлено Инквизицией и Верховными Лордами Терры. Империиум не делает этого, Меркюр. Вы не делаете этого.

Единственная организация, квалифицированная и авторизованная иметь дело с таким типом заключенных – это Инквизиция.»

«Это слишком важно, чтобы терять время на юридические споры, Райм,» сказал Меркюр.

«Ох, если бы это было так,» ответил инквизитор. «Вы передадите Заключенного Б нам, и мы оценим его и избавимся от него.»

«Но он не хочет говорить с вами,» сказал Гаунт.

«Что вы только что сказали?» потребовал еще один из приспешников.

«Достаточно, Сиркл!» сказал Райм.

Их что, всех зовут Сиркл, удивился Гаунт.

«Я сказал, что он не хочет говорить с вами,» сказал Гаунт, делая жест в сторону команды ордоса в общем. «И он, так же, не хочет говорить с ними,» добавил он, с кивком на Меркюра и офицеров Секции. «Он хочет говорить со мной.»

«Это правда?» спросил Райм.

«Заключенный Б дал понять, что будет говорить только с Полковником-Комиссаром Гаунтом,» сказал Эдур, который терпеливо ждал у двери.

«Почему?» спросил Райм.

«Это одна из вещей, которую я собираюсь выяснить,» сказал Гаунт, «если мне дадут шанс.» Меркюр отпустил Гаунта, и Эдур отвел его назад в приемную. Часы все еще тикали своими глубокими, равномерными ударами, а снежинки все еще стучали по стеклу.

«Ты хорошо справился,» сказал Эдур.

«Да?»

«Я думаю, что ты впечатлил Меркюра.»

«Не сказал бы,» сказал Гаунт.

Эдур улыбнулся и сказал, «С ним никогда нельзя. Но я думаю, что твоя прямота подстегнула интерес инквизитора достаточно, чтобы выторговать нам кое-какое сотрудничество. Возможно, мы сможем убедить их позволить тебе допрашивать заключенного с ними, в качестве наблюдателей. По крайней мере, в этом случае мы сможем поделиться с ними чем-нибудь, что ты выяснишь.»

«Ордосы должны чертовски уважать нашу потребность в конкретной информации,» проворчал Гаунт.

Эдур все еще улыбался.

«Ты долго был на передовой, так ведь Гаунт?» сказал он. «Ты просто позабыл, насколько абсолютна их власть. Мы счастливы, что они даже любезно нас просят. Они могли просто ворваться сюда и забрать его силой. Ты не поверишь, сколько многообещающих субъектов Инквизиция украла у нас до того, как мы смогли приступить к работе.»

«Значит, мне нужно просто ждать?» спросил Гаунт.

«Боюсь, что так,» ответил Эдур.

Снег падал более сильно, чем раньше, на двор рядом с Вайсрой Хаус. Вес Маггс снова запустил двигатель штабной машины, в надежде получить немного теплого воздуха от радиатора.

Он понимал, что если будет держать двигатель включенным слишком долго, какой-нибудь писака вычтет стоимость топлива из его жалования.

Съежившись в куртке, держа руки подмышками, Маггс сидел на переднем пассажирском сидении, и размышлял об отстойности работы, которую ему дали.

Он промерз до костей, и ожидание убивало его. Сколько уже часов Гаунт был внутри? Небо стало цвета синяка, и ощущалось слишком холодно для снега. Он задумывался о том, чтобы выбраться наружу и убрать снег, который скопился на машине, но не решался. Он задумывался о том, чтобы подойти к одному из охранников, чтобы поговорить и попросить сигарету с лху, чтобы согреть руки, но они были наверху у ворот или в сторожевых башнях, и выглядели весьма необщительными.

Даже механики, которые работали с несколькими машинами, припаркованными в гараже двора неподалеку, бросили свои дела и собрались вокруг жалкой жаровни.

Маггс задумался, дадут ли они ему место, но он сомневался в этом. Они не выглядели очень дружелюбно. На самом деле, все место казалось самым холодным и недружелюбным местом, в котором ему когда-либо доводилось проводить сколько-нибудь времени, и это включая некоторые боевые зоны.

Он смотрел на двор сквозь ветровое стекло и падающий снег, и, в итоге, понял назначение странного строения, на которое смотрел половину дня. Сторона главного здания имела что-то вроде погрузочного склада, встроенного в него, выступающего над территорией главного двора. Там не было окон.

Маггс понял, что он припарковался напротив блока для казней. Люк в нижней части склада над двором был отверстием, в котором болтались тела, когда их вешали.

Этот двор, кроме использования в качестве парковки и для проведения техобслуживания, был местом, где стояли официальные свидетели и наблюдатели казней.

Он вздрогнул. Место на мгновение стало еще более недружелюбным.

Гаунт встал с кресла и убрал блокнот Эзры до того, как ему пришло на ум удивиться, почему он сделал все эти вещи.

Что-то побудило его на эти решительные движения, что-то очень четкое, но он не мог понять, что. Он стоял здесь, с часами, торжественно тикающими рядом с ним, и слышал похожее на звук щетки падение снежинок на окна приемной.

Он что-то увидел. Он что-то увидел, что не мог увидеть, что *не должен* был увидеть.

Всего на секунду, когда его внимание было сфокусировано на следующей истории Эзры, была вспышка, легкая вспышка за глазами, как электрическая вспышка, как дрожание огней авроры.

Глупо. Seriously, это было глупо. Просто еще один приступ его старых, поврежденных глазных нервов. Просто еще одна функциональная проблема его новых, блестящих глаз.

Но в его рту был привкус. Металлический вкус крови.

Он пошел к двери.

«Ты думаешь, что они нарочно выключили отопление, чтобы позлить нас?» спросил Варл, обращаясь ни к кому в частности. Никто в частности не ответил ему.

Танитские преступники занимали семь смежных камер на пятом этаже Тюремного Блока Четыре. Единственными другими заключенными на этаже была пара Удинотских пьяниц, которые все еще спали с предыдущего вечера, и уродливый фес из одного из Варшайдских полков, который занимал следующую после Роуна камеру. Варшайдец вызвался добровольно живописно и долго комментировать, как рад он был видеть Жесси Бэнду, и насколько больше он был бы рад, если бы их не разделяли керамитовые решетки, пока Роун не пододвинулся ближе и спокойно не прошептал ему что-то, что в результате заставило Варшайдца заткнуться и спрятаться в углу камеры.

С тех пор, как семерых Танитцев привели сюда предыдущим вечером, температура на этаже была практически постоянной, но в последний час она заметно начала падать. Варл мог видеть свое дыхание перед собой.

Никто не говорил долгое время. В первые пару часов заключения было много разговоров и множество встречных обвинений, особенно от Бана Даура, который несчастно сидел в своей камере с выражением на лице, которое говорило, что его миру конец. Молодой Кант, втянутый в аферу под давлением со стороны сверстников и мыслью, что, может быть, если он справится, Варл, перестанет шутить над ним, выглядел подавленным и напуганным. Мерин, верный себе, начал ныть и сыпать обвинениями, которые смазали колеса спора между ним и Бэндой, что продолжалось до тех пор, пока охранники не сказали им всем заткнуться.

Затем, через несколько часов, из Аарлема примчался Харк со зверским лицом. Он рассмотрел ситуацию, сказал им, что все они фесовы идиоты, и добавил, что он понятия не имеет, как ему классифицировать «последнее дерьмо Роуна» в этот раз. Он сказал им, что вернется позже этим днем.

После этого никто из них много не говорил.

«Ага, что происходит?» спросил Лейр, сидя на койке и втягивая воздух. «Варл прав. Становится по-настоящему холодно.»

«Ты хочешь, чтобы я спросил консьержа, может ли он поддать тепла?» спросил Мерин.

Бэнда фыркнула и показала Мерину весьма определенное количество поднятых пальцев сквозь решетку.

«На самом деле становится холоднее,» сказал Кант.

«Угломонитесь все,» сказал Роун, и все затихли. Роун встал и стоял очень тихо, как будто прислушиваясь.

«Что такое?» спросил его Варл.

«Ты это слышишь?» спросил Роун.

Гаунт вышел из бронированного лифта в тюремный блок с белой плиткой. Комбинация искусственного освещения и плиток заставляла воздух в блоке казаться болезненным и резким, как зимний свет снаружи.

«Вы не должны быть здесь, сэр,» сказал тюремный офицер, спеша к нему. «Не разрешено.»

«Мне просто нужно на секундочку взглянуть на заключенного,» сказал Гаунт.

«Зачем, сэр?»

«Мне просто нужно взглянуть на него,» настаивал Гаунт.

«По чьему приказу?»

Гаунт повернулся, чтобы посмотреть на офицера. Человек отшатнулся от зеленой электрической вспышки в глазах полковника-комиссара.

«Поговорите с Эдуром. Сделайте это для меня.»

«Да, сэр.»

Человек поспешил прочь. Гаунт подошел к двери комнаты наблюдения. Он просто хотел взглянуть. Он не хотел говорить. Он просто хотел, чтобы его глаза увидели.

Он вошел в комнату наблюдения, и посмотрел в камеру сквозь темное одностороннее зеркало.

Санкционированные мучители оставили Заключенного Б сидеть на стуле, с непокрытыми лицом и головой. Заключенный смотрел прямо перед собой, несомненно не обращая внимания на дискомфорт и длительное заключение. Казалось, что он смотрит прямо на Гаунта, как будто зеркало было совсем не односторонним. Фосфорные лампы наполняли камеру желчным зеленым светом.

«Кто ты такой, черт возьми?» прошептал Гаунт, пристально смотря в зеркало. Он отпрянул, вздрогнув.

Рот заключенного двигался, как будто отвечая.

Гаунт потянулся и щелкнул переключатель на интерком камеры.

«Что ты сказал?» потребовал он. «Что ты только что сказал?»

В камере, заключенный повернул голову в нескольких направлениях, удивленный голосом, внезапно раздавшимся из громкоговорителей. Затем он снова посмотрел на зеркало.

«Я сказал, что слишком поздно,» ответил он. «Они здесь.»

«Кто здесь?» спросил Гаунт.

Заключенный не ответил. Гаунт посмотрел вверх.

Откуда-то из огромного здания над ними донеслись безошибочные звуки оружейных выстрелов.

ОДИННАДЦАТЬ

Штурм

Главный пропускной пункт Секции выходил на Площадь Вайсрой. Охрана только что сменилась, и охранники, занявшие свои места внутри и вокруг ворот, были при исполнении меньше пяти минут. Тем людям, которые были вынуждены работать снаружи, в пролете арки, чтобы останавливать и досматривать машины, все еще закутывались в свои пальто и поправляли шапки, и выглядели кислыми под падающим снегом.

Один солдат, снаружи барьера и топающий ногами, чтобы согреться, увидел приближение, но он был мертв до того, как смог закричать. В последние несколько секунд своей жизни, он увидел темные фигуры, расплывчатые и зловещие, приближающиеся к нему сквозь тишину садов площади, подобно фантомам, вызванным снегопадом. Падающий снег, который окутывал их угрожающее, постоянное продвижение, казался молодому солдату падающим даже еще более медленно, как пиктер, поставленный на замедленную съемку, пока пленка, и падающие снежинки, не достигли неестественной, вибрирующей остановки.

Он открывал свой рот, чтобы высказаться по поводу этих двух странностей, когда кровавый волк убил его.

Он убил его, проходя мимо, взмахом руки. Он убил его на своем пути к сторожке у ворот, отбросив его в сторону с такой силой, что удар отброшенного тела в стену сторожки раздробил большинство его костей и оставил на снегу брызги крови.

Кровавый волк двигался слишком быстро, чтобы человеческий глаз мог уследить за ним. Переливающийся варп, который окружал его искаженную сущность, заставлял время двигаться неправильно, а снег застывать в воздухе. Волк прошел через арку, уничтожив оба барьера, как гнилые деревья. Он производил резкий звук, подобный тому, как ходовая часть скорого поезда выбивает искры из стальных рельсов. Резкий звук заставил оконные стекла, даже те, которые были специально усилены, чтобы противостоять оружейному огню, разлететься вдребезги. Эти вихри усиленного стекла, которые двигались намного быстрее, чем вихри снега в садах снаружи, покровсали всех солдат в зоне поражения. Еще два охранника были обезглавлены

рядом с внутренним барьером, и еще один у двери. Еще один, который был достаточно невезучим, чтобы стоять прямо на пути кровавого волка, распался на куски от удара в брызгах крови, как банка с консервированными фруктами, в которую попал заряд из дробовика.

Кровавый волк – он, как ракета. Ты его нацеливаешь и стреляешь. В отсутствии взрывчатки, которую Валдюк обещал достать, Эйл был вынужден заставить свою ведьму вызвать кровавого волка, в качестве центра рейда.

По этой причине была нужна жертва. Каждый из братства вызвался добровольно для этой чести. В итоге, Эйл выбрал Шорба, выбор, который одобрили его сирдары. Один за другим, люди собирались, чтобы сказать прощальные слова душе Шорба, а затем они отдали ее ведьме, чтобы быть зарезанным.

Эйл не понимал процесс. Он, как правило, оставлял такие вопросы кровавым магам, но он понимал достаточно, чтобы знать, что заклинания, который вызывали кровавого волка не слишком отличались от заклинаний, которые сплетали проволочных волков, которых, как правило, использовали для поддержания порядка и защиты миров Кровного Родства. Эти ритуалы помещали демонический дух в тело-проводник из металла, позволяя ему переходить грань. Ритуалы кровавого волка помещали демонический дух в человеческое тело.

Это было менее точно искусство. Командам металлургов братства и проволочным кузнецам могли понадобиться месяцы или годы, чтобы должным образом довести металлическую основу проволочного волка до совершенства, нанести на нее точные руны и знаки, выковать ее именно так, чтобы она могла наилучшим образом вместить дух, для которого была изготовлена, чтобы захватить его и удерживать.

Даже с острым ритуальным ножом, человеческое тело не могло быть изменено так аккуратно, особенно не за такой короткий срок. В качестве сосуда для горящего света Высших Сил, плоть была слишком скоропортящейся по сравнению с металлом, даже если плоть была такой преданной, как плоть Шорба. Проволочному волку могло понадобиться сорок, или даже пятьдесят минут, чтобы выгореть. Эйл никогда не видел, чтобы кровавый волк продержался больше шестнадцати.

Кровавый волк был одноразовым оружием, гранатой. Любимый Шорб Эйла выгорит и оставит от себя ничего больше, кроме обуглившегося мяса. Фокус с оружием, как кровавый волк, был в том, чтобы использовать его быстро, и использовать его хорошо.

Фокус был в том, чтобы использовать его для достижения *максимального* эффекта.

Шорб превратился в пронзительно визжащего призрака. Он был заряженным, трясущимся очертанием, силуэтом, который когда-то был человеком, скачущим и прыгающим, смеющимся и пульсирующим, как искрящийся конец оборванного электрического кабеля.

Когда Эйл поднял оружие и последовал за Шорбом с браством через ворота, он знал, что у кровавого волка оставалось всего несколько минут.

Им придется принять это во внимание.

Имперский Гвардеец бежал навстречу Эйлу сквозь ошеломительный снегопад, сбитый с толку, с наполовину поднятой винтовкой.

«Какого черта происходит?» потребовал он.

Эйл поднял свою автоматическую винтовку и разнес черепную коробку Гвардейца в кратком, но значительном, розовом душе.

«Мы пришли за предателем,» сказал Эйл дымящемуся труп на снегу, и переступил через него.

Люди брательства распределялись по внутреннему двору, когда проходили ворота. Они шли твердо, с целью, минуя тела и кровавые останки Имперцев. На них были гротески, поэтому их железные лица были застывшими в тихих плачах и страшных усмешках. Их выстрелы были случайными: треск оружейного огня там или тут, где бы не появлялась цель. Боеприпасы не были бесконечными. Имперские солдаты падали со стен и с лестниц. Имри, размахивающий тяжелой автоматической винтовкой, которая была старше, чем все люди братства вместе взятые, выстрелил одной из нескольких винтовочных гранат, которые у них были, в окна сторожевой башни рядом с воротами. Взрыв сотряс башню и выбросил дым сквозь стыки и дыры.

Начали выть сирены. Несколько Имперцев достаточно собрались с мыслями, чтобы начать отстреливаться.

Лазерные заряды затрещали и завывали в заснеженном дворе. Три Имперца, вооруженные карабинами, собрались у входа в административное крыло, и стреляли в сторону пропускного пункта.

Гнеш быстро прошел мимо Эйла, с безразличным спокойствием, как человек на увеселительной прогулке. Он был самым большим человеком в братстве, высоким и с широкой спиной, с плечами лесоруба, и шеей, такой же широкой, как и череп, который сидел на ней. Он нес тяжелый лазган, и оружие свисало у него с правого плеча на длинном ремне, поэтому он мог стрелять от бедра. Каждый разряд, сотрясающий грудную клетку, бросал копьё света сквозь дым и снег. Гнеш, неумышленно, прицелился в административное крыло. Его выстрелы оставляли серию глубоких дыр на стене, пока не добрались до входа и не нанесли катастрофические раны трем Имперцам. Затем он сделал еще пару выстрелов в архитрав, и обрушил вход на их дымящиеся тела.

Ведомый Кэйлбом Сирдаром, первый отряд братства добрался до вестибюля главного здания.

Кровавый волк уже прошел здесь, и широкий мраморный пол был усеян осколками стекла от дверей, люстр и крышек светосфер. Кэйлб повел свой отряд налево, и направился туда, где, как говорила ведьма, был охраняемый лестничный колодец. Имперские солдат и человек в длинном плаще комиссара пытались остановить их, стреляя из укрытия за какой-то разбитой фурнитурой. Кэйлб убил их обоих. Останавливаться времени не было, но Кэйлб задержался достаточно долго, чтобы прочесть отметины, которые их кровь оставила на полу и стенах. Предзнаменования были хорошими.

Кархунан повел второй отряд в главное здание через большой боковой вход, который Имперцы называли банкетным входом. Когда-то это был вход для поставщиков и виталлеров на кухне, в те дни, когда Секция была частным домом. Старые кухни и кладовые стали почтовым офисом, станцией вокса, и рабочим помещением для доносчиков, с доступом к главным комнатам для инструктажей и комнатой с картой. Отряд Кархунана встретил яростное сопротивление от группы

офицеров и комиссаров, которые работали в рабочем помещении. Крича для подкрепления, Имперцы держали главный коридор, вооруженные только пистолетами и парадным оружием, которые у них были в этот день. Позади них, группы невооруженных и невоенных служащих убегали глубже в здание, подальше от штурма.

Малстром получил легкое ранение, первое ранение, полученное братством, но быстро пришел в себя.

Он прыгнул в поспешно брошенную почтовую комнату, чтобы избежать решительного пистолетного огня. Лазерные заряды и пули от Имперских офицеров рикошетили с треском внутри арочного прохода банкетного входа. Кархунан услышал смех Малстрома. «Что?» крикнул он. «Что такого смешного?» Малстром появился в двери постовой комнаты. В качестве одной из охраняемых точек здания, в комнате был шкафчик с оружием. Малстром снес замок прикладом карабина.

«Как будто враг на нашей стороне,» сказал он своему сирдару. «Они оставили игрушки для нас.» Малстром повесил карабин себе на плечо, чтобы вставить заряд в чистый, полированный гранатомет, который он взял из шкафчика.

«Приготовиться!» заорал Кархунан остальным.

Малстром высунулся из двери и выстрелил из гранатомета. Толстая граната полетела в коридор, разбила потолочную лампу, и начала кувыраться, летя вниз до того, как взорвалась. Взрыв сотряс коридор и оставил едкий дым.

«Еще раз?» прорычал Малстром. У него была полная сумка гранат.

«Давай,» согласился Кархунан.

Малстром открыл дымящийся гранатомет, и вставил вторую гранату. Движением запястья он защелкнул коренастое оружие, и снова выстрелил.

Снова, горячий воздух пронесся по коридору. В нем был песок, куски стекла и камня, и они летели потоком.

Имперцы были разбиты. Пока отряд продвигался сквозь дым, они находили большинство из них мертвыми, почерневшими и поджаренными взрывами.

Несколько, ослепших и оглушенных, содрогались в конвульсиях или пытались встать на четвереньки. Кархунан и его люди стреляли в голову любому, кто еще двигался.

Один из комиссаров уцелел, таща с собой раненого коллегу. Когда он увидел появившегося из дыма Харкунана, он начал выплевывать проклятия в его сторону. Он кричал, как животное, наполненное страхом и ненавистью. Он бросил своего коллегу, которого тащил, на пол, и поднял свой пистолет.

Оружие дважды рывкнуло. Кархунан почувствовал два попадания, одно за другим, в правое плечо и правую сторону маски. Удар развернул его, крутанул его тело. Боль обожгла его плечо. Его голова резко отклонилась вправо. Одна пуля прошла сквозь мясо его плеча, другая отразилась от брови на железной маске. Маска врезалась в его лицо, порвала щеку и губу над верхними зубами. Кровь наполнила его рот.

Кархунан улыбнулся. Он поднял карабин и выстрелил очередью. Комиссар дернулся назад, как будто его нога зацепила веревку. Он отскочил от стены позади себя, и упал на лицо.

Сирдар пошел вперед, чтобы прикончить раненого коллегу человека, но его обмякшее тело уже было мертво. Кархунан поднял руку и показал несколько быстрых знаков, чтобы направить своих людей.

Отряд рванул дальше. Несколько человек несли чистые, новые Имперские пушки, которые забрали у мертвых.

Тревога яростно звенела, и воздух был наполнен звуками оружейного огня и криками, и возрастающим ядовитым запахом дыма.

«Из-за чего это, во имя Трона?» взревел Меркюр, когда выскочил из комнаты для совещаний со своими встревоженными помощниками. Снаружи была паника. Персонал бежал по коридору без какой-либо дисциплины или спокойствия. Солдаты грохотали в другом направлении, пытаясь собрать убегающий персонал, и пытаясь понять, как Исайя Меркюр, какого черта происходит в середине дня в сердце Имперской цитадели.

Это были не учения. Меркюр тотчас это понял. Можно включить тревогу и поднять шум, и даже встать во дворе и стрелять из оружия в воздух, чтобы создать атмосферу

срочных импровизированных учений, но никто никогда не умудрялся помещать этот тонкий аромат горения на ветру, и лучший координатор учений не мог сфабриковать напряженный взгляд от настоящего страха и замешательство, которое Меркюр мог видеть на лицах вокруг себя.

К тому же, такая большая импровизация не могла быть организована без его ведома и одобрения, и никто из персонала не был настолько безумен, чтобы сотворить что-нибудь такое днем, когда у Меркюра была встреча лицом к лицу в комнате для совещаний с сукиными гроксолюбями из ордосов.

Все кричали. Отряд солдат почти сбил Меркюра с ног, пока спешил в переднюю часть здания.

«Заткнитесь. Заткнитесь!» кричал Меркюр. «Я задал вопрос. Замолчите, послушайте меня и ответьте! Что происходит?»

«Секцию атакуют, сэр!» ответил младший комиссар писклявым от тревоги голосом.

Меркюр дал ему по зубам достаточно сильно, чтобы сбить с ног.

«Я не спрашивать очевидное, мать твою!» закричал Меркюр. «Мне нужны факты. Дай мне что-нибудь, что я могу использовать!»

«Протокол 258,» сказал Комиссар Эдур, внезапно появившись рядом с Меркюром. С Эдуром был отряд штурмовиков из Роты S, и в его темных красивых глазах было выражение истинного беспокойства.

Меркюр посмотрел на Эдура в неверии. «Нет. Так плохо? Эдур, скажи мне!»

«Задействован Протокол 258, сэр,» ответил Эдур. «Сержант Даймер и его люди проводят вас в безопасное место, и эвакуируют вас, если потребуется.»

Штурмовики приблизились, отодвигая помощников от Меркюра. Они были большими людьми, в черной с зеленым броне, на наплечниках были серебряные инсигнии Роты S, отряда личной охраны Комиссариата, с задачей охранять наиболее старший персонал. Когда вводился Протокол 258, вы не спорите с Ротой S, даже если вы Исая Меркюр.

«Насколько плохо?» потребовал Меркюр, пока Даймер и его люди занимали места вокруг него.

«Серьезное нападение,» ответил Эдур. «Много жертв. Насколько мы знаем, отряд приличного размера, возможно, двадцать или тридцать человек, ударили по главным воротам четыре минуты назад. Некоторые уже в здании.»

«Кто они, черт возьми?» спросил один из старших помощников. «Я имею в виду, кто, черт возьми, атакует Штаб Секции на Балгауте?»

Окруженный людьми из Роты S, Меркюр посмотрел на Эдура. Их глаза встретились. Никто из них не знал точного ответа на безумный вопрос помощника, но они знали достаточно, чтобы понять, что ответ не будет приятным.

«Ох, Боже-Император,» пробормотал Меркюр. «Кто-то пришел за ним.»

«Думаю так, сэр,» ответил Эдур.

«Нам нужно увести вас прямо сейчас, сэр, простите,» сказал Сержант Даймер, и отряд охраны начал уводить Меркюра.

«Они его не получают, Эдур!» крикнул Меркюр. «Ты меня слышишь? Они его не получают. Ты знаешь, что делать. Без ошибок.»

«Да, сэр!» крикнул в ответ Эдур над общим хаосом. Он собирался добавить что-то еще, когда услышал жуткий резкий шум. Он шел откуда-то позади него. Он звучал, как ночной ветер, визжащий в старом дымоходе.

Кровавый волк ворвался в длинный коридор. Эдур повернулся, и увидел его, хотя еще не видел его. Он знал, что что-то приближается, что-то, что выло, как старый дымоход, что-то, вокруг чего был пузырь реальности, подобно плащу из небытия. Эдура затошнило. Он почувствовал желчь в горле. Он вытащил пистолет. Его рука тряслась.

Кровавый волк вошел в коридор на дальнем конце, и хотя он был, по существу, невидимым, его шествие по коридору к ним были отчетливо видно по резке, которую он причинял. Деревянные двери разлетались бурей щепок и пульпы. Ковер горел и сморщивался.

Персонал Секции, находившийся по всему коридору, начал умирать, как будто какая-то убийственная волна прошла по ним. Тела, внезапно, распадались на куски и падали в фонтанах крови, как будто были разрезаны надвое, натрое или даже на четыре части гигантскими, невидимыми ножницами. Другие горели, как кровавые пузыри, или были отброшены к стенам и потолкам невидимыми руками.

Волна уничтожения катилась на них. Эдур поднял свой пистолет. Штурмовики Роты S открыли огонь из хелганов. Капли крови жертв волка наполнили воздух, как капли дождя, и теперь висели в своем падении, как снежинки снаружи.

Раздался громкий хлопок, который сотряс зубы Эдура и причинил боль его глазам. Луч энергии ударил в пузырь искаженного света, который скрывал кровавого волка.

Кровавый волк ударился в стену коридора, оставив жуткие кровавые отпечатки на обоях. Он упал, царапая, раненый, оглушенный, и Эдур осознал, что он, впервые, может видеть нечто должным образом. Человеческий силуэт делал бешеные животные движения внутри голубого варп-пузыря, нечто освежающее и окровавленное, что кричало и трясло конечностями с нечеловеческим буйством. Эдур увидел белую эмаль обнаженных зубов на фоне кровавой массы. Он увидел, как реальность искажается вокруг бескожного тела, и это заставило его блевать.

Второй луч энергии удар по волку, и расставил его скорчиться. Визг усилился.

Хандро Райм, инквизитор, вышел из комнаты для совещаний. Его грива волос поднималась на ветру, который, казалось, затрагивал только его. У него был скипетр, богато украшенный металлический скипетр длиной с трость, который выглядел так, как будто был изготовлен из хромированной стали. Он шипел от энергии, как будто заряд пробегал сквозь него. Верхушку венчал крылатый человеческий череп.

Раздался третий болезненный хлопок. Еще один луч энергии, подобно игле из света, вылетел из черепа скипетра и ударил по кровавому волку. На этот раз луч был непрерывным, прижимающим тварь к полу. Приспешники Райма разошлись веером вокруг него и вытащили оружие. Эдур мог видеть напряжение на лице Райма. Несколько струй варп-пара оторвались от твари, а затем все капли крови, висящие в воздухе, сразу упали, в реальном времени, и покрыли пол миллионами крошечных всплесков, как в первые несколько секунд муссона.

«Думаю, что я обуздал это,» прокричал Райм сквозь стиснутые зубы. «Отведите Старшего Комиссара Меркюра в безопасное место!»

Эдур встряхнулся и повернулся, чтобы повиноваться. Он подошел к штурмовикам, и они начали поспешно уводить Меркюра. Меркюр смотрел с отвращением на тварь, которую инквизитор пытался держать в ловушке, и на кровавый ужас, который волк оставил на своем пути.

«Иди вниз!» заикаясь сказал Меркюр Эдуру. «Иди вниз и позаботься об этом!» Эдур махнул рукой Меркюру и его эскорту идти дальше, и повернулся, чтобы добраться до ближайшего лестничного колодца. Он увидел каплю крови, единственную каплю крови, висящую в воздухе, ее блестящая поверхность дрожала. Он осознал, что она висит в виртуальном стоп-кадре, и что его собственные конечности и движения замедляются, и что время снова нарушилось.

Кровавый волк вырвался из копыя энергии, которым Инквизитор Раум приковал его к полу. Скипетр вырвался из его хватки и улетел по пропитанному кровью полу.

Райм был прикован к стене и болтал ногами. Белый мех на его мантии загорелся, а затем и его волосы. За секунду, вся его голова стала объята огнем. Он кричал. Кровавый волк отпустил его. Он сполз по стене, каким-то образом поднялся на ноги, а затем, шатаясь, пошел вперед, объятый огнем выше плеч.

Его приспешники пытались приблизиться к зверю. Эдур увидел, как один был выпотрошен, а другой полетел прочь, как сломанная кукла. Райм упал на колени, а затем рухнул на лицо, его голова и плечи все еще были объаты огнем. Визг снова стал громче.

Эдур побежал.

Гаунт пристально смотрел в потолок, прислушиваясь. Он мог слышать оружейный огонь. Он был отдаленным, но его было много.

Он уже услышал, по меньшей мере, два значительных взрыва, и много шума. Множество голосов эхом доносились до него, приглушенные перекрытиями этажей.

Он бросил взгляд на заключенного, который был так же спокоен и тих, как и раньше, а затем направился к двери.

В коридоре снаружи никого не было. Он все еще мог слышать крики сверху.

Внезапно, показался тюремный офицер, с красным лицом и запыхавшийся.

«Что происходит?» спросил Гаунт.

«Охраняйте эту зону!» прокричал он, когда пробежал мимо.

«Не приказывай мне!» крикнул ему вслед Гаунт. «Что происходит? Эй!» Офицер убежал из поля зрения.

«Эй!»

Гаунт удивился, почему он задал этот вопрос. Он знал, что происходит. Он знал это своими костями и сердцем. Он *видел* это. Он видел, что приближается.

Он знал, как быстро и как плохо скоро обернутся вещи, и его пугало думать, откуда он может знать это.

Он знал, что ему нужно сделать.

Он вытащил свой болт-пистолет и пошел к двери камеры.

Карабин в руках Кэйлба Сирдара дважды вздрогнул и выплюнул мерзкие клинки красного света. Они вонзились в Имперского солдата, поднимающегося по лестнице к нему, отбросив его назад с подавленным криком. Солдат покатился вниз по лестнице, и приземлился на лицо на нижней площадке.

Кэйлб рявкнул приказ своему отряду, и они загрохотали вниз по лестнице. Горели аварийные огни, и запах дыма становился сильнее. За горестным воем сирен, они все могли слышать визг.

С площадки было два выхода.

«Куда?» спросил Бэр. С оружием наготове, люди ждали приказов, прикрывая доступ с лестничного колодца снизу и сверху.

Здесь были указатели. Кэйлб пробежался пальцами по буквам и попытался произнести незнакомые слова. Это было трудно. Он закатал левый рукав и сверился с кровавой картой, которую ведьма нанесла на его предплечье. Она нанесла ее обоим

сирдарам и Эйлу, маленькая схема целевого здания, составленная по ее гаданию, и сформированная венами и раздутыми капиллярами под кожей. Пока отряд передвигался по территории, кровавая карта на куске кожи двигалась вместе с ними. Кэйлю пробежался грязными пальцами по неровностям и рубцам.

«Туда,» указал он. «Левый люк.»

«Святой Трон,» прошептал Мерин. «Святой фесов Трон!»

Он был прямо перед решеткой камеры в Тюремном Блоке Четыре, схватившись за нее руками.

«Роун?» прошипел он.

«Что?»

Роун бросил взгляд на Мерина с прикрытыми глазами. Страх, который они все чувствовали, наиболее заметно виднелся на лице Капитана Мерина. Это был не страх перед сражением, потому что они все делали это множество раз за свою жизнь, как это и не было страхом смерти.

Это был страх быть заключенным в камере. Это был страх беспомощности.

«Это определенно не хорошо,» сказал Лейр.

«Здание атакуют,» с запинкой произнес Мерин. «Я имею в виду, его штурмуют. Вы можете слышать это. Мы можете чують это.»

«Ты можешь заткнуться,» сказал Роун.

Мерин был прав. Уже несколько минут, они могли слышать приглушенные визги тревоги откуда-то сверху. Тревога включилась сразу после того, как стало по-настоящему холодно. Затем, они начали слышать другие искаженные звуки, едва слышимые сквозь укрепленные стены и перекрытия тюремного уровня: крики, выстрелы, взрывы.

«Нам нужно выбраться из этих клеток,» сказал Мерин.

Роун посмотрел на него, посмотрел на керамитовые решетки, а затем снова посмотрел на него.

«Я это и имел в виду,» рявкнул Мерин.

«Он это и имел в виду,» сказал Варл.

«Ага, ладно, если конечно у тебя есть ключ, сделанный из сильного желания,» сказал Роун.

Мерин встал на колени и снова начал осматривать запорный механизм двери камеры.

Бан Даур все еще сидел на койке, сложив руки, с кислым видом.

«Это хорошая идея, Мерин,» сказал он. «Великолепная. Замки в тюремных блоках Комиссариата знамениты тем, что их легко взломать, особенно если воспользоваться ногтями и волосами из носа.»

«Заткнись нафес, высокомерный сукин сын!» крикнул Мерин, поворачиваясь к Дауру. «Сделай что-нибудь. Подумай о чем-нибудь! Мы заперты здесь, и что-то плохое надвигается. Мы заперты здесь и, когда это придет, мы будем беспомощны, и мы все умрем, как фесовы крысы!» Даур вскочил на ноги и посмотрел на Мерина сквозь решетки. Он был выше, чем Мерин. Он смотрел на него сверху вниз почти всегда.

«Мы заперты здесь, потому что были тупыми,» сказал Даур. Движение головы показало, что он имел в виду всех.

«Мы были тупыми, и это все то, что случается с тупыми людьми.»

«Ох, фесоголовый,» сказал Мерин. «Это твоя философия, Мистер Пай-мальчик? Быть мужиком и встретиться лицом к лицу со своим наказанием?»

«Именно,» ответил Даур.

«Ты фесово невероятный!» резко ответил Мерин.

«А ты идиот,» сказал Даур. «Ты несешь чушь из-за ничего. Это учения.»

«Учения?» спросил Мерин в неверии.

«Да, естественно это учения!» сказал Даур. «Ну же, они врубили сирены и выстрелили несколькими холостыми. Это импровизация. Это все закончится минут через пять.» Он посмотрел на других Призраков. Все смотрели на него.

«Что? Ну же, это же они, так ведь?»

Даур посмотрел на Лейра, но большой разведчик выглядел не в свой тарелке. Даур посмотрел на Варла, но Варл вдохнул носом и посмотрел в пол. Он посмотрел на Канта. Молодой солдат выглядел просто напуганным.

«Это – Балгаут!» заявил Даур. «Это гаков Балгаут, ради Трона. Мы так далеко от передовой, что даже не стоит шутить об этом. Кто, как, будет атаковать Секцию Комиссариата в центре Балополиса...»

Он затих. Он посмотрел на Бэнду. Она посмотрела на него в ответ, улыбнулась легкой печальной улыбкой, и покачала головой.

Он посмотрел на Роуна.

«Майор? Ну же, помогите мне,» сказал Даур.

Роун смотрел на него.

«Это не учения,» сказал Роун.

Даур открыл рот, а затем снова закрыл его.

«Фес,» в конце концов, произнес он.

Дверь в блок открылась. Тюремный офицер ворвался внутрь и уставился на мгновение на всех, его глаза перебежали от камеры к камере: семь Призраков, Удинотцы, пьяные в дрова, и одинокий Варшайдец в следующей после Роуна камере.

Тюремный офицер выглядел напуганным и сбитым с толку. Его волосы слиплись, а его китель был неправильно застегнут на пуговицы. Он выглядел так, как будто кто-то разбудил его только что от плохого сна.

Сквозь открытую дверь блока позади него, они могли слышать сирены гораздо отчетливее.

Тюремный офицер в последний раз посмотрел на них, как будто не уверенный в том, что собирается сделать.

«Оставайтесь здесь,» сказал он им, и выбежал, закрыв дверь за собой.

Варл посмотрел на Роуна сквозь решетку.

«Знаешь,» сказал он, «иногда люди говорят наитупейшие вещи.» Выстрелы снаружи заставили их вздрогнуть и напрячься: два выстрела, прямо за дверь.

Инстинктивно, все Призраки отодвинулись от решеток.

«Что за чертовщина?» промямлил Варшайдский солдат.

Дверь тюремного блока открылась. Снаружи, они могли слышать крики, топот шагов и повторяющиеся выстрелы.

Кэйлб Сирдар заскочил внутрь с поднятым карабином.

Заклученные. Сирдар видел заключенных, просто заключенных в камерах, смотрящих на него в трогательном ужасе.

Проверить их. Найти фегата. Убить фегата. Убить всех, кто не фегат. Люди из его отряда разошлись по блокам и делали именно это. Он мог слышать выстрелы.

Сирдар пошел вперед. Он видел глаза, смотрящие на него, дикие, животные глаза; люди в камерах, которые узнали смерть, когда она приблизилась.

Роун смотрел за приближением человека. Он рассматривал рваную, грязную боевую форму, вторые или третьи руки, по меньшей мере, целеустремленное поведение, уверенное, хорошо заученное продвижение. Только одна деталь имела значение.

Воющая железная макс, которая была на лице человека, очень четко идентифицировала его. Это был боевой гротеск воина Кровавого Пакта.

Он услышал шепот Канта, «Святой Трон.»

Сирдар подошел к первой камере. Он держал приклад карабина у плеча, направив его в пол. Он посмотрел на моргающего Варшайдца сквозь прутья решетки.

«Ты кто такой?» невнятно пробормотал Варшайдец.

Кэйлб выстрелил между прутьями решетки. Два выстрела попали в грудь Варшайдцу, и отбросили его на стену камеры. Его труп перевернул койку и закрытый горшок рядом с ней, когда упал на пол. Кислый запах застоявшейся мочи наполнил воздух в блоке, и смешался с резкой вонью паленого мяса и зажаренной крови.

Следующей камерой была камера Роуна. Роун не двигался, когда убийца пошел к нему. Он смотрел, не отрываясь, на гротеск.

Кэйлб быстро осмотрел заключенного сверху донизу, а затем поднял карабин, чтобы прикончить его.

«Вой шет, магир!» сказал Роун.

Кэйлб замер.

«Чед куа?» ответил он.

«Вой шет, магир,» повторил Роун, делая шаг ближе к прутьям, держа руки на виду.

«Эсвер шет эдерета кух шет.»

Кэйлб подошел ближе, оружие все еще было нацелено в грудь Роуна.

«Шет атрага горае хаспа?» потребовал он. «Вой горае хаспа?»

Роун улыбнулся, и сказал, «Фуад ганеш дроук, магир.»

«Чед?» спросил сирдар.

«Абсо-фесово-лютно,» сказал Роун и выбросил руки между прутьями. Его левая рука схватила ствол карабина и дернула между прутьев. Оружие выстрелило, но выстрел попал в стену камеры, не причинив вреда. Правая рука Роуна схватила сирдара за воротник. Застигнутый врасплох, сирдар обнаружил, что его голова приближается к двери камеры. Роун ударил его по клетке, так что они были лицом к лицу и их разделяли только прутья. Хотя сирдар все еще держал карабин правой рукой, большая часть оружия уже была между прутьями и была заклинена между ними хваткой Роуна. Оружие снова выстрелило. Еще два безвредных лазерных заряда оставили жженые отметины на задней стене.

Это все происходило слишком быстро для сирдара. Кэйлб начал выкрикивать, отбиваться. Он схватил Роуна сквозь прутья левой рукой.

С обнаженными зубами, Роун начал бить лицо сирдара по прутьям правой рукой. Его хватка за воротник была такой сильной, что он практически душил человека. В яростном, постоянном, почти гипнотическом движении, Роун начал водить правой рукой туда-сюда, ударяя лицо в железной маске об решетку снова и снова. Это было похоже на работу промышленного штамповочного пресса. У Роуна не было времени, места, удобного случая или способа для одного смертельного удара, поэтому он компенсировал это большим количеством неистовых ударов.

К восьмому удару, сирдар начал бороться с настоящей яростью, и карабин снова выстрелил.

К десятому, его зубы были сломаны, и кровь лилась из его качающейся головы. К двенадцатому, на прутьях были кровь и отметины. К пятнадцатому, гротеск треснул, и голова сирдара стала безвольной, качаясь, как мешок туда-сюда.

Кэйлб Сирдар, в конце концов, оторвался, где-то, примерно, после семнадцатого удара. Он, пошатываясь и качаясь, отошел назад, провыл проклятие Королям Варпа, и выстрелил в Роуна.

Если не считать того, что он больше не держал карабин. Он был все еще в руке Роуна.

Роун втащил его между прутьев, развернул, как на учениях к параду, прицелился, и без промедления выстрелил из камеры.

Лазерный заряд попал Кэйлбу Сирдару в лоб, и отбросил на стену блока. Гротеск развалился напополам, и две части слетели у него с лица и поскакали по полу в разных направлениях.

Сирдар сполз по стене, и умер в сидячей позе, наклонив голову на бок. Он оставил длинный кровавый отпечаток на стене позади себя. Если бы он был жив, чтобы увидеть это, Кэйлб Сирдар понял был, что предзнаменования кровавых знаков не были хорошими.

Роун опустил карабин.

«Святое дерьмо,» выдохнул Мерин.

«Г-где вы научились говорить на этом языке?» прошептал Кант.

«Ага, Кант, сейчас самое время для *этого* разговора,» сказала Бэнда.

Роун приставил дуло карабина к замку и дважды спустил курок, достаточно, чтобы разнести механизм. Он открыл дверь камеры и направился к выходу.

«Эй. Эй!» крикнул Мерин. «Ты куда, фес тебя? А как же мы?»

«Он собирается проверить, что мы в безопасности, а затем собирается достать ключи,» спокойно сказал Варл. «Фес, Мерин, ты что, ребенок?»

Роун дошел до двери блока и выглянул наружу с приготовленным карабином. Снаружи было много стрельбы, практически рядом. Запах горения был интенсивным. Теперь он мог видеть дым в воздухе. Он мог слышать крики. В соседних блоках заключенных вырезали.

Он толкнул дверь, и открыл ящик на стене, где тюремные офицеры держали ключи от камер.

Они зазвенели, когда он вытащил их, и поспешил назад к камерам.

«Выбирайтесь, быстро,» сказал он, давая ключи Варлу, первому в линии. «Мы уходим отсюда.»

«Но что насчет--» начал Даур.

«Если останемся здесь – умрем,» сказал Роун, оборвав Даура. «Мы уйдем, и выясним, какого феса происходит. Потом будем беспокоиться о последствиях.»

Заклученный Б повернул голову, чтобы посмотреть на Гаунта, когда тот вошел в болезненный зеленый свет камеры. Он посмотрел на болт-пистолет в руке Гаунта не моргнув и без выражения.

Затем он снова повернул голову и стал смотреть прямо перед собой.

«Нет времени для разговоров,» сказал Гаунт.

«Я знаю,» сказал этогор.

«Мы пришли к пониманию?» спросил Гаунт.

«Просто сделайте это,» ответил заключенный.

Свободной рукой, Гаунт начал ослаблять манжет, который приковывал левую руку Заключенного Б к стулу. Заключенный Б посмотрел на него, сильно удивленный.

«Что?» спросил Гаунт.

«Я думал--»

«Что?»

«Я думал, вы пришли казнить меня.»

«Казню. Дай мне малейший повод, и казню,» сказал Гаунт, работая со следующим манжетом.

Он продолжал бросать взгляд через плечо на дверь.

«Я не дам вам причин--»

«Вы хотели, чтобы мы доверились вам,» резко сказал Гаунт. «Вы хотели, чтобы я доверился вас. Я не доверяю, и, возможно, не буду доверять. Но вы хотели моей помощи, чтобы остаться в живых, потому что вы поклялись, что можете помочь нам. Один шанс. Не испытывайте меня.»

«Не буду, Гаунт.»

«И не зовите меня по имени.»

«Конечно,» сказал Заключенный Б.

Гаунт расстегнул ремни на теле и стряхнул их с плеч этогогора.

«У вас руки затекли? Пальцы?»

«Нет,» сказал Заключенный Б.

«Тогда снимайте ремни на ногах,» сказал Гаунт.

Заклученный Б наклонился на стуле и начал старательно расстегивать тяжелые железные пряжки на кожаных ремнях, сковывающих его ноги. Гаунт пошел назад к тяжелой двери камеры и выглянул наружу. Коридор снаружи был пуст, но он слышал поблизости громкие выстрелы в автоматическом режиме. Где-то еще, кто-то кричал.

Он мог чувствовать дым, и он мог слышать какой-то... *пронзительный* звук.

Он отодвинулся внутрь и обернулся к Заклученному Б. Заклученный уже освободил одну ногу.

«Быстрее!» крикнул Гаунт.

Снаружи послышался шум. Он вернулся к двери. Взглянув за край, он тотчас увидел, как тюремный офицер и санкционированный мучитель ворвались в коридор через дверь на дальнем конце. Тюремный офицер пятился, неистово стреляя из лазерной винтовки от бедра по невидимым целям за дверью. Мучитель просто убегал, спасая свою жизнь, громяхая по белым плиткам коридора к тяжелой двери, скрывающей наполовину Гаунта.

Ответный огонь вырвался из дверного проема и срезал тюремного офицера, который просто согнулся и рухнул. Провыли еще две или три очереди, а затем вооруженный человек ворвался в дверь, перепрыгнув через мертвого тюремного офицера. Он был вооружен старой лазерной винтовкой и одет в поношенную боевую форму. Человек, одетый так же, как он, появился сзади.

На обоих были черные железные гротески.

Первый из них поднял винтовку и выстрелил убегающему мучителю в спину, бросив его на пол. На животе в луже собственной крови, которая выглядела глянцевой, как пролитая эмаль на фоне полированной белизны плиточного покрытия коридора, мучитель пытался ползти вперед. Его ноги были бесполезны.

Он увидел Гаунта за тяжелой открытой дверью камеры перед собой.

«Помоги мне!» пробублькал он.

Лазерный заряд снес ему верхушку черепа.

Гаунт высунулся из-за двери и выстрелил из болт-пистолета. Выстрел попал первому Пактийскому рейдеру прямо в живот и разнес его торс. Кровь и мясо внезапно украсили значительную часть белой плиточной поверхности коридора.

Другой Пактиец крикнул что-то и начал стрелять.

Гаунт отпрянул назад за дверь, когда очередь пролетела мимо. Он почувствовал, как она врезается в другую сторону тяжелой двери, толкая ее. Он пытался держать ее открытой. Если дверь закроется, сработает замок, а если сработает замок, он с Заключенным Б будут в ловушке, и это будет конец.

Еще больше диких выстрелов застучали по двери, скрывающей его. Удары начали толкать дверь на него с достаточной силой, чтобы ушибить его плечо и руку. Гаунт мог слышать крики с дальнего конца коридора. Кто-то кричал слова на тяжелом, уродливом языке, который он, к счастью, не слышал часто после Гереона.

С проклятием, Гаунт пинком распахнул дверь и снова открыл огонь, держа болт-пистолет двумя руками. Три воющих болта потелели через коридор, и взорвались на плиточных стенах, разбросав куски плиток и штукатурки во все стороны. Рейдеры в масках, а их там уже было трое, резко пригнулись, и бросились назад в укрытие за дальней дверью.

Гаунт выстрелил еще два раза из своего великолепного пистолета-пушки, чтобы держать их в укрытии, и повернулся назад к камере.

Заключенный Б стоял прямо позади него.

Гаунт отскочил и поднял оружие, но Заключенный Б просто стоял.

«Не подкрадывайся ко мне!» приказал он.

«Я не хотел--» сказал этогор.

Залп лазерных зарядов протрещал мимо. Гаунт вздрогнул и повернулся, выстрелив еще два раза, что заставило разбежаться рейдеров, целящихся в них из дальнего конца коридора.

«Пошли!» крикнул Гаунт. Он побежал по коридору с Заключенным Б позади. Он мог слышать, как рейдеры кричат позади них. Как там было это слово?

Фегат.

«Быстрее!» крикнул Гаунт. Два лазерных заряда врезались в стену рядом с ним, разбив плитки.

Еще четыре метра. Дверь слева.

Гаунт затормозил перед ней, схватил Заключенного Б за плечо, и силой толкнул его в дверной проем с линии огня. Он послал в рейдеров еще одну тяжелую пулю, приближающихся к ним по коридору, а затем прыгнул в дверной проем до того, как у него было время увидеть, попал ли он в кого-нибудь.

С другой стороны, в маленьком проходе, выходящем в главный коридор тюремного блока, Заключенный Б замер.

Солдат Кровавого Пакта перед ним до этого замешкался от удивления на секунду. Теперь, его винтовка поднималась, чтобы выстрелить.

Гаунт выстрелил мимо плеча этогоора и разнес голову рейдера на куски. Кровь забрызгала лицо Заключенного Б. Он не вздрогнул. Он вытер ее тыльной стороной руки.

Гаунт захлопнул дверь за ними и разнес замок.

«Идем,» сказал он Заключенному Б.

«Куда?»

«Туда,» сказал Гаунт.

«Куда мы идем?»

«Я найду выход,» сказал Гаунт.

Рейдеры начали долбить по другой стороне закрытой двери. Гаунт вытащил дымящуюся обойму из болт-пистолета. Она была пустой. Десять зарядов. У него было только три обоймы в кармашках на поясе.

«Они не позволят вам уйти,» сказал Заключенный Б.

«Фегат,» ответил Гаунт.

«Что?»

«Они называли тебя фегат.»

«А какое еще слово есть у них для меня?» спросил Заключенный Б.

«Так ваши люди называли Стурма,» сказал Гаунт, вставляя свежую обойму и передергивая затвор.

«А какое еще слово у них есть для обоих из нас?» спросил Заключенный Б.

Гаунт пожал плечами.

«Туда,» сказал он. Над звуком сирен, и гулом ударов и криков с другой стороны двери, он, все еще, мог расслышать пронзительный звук. Он обернулся к Заключенному Б.

Этогор смотрел вниз на окровавленный труп рейдера у своих ног. В особенности, он смотрел на упавшую винтовку.

Без каких-либо попыток показать неправильно направление, он наклонился, чтобы взять ее.

«Что ты делаешь?» спросил Гаунт.

«Что?» спросил этогор, его розовая рука без шрамов почти приблизилась к винтовке.

«Что ты делаешь?»

«Беру оружие. Две пушки лучше, чем одна.»

«Забудь,» сказал Гаунт.

«Нам нужно будет пробиваться.»

«Я сказал, забудь.»

«Но--» начал Заключенный Б.

«Я не дам тебе оружие. Ты можешь забыть про это. Я не дам тебе оружие,» сказал Гаунт.

Этогор выпрямился. Он кивнул.

«Я понимаю,» сказал он.

Они пошли по проходу. Отовсюду слышались звуки сражения, с этажей под и над ними, и с ближайших территорий. Они пересекли тюремный блок, где во всех камерах были распростерты застреленные трупы. С поднятым пистолетом, напряженный, Гаунт шел впереди.

Новый дверной проем вывел их в еще один длинный коридор с белой плиткой, отличный стиль тюремных уровней, как казалось. Здесь не было ни окон, ни дверей, только длинный, блестящий белым туннель.

«Куда?» спросил Заключенный Б.

Рейдеры появились в коридоре справа от них, и заметили их.

Они начали бежать. Когда выстрелы начали лететь в их сторону, Гаунт повернулся и выстрелил, пропустив Заключенного мимо себя. Он попал в кого-то, и заставил остальных пригнуться.

«Шевелись!» крикнул Гаунт.

Балтасар Эйл переступил через кровавую массу, которая когда-то была одним из его людей.

«Где?» спросил он.

«Туда, клянусь душой!» заявил Наеме, указывая дальше по коридору.

«Ты уверен, что это он?»

«Я видел его,» сказал Имри.

Эйл протолкнулся мимо них и начал бежать. Он наступал на кровь своего мертвого товарища, и оставлял кровавые отпечатки на белых плитках.

Они шли за ними. Гаунт мог видеть это каждый раз, когда оборачивался. Они преследовали. Один из них, большой человек в кожаном плаще из бейжа, вел, с карабином в руках.

Его гротеск был серебряным.

Офицер, подумал Гаунт, руководитель миссией.

Отпихнув Заключенного Б, Гаунт повернулся и снова выстрелил. Визжащий болт едва не попал в офицера Кровавого Пакта, но человек в серебряной маске даже не уклонился.

Он присягнул своему делу, подумал Гаунт. Он не заботится о своей собственной жизни. Он непоколебимый.

Гаунт выстрелил. Он снова не попал в лидера в серебряной маске, но заряд взрывом выпотрошил Пактийца, бегущего рядом с ним. На бегу, лидер в серебряной маске поднял карабин, и выстрелил от плеча, как охотник. Лазерный заряд попал в пол. Другой прошел сквозь край пальто Гаунта. Третий вонзился в левую лопатку Заключенного Б.

Заключенный Б не упал, но он захрипел и споткнулся. Гаунт схватил его, чтобы поддержать прямо, и попытался подгонять его. Выстрелы врезались в стены вокруг них.

Коридор с белой плиткой становился уже. Они проскочили точку, где коридор, фактически, стал уже, потеряв, примерно, четверть ширины. Еще пять метров, и коридор снова сузился. Высокий коридор с белой плиткой прогрессивно сужался.

Он был специально спроектирован, чтобы налагать ограничения на всех, кто двигался по нему: чтобы человек не мог повернуться или вырваться у сопровождающих его охранников.

Гаунт внезапно осознал, что впереди не будет выхода. Они непреднамеренно бежали в тупик, в буквальном смысле тупик. Сужающийся коридор был длинным, намеренно узким проходом к комнате казни, последней дорогой, которую проходили все важнейшие заключенные Комиссариата, последней дорогой, на которой нельзя было повернуть назад.

Балтасар Эйл продолжал свое долгое продвижение вперед. Его бейжевый плащ развевался за ним. Потолочные лампы коридора вспыхивали на его серебряном гротеске.

Он поднял свой карабин.

ДВЕНАДЦАТЬ

Место Казни

Как и сужающаяся глотка коридора, которая привела их сюда, комната казни была полностью отделана блестящими белыми плитками. Их было легче отмывать. Здесь были маленькие медные сливные люки в полу под прочной балкой с виселицей на потолке.

Гаунт протолкнул Заключенного Б сквозь дверной проем в безвыходную маленькую коробку комнаты. Несмотря на свою рану, Заключенный не показывал боль. Два лазерных заряда провизжали мимо их ушей и ударились в дальнюю стену комнаты. Гаунт повернулся. Лидер Архиврага в серебряном гротеске был очень близко.

Гаунт выстрелил.

Взрыв отбросил тело их преследователя по удручающе узкому коридору дороги казни. Оно врезалось в двух людей позади него и сбilo их с ног. Узкое пространство наполнилось вонью обуглившейся плоти и фуцелина.

Гаунт подошел к двери, тяжелому люку, и начал закрывать ее, надеясь запереть ее на замок или засов. Казалось, что она не хотела двигаться.

«Помоги мне!» прорычал он, напрягаясь.

Заключенный Б стоял прислонившись к соседней стене и тяжело дышал. Левая сторона его одежды была пропитана кровью.

Гаунт проигнорировал его и снова налег на дверь. Он убрал в кобуру болт-пистолет, чтобы получить хорошую хватку на ней обеими руками. Она начала двигаться, очень медленно. Гаунт охнул в отчаянии. Презренная вещь ощущалась так, как будто была сделана из камня. Еще несколько лазерных зарядов прожужжали в открытый дверной проем и разбились о дальнюю стену.

Дверь подвинулась еще не пару неохотных сантиметров.

Что-то врезалось в Гаунта и пронесло его через комнату казни к стене. Удар выбил из него воздух.

Он был схвачен человеком в серебряном гротеске. Лицо и грудь вражеского лидера были почерневшими и выжженными, а его руки в перчатках были изорваны и окровавлены, но он был далеко от смерти. Болт Гаунта, планируемый в качестве выстрела в тело, попал в карабин в руках Эйла и взорвал его перед его лицом. Сила взрыва отбросила его в его людей, но заряд не его убил.

Эйл прижал Гаунта к стене, и схватил его рукой за горло. С широкими глазами от удивления, его руки были слишком зажаты для должного удара, Гаунт пихнул локтем, а затем сделал неуклюжий удар, который заставил атакующего отступить на шаг.

Гаунт вырвался из хватки, и отбил руки Эйла. Эйл нанес удар кулаком, который был должен попасть в лицо Гаунту и повернуть его голову, но Гаунт отразил его, поймал вытянутую руку подмышку, и сильно приложил Эйла к стене, используя вытянутую руку Эйла, как рычаг.

Эйл захрипел от удара. Гаунт попытался ударить его о стену второй раз, но левый кулак Эйла прилетел, попав Гаунту в челюсть. Он отшатнулся назад, потеряв хватку на правой руке Эйла.

Эйл тотчас напал снова. Не было никакого промедления. Интенсивная, удар за ударом, скорость схватки была маниакальной и яростной. Эйл нанес удар ногой по ребрам Гаунта, которые не были должным образом защищены, но, пока Гаунт пытался защитить себя, Эйл нанес другой удар другой ногой.

Гаунт отразил его предплечьем, но не был достаточно быстрым, чтобы схватить пятку или лодыжку. Сменив положение ног, Эйл попытался нанести третий удар ногой, под первоначальным углом, с которого он задел ребра Гаунта. Отбивание следующих один за другим ударов заставляло Гаунта отступать по маленькой комнате к дверному проему.

На этот раз, Гаунт схватил пятку рейдера. Она ударилась в его ладонь с удовлетворительным шлепком. Он резко дернул и потащил ногу вверх, выбивая другую ногу Эйла из-под него.

Эйл рухнул на спину на белые плитки, но вырвался и изобразил тревожно проворное движение телом, которое, как хлыстом, вернуло его на ноги. Он поднялся как раз вовремя, чтобы встретиться с кулаком Гаунта.

Гаунт целился ему в горло, но промахнулся и нанес удар костяшками по краю серебряного гротеска. Ответный, отклонившийся от направления, кулак Эйла, попал Гаунту в левую ключицу. Когда Гаунт отпрянул, Эйл нацелился на его горло. Эйл был высоким, с длинными руками, и он был ошеломительно сильным, но проблемой для Гаунта было не столько его сила, сколько твердость. Он был твердым, как тяжесть или гравитационная волна. Это было так, как будто он был сделан из какой-то субстанции, которая была гораздо более плотной, чем материя, из которой состоял человек. Гаунту никогда не приходилось сдерживать человека, настолько непреклонного или настолько несдвигаемого.

Железные руки Эйла отбили кулаки Гаунта в сторону и сомкнулись на его шее. Когда он почувствовал, как его трахея закрылась, а сухожилия горла сжались, Гаунт ответил инстинктом, а не каким-то логическим планом. Его кишки подтвердили, что единственная оставшаяся вещь, которой он может воспользоваться против своего противника – это его противник.

Гаунт позволил увлечь себя неконтролируемым импульсом атаки Эйла. Он позволил себе упасть на спину, на твердые белые плитки. Он позволил импульсу пронести лихорадочно решительного человека в серебряном гротеске над своей головой.

Эйл упал на пол прямо у дверного проема комнаты, кувыркнулся и приземлился с другой стороны дверного проема.

Гаунт вскочил на одно колено и вытащил свой болт-пистолет, чтобы закончить противостояние.

Люк комнаты казни захлопнулся перед его лицом, поставив десять сантиметров стали между ним и человеком в серебряном гротеске. Весь их поединок продолжался менее тридцати секунд.

Гаунт поднял взгляд.

«Вам нужно было потянуть это,» сказал Заключенный Б. Рядом с дверью был медный рычаг. Гаунт совершенно упустил его. Приведи в действие рычаг, и люк покатится на зубчатом механизме. Не удивительно, что люк не мог сдвинуться от его плеча. Заключенный Б прислонился рядом с рычагом, и все еще тяжело дышал.

Кулаки, и, возможно, выстрелы, начали стучать по другой стороне люка.

Гаунт поднялся на ноги.

«Он был у меня в руках,» сказал он. «Ты испортил мне выстрел.»

«Ага, точно,» ответил этогор. «Он был у вас в руках.»

«Это сарказм?»

«Еще десять секунд, и дамогор носил бы вашу трахею, как ожерелье.»

Гаунт втянул носом и сплюнул розовую слюну на белые плитки. «Он мог бы попытаться.»

«Он мог бы преуспеть,» ответил Заключенный Б.

«Ты назвал его – дамогор. Ты знаешь его?» спросил Гаунт.

Заключенный Б покачал головой. «Его маска сказала мне его звание. Я не знаю человека лично. Они, должно быть, послали одного из своих лучших.»

«Чтобы заткнуть тебя?»

«Чтобы заткнуть меня.»

Гаунт осмотрел комнату казни. Закрывание люка просто отсрочило неизбежное. Как только Пактийцы взорвут его, или сломают, смерть будет неизбежной.

Гаунт выругался. В тот же самый момент по люку пришелся удар с такой нечеловеческой яростью, что металлическая рама начала гнуться.

Гаунт посмотрел вверх. Он увидел зловещую черную балку виселицы, которая пересекала потолок. Поколения веревок были мастерски завязаны на ней палачами Секции. Он мог видеть отметины от них.

«Ты, должно быть, рад, что это произошло,» сказал он Заключенному Б.

«Что? Эта атака?»

«Да,» сказал Гаунт.

«Почему?» спросил этогор.

Гаунт посмотрел на него.

«Потому что, совершенно случайно, я воспринял тебя *очень* серьезно,» сказал он.

Еще один удар еще сильнее погнул раму люка.

«Думаю, что нам пора уходить,» сказал Гаунт.

«Как? Здесь только одна дверь?»

Гаунт кивнул.

«Да, одна,» сказал он, «но здесь два рычага.»

Гаунт прошел на другую сторону мрачной комнаты, ко второму медному рычагу, который был для управления дверью. Люк под виселицей, люк в полу, встроенный в пол из белой плитки, с хлопком открылся.

Холодный воздух задул из черной пустоты.

Они прыгнули. Они прыгнули туда, куда, в обычный день, падали только мертвые, мертвые или за долю секунды от смерти.

Крутой скат под комнатой казни был слишком темным, чтобы они могли судить о дне с пола, и слишком глубоким, чтобы они безопасно приземлились. Оба падали и катились, и гремели костями. Гаунт молился, чтобы никто из них не вывихнул лодыжку или не сломал что-нибудь важное.

Было холодно и сыро, и пахло твердым камнем. Люк был тусклым квадратом из света и белых плиток в тени над ними. Они были снаружи, в бледном зимнем свете двора. Они услышали, как внутренний люк комнаты казни, в конце концов, поддался и рухнул на плитки над ними.

Они услышали рычащие голоса и грохочущие шаги потенциальных убийц.

Крошечная часть Гаунта желала, чтобы они могли закрыть люк и не оставить за собой ничего, кроме пустой, покрытой белой плиткой тайны, чтобы задержать и привести в замешательство Кровавый Пакт.

С другой стороны люка не было удобных медных ручек, только холодный спуск на открытый воздух, куда сбрасывались тела осужденных.

Гаунт поставил Заключенного Б на ноги и потащил прочь от спуска. Через несколько секунд, оружейный огонь пролетел сквозь спуск и выбил искры из булыжника.

Пошатываясь, они вошли во двор, на открытое пространство. Свет был болезненно желтым, а снег густо кружился. Гаунт чувствовал его на своих губах и языке, и ощущал его покалывание на лице. Где-то в здании позади них раздался внушительный взрыв, который разбросал камни и обломки по двору. Густой черный дым вырвался в зимнее небо, и Гаунт мог слышать огонь. Конец административного крыла Секции горел.

Пронзительные сирены продолжали царапать холодный воздух, как бриллианты. Оружейный огонь стрекотал там и сям, подобно разговору между машинами.

«Идем к воротам!» крикнул Гаунт.

Этогор кивнул, но он замедлялся. Он оставлял маленькую дорожку из крови на хрустящем снегу. Во дворе все ощущалось, как сон, бредовый сон, где все было слишком медленным и слишком ярким, и слишком холодным.

Позади них, Эйл и его люди начали падать из спуска. Они увидели убегающие фигуры сквозь кружащийся снег. Эйл проревел приказ и побежал вперед. Пара из его людей прицелилась.

Черная служебная машина выскочила из гаража слева от них без предупреждения. Ее двигатель дико ревел, а толстые шины изгибались на покрытом снегом булыжнике. Два или три выстрела Кровавого Пакта попали в кузов. Машина пронеслась по двору и резко затормозила, скрыв Гаунта и этогора от направленного гнева атакующих.

«Залезайте,» крикнул Вес Маггс. «Залезайте в фесову машину, сэр!»

Гаунт повернулся, на секунду сбитый с толку. Он увидел штабную машину, и Маггса, склонившегося у руля с красным лицом.

Гаунт потащил Заключенного Б к машине, и затолкнул на заднее сидение. Выстрелы близко провыли. Один разнес боковой зеркало, а другой разнес дверное окно в душе из стекла. Гаунт в ответ выстрелил из своего болт-пистолета, выстрелив над багажником, а затем залез в машину за этогором.

«Погнали!» крикнул он.

Маггс включил сцепление, и большой лимузин дернулся вперед, дико скользя шинами.

Машина заглохла.

«Ради феса, Маггс!» простонал Гаунт. Лазерные заряды врезались в панели кузова. Два чисто пролетели сквозь пассажирскую секцию, оставив четкие маленькие точки света на дверях. Заднее стекло разбилось вдребезги.

Маггс попробовал завести двигатель один раз, второй, а затем он завелся. Он включил передачу с неприятным скрежетом металла, и они рванули вперед, когда еще больше выстрелов, как лазерных, так и пуль, попали в машину, проделывая дыры. Звук двигателя машины был протестующим, и то резко поднимался, то спадал. Лимузин дрожал, и скользил по внутреннему двору, его дворники отбрасывали в сторону кружащиеся снежинки. Лимузин задел одну из жаровен механиков, и разбросал горячие угли по снегу. Искры полетели в падающий снег, как яркие хлопья.

«Ворота. Езжай к воротам,» крикнул Гаунт.

Выстрелы попадали в заднюю часть машины с такой силой, что это ощущалось так, как будто кто-то постоянно пинает корпус. Три пули пробили себе путь в задней части кузова и пролетели сквозь внутреннее пространство машины, прежде чем зарыться в приборной панели. Одна из них скользнула вдоль черепа Маггса и срезала верхушку его правого уха. Он завыл от боли, а его ухо начало истекать кровью с тревожной силой. Второе боковое зеркало разлетелось. Машина дергалась и раскачивалась. Никакого сцепления не было.

Человек в серебряном гротеске с грохотом приземлился на заднюю часть машины. Одной ногой уперевшись в заднее крыло, и одной рукой схватившись за рейлинг на крыше, он пытался открыть заднюю дверь.

«Святой фес!» завопил Маггс, выкручивая руль. Лимузин дико раскачивался, но Эйл держался. Маггс направил машину к узкому проходу с воротами, соединяющему боковой двор с главным двором перед зданием. Эйлу удалось открыть заднюю дверь, и он наклонился, делая выпады в их сторону своим страшным ритуальным ножом.

Машина проехала узкий проход. Открытая дверь ударила по стойке ворот и ударила Эйла по руке. Как только они проехали ворота, помятая дверь снова открылась, но Эйл убрал руку. Он пытался маневрировать, чтобы залезть в дверь и напасть на них лицом к лицу.

Маггс гнал машину по главному двору. Люди из убийственного братства Эйла бежали за ней, с поднятыми карабинами и винтовками, но не рисковали стрелять из страха попасть в своего дамогора. Двор был усеян мертвыми Имперцами, людьми, безжалостно убитыми в первые минуты штурма.

Они лежали разорванные и скрученные под тонкими снежными покровами. Жирный дым, такой же темный, как порох, поднимался от административного крыла, и пенился над двором толстыми маслянистыми канатами. Его складки, черные и толстые, закручивали снежинки, как звезды в глубокой пустоте. Часть крыши Секции горела. Языки яркого желтого пламени триумфально прыгали в расплывчатое от снега небо.

Пока машина с ревом неслась в сторону главных ворот, Эйл предпринял последнюю попытку забраться внутрь.

Шатаясь на заднем сидении, Гаунт вытащил свой пистолет. Он нацелил его сквозь потолок в голову Эйла.

Человек в серебряном гротеске увидел оружие Гаунта в последнюю секунду и спрыгнул с машины. Болт пролетел сквозь потолок и разорвал легкий металл большим рваным лепестком, как у сайкеда. Эйл упал на булыжники позади

несущейся машины и несколько раз перекувыркнулся прежде, чем остановиться. Он поднимался на ноги, когда его люди подбежали к нему. Имри помог ему встать.

Служебная машина с шумом пронеслась под аркой главных ворот и исчезла из виду.

Эйл повернулся к своему братству, собиравшемуся со всех сторон сквозь сильный снегопад. Он отметил, что некоторые отсутствуют, и понял, что больше их никогда не увидит.

Он подал сигнал. Они уходят. Они закончили с этим местом. Их цель двигалась, и им нужно было преследовать.

Штабная машина мчалась по тихой заснеженной дороге, снаружи дома престарелых.

«Куда?» крикнул Маггс, с панической нотой в голосе. Он рулил одной рукой и зажимал раненое ухо другой. Его рука и рукав были мокрыми от крови.

«Просто едь,» приказал Гаунт.

«Но--»

«Просто едь,» твердо повторил Гаунт. «Куда хочешь, так долго, чтобы держать их позади нас.»

«Они выглядели, как Кровавый Пакт,» выпалил Маггс.

«Они и *были* Кровавым Пактом,» ответил Гаунт. «Разве нет?» Он посмотрел на Заключенного Б. Этогор сидел в углу на заднем сидении. Его глаза остекленели. Когда Гаунт пододвинулся к нему, он обнаружил, что там, где его руки прикасались к темной кожаной обивке, они оставляли клейкие кровавые отпечатки.

«Трон!» с досадой сказал Гаунт.

«Что такое?» крикнул Маггс через плечо.

«Он ранен,» ответил Гаунт. «Он теряет кровь.»

«Кто он?»

«Это не важно. Это сложно. Все, что тебе нужно знать, это то, что он нужен нам живым. Продолжай ехать.»

Гаунт выпрямил этогора. Его глаза задрожали.

«Ты не должен засыпать.»

Этогор кивнул.

«Я это и имею в виду. Ты не должен засыпать. Ты понял?» спросил Гаунт.

Заклученный Б начал медленно закрывать глаза.

Гаунт отвесил ему пощечину. «Не спать, Трон прокляни тебя. Тебе нужно не засыпать. Ты должен жить!»

Этогор открыл глаза. В них было немного больше искр.

«Буду,» кашлянул он.

Улицы по большей части были пустыми, потому что снег загнал большинство людей в дома. Даже в этом случае, безрассудная езда Маггса пронесла их через несколько перекрестков на скорости, и машинам приходилось резко тормозить, чтобы не врезаться в него. Один фургон резко свернул, заехал на тротуар и снес подстриженное дерево.

Гаунт смотрел из окна, смотря, как старые улицы проносятся мимо. Его мысли метались. Где были силы безопасности? Общегородские сигналы тревоги? Где были кордоны и отряды быстрого реагирования СПО? К настоящему времени, вся центральная часть Олигархии должна была уже быть заблокированной, мосты перекрыты, над головой самолеты, грузовики с солдатами на улицах...

Если только колдовство варпа не запечатало Секцию в конусе обмана, и не замаскировало жестокое нападение, так что настоящая жестокость нападения только сейчас начала просачиваться в мир.

Колдовство варпа, черная магия: он мог чують его и ощущать его привкус, и он уловил аромат уже тогда, когда он ждал в приемной. Это многое объясняло. Это объясняло, как элитной ударной группе Архиврага удалось подобраться так близко к такой важной цели так далеко за передовой Имперцев. Человек в серебряном гротеске и его варварские убийцы были не одни на Балгауте. У них была наиболее адская поддержка, направляющая их, скрывающая их и защищающая их. С данного

момента, ничему, никакому камню или снежинке в мире вокруг них, нельзя было доверять. Дьявольские шаманы Кровавого Пакта сплели ловушку вокруг них.

«Убирайтесь с дороги.»

Гаунт резко повернулся. Этогор сидел прямо, более встревоженный и сияющий глазами, чем был до этого.

«Убирайтесь с дороги. Он не истощился. Он не истощился.»

«О чем, во имя Бога-Императора, ты говоришь?» потребовал Гаунт.

Заключенный Б не ответил. Гаунт понял, что этогор впал в какой-то транс, возможно, из-за шока от ранения. Он дрожал, его конечности были жесткими и негнущимися.

Затем Гаунт услышать пронзительный звук, звук, который он в последний раз слышал в глубинах Секции.

Что-то преследовало их.

«С дороги!» крикнул он Маггсу.

«Что? Куда?»

«Куда-нибудь. На боковую улицу!»

Маггс рванул рулевое колесо и повернул тяжелую машину на узкую боковую улицу между старыми, почерневшими от времени многоквартирными домами. В свете уличных фонарей, постоянно освещающих эту темную улицу, снег падал большими, пушистыми облаками.

Поворот ничего хорошего не принес. Пронзительный звук стал громче.

Кровавый волк чуял их запах.

Тварь, которая была Шорбом, не пропала. Большое количество энергии выгорело из нее, и большое количество ее силы исчезло, но горячий слиток решительности все еще светился в маленькой части ее разума, которая оставалась разумной. Она хотела служить своему дамогору. Она хотела служить своему братству.

Она хотела служить Кровному Родству. Она не хотела сдаться. Она не хотела подвести их.

Фегат убежал. Он сбежал у них из-под носа, и был за пределами досягаемости братства, передвигающегося пешком, но у кровавого волка была сила и скорость, чтобы догнать. Кровавый волк мог легко догнать машину. Он был на углу улиц заваленного снегом города. Он двигался, как арктический ветер или прыгающая электрическая дуга. Он заставлял оконные стекла дрожать в рамах, а уличные фонари лопаться и взрываться. Реальность изгибалась и переплеталась в его коконе из варпа.

Гаунт мог слышать, как он приближается.

Он открыл продырявленную заднюю дверь бесполезной служебной машины и вступил на снег. Он посмотрел вверх в тусклое небо над зданиями, которое висело над ним, как силуэты скал, и не увидел ничего, кроме падающих снежных хлопьев.

Он мог слышать его.

«Прячьтесь,» сказал Заключенный Б тихим хриплым голосом с заднего сидения машины. «Прячьтесь, бегите. Спасайте себя.»

С визгом искаженного воздуха, кровавый волк вылетел из-за угла на боковую улицу. Он был на высоте двух или трех этажей, над линией уличных фонарей, паря, как птица, сквозь замерший снег. Он был не столько здесь, сколько не-здесь: движущееся пятно искаженного воздуха, как пятно в воде или трещина на изображении пикта. Реальность терзалась и текла вокруг него, как будто мир пытался отторгнуть его, и выбросить назад в не-мир варпа, из которого он пришел.

Он полетел вниз к ним, визжа.

Гаунт поднял болт-пистолет и выстрелил. Он не мог видеть цель, но он мог чувствовать ее присутствие. Он мог видеть движущуюся тень варпа, пачкающую воздух.

Когда кровавый волк рванул к ним, все фонари, которые он пролетал, разбивались вдребезги. Снег прекратил падать и завис в желтом мраке. Казалось, что выстрелы Гаунта никуда не попали. Он бросился на землю.

Кровавый волк пролетел над ним, дико встряхнув служебную машину ударной волной. Еще несколько боковых окон треснули или разлетелись. Фары взорвались. Кровавый волк разворачивался, делая вираж в воздухе, и снова начал приближаться.

Он летел прямо на Гаунта. Он попытался выстрелить в него, а затем отчаянно бросился с его пути, врезавшись в машину. Подножка машины врезалась в его запястье, и его болт-пистолет пропал из виду. Он почувствовал, как кровавый волк, стремительно, пролетел над ним, еще раз встряхнув машину.

Пронзительный звук стоял у него в ушах.

Он поднялся, высматривая оружие. Кровавый волк разворачивался для последнего пролета.

Задняя дверь штабной машины была открыта. На заднем сидении, бледный от потери крови, Заключенный Б сидел в почти кататоническом состоянии. Маггс кричал. Гаунт увидел что-то, всего лишь вспышку.

Ритуальный нож Дамогора Эйла торчал из нижней части кузова там, где он бросил его.

Гаунт наклонился и схватил мерзкий клинок. Он повернулся, поднимая грязное зазубренное лезвие, чтобы встретить варп кровавого волка.

Его глаза, на самом деле, видели это. Он мог видеть мимо варп-пузыря и изогнутого блестящего искажения реальности. Он мог видеть тварь внутри, визжащую, освежеванную тварь, ее энергии почти исчезли, ее когда-то-руки, превращенные в крылья-когти, ее когда-то-рот, широко раскрытый в крике. Он мог видеть кровь, яростно вырывающуюся толчками из ее обнаженных вен и артерий. Он мог видеть ее хрящи и сухожилия конечностей, и оставшиеся куски ее кожи, сморщивающиеся и чернеющие, как бумага, когда они выгорали.

Ее рот открылся невероятно широко, чтобы прокусить череп Гаунта. Зубы, длиной с пальцы, выросли, как бивни, из ее десен ради цели.

Гаунт вонзил ритуальный нож в ее сердце.

Кровавый волк завопил, и умер в хлопке не-грома. Последовало дикое падение давления и порыв замерзающего воздуха, как будто люк криогенной установки открыли, а затем снова с хлопком закрыли. Взрыв бросил Гаунта назад на машину с достаточной силой, чтобы оставить вмятину на боковой панели. Обуглившиеся хрящи, вонючее коричневое мясо и фрагменты костей посыпались вниз, усеяв территорию в радиусе пяти метров.

Гаунт сел и заморгал. Ритуальный нож был черным от копоти, как будто его оставили в камине.

Пауза закончилась, и снег тихо и спокойно начал снова падать.

ТРИНАДЦАТЬ

Неправильно

Было слово для командира Бремененского 52-го, но Виктор Харк никогда не использовал его среди дам.

Пока он шел назад к казармам Танитцев через сильный снегопад, поблизости дам не было, поэтому он использовал его свободно и часто.

Во время временного затишья, вызванного сильным дневным снегопадом, он, ранее, пробрался через тренировочную площадку, чтобы обменяться парой слов с командиром соседствующего полка, в надежде сгладить некоторые неприятные ощущения, которые начали появляться в межполковых отношениях, спасибо месяцам скуки и растущим подшучиваниям. К несчастью, командующий офицер Бремененцев, который выбрал этим утром позавтракать железными опилками, отрезал себе чувство юмора у шеи, и, весьма внезапно, сидел на ручке метлы, в результате чего он был жестким и негибким, как лист фанеры. Его ответная реакция на неформальную доброжелательность Харка была пренебрежительной, и он, по существу, озвучил целый список нарушений, всецело относящихся к Танитским «мошенникам».

Затем он резко сказал Харку «Хорошего вам дня,» чтобы выпроводить его.

Бремененцы внесли свой вклад за те месяцы, что они располагались бок о бок. Естественно, они внесли. Это все было «зуб за зуб» на каждом шагу, и некоторые ранние перебранки были шутливыми и простительными. Харк это знал, и он знал, что командир Бремененцев тоже это знал, но все не так давно перестало быть смешным, и Харк понял, что командир Бремененцев просто был сыт по горло всем этим. Он больше не собирался это терпеть, и частью этого нетерпения было сваливание всего на свете на Танитцев.

Ветер носил снег по тренировочной площадке огромными, дымящимися облаками, как муку на мельнице, подхваченную сквозняком. Почти на каждой поверхности снег был глубиной с руку, а ледяные хлопья жалили его нос и губы, и застревали на его ресницах. Харк шел с поднятым воротником, а руки держал в карманах пальто.

Снежная пелена была такой плотной, что натриевые фонари вокруг Аарлема зажглись в ответ на темноту. Снежинки кружились вокруг фонарей, как мотыльки.

Все превращалось в дерьмо, и Харк уже тоже был сыт этим по горло. За те годы, что Харк был с Танитцами, он видел их на грани поражения и почти уничтоженными, но он никогда не видел их такими близкими к разрушению. Они слишком долго оставались бездеятельными. Они стали заскучавшими и раздражительными, и злобными. Они слишком долго были без врага, поэтому они выдумали себе одного, и этот враг был они сами.

Их безделье и чувство разочарования превратили их в лентяев и бездельников, и даже еще хуже.

Каждый день появлялся свежий список фесовщины. У Харка заканчивались возможные варианты. Некоторые люди так часто переходили черту, что он был в затруднении, как наказать их, а когда он думал, что хуже уже быть не может, какой-нибудь новый монстр поднимал голову, и у него просто дух захватывало. Это дело с Роуном и остальными, с Дауром, ради феса! Это было просто целым новым классом дерьма.

Даур был мериллом. Не было более порядочного человека в полку. Это дело было тем, как низко они пали. Каждую ночь, когда он отправлялся в кровать, и каждое утро, когда просыпался, Виктор Харк возносил короткую молитву Богу-Императору Человечества. Она гласила: *Ради феса, дай нам дело. Дай нам дело сегодня или завтра. Нам нужна война.*

Мирное время в высшей степени раскрывало Танитский характер. Они были лучшей пехотой, которую Харк когда-либо видел или с кем имел удовольствие служить. На передовой, у них было изобилие навыков и изобилие отваги, и они были, самым странным образом, необычайно принципиальными. Они гордились своего рода моральным кодексом, который полностью прощал любые промахи в дисциплине командования. Они расцветали в неблагоприятной обстановке.

Они не были гарнизонным войском. Они не были тем полком, который вы можете поместить в резерв или увести с передовой, и ожидать от них, чтобы они тихо сидели и хорошо себя вели в безопасных маленьких казармах лагеря.

Они не будут тратить свое время на полировку пуговиц, на парадную муштру и на чтение своих молитвенников. Вообще-то, они будут, но этого будет недостаточно. Они сойдут с ума.

Танитцы (и это качество относилось и к не-Танитцам в Первом) были дикой силой. В поле, вы не замечаете их острые углы. Отведите их на Балгаут на год или два, и они будут подобны диким животным в клетке. Они хотели выбраться, и если не могли выбраться, они хотели откусить руку следующему идиоту, который пытался покормить их.

Бремененцы были гарнизонным войском. С ними все было нормально; они были пристойным, обыкновенным, хорошо вымуштрованным пехотным подразделением. Для них два года отдыха на Балгауте было отличным предложением, назначением, в котором они надеялись провести всю свою службу. Для Танитцев, это был обвинительный приговор.

Харк остановился в центре двора, откинул голову назад и выругался. Он выругал командира Бремененцев, хотя это не было личным. Командир Бремененцев просто стал для Харка хобби, чтобы сбросить чувство разочарования. Когда он закончил ругаться, он проверил, почувствовал ли он себя лучше, и обнаружил, что, вообще-то, намного лучше не стало.

Он посмотрел на свои часы. Если он вызовет машину из бюро, то будет в Секции к ночи.

Несмотря на снег, дороги все еще были достаточно чистыми для нормальной поездки в город. Он мог пойти в Секцию, и, не привлекая внимания, попросить несколько одолжений. Он мог выяснить, как обстоят дела, и узнать, какова вероятность неотвратимой отправки, и, может быть, даже подкинуть идею и заставить кое-какие шестеренки задвигаться. Муниторум двигался со своей собственной скоростью, но иногда не повредит слегка его подтолкнуть.

Ему нужно было сделать это месяцы назад. Да, ему нужно поехать в Секцию, поднять палец в воздух, чтобы посмотреть, куда дует ветер, и, может быть, наклониться к ушам пары старших комиссаров, которых он знал.

Он повернулся и посмотрел в сторону забора, в направлении города. Даже в снежном мраке, он мог видеть безмерное количество огней сквозь звенья цепи, подобно упавшему созвездию, с короной из Олигархии, возвышающейся позади него. Он принял решение. Делать что-то, что-нибудь, было лучше, чем эти изнурительные работы по исправлению ситуации.

Харк втянул воздух носом. Он осознал, что, скорее всего, должен пересмотреть свой план на поездку. Казалось, что наступает еще более плохая погода. С того места, где он стоял, грозовые облака над Олигархией выглядели особенно черными и угрожающими, как дым.

Он услышал голос, зовущий его по имени, и повернулся, чтобы увидеть, как Ладд громыкает по двору к нему. *Что на этот раз?*

«Извините, что помешал, сэр,» произнес Ладд, когда добрался до Харка. «Что-то происходит.»

«Ладд,» сказал Харк, стряхивая снег с носа, «ты понимаешь, что твоя единственная польза для меня, это когда ты используешь ясные и понятные существительные и наречия вместо слова *что-то* в таких предложениях?»

«Да,» пожал плечами Ладд, «но иногда они не выдают мне достаточно существительных со склада.»

«Это была шутка, Ладд?»

«Как шутка, но поменьше, сэр,» ответил Ладд, и вручил Харку конверт. «Служба вокса прислала это десять минут назад. Только для ваших глаз.»

Вопрос дисциплины. Харк застонал. Это должен быть вопрос дисциплины, или это бы сразу передали Колеа, или кто там был из офицеров в карауле. *Что на этот раз? Что на этот раз?*

Харк вскрыл конверт, и сопел, когда развернул бумагу и прочитал ее. Снежинки производили легкий *тук-тук*, когда падали на лист бумаги в его руках в перчатках.

«Созови старший состав,» сказал он Ладду.

«Сэр?»

«Созови старший состав. Пять минут.»

«Ну, Роун в тюрьме, а полковник на выезде. У нас есть еще кто-нибудь из старших?» спросил Ладд.

«Сейчас даже близко не время для шуток, Ладд,» сказал Харк.

Ладд посмотрел на лицо Харка, и его ухмылка быстро испарилась.

«Точно, сэр. Немедленно,» сказал он, и побежал сквозь снег к Танитским казармам.

«И переведи нас на Активное Ожидание, пожалуйста!» крикнул ему вдогонку Харк.

Ладд остановился и обернулся.

«Активное Ожидание?» спросил он.

«Ты меня слышал, Ладд.»

«Да, сэр!»

Ладд повернулся и снова побежал.

Харк снова посмотрел на бумагу. Там, где снежинки попали на нее, они превратились в капли воды и потекли, размазывая черные чернила. Они выглядели, как слезы из глаз женщины, которые оставляли дорожки из туши. Они выглядели, как кровь, вытекающая из дырок от пуль.

«Фес!» закричал он. «Фес! Фес!»

Как раз тогда, когда он думал, что боевой дух и поведение были на самом низком уровне, открылась целая новая вселенная плохого.

Активное Ожидание. Полк быстро проснулся. Он встряхнул и оживил себя, чтобы подготовиться к предтранзитному или предбоевому состоянию. Активность закипела в Танитских казармах. Внезапно поднялась всеобщая суматоха. Белтайн быстро шел по главному коридору с ежедневником и другими журналами.

Призраки пробежали мимо него в обоих направлениях, пробираясь на предназначенные им места.

«Это учения?» спросил Далин Крийд Белтайна, когда пробежал мимо.

«Что?» ответил Белтайн, оторвав взгляд от журнала, который читал, пока шел.

«Это учения, так ведь?» спросил Далин. Он был с несколькими молодыми солдатами из своей роты.

«Просто поторопись, рядовой,» сказал Белтайн.

Далин пожал плечами и поспешил прочь со своими товарищами.

Белтайн вернулся к чтению. Его ударила мысль.

«Погоди! Крийд!» крикнул он вдогонку убегающим солдатам.

Далин повернулся и побежал назад к нему.

«Да?»

«Тебе нужно присутствовать на собрании старшего состава.»

«Почему? Я получил повышение?»

«Не будь фесоголовым, Крийд,» устало сказал Белтайн. «Ты – адъютант Роты Е.»

«За мои грехи,» согласился Крийд.

«А Капитана Мерина нет на базе.»

«Капитана Мерина упекли в тюрьму, так я слышал,» сказал Далин. Выражение его лица предполагало, что он не думает, что такое может случиться с более достойной душой.

«Статус Капитана Мерина не твое дело, рядовой,» сказал Белтайн, «так что прикуси губу. Его *отсутствие* – твое дело. В качестве его адъютанта, ты должен присутствовать и собирать все данные, относящиеся к делу, для него, или для любого, кто под арестом, из твоих фесовых начальников.»

«Серьезно?»

«Две минуты, пожалуйста, в часовне.»

Далин выпустил проклятие и убежал.

Белтайн повернулся и пошел дальше. Когда он проходил мимо медицинской комнаты, он остановился, постучал и просунул голову внутрь.

«Старший состав, две минуты, доктор,» позвал он.

Дорден поднял взгляд от стола.

«Спасибо, адъютант,» сказал он.

Белтайн кивнул и ушел, закрыв за собой дверь.

«Кажется, меня вызывают,» сказал Дорден.

«Это же огромнейшая неприятность,» ответил Отец Цвейл. Аятани сидел с другой от старшего медика стороне стола.

«В самом деле,» согласился Дорден. «Я, наконец-то, заставил тебя появиться здесь для осмотра, а меня вызывают.»

«Мы можем закончить в другой день,» сказал Цвейл.

«Мы почти закончили,» сказал Дорден. Он был занят тем, что писал записки, которые будут сопровождать маленькие пузырьки с кровью и образцы тканей, которые он собрал. «Ты можешь еще немного побыть пациентом?»

«Пациентом или терпеливым?» спросил Цвейл. (Patient or patient.)

Дорден улыбнулся и встал. Он подошел к смежной комнате, где Ана Керт загружала инструменты из нержавеющей стали в автоклав.

«Ты можешь закончить за меня?» спросил он.

«С Цвейлом?»

«Да. Просто допиши записки, попроси его ответить на вопросы с зеленого бланка, и упакуй образцы и документы с его подписью.»

Она кивнула и сказала, «Я могу отвезти их в фармакон, если хочешь.»

«Спасибо. Созывают какое-то совещание.»

«Я знаю,» улыбнулась она. «Я думаю, что это учения. Мы на Активном Ожидании.»

«В самом деле?» спросил Дорден. Он повернулся, чтобы уйти.

«Как ты заставил его прийти?» спросила Керт.

«Аятани? Я спустил на него Гаунта,» ответил Дорден.

«А как ты заставил его сидеть спокойно, чтобы взять образцы? Цвейл ненавидит иголки.» Дорден показал ей свою левую руку. Его рукав был закатан и на ней был маленький тампон на сгибе локтя. «Я сделал все, что собирался сделать с ним, сначала с собой, чтобы показать, что будет не больно.»

«Очень умно.»

«Я научился этому, имея дело с детьми годы назад. Это техника, которая так же срабатывает на старых и капризных.»

Керт засмеялась. «А Цвейл – *древний*. Он старше тебя на... сколько, пять лет?»

«Возраст – это состояние разума, Ана,» ответил Дорден с притворным высокомерием. «В любом случае, спасибо тебе. Мне нужно идти.»

Она последовала за ним в смотровую комнату.

«Доктор Керт закончит вместо меня,» сказал Дорден старому священнику.

«Она?» подозрительно спросил Цвейл. «Она не настоящий медик, знаешь ли. У нее нет никакой квалификации. Гаунт просто позволяет ей ошиваться рядом, потому что она хорошенькая.»

«Я уверена, что вы абсолютно правы, отец,» сказала Керт, садясь за стол.

«Лучше бы твои руки не были холодными,» предупредил ее Цвейл.

«Почему?» спросила Керт. «Все, что я сделаю, так это напишу записки.»

«Черт!» произнес Цвейл.

Ухмыляясь и качая головой, Дорден вышел из комнаты и присоединился к человеческому потоку в коридоре. Его веселость была поверхностной. Скверное

настроение, которое поселилось в нем, было таким же холодным и внезапным, как и снежный шторм снаружи.

Когда он приблизился ко входу в часовню, он увидел Гола Колеа в толпе. Большой Вергхастский майор улыбался.

«Добрый день, доктор.»

«Гол.»

«Активное Ожидание, а?»

«Ты выглядишь довольным.»

Колеа кивнул.

«Может быть будет назначение, которого мы ждали,» сказал он.

«Ты так думаешь?»

«Приказы должны были прийти раньше или позже.»

Дорден кивнул.

«Если честно, майор, если это пришли наши приказы, и нас отправляют назад на фронт, это едва наполняет меня удовольствием.»

«Мы здесь становимся гаково-счастливы, Док. Призракам нужна поездка. Она запоздала,» сказал Колеа.

«Кажется, ты забыл, майор, что когда мы отправляемся на войну, умирают люди. Едва ли это то, что нужно ждать с нетерпением.»

Они вошли в часовню. Снег бил по высоким узким окнам. Старший состав искал места, чтобы сесть. Собрались все командиры рот, или были представлены адъютантами или младшими офицерами. Дорден увидел Колосима, Обела, Раглона, Сломана, Аркуду, Домора, Тейсса и Баскевиля, а так же Элама и Селея, которые были повышены до командования ротами Н и L в указанном порядке, чтобы заменить людей, потерянных в Хинцерхаусе. Он мог, так же, видеть Мколла, главу

разведчиков. Бонин представлял Роту В в отсутствие Роуна, адъютант Даура, Мор, Роту G, а весьма нервничающий Далин Крийд, Роту E Мерина.

«Садитесь. Покончим с этим!» крикнул Комиссар Ладд, забравшись на кафедру.
«Хватит, ну же!»

«Порядок и внимание, пожалуйста, джентльмены!» крикнул Баскевиль в поддержку молодому комиссару. Уровень шума ощутимо снизился.

«Спасибо,» сказал Баскевиль. «Двери, пожалуйста, Шогги.»

Шогги Домор поднялся со своего места, чтобы закрыть двери часовни, но вошел Харк и закрыл за собой двери. Харк прошел вперед, все глаза следовали за ним. Дорден отметил, что в какой-то момент, во время сбора, Эзра ап Нихт проскользнул в часовню и теперь стоял в задней части в тени.

«Что происходит, Харк?» спросил Баскевиль.

«Мы получили приказ на отправку?» добавил Колосим. «Мы получили приказ на отправку, так ведь?» Последовал общий шепот.

Харк откашлялся. Дорден осознал, что ему не нравится выражение лица Харка, и это не по тем причинам, которые он ожидал.

«По состоянию на двадцать семь минут назад,» начал Харк, «Крепость Аарлем под изоляцией.» Все начали говорить.

«Заткнитесь и послушайте!» прокричал Харк. «Состояние безопасности два было установлено в этом месте, и в Балополисе и Олигархии. СПО заблокировало всю орбитальную связь, а, так же, запрещены все перемещения транспорта. Было выпущено предупреждение об опасности.»

«Какого феса?» проворчал Колеа.

«Этим днем был серьезный инцидент в Олигархии. Все, что мне известно, Секцию атаковали неизвестными силами.»

«Атака?» повторил эхом Обел. «Вы шутите? Кто атакует Балгаут?»

«Кто-то,» сказал Харк. «Это серьезно. Мы должны оставаться на базе до дальнейших распоряжений. Никто не покидает это место.»

«По чьему приказу?» спросил Баскевиль.

«Секции, и это было ратифицировано Командованием Гвардии. Белтайн?»

«Да, комиссар?»

«Сверься с журналом и с другими адъютантами. Мне нужен список всех, кто отсутствует на базе к данному моменту.»

«Да, сэр,» кивнул Белтайн.

Харк показал на Колеа, который спокойно поднял руку.

«Да, майор?»

Колеа вздохнул, а затем сказал, «Каков масштаб всего этого? Это Архивраг предпринял контратаку? Они пробились?»

«Мы бы знали об этом,» сказал Мколл.

Колеа посмотрел на старшего разведчика.

«К тому же, как бы ты оптимистично не хотел разместить линию фронта Крестового Похода на звездных картах,» сказал Мколл, «Балгаут больше, чем на расстоянии сектора от боевой зоны. Если бы вражеская контратака прорвалась, мы бы услышали об этом месяцы назад.»

«А как же длинный прыжок через глубины варпа? Удар с прыжка в наш центр?»

«Мне так не кажется, Гол,» сказал Мколл.

«Я согласен с шефом,» сказал Харк, «но это не важно. Это не наше дело, чтобы выяснять это. Приказы просты. Мы запечатываемся на базе. Никто не покидает это место. Все силы Гвардии должны защищать свои базы и быть готовыми для развертывания.»

Бонин посмотрел в потолок.

«Я слышу приближение,» сказал он. «Двигатели.»

Постоянно нарастающая пульсация турбовинтовых моторов вытащила их на снег. Шесть летающих машин, летящих цепочкой, летели от города сквозь снежную бурю, их габаритные огни мерцали. Они снизились и стали кружиться над Крепостью Аарлем. Ведущая птица вылетела из строя и начала спускаться к освещенному фонарями двору.

Шесть машин были боевыми Валькириями. Они поднимали минивихри потоками воздуха от двигателей, пока приземлялись рядом друг с другом на дворе.

«Ох, фес,» пробормотал Харк. «Мне кто-нибудь может объяснить, что они тут делают?» Баскевиль посмотрел на Харка, и комиссар указал.

На боку каждой Валькирии, ясно видимые, несмотря на снег, были символы Инквизиции.

ЧЕТЫРНАДЦАТЬ

Дом Доктора Смерть

Ранним вечером, когда его дневная работа была закончена, и он был в уборной и мыл инструменты своего ремесла, Доктор Колдинг подумал, что услышал проезжающую машину на улице снаружи.

Это казалось маловероятным, по многим причинам. Шел сильный снегопад, и поэтому трафик был слабым, особенно на холмистых улицах Старой Стороны. Но особенно потому, что никто не ездит туда-сюда по Кепелер Плейс, если они не потерялись, что было очень редко, или они были из скорой помощи из Городской Службы, которые доставляли ему его работу, а они делали свои поставки до десяти каждое утро.

Тем не менее, он слышал звук мотора машины, проезжающей мимо. Это был бронхиальный смех, окруженный акустическим приглушением снега, выстилающего противоположную пустую улицу: ужасный кашель мотора плохо обслуживаемого грузовика или фургона, хворающего от морозных условий.

Доктор Колдинг положил последний инструмент из нержавеющей стали на красную ткань тележки, покрывающую ее, и вытер руки. Он начал отскрести ногтем последние коричневые пятна на эмали раковины, и его мысли вернулись к звуку. Возможно, это были люди из скорой помощи. Иногда, редко, Городская Служба посылала срочную работу в нерабочие часы, вне расписания обычных доставок для него.

Это, наверное, это, решил он. Это были люди из скорой помощи, привезшие его срочную работу.

Он приготовился к дверному звонку, но дверной звонок не зазвенел. Не было звуков открытия задних дверей, или стучащих звуков распрямляющихся ножек каталки, когда ее вытаскивают из транспорта. Он подошел к окну и отодвинул занавеску. Снаружи, улица была пуста, тиха и заснежена. Крупные снежинки плыли, как древние, янтарные звезды под световыми конусами уличных фонарей.

Он ошибся.

Он вернулся в анатомическую, повернул вентиль на стене, и начал водить шлангом по покрытому плиткой полу. Комната пахла сырым камнем и дезинфицирующим средством. Он ошибся. Все же, это не была срочная работа, направляющаяся в его сторону. Пока шланг в его руке плевался на пол, он посмотрел на стальные выдвижные ящики и улыбнулся. Его работа никогда не была срочной, во всяком случае, не для людей, которых это больше всего интересовало.

Он только начал перекрывать шланг, когда прозвенел дверной звонок. Он на мгновение замер, прислушиваясь к последней оставшейся воде, с бульканьем утекающей в сливы в полу. Он что, представил себе звонок?

Нет, не представил. После длительной тишины, он снова прозвенел. На этот раз он не прозвучал так, как будто кто-то нажал на белую кнопку на медной пластине рядом с входной дверью; он прозвучал так, как будто кто-то прислонился к нему. Длительный пронзительный звук электрического звонка трещал в его холодном, пустом доме.

Доктор Колдинг убрал руку от вентиля на стене и позволил пустым кольцам шланга шлепнуться на пол. Он вытер руки о фартук. Это было неподобающе. Это был *странный поворот событий*, и это взволновало его. Это нарушило весьма четкий шаблон его жизни. Он попытался составить сценарии в своей голове, чтобы объяснить это. Городская Служба послала ему какую-то срочную работу, но водитель был на подмене, и был незнаком с местом жительства Доктора Колдинга. Он промахнулся. Он проехал мимо, возможно даже добрался до перекрестка Кепелер Плейс и Флеймстид Стрит. При такой погоде, это не было удивительным. Он был вынужден повернуть назад, повернуть назад в снегопаде и вернуться. Это совпадало с интервалом между звуком его машины, проезжающей мимо, и звонком звонка.

Звонок снова прозвенел, в третий раз. Палец оставался на кнопке полные, негодующие, настойчивые десять секунд.

Доктор Колдинг напрягся, и поспешил из анатомической. Он поднялся по каменной лестнице в длинный коридор. Пол был из полированного темного дерева, и он смутно отражал белый свет стеклянных колпаков круговыми брызгами, похожими на лужи солнечного света. Он поискал свои очки, которые, конечно же, были в его фартуке, и надел их. Голубые сумерки смягчали края жесткого белого света от ламп.

Он подошел к двери. Снаружи кто-то был. Он мог слышать сопение.

«К-кто это?» позвал он через тяжелую дверь.

«Вы доктор?» позвал в ответ голос. Это был мужской голос, сильный, нетерпеливый или растерянный.

«К-кто там?» позвал Доктор Колдинг. «Пожалуйста, с-скажите мне, кто вы.»

«Вы доктор?» повторил голос. «Мне нужен доктор.»

«Вы пр-пришли в неправильное место,» крикнул в ответ Доктор Колдинг.

«У вас знак медикае снаружи. Я могу это видеть.» Голос звучал рассерженно. Доктор Колдинг замешкался. У него был знак медикае над дверью его старого дома, потому что это была его профессия. Это было профессией его отца, и дяди его отца до этого. Девять поколений Колдингов работали в качестве хирургов по этому адресу на Кепелер Плейс, и поэтому посох со змеей Асклепия гордо висел на медной перекладине над его дверью. Этого нельзя было отрицать. Это было ясно, как день, даже со снежной коркой на нем.

Но, конечно, все было гораздо более сложно, и все стало гораздо более сложно после самой Знаменитой Победы. Доктор Колдинг почувствовал себя очень напряженным и нездоровым. Это был *странный поворот событий*, и это волновало его.

«Ау?» позвал голос снаружи.

«Ау?» ответил Доктор Колдинг.

«Вы собираетесь открыть эту дверь?» потребовал голос.

«В-вы из Городской Службы?» спросил Доктор Колдинг, его щека почти касалась холодной черной краски передней двери, поэтому он мог четко слышать.

«Чего?»

«Городская Служба.»

«Нет.»

«Тогда я уверен, что вы, как я и сказал, пришли не в то место.»

«Но у вас наверху знак.»

«Пожалуйста,» начал Доктор Колдинг.

«Это срочно!» произнес голос, злее, чем раньше. «Здесь холодно.» *Пожалуйста, уходите, пожалуйста, уходите, это странный поворот событий и—*

Костяшки застучали по двери так внезапно, что Доктор Колдинг отпрыгнул.

Иногда такое случается. Он уже слышал, что такое случалось с другими, кто занимался таким же делом. Посох со змеей мог привлечь посетителей других типов, нежелательных типов. У них были собственные проблемы. У них были нужды. У них были привычки, которые нужно удовлетворить. Для них, знак предполагал источник лекарств, медика, к которому можно обратиться или которому можно угрожать, сумку с лекарствами, которую можно вытрясти в поисках стимуляторов, шкафчик с наркотиками, который можно ограбить.

Доктор Колдинг чувствовал себя совершенно встревоженным. Он открыл дверцу высоких часов, которые стояли у лестницы. Часы не работали пятнадцать лет, но Доктор Колдинг не желал избавиться от них, потому что они принадлежали дяде его отца и всегда здесь стояли. Теперь они не были чем-то больше, чем буфет. Он открыл дверцу и залез рукой внутрь. Там был пистолет, на маленькой пыльной полке позади бесполезного маятника. Это был пистолет, который был давно оставлен. Он снял с предохранителя и держал пистолет в ладони в кармане фартука.

Костяшки снова загрохотали по двери.

«Эй?»

Доктор Колдинг потянулся и свободной рукой потянул медный засов. Пока он это делал, он видел, что его рука трясется.

Его рука тряслась, и на ней была маленькая точка от чьей-то крови на тыльной стороне, прямо под костяшкой среднего пальца.

Доктор Колдинг открыл дверь.

«Пожалуйста, чего вы хотите?» спросил он.

На пороге стоял человек. Он был сурово выглядящим человеком, военным. На нем была черная боевая униформа. Он казался довольно угрожающим. Люди, которые приходили за лекарствами, часто были военными или бывшими военными с привычками, которые были наследием поездок в боевые зоны. Вокруг человека, стоящего на пороге, кружился снег, и он был освещен единственной лампой, висящей над ним на крыше каменного крыльца. Для Доктора Колдинга, темная улица позади него была голубой пустотой.

«Вы доктор?» спросил посетитель.

«Я... Да.»

«Да что с вами, заставляете нас стоять здесь? Тут мороз, а это срочное дело. Почему вы так долго не открывали дверь?»

«Я был удивлен, что у меня посетитель в такое позднее время,» сказал Доктор Колдинг. «Это странный поворот событий, и это взволновало меня.»

«Ага, ладно, простите, что постучались в нерабочее время, но срочные дела выбирают свои собственные моменты, вы понимаете, что я имею в виду?»

«Не совсем,» ответил Доктор Колдинг.

Посетитель уставился на него, озадаченный.

«Что с темными очками?» спросил он.

«Пожалуйста, скажите мне, чего вы хотите?» сказал Доктор Колдинг.

«Я хочу войти внутрь.»

«Сначала объясните ваше дело, пожалуйста.»

«Это срочно,» сказал посетитель.

«И природа срочного?»

«Ну, еще несколько минут назад это было что-то другое, но сейчас, это то, что части моего скелета почти замерзли!»

Доктор Колдинг уставился на него. Это был *странный поворот событий*, и это волновало его.

Это взволновало его еще больше, когда посетитель просто протолкнулся мимо него и зашел в холл.

«Вы не можете просто войти!» закричал Доктор Колдинг.

«Вообще-то, могу. Это срочно, и я устал пытаться сделать это деликатно.»

«Вы не можете просто войти!»

Посетитель обернулся к нему.

«Вы доктор?» спросил он.

«Я сказал, что был. Я сказал вам это.»

«Вы не ассистент или что-то в таком роде? Я подумал, что вы слуга или что-то такое.»

«Нет.»

«Значит, вы тут главный?» спросил посетитель.

«Я единственный здесь.»

Посетитель кивнул и огляделся. Он сделал несколько шагов по холлу, и пристально посмотрел на лестницу на первый этаж. Затем он перегнулся через перила и посмотрел вниз на каменную лестницу, ведущую в анатомическую в подвале. Когда посетитель повернул голову, Доктор Колдинг увидел, что на правой стороне его головы и на правом ухе засохшая кровь.

«Вас ранили,» сказал Доктор Колдинг.

«Что?»

Доктор Колдинг свободной рукой показал на голову посетителя. «Вас ранили. Это и есть срочность?»

Посетитель потрогал ухо, как будто совсем забыл про него. Его правая рука тоже, теперь Доктор Колдинг заметил и это, была покрыта засохшей кровью.

«Нет,» сказал он. «Не это.»

В этот самый момент, Доктор Колдинг осознал, что посетитель сказал кое-что, что взволновало его больше, чем что-либо еще. В замешательстве и напряжении, это было пропущено мимо ушей. Только сейчас, старательно прокручивая в голове разговор, Доктор Колдинг увидел это.

Это было одно слово, и слово было «нас».

Да что с вами, заставляете нас стоять здесь?

«Я бы хотел, чтобы вы ушли, пожалуйста,» сказал Доктор Колдинг.

«Что?» спросил посетитель.

«Я бы хотел, чтобы вы ушли. Уходите, Пожалуйста, уходите.»

«Вы меня что, не слушали? Мне нужен доктор. Это срочно.»

«Я бы хотел, чтобы вы покинули этот дом, сейчас же,» сказал Доктор Колдинг.

«Что у вас в кармане?» спросил посетитель.

«Ничего.»

«Что у вас в кармане? Там, в кармане фартука. Вы что-то держите.» Доктор Колдинг вытащил пистолет. Его посетитель заморгал и сказал что-то вроде, «Оу, да вы, должно быть, шутите.» Доктор Колдинг не был точно уверен, что сказал его посетитель, потому что он был слишком занят падением, чтобы услышать. Его посетитель, каким-то образом, врезался в него и столкновение, хотя и мягкое, распластало Доктора Колдинга на спине в открытом дверном проеме. Он больше не держал пистолет.

Это был *странный поворот событий*, и это волновало его.

Доктор Колдинг лежал на спине и смотрел вверх. Еще два человека стояли на пороге над ним, обрамленные светом и падающим снегом. Для Доктора Колдинга они были вверх ногами. Казалось, что один из них поддерживает другого прямо.

«Это доктор?» спросил человек, осуществляющий поддержку. Он был высоким, с узким лицом и тревожащими глазами. Доктор Колдинг не мог сказать многого о человеке, которого он держал.

«Я думаю, что это доктор, сэр,» ответил первый посетитель. «Он не слишком готов сотрудничать.»

«Это поэтому он лежит на спине?» спросил человек с узким лицом.

«У него был этот пистолет, сэр--» сказал первый посетитель.

«Помоги ему подняться, пожалуйста,» сказал человек с узким лицом.

«Я буду сотрудничать!» воскликнул Доктор Колдинг, когда ему помогали подняться. Он чувствовал себя в ловушке. Он хотел кричать. «Я буду сотрудничать, но я не понимаю, что происходит. Люди, обычно, приходят по утрам. По утрам, понимаете? Не в такое ночное время. Никогда в это время.»

«Успокойтесь,» сказал человек с узким лицом и тревожащими глазами. Другой человек называл его «сэр». Он, определенно, источал власть. «Пожалуйста, успокойтесь. Нам очень жаль, что мы потревожили вас, и мы не хотели доставлять вам неприятности, но это критическая ситуация. Как вас зовут?»

«Ауден Колдинг.»

«Вы доктор, сэр?»

«Да.»

«Тогда, мне нужна ваша помощь, незамедлительно,» сказал человек с узким лицом. «В этого человека попали и он умирает.»

Он повел их вниз в анатомическую как только убедился, что входная дверь закрыта. Они оставляли за собой следы из таявшего снега на полу холла и ступенях, что чрезвычайно беспокоило его, естественно, но он уверил себя, что сможет пройтись по ним шваброй сразу, как только позаботится о раненом человеке. Человеческая жизнь была приоритетом, конечно же. Человеческая жизнь была более важна, чем грязные мокрые отпечатки на темном деревянном полу.

Они привели человека в анатомическую. Он не был по-настоящему в сознании, и Доктор Колдинг мог чують кровь. Доктор Колдинг сказал им положить человека на смотровой стол, положить его на чистую, красную ткань, которую он ложил на стол в конце рабочего дня. Кровь запятнает ее, естественно, несмотря на цвет ткани. Ему нужно будет прокипятить ее позже. Он вымыл руки в антисептической ванночке, и тщательно вытер их перед тем, как надеть пару хирургических перчаток. Его руки тряслись.

Когда Доктор Колдинг подошел к столу, они уже уложили пациента на спину, и Доктор Колдинг впервые увидел его лицо, ярко освещаемое лампой.

«Что это все означает?» тихим голосом спросил Доктор Колдинг.

Человек с узким лицом посмотрел на него. «Что вы имеете в виду, доктор?» спросил он.

Доктор Колдинг указал на морщинистую шрамированную кожу, которая покрывала голову пациента.

«Вы пришли сюда,» сказал он, «вы пришли сюда и попросили моей помощи, и вы притащили мне какое-то животное. Это не человек, это животное.»

«У меня не слишком много времени, чтобы обсуждать это с вами, доктор,» сказал человек с узким лицом. «Мне нужно, чтобы вы поработали с ним. Мне нужно, чтобы вы сделали все, что в ваших силах, чтобы спасти ему жизнь.»

«Он животное! Нечеловеческая тварь!»

Человек с узким лицом наклонился ближе к Доктору Колдингу, и тот съежился, потому что ему не нравилось чують дыхание другого человека, или чувствовать его на своем лице.

«У нас нет времени, чтобы обсуждать это,» сказал человек с узким лицом, «но если бы обсуждали, было бы так. Я бы сказал вам, что я был офицером Комиссариата, и что у меня была власть, под страхом смертной казни, заставить вас выполнить мои желания. Я бы сказал вам, что было жизненноважно для Имперской безопасности, чтобы этот человек остался жив, и приказал бы вам выполнить свои функции без

дальнейшего промедления. Я бы мог даже вытащить оружие, просто для вида, чтобы подкрепить свои серьезные намерения.»

Доктор Колдинг уставился на него.

«Но я не собираюсь ничего из этого делать,» сказал человек с узким лицом, «потому что у нас, на самом деле, нет времени.»

«Ясно,» сказал Доктор Колдинг.

«Точно?»

«Да,» сказал Доктор Колдинг, и потянулся к подносу с инструментами.

Что-то происходило, и Тоне Крийд не нужно было говорить, что было плохо. ПЛОХО.

Она уже пробежалась вокруг Секции, но там не на что было смотреть, поэтому она удалилась, чтобы найти кусок лаймового *софорсо*, который она себе пообещала. Она потратила час или больше, сидя в комфортной тишине ризницы Святого Теодора, пока ее ноги не занервничали и не сказали ей, что настало время снова бежать.

У нее в голове был простой круг, по Аллее Инженеров, прямо до мемориала, а затем долгий, равномерный бег домой в Аарлем, но какая-то сила, подобно магниту, потащила ее обратно к Секции. На этот раз, подумала она, она должна обратиться в караулку, и узнать, есть ли какая-нибудь процедура, которая позволит ей повидаться с заключенными. Не важно, из-за чего была вся эта фесова буря, если она сможет понять сторону Роуна или Варла, может быть, она сможет замолвить словечко и облегчить ситуацию. Если оставить все, как есть, система мира, скорее всего, пережует их. Она уже видела такое. Ей было все равно, кто заткнет ее, Первый не должен терять офицеров, как Роун, Даур или Варл.

Мерина, *очевидно*. Никто не беспокоился об этом крысином дерьме.

Итак, она позволила импульсу вернуть ее назад к Секции. К тому времени начался снегопад. Снегопад был сильным, небо было болезненного цвета, и было странное ощущение на вторую половину дня. Было даже не так холодно. Снег садился ей на волосы и на нос, но она потела, как грокс, в своей тренировочной одежде.

Она приближалась к Площади Вайсрой, когда впервые осознала, что что-то было не так. То, что она приняла за густые снежные облака, оказалось дымом. Она могла чують его. Здание горело.

Звучали сирены.

Слышался оружейный огонь, полномасштабная перестрелка за стенами. Она остановилась за линией деревьев садов на площади, и увидела тела на дороге рядом со сторожкой.

Она залегла в укрытии деревьев, ее глаза были широкими от неверия, ее пульс стучал в ушах впервые за месяцы. Это был старый подъем адреналина, боевой порыв, поработавший ее с такой яростью, что она не могла этому сопротивляться. Каждый кусочек условного рефлекса, который она подавила или сдерживала с тех пор, как Танитцев отвели с передовой, вернулись на место. Она подошла к красной черте. Все старые привычки, все старые сумашедшие тики, снова появились, больше, чем жизнь, как будто они никуда не исчезали. Она могла чувствовать кислую слюну во рту. Лаймовый привкув *софорсо* давно исчез. Она могла чують дым, и он пах, как Хинцерхаус. Она хотела, больше, чем когда-либо, чтобы здесь было оружие, которое она может взять, винтовка, из которой она может целиться и стрелять. Ее руки были смехотворно бесполезны и пусты, как твердые весла, жестами изображающие акт держания оружия.

Она попыталась контролировать дыхание. Она попыталась немного отползти назад, не потревожив снег на кустах вокруг нее. Она пыталась решить лучший план действий.

Поднять тревогу: это все, о чем она могла думать. Что-то настолько большое, и весь город должен был знать об этом, но не было никаких признаков людей, ломящихся туда, ни подкреплений, ни поддержки или помощи.

Это было так, словно весь город стал слепым и игнорировал драму, развернувшуюся в Секции.

Крийд начала ползти назад сквозь сады. Дальняя сторона площади выведет ее назад на главную дорогу. Затем она сможет побежать. На полной скорости, до караулки на

Заннен Стрит было, примерно, десять минут, и она была уверена, что там еще ближе было убежище СПО.

Если эти обе вещи не сработают, она найдет станцию Магистратума или что-нибудь еще с работающим воксом.

Она только поднялась, готовая рискнуть побежать по покрытым снегом лужайкам к воротам садов, когда осознала, что поблизости под деревьями кто-то был.

Она повернулась, чтобы посмотреть. Это был еще один наблюдатель, подумала она, который, как и она, случайно пришел посмотреть на это кровопролитие.

Это была женщина. На ней было траурное платье из черного шелка и крепа. Ее лицо было закрыто черной вуалью. Она стояла под деревьями, сучья над ее головой склонились под увеличивающейся массой снега. Казалось, что она пристально смотрит на главное здание Секции. Крийд задумалась, должна ли она пойти к ней, и предложить ей проводить ее подальше от оружейного огня.

Что-то заставило ее замешкаться. Это, должно быть, из-за ее возрастающего осознания мягкого, высокотонального звука, подобного скорбному вою, который, казалось, исходит от женщины. Это, должно быть, из-за сверхъестественного чувства самосохранения, включившегося из-за внезапного возвращения ее старого высокого адреналина.

Что-то просто заставило ее замешкаться. Что-то подсказало ей, что делать шаг в сторону женщины в черном шелковом платье было Очень Плохой Идеей.

Женщина повернулась, чтобы посмотреть на Тону Крийд. Вуаль скрывала ее лицо, и Тона тотчас стала рада этому, потому что она инстинктивно поняла, что не хочет видеть лица женщины, *никогда*.

Высокий звук шел от женщины. Он просто вырывался из нее, не позволяя дышать.

Снег прекратил падать. Тона осознала, что он завис в воздухе. Снежинки висели вокруг нее созвездием, остановившись при акте спуска.

Она начала пятиться. Женщина в черном платье пристально смотрела на нее. Тона сделала шаг вперед.

Высокий звук продолжал исходить от женщины. Она подняла правую руку, чтобы поднять край вуали.

Крийд испустила мучительный крик, и отвернулась. Она начала бежать. Мир был тягучим, как клей, как патока. Высокий звук стоял у нее в ушах. Зависшие снежинки превращались в пыль, когда ее руки сталкивались с ними. Ее ноги взбалтывали заснеженную траву под ногами, и она упала, тяжело приземлившись.

Высокий звук стоял у нее в ушах. Он был громче. Крийд понимала, что он громче из-за того, что женщина приближается. Она так же понимала, что звук был громче из-за того, что женщина подняла вуаль. Она забилась, пытаясь подняться. Ее ноги молотили по снегу. Она почувствовала, как что-то смыкается вокруг ее бешено колотящегося сердца, и обхватывает его, как призрачный кулак. Это начало сдавливать, сжимая мускулы. Она понимала, что если не поднимется и не побежит, что не побежит и не будет бежать до тех пор, пока не окажется вне зоны досягаемости, это будет сдавливать ее сердце до тех пор, пока оно не лопнет, как волдырь.

Ее конечности молотили, отправляя снег в воздух. Она поднялась. Ее грудь была так сдавлена, а высокий звук в ее ушах был таким громким. Она не обернулась. Она не хотела оборачиваться.

Она не отважилась обернуться.

Она начала бежать. Она начала бежать более серьезно, чем когда-либо бегала за всю жизнь.

Маггс взял потертую старую оловянную банку из одного из буфетов, снял крышку, понюхал, а затем протянул банку Гаунту.

«Кофеин,» сказал он.

«Сделай немного,» сказал Гаунт. «На три кружки.»

Маггс кивнул, и начал осматривать маленькую кухню в поисках пригодной кастрюли. Гаунт сидел у кухонного стола. Столешница была покоробленной и потертой. Это было, чувствовал Гаунт, место множества одиноких ужинов.

Кухня была расположена рядом с лестницей в анатомическую. Снизу уже довольно долго не раздавалось ни звука.

«Итак, это чертовски фесово безумие, так ведь?» сказал Маггс, между делом завязывая разговор.

Они много не говорили друг с другом после панического бегства из Секции.

Гаунт кивнул.

«Это был Кровавый Пакт?»

«Да.»

«Серьезно? Здесь?»

«Да, Маггс.»

Маггс присвистнул. Он зажег одну из закопченных старых горелок на плитке и поставил на нее кастрюлю с водой.

«Извините, что спрашиваю, сэр,» сказал он, тоном, который предполагал, что он деликатно обходит острый вопрос, «нам не нужно с кем-нибудь связаться? Я имею в виду, позвать помощь, предупредить власти?» Гаунт посмотрел на него.

«С кем нам связываться, Маггс? Кому мы можем верить, как думаешь?» спросил он.

Маггс открыл рот, чтобы ответить, а затем снова закрыл его.

«Кровавый Пакт проник на якобы охраняемый тронный мир,» сказал Гаунт. «Они сделали это с достаточной уверенностью и способностью провести лобовую атаку на штаб Комиссариата. На их стороне колдовство варпа. Мы абсолютно без понятия, как далеко распространяется их влияние. Давай представим, что мы направились обратно в Аарлем, или в командование, или, скажем в Имперский госпиталь для лечения. Мы могли бы идти в ловушку. Пока я не пойму, что происходит, я не собираюсь никому доверять.»

Маггс пожал плечами. Он накладывал ложкой молотый кофеин в кастрюлю.

«Вы доверились этому доктору.»

«Необходимость. Вот и все. У нас не было выбора. Лучше клиника на глухой улице, как эта, чем большое, центральное учреждение.»

«Он урод.»

«У него, определенно, эксцентричные качества,» согласился Гаунт.

Маггс фыркнул.

«Он обсессивно-компульсивный,» сказал он, «и что с очками?»

«Доктор – альбинос, Маггс,» сказал Гаунт. «Разве ты не видел? Темные очки для защиты его глаз.»

«Тем не менее, он урод.»

Кофеин закипал. Маггс вытащил пистолет, который он забрал у доктора и осмотрел его.

«Я размышляю, где он взял его? Это Гвардейский.»

«Он заряжен?» спросил Гаунт.

«Ага. Десять патронов.»

«Значит у нас это, твой лазерный пистолет, и мой болт-пистолет с последней обоймой.» Это не казалось многим, с чем можно работать. Оба взяли с собой пистолеты этим утром, Гаунт потому, что это было требование униформы, а Маггс потому, что служебные правила постановляли, что назначенный водитель должен иметь при себе пистолет, или что-то такое, для защитных мероприятий. Никто из них даже не пристегнул свои Танитские боевые ножи.

«Мы в глубоком дерьме, так ведь, сэр?» спросил Маггс.

Гаунт кивнул.

«Боюсь, что так, Маггс.»

«Кровавый Пакт,» сказал Маггс, обыскивая буфеты на кухне в напрасной надежде найти немного сахара, «они пришли за этим человеком? С фесовым лицом.»

«Да.»

«Значит, он ключ ко всему этому?»

«Да.»

«Могу я спросить, кто он?» сказал Маггс, косо смотря на Гаунта от открытого буфета.

«Возможно, будет лучше, если ты не будешь знать,» ответил Гаунт.

Маггс пожал плечами.

«Ладно, знаете,» сказал он, «я не смотрю на это так. Прямо сейчас – и я говорю это с огромным почтением, которое специалист, как я, отдает своему командующему офицеру – прямо сейчас мне кажется, что я единственная персона, на которую вы можете рассчитывать, и наоборот, помощи нам обоим Император. Значит, я думаю, может быть, вам нужно сказать мне больше, чем вы обычно говорите мне.» Гаунт обдумал это.

«Возможно, ты прав,» сказал он.

«Не бойтесь,» со смехом сказал Маггс, «мы не собираемся стать друзьями или что-то такое.»

Какое облегчение.

Гаунт потер переносицу пальцами. Затем он сказал, «Его зовут Маббон. Он носит звание этогора, и он был офицером в Кровавом Пакте до того, как присягнул на верность Сынам Сека. Он был на Гереоне, когда я был на Гереоне.»

«Старые счета?»

«Я никогда не встречал его. Дело в том, что у него жизненноважные данные. Серьезный высококласный материал. Вот почему Кровавый Пакт хочет убить его. Вот почему нам нужно, чтобы он был жив.»

«Дерьмо,» сказал Маггс.

«Точно.»

Маггс вытер три эмалированных кружки со сколотыми краями сырой тряпкой, и поставил их в ряд, чтобы налить кофеин. Они услышали шаги на лестнице. Маггс посмотрел на Гаунта.

Доктор Колдинг появился в дверях кухни. Его хирургическая одежда была заляпана кровью. На нем все еще были его очки с синими стеклами.

«Я сделал все, что мог,» сказал он.

«Он выживет, доктор?» спросил Гаунт.

«Я не знаю,» ответил Колдинг.

«Да вы просто фесов кусок дерьма!» взорвался Маггс. «Кстати, вы что за фесов доктор?»

«Я работаю только с мертвыми,» тихо сказал Колдинг.

«Что?» взорвался Маггс.

«Я осуществляю аутопсии для Департамента Здоровья. Обычно я не работаю с живыми.»

«И вы только сейчас нам это говорите! У вас фесов знак снаружи!» прокричал Маггс.

«Маггс,» резко сказал Гаунт.

«Знак всегда был там,» сказал Колдинг, «поколения. Это была практика моего отца. Прямо перед войной.»

«А вы теперь мясник? Резатель трупов? Фес!»

«Хватит, Маггс,» сказал Гаунт, со скрипом отодвинув стул и поднимаясь на ноги.

«Ой, скажите это Доктору Смерть!»

«Маггс!»

«Вы имеете представление, насколько важен этот фесов пациент?» прокричал Маггс Колдингу в лицо.

Колдинг вздрогнул.

«На самом деле, хватит, Маггс,» сказал Гаунт голосом, в котором был стальной стержень.

«Почему бы тебе не пойти и не проверить машину?»

«С машиной все в порядке,» сказал Маггс.

«Машина расстреляна на куски, и они будут ее искать,» поправил Гаунт. «Иди и проверь. Убедись, что там безопасно. Убедись, что мы в безопасности. Хорошо?»

Маггс, медленно кипя, вздохнул и кивнул. Он отдал старый пистолет доктора Гаунту, сделал глоток кофеина и одной из эмалированных кружек, и вышел, не сказав больше ни слова.

«Я извиняюсь,» сказал Гаунт. Он жестом показал Колдингу сесть за стол, и поставил чашку с кофеином перед ним.

«Не стоит.»

«Пациент выживет?»

«Я работал с живыми,» сказал Колдинг. «Много лет, как младший ассистент в практике моего отца. Я квалифицирован для работы с людьми. Но в эти дни, город пуст. Улицы темные и тихие. Население никогда по-настоящему не возвращалось. Мне нужно дополнять свой объем работы аутопсиями для Департамента Здоровья, или это место придется закрыть.»

«Война положила конец работе вашего отца?»

«Война положила конец моему отцу,» сказал Колдинг. «Он погиб. Как и его ассистенты и медсестры. Я был единственным, кто выжил.»

«Пациент выживет?»

«Я стабилизировал его, и залатал поврежденные кровеносные сосуды. Нам нужно подождать еще полчаса, чтобы увидеть, как примутся заживляющие сетки коагулянта. Его кровяное давление беспокоит меня. Если он будет все еще жив через час, я думаю, что он проживет еще пятьдесят лет.»

Гаунт отпил кофеина. Он казался ужасным. По правде, он был просто полевого качества.

Маггс закинул его согласно с окопными условиями. Гаунт осознал, что он был испорчен слишком многими месяцами кофеина отличного качества. Эта, эта черная бурда, которую состряпал Маггс, была тем кофеином, каким его пьют в Гвардии, горьким вкусом боевой зоны или окопа.

Кофеин был ужасным, и он был лучшим напитком, который был у Гаунта за последний год.

«Где вы взяли пистолет?» спросил Гаунт.

Колдинг посмотрел на старое оружие. Оно лежало на потертой столешнице кухонного стола.

«Этот пистолет, который был оставлен.»

«Оставлен?»

Колдинг замешкался. Это было скорее не из-за того, что он пытался найти правильные слова, это было скорее из-за того, что он не был уверен, сможет ли он произнести их.

«Он был оставлен. После всего. В ночь, когда умер мой отец. Мой отец и его ассистенты.»

«Доктор, они умерли здесь?»

Колдинг снял затемненные очки и тщательно очистил одну линзу.

«Мой отец установил сортировочный пункт. Раненые люди стекались отовсюду. Повсюду на улицах была битва.»

«Я знаю. Я был здесь.»

«Тогда вы знаете, на что это было похоже. Резня. Улицы, наполненные дымом. Шум. Пришли несколько солдат. Они были вражескими солдатами. Они ворвались, когда мы перевязывали раненых.»

«Сколько вам было, доктор?» спросил Гаунт.

«Мне было шестнадцать,» ответил Колдинг.

На улице снаружи, снег мягко стирал все линии и углы. Белизна снежинок ловила свет уличных фонарей, как капли расплавленного металла, капающие из разорванной брони. Вес Маггс натянул поплотнее куртку и потер руки. Его дыхание вырывалось изо рта, как дым из оружия.

Он пробирался вверх по улице сквозь утолщающийся снежный покров, влажные снежинки стучали по его лицу. Ночь была такой же темной, как душа Роуна, но здесь было призрачное излучение, идущее со всех поверхностей, на которые осел снег. Снег скруглил бордюры, смягчил стены и притупил железные ограждения. Он деформировал подоконники и линии водосточных желобов, и он покрыл все машины, припаркованные на холме.

Они оставили служебную машину рядом с концом улицы, спрятав ее за какой-то оградой. Маггс надеялся, что она нормально заведется. Не было достаточно времени или света, чтобы проверить, было ли прострелено что-нибудь существенное. За то время, что она простояла там, могли опустошиться баки или могла вытечь гидравлическая жидкость.

Холм был пологим, и он слегка скользил по снегу. Он проклял погоду. Машина была в поле зрения.

Три человека стояли рядом с ней.

Маггс остановился и осторожно позволил себе раствориться в тенях уличной стены.

Он стоял очень тихо. Он мог отчетливо видеть людей. Они были тенями, фигурами, пойманными светом уличного фонаря, духами, такими же тихими, как и ночной снег. Они изучали машину, двигаясь вокруг нее медленно и тихо. Маггс не мог сказать, были ли они вооружены, и он не мог рассмотреть какие-либо детали их одежды или униформы.

Но, когда один из них повернулся, Маггс поймал отблеск света фонаря, задевший край металлической маски.

Маггс повернулся и начал идти назад, вниз по холму, к дому доктора так быстро, но невидимо, как только мог.

ПЯТНАДЦАТЬ

Охотники

«Это все?» спросил Эдур. Он сделал кивок головой, который указывал на казармы в целом, и на шеренги, которые собрались на центральном дворе, в частности.

«Да, комиссар,» сказал Колеа.

Несколько должностных лиц Комиссариата уже начали работать с полковыми файлами, особенно с вахтенными журналами и регистрационными записями. Двое агентов ордоса, так же, начали то, что для Виктора Харка выглядело, как судебная проверка главных документов Танитского Первого.

«Вы собираетесь рассказать нам что-нибудь?» спросил Харк.

«Нет,» сказал один из агентов ордоса.

Эдур посмотрел на работника Инквизиции с некоторым отвращением. Инквизиция уже взяла верх, и это была не единственная причина, от которой у Эдура был неприятный привкус во рту. Он наклонил голову, чтобы предложить, чтобы Харк и действующий командир Танитцев, Колеа, отошли в сторону с ним.

Это все было, из-за необходимости, поспешным, но Меркюр проинструктировал Эдура перед полетом Валькирий в Аарлем вместе с Инквизицией. Меркюр был настойчивым: пока Меркюр доводит дело до властей Командного уровня в надежде, что Командование сможет как-нибудь надавить на ордосы, Эдур должен сделать все в своих силах, чтобы убедиться, что Инквизиция не сравнивает все с землей.

«Я хочу, чтобы мы сохранили кое-какой контроль во всем этом, Эдур,» говорил Меркюр, «так долго, сколько мы сможем, или пока мы не поймем, что не осталось ничего стоящего, за что можно держаться.»

«Как Инквизиция, так и Комиссариат, горят желанием узнать местонахождение Полковника-Комиссара Гаунта,» сказал Эдур Харку с Колеа.

«Разве он не был в Секции, когда это случилось?» спросил Харк.

«Да,» сказал Эдур.

«Разве он еще не там?» спросил Колеа.

«Мы не знаем,» сказал Эдур.

«И что это значит?» спросил Харк.

«Это значит, что часть здания сгорела, другая часть все еще в огне, и там все еще множество трупов, которые нужно найти и идентифицировать.»

«Гак!» прошептал Колеа.

«Штука в том, если Гаунт жив, мы не можем его найти,» сказал Эдур.

«И поэтому вы заперли нас, и явились, чтобы постепенно разобрать по кирпичику?» спросил Харк.

«Это ключевая причина.»

«Потому что?» спросил Харк. «Простите, Эдур, но вы что-то недоговариваете. Какой-то ключевой компонент.»

«Отсутствует вторая личность,» сказал Эдур. «Чрезвычайно ценный заключенный. Может быть, заключенный был целью рейда. Гаунта последний раз видели по соседству с камерой заключенного, и он был обеспокоен значимостью заключенного.»

«И если они оба отсутствуют, должно быть, они выбрались вместе,» сказал Колеа.

«Может быть, Гаунт увел заключенного в безопасное место и залег?» спросил Харк.

«Это одна вероятность,» сказал Эдур.

«А другая?» спросил Харк.

«Гаунт мог работать с рейдерами, чтобы вытащить заключенного. Спешу добавить, что это не моя теория. Тем не менее, Инквизиция рассматривает это.»

«Я в это не верю,» сказал Харк, мотая головой. «Это все опять из-за фесова Гереона.»

«Во многих отношениях,» согласился Эдур.

«Они никогда не отстанут,» сказал Харк.

«Есть какие-нибудь доказательства, подтверждающие эту инсинуацию?» спросил Колеа.

«Есть несколько прискорбных деталей,» сказал Эдур. «Ваш Майор Роун и остальные были в здании.»

«Под арестом, запертые,» сказал Харк.

«Отмечено. Тем не менее, они также сейчас отсутствуют или мертвы. Если кто-то предрасположен к подозрениям, то он может увидеть в этом доказательство плана. Люди внутри, готовые к действиям.»

«Могу я сказать вам, что я думаю?» спросил Харк.

«Я думаю, вы все должны сказать мне, какого черта вы думаете вы делаете, обсуждая эти деликатные детали,» сказал Райм.

Они не видели приближения инквизитора. Он был окружен по бокам своими приспешниками.

«Мне бы нужно казнить вас всех,» сказал Райм. «Это секретная информация, относящаяся к текущей ситуации.»

«Я чувствую, инквизитор,» сказал Эдур, «что старшие Танитские офицеры могут быть гораздо более полезны для нас, если у них будет общее представление.» Эдур решил не упоминать, что еще он чувствует, так как это касалось инквизитора гораздо более непосредственно.

«Я не думаю, что вы вправе принимать такие решения,» сказал Райм.

«Тогда я буду считать себя наказанным, сэр,» сказал Эдур.

«Гаунт не принимал в этом участия,» сказал Харк Райму.

«Почему?» спросил один из приспешников.

«Потому что я знаю его,» сказал Харк.

«Ох, ну тогда все в порядке,» сказал Райм.

«Наш командующий офицер не предатель,» сказал Колеа. «Нет никакого тайного заговора. Если он был вовлечен, это была импровизация. Он чрезвычайно лоялен.»

«Мы это узнаем, когда найдем его,» сказал Райм.

«Мы хотим помочь вам сделать это,» сказал Колеа, «любым способом, каким сможем. Мы хотим очистить его имя, и репутацию этого полка. Вы можете проверить нас на предмет любой информации.»

«Сделаем,» сказал Райм с улыбкой.

«Вы можете перехватить всю входящую и исходящую связь, чтобы посмотреть, пытается ли он связаться с нами.»

«Сделаем,» сказал Райм.

Колеа остановился. Он тяжело вдохнул и спросил, «С уважением, сэр, что еще мы можем сказать вам? Что еще мы можем сделать, чтобы помочь?»

«Вы можете остаться здесь, и ответить на любые вопросы, которые мы зададим,» сказал Райм. «Кроме этого, вы больше никак не будете вовлечены.»

«У Танитцев великолепная репутация в разведке и поиске следов,» сказал Эдур.

«Это просто за пределами для них,» сказал Райм. Он отвернулся.

«Могу я сказать, сэр?» спросил Эдур. «Наедине?»

Раум повернулся, обдумал это, а затем пошел к коридору. Его приспешники последовали за ним.

«Я имел в виду, совсем наедине,» сказал Эдур.

Райм подал отрывистый знак своим агентам, и они отступили.

Эдур последовал за Раймом в пустой коридор и закрыл за собой дверь.

«Говорите,» сказал Райм с нетерпением.

«Я думаю, что вам нужно использовать Танитцев, сэр,» сказал Эдур. «Они первоклассные разведчики и следопыты. Если Гаунт и заключенный в бегах в

Олигархии, они найдут его. Они мотивированы. Это вопрос чести. И если выяснится, что вовлеченность Гаунта просто случайная, это так же даст им возможность восстановить свою репутацию.»

«Эдур, я не собираюсь ни секунды рассматривать это,» сказал Райм. «У ордоса есть свои собственные первоклассные агенты на службе. Мне не нужно, чтобы толпа толстошеих пехотинцев путалась под ногами--»

«Я предполагаю, что вы прочитали характеристику полка,» сказал Эдур. «Я предполагаю, что вы должным образом оценили навыки и достижения этих *толстошеих пехотинцев*. Забудьте о Гаунте. Если заключенный жив, Танитцы найдут его.»

Райм покачал головой и шагнул мимо Эдура, чтобы вернуться к своим людям.

«Тогда обдумайте это, сэр,» сказал Эдур. «Приставьте Танитцев к этой охоте, и мне не придется никому говорить, что я видел сегодня.»

«О чем это вы?» спросил Райм.

«Та тварь... в коридоре... она сожгла ваше лицо. Она сожгла ваш череп. Вас не должно быть здесь, вы не должны быть живы. Вы не должны говорить со мной.»

«Вы не понимаете, о чем говорите,» сказал Райм.

«Нет, не понимаю,» сказал Эдур, «но у меня скверное ощущение, что это как-то связано с тем, что вы и ваши лакеи выглядите одинаково.»

«Если это так, это был, очевидно, один из них, кого вы видели горящим,» сказал Райм.

«Я знаю, что я видел,» сказал Эдур, «и это говорит о тьме и колдовстве варпа, и ереси. Это говорит о вещах, которые Инквизиция не хочет обнажать во время этой деликатной ситуации.» Райм секунду пристально смотрел на него. Затем он повернулся и быстрым шагом пошел назад в офис.

«Ты, солдат,» сказал он, указывая на Колеа.

«Майор Колеа,» ответил Колеа.

«Да кто бы ты ни был,» сказал Райм. «Я хочу, чтобы ты собрал, быстро и эффективно, своих лучших разведчиков.»

ШЕСТНАДЦАТЬ

Другие Охотники

Кархунан Сирдар крался вниз по тихой улице, следуя за дорожкой из маленьких черных дисков, где капли крови остались на снегу. Улица была пологой, и здания по обе стороны были темными и с закрытыми ставнями на фоне ночи и снежной бури, как будто они прятались с плотно закрытыми глазами. Он смотрел, как стремительный снег плывет, подобно искрам, в световых конусах уличных фонарей. Не все фонари на улице в старом квартале работали.

Возлюбленный магир возложил долг на его душу, и Кархунан был удовлетворен. Долг был почти выполнен. Они следовали, и они приближались. Машина, которую они нашли брошенной дальше по улице позади него, была, определенно, той же самой, которая сбежала от них в Секции. Кровавые капли на снегу дополняли смертельный приказ.

Часть братства пошла с ним, чтобы разведать улицу. Самус стоял у одного из зданий снаружи недалеко впереди, глядя на ступеньки у входной двери. Здание было темным, и не выдавало признаков жизни. Знак, какое-то устройство с посохом, которое Кархунан полуопознал в глубинах своей шрамированной памяти, висел над дверью на медной перекладине. Самус дрожал и кусал свой язык. Когда сирдар приблизился, он произвел мягкий мяукающий звук и наклонил голову в сторону двери.

Кархунан похлопал уродливого человека по плечу. К лестнице вели маленькие капли крови, еще не накрытые тихо падающим снегом.

Слева от Кархунана появился Имри, а Наеме справа. Они выглядели возбужденными.

«Мелтораэль,» пробормотал Наеме, «потом Ароклюр, потом Улзеум.»

«Тихо,» прошептал Кархунан.

По кивку сирдара, Имри ногой выбил дверь, и они скользнули в холл с темным деревом. Снег залетел вместе с ними. Снежинки осели на высокие часы, стоящие в коридоре.

Имри вел, с поднятым к плечу оружием, охотясь. Он был самым наблюдательным из них. Давным-давно, в том, что было буквально другой жизнью, Имри был, как и Кархунан, солдатом Трона. Он был неофитом, пришлым. Словом клана было *элтердвелт*, что означало «другая жизнь» или, в более широком смысле «обменянный товар». Он отбросил большую часть своей прошлой жизни, охотно сбросил ее, как змея сбрасывает старую, тугую кожу, но некоторые ее части остались непоколебимыми. Дамогор Эйл, не *элтердвелт*, а скорее родом из Кровного Родства, холил и лелеял такие старые характерные черты в людях братства. Имри когда-то был разведчиком, охотником. Он замечал детали, которые почти все другие пропускают.

Имри прошел холл. Он заметил, что одна из шести лампочек в лампах холла взорвалась, и взорвалась она давным-давно, потому что ее тусклое стекло было покрыто пылью. Он заметил, что высокие часы не работали. Он заметил высохшие остатки отпечатков ног от растаявшего снега на темном деревянном полу, почти невидимые.

Маленькая кухня. Три кружки, наполовину полные, все холодные. Горелка на плите, на которой кованое железное кольцо было все еще немного теплым.

Имри кивнул Самусу идти дальше. Самус проверил боковую комнату, выбив дверь внутрь. Наеме был на лестнице, нацелив оружие вверх, всматриваясь.

Имри спустился по каменной лестнице в подвал. Кархунан последовал за ним. Подвальные помещения были совершенно огромными, каменные подвалы, построенные под уровнем тротуара. Здесь были анатомическая, кладовая и холодная комната для трупов.

«Здесь никого нет,» сказал Кархунан.

«Но были,» ответил Имри.

«Ты уверен?»

«Уверен, как кровавые пятна на снегу,» ответил Имри. «Уверен, как все еще теплая плита. Уверен, как это.» Они были в анатомической. Она была чистой и опрятной, и пустой, но Имри поднял крышку мусорного ведра. Кархунан Сирдар посмотрел

внутри. Он увидел грязные тампоны и окровавленные бинты, вместе с несколькими одноразовыми медицинскими инструментами.

Имри подошел к столику с инструментами. Он открыл крышку одного из стеклянных стерилизаторов, и вытащил скальпель. Он понюхал его.

«Кровь,» сказал он.

Даже после некоторого времени в химическом растворе, запах недостаточно исчез для такого человека, как Имри.

«Итак, куда?» спросил Кархунан.

Имри наклонил голову и подумал. Он мог чутать что-то еще, что-то грязное и металлическое.

Он быстрым шагом вышел из анатомической на нижний этаж. Черная стена с деревянными панелями совсем не была стеной.

Это был экран. Он нашел утопленную медную рукоять и потянул ее.

Служебный лифт. Холодная, сырая затхлость поднималась снизу.

Имри поехал в грохочущем лифте вниз со своим сирдаром и Наеме. По прибытии, прямо после короткого спуска, они развернулись с поднятым оружием.

Снежинки врезались им в лица. Передняя часть дома выходила на пологую улицу, но задняя часть выходила на другой уровень улицы, тремя этажами ниже. В Старой Стороне, здания и улицы были расположены ярусами.

Двери маленького гаража были открыты и выходили на черную дорогу. На рокрите были масляные отметины, и запах выхлопов в воздухе.

Имри поспешил к дверям гаража и посмотрел наружу.

Снаружи не было ничего, кроме призрака изгибающихся следов от шин.

«Это просто мысль, но не могли бы вы попробовать ехать быстрее?» спросил Маггс.

«Тихо,» предупредил его Гаунт. Маггс вздохнул и откинулся на сидении в задней части небольшой частной машины скорой помощи. Она была хрупкой вещью,

которой, очевидно, не пользовались годами. Гаунт сидел в кабине вместе с Колдингом. Маггс был в задней части с бессознательным заключенным. Скорая помощь тащилась сквозь ночь на скорости, которая была похожа на медленное продвижения моллюска, за исключением того, что ей, так же, удавалось скользить и прокручивать колеса.

«Осторожно,» сказал Гаунт Колдингу, который низко согнулся, смотря поверх руля.

«Делаю все, что могу,» ответил Колдинг.

«Когда вы в последний раз выгоняли эту машину?» спросил Гаунт.

«Недавно.»

«Ночью?»

«Недавно.»

«Тогда, кто вел, доктор?»

Колдинг пожал плечами нашел другую передачу. «Мой отец.»

Гаунт покачал головой.

«Сэр,» сказал он, «мы заставили вас покинуть свой дом впервые за пятнадцать лет?» Колдинг снова пожал плечами, и сказал, «Все нормально. Я держусь обособленно. Это просто странный поворот событий, вот и все.»

«Вы были в том доме пятнадцать лет?» скептически спросил Маггс.

«Хватит, Маггс,» сказал Гаунт.

«Не удивительно, что он такой кусок феса,» пробормотал Маггс.

«Доктор Колдинг,» начал Гаунт, «я думаю, что я должен вести.»

«Почему?»

«У вас, очевидно, проблемы со снежными условиями. Для вас это тяжело. Я недавно учился вождению при холодной погоде.»

«Да?» спросил Колдинг.

Доктор медленно и длительно останавливал машину, и он с Гаунтом вышли и поменялись местами.

За рулем, Гаунт проверил управление, убрал с ручного тормоза и погнал их вперед.

«Это была ложь, так ведь?» спросил Колдинг.

«О чем?»

«О вашем недавнем обучении вождению при холодной погоде?»

Гаунт кивнул.

«Фонари причиняют боль вашим глазам, разве не так?» спросил он. «Вот почему вы едите ночью в темных очках.»

Колдинг не ответил.

«У меня легкое преимущество,» сказал Гаунт. Он моргнул дважды и переключил фокусное поле на большое усиление при низкой освещенности. Уличные фонари или не уличные фонари, но дорога впереди осветилась для него.

Кархунан снова прошел по своим следам на улице, хотя его следы уже почти исчезли. Его сапоги производили *пуф-пуф-пуф* в постоянно утолщающемся снежном покрове.

Дамогор изучал машину, которую использовала их добыча. Шесть членов братства, под предводительством Малстрома, вели наблюдение на улице вокруг него.

Эйл посмотрел на Кархунана.

«Они были в здании поблизости, магир,» сказал сирдар, «но они исчезли. Другая машина. Имри и Наеме уже идут по следу. Если мы быстро развернемся, мы догоним и--»

«Мы, в любом случае, догоним,» ответил Эйл. «Нет необходимости гнаться сквозь эту погоду.»

«Что вы имеете в виду?» спросил Кархунан.

«Смотри, что у нас есть,» ответил Эйл. Он провел пальцами по спинке водительского сидения машины. Они стали темными и липкими. «Приведи сюда мою сестру,» сказал он. «У нас есть их кровь.»

Когда она больше не смогла бежать, Тона Крийд вместо этого спряталась. Ее мускулы горели, как будто кто-то втыкал в них горячую проволоку, и она была близка к рвоте.

В какой-то момент высокий звук пропал, и сжатие спало. В нескольких улицах от Секции, в нескольких улицах от Площади Вайсрой, где та *тварь* с вуалью стояла под покрытыми снегом деревьями, она ворвалась в пустое здание.

Хотя Олигархия и Балополис были эпицентром наиболее жестоких боев во время войны за Балгаут, многое из так называемой Старой Стороны оказалось чудесным образом уцелевшим.

При ближайшем рассмотрении это было ложью. Большинство зданий были оболочками: выпотрошенные здания, которые стояли пустыми десятилетие с половиной с мусором, собравшимся на продуваемых ветром этажах. Некоторые начали включать в длительную программу реконструкции Балгаута. Местами, старые здания были уничтожены, и участки земли очищены для нового строительства. В другие места послали трудовые бригады, чтобы восстановить здания, которые все еще были достаточно крепкими, чтобы их стоило спасать.

Крийд забила в одно из последних. Окна были недавно закрыты побеленными досками, и здесь стоял сильный запах креозота и молодого дерева. Экраны от пыли и защитные перегородки были установлены между комнатами, или возведены, чтобы закрыть секции, где разделительные стены были снесены. Рабочие завесы, тяжелые и грязные от многократного использования, запятнанные старой краской и лаком, качались в ночном воздухе, движимые дыханием снежной бури снаружи. Дневная бригада оставила банки с краской, кисти на длинных ручках, пыльные козлы и упаковки дешевых древесноволокнистых плит. Верхний этаж был убран, оставив пространство, похожее на интерьер церкви ремесленников, на свод, разливанный новыми балками и поперечинами из чистого, желтого дерева.

Ее пульс был повсюду, а ее дыхание было неровным. Ее руки так сильно тряслись, что она боролась, чтобы использовать их. Она сломала конец одной длинной кисти, и

использовала бечевку, чтобы крепко привязать свой боевой нож к концу импровизированного копья. Не пушка, но, по крайней мере, дальность слегка больше, чем у ножа. Затем она села в углу, позади сложенных ДВП, и положила копье на колени.

Ее тело было в беспорядке. Она понимала это. Хроническое напряжение от жизни в зоне боевых действий искажало биологию человека, и ни для чего больше его не подготавливало. Это встраивало пути быстрого отклика и порождало вредные привычки. Это изменяло гормоны и метаболические функции, чтобы переносить длительный и повышенный стресс.

Это изменяло вас, чтобы провести через все, во что бы то ни стало, а затем изменения оставались в вас, когда вы возвращались к тому, что смехотворно называлось нормальной жизнью. Это оставляло их вместе с разрушительным психологическим и физиологическим ущербом, которому нужно было в тысячу раз больше времени, чтобы стереться, чем это понадобилось для внедрения.

Самым худшим, как она сейчас обнаружила, было то, что она не справлялась с послебоевым осадком; это брало вас старым, в плохом состоянии, ваше *боевое я*, и включало без предупреждения. Она превратилась из ничего в сверхсветовую за секунду. Токсический наплыв гормонов и откликов оставил ее почти оцепеневшей. На ее коже был блеск от пота, и она знала, что воняет страхом. Ее разум был оцепеневшим, за исключением крошечной крупы в самом его сердце, подобно плотному металлическому сердцу нейтронной звезды, которое кричит с радиоактивной яростью.

Она попыталась контролировать свое дыхание. Она попыталась применить некоторые из техник фокусировки, которым ее научил Мколл для скрытной работы. Это было тщетно. Это было, словно пытаться схватить воду. В конце концов, она бросила это дело и, с хрупким смехом, решила, что, может быть, ей просто лучше сдаться наплыву.

Через час или больше, во время которого она тонула в неменяемом состоянии, она встряхнулась, и почувствовала себя немного яснее. Старый образ мышления, тот, который позволяет вам функционировать в боевой зоне, вернулся так основательно,

как будто бы никогда никуда не пропадал. Она начала думать, а не просто реагировать.

По ее мнению, самой большой проблемой был мир снаружи. Она просто не могла понять, как разгром в Секции мог произойти без чертовых последствий. Где были отряды блокировки? Силы быстрого реагирования? Отряды охраны со своими бронированными машинами и канистрами с газом?

Где были СПО и фесова Гвардия? Город уже должен был вопить сиренами. Небо уже должно было быть густым от боевых кораблей.

Снаружи было тихо. Это было так, словно весь город испытал травматический шок, стал немым и парализованным. Это было так, словно снегопад обладал каким-то обезболивающим качеством. Она не могла стряхнуть мысль, что по тихим улицам ползают солдаты Архиврага.

Она решила, что у нее нет другого выбора, кроме как вернуться в Крепость Аарлем. В ней больше ничего не осталось, чтобы пробежать этот путь, но она была уверена, что если будет идти не останавливаясь, то сможет добраться туда до рассвета.

Она ушла недалеко, когда услышала приближение машины, звук ее двигателя был таким, как будто она боролась со снегом. Она была в пределах мили. Вокруг больше ничего не было. Крийд остановилась и прислушалась.

Возможно, это было СПО, в конце концов, выдвинувшееся. Возможно, это был транспорт из колонны с помощью, едущий в сердце города.

Инстинкт подсказал ей, что это не так. Это был только один двигатель, одна машина, причем маленькая. Это был некто, загадочно активный на загадочно пустых улицах.

Она решила посмотреть, и пошла в сторону приближающегося источника звука. Когда он появился в зоне видимости, она легла, сжимая свое копьё. Машина, просто темная клякса на заснеженной дороге, ехала без огней: без огней, ночью, при снегопаде.

Это было умышленно, и это было зловеще. Тяжело сглотнув, она бросила последний взгляд, а затем ретировалась, чтобы спрятаться в переулке, пока люди в транспорте не увидели ее.

Она ждала. Машина не проехала мимо. Она остановилась.

Она выругалась и приготовила копье. Ее никак не могли заметить, но почему тогда машина остановилась?

Внезапно в конце переулка появилась фигура, обрамленная снегом. Это был солдат, один из рейдеров, один из захватчиков. Она взвесила свои шансы. Остаться на месте, и ждать, пока он не подойдет к ней, чтобы она смогла тихо убить его в темноте переулка, или пойти к нему и быстро убить до того, как он загонит ее в угол.

Фигура сделала шаг в ее сторону, как будто знала, что она там, как будто она могла видеть в темноте с помощью своего колдовства варпа. Ей нельзя просто сидеть здесь.

Она рванула вперед.

Фигура отшатнулась с удивлением, когда она ринулась вперед из укрытия. Она держала копье низко, чтобы воткнуть его в живот. Она издала вопль.

Со своим собственным криком, фигура отпрыгнула в сторону, уклоняясь от колющего удара длинного Танитского клинка. Одной рукой фигура схватила рукоять копья, и попыталась использовать импульс Крийд, чтобы бросить ее на землю. Она дернулась назад, отказываясь терять контроль над оружием. Нападавший был сильным. Он кинулся на нее и прижал спиной к стене переулка. Она закричала и пнула.

«Ради феса, Тона,» крикнул Гаунт. «Это я!»

СЕМНАДЦАТЬ

Кровь для Кровавого Бога

«Кто он?» спросила Крийд.

«Он – причина всего происходящего,» ответил Гаунт.

«Он был на Гереоне с нами?»

«Мы никогда не встречались с ним,» сказал ей Гаунт, «но он был одним из тех, кто охотился на нас.» Крийд пристально посмотрела на лицо спящего человека на носилках. Он носил свои шрамы там, где любой мог их видеть. Гереон, возможно больше, чем что-либо еще, оставил внутри нее глубочайшие шрамы, невидимые. Гереон был главной причиной, из-за которой у нее была стрессовая мигрень позади глаз и такой высокий адреналин, что ее пот имел кислый металлический вкус.

Они укрылись в здании, где она пряталась ранее. Ночной воздух все еще двигал тяжелые, грязные рабочие завесы, которые делили здание. Запах холодной, мокрой древесной пыли был интенсивным. Маггс с Крийд вскрыли один из заколоченных дверных проемов, и Гаунт загнал скорую помощь внутрь. Маггс был занят тем, что ставил панели на место, чтобы все выглядело так, как будто их никто не срывал.

«Вы видели меня, в темноте,» сказала Крийд Гаунту.

Он кивнул.

«Эти ваши глаза,» заметила она.

«Ты будешь поражена, какие вещи я вижу в эти дни,» ответил он.

«Как далеко все зашло?» спросила Крийд. «Как они взяли город? Все так плохо? Он так важен?»

«Ты знаешь столько же, сколько и мы,» сказал Гаунт.

Колдинг порхал вокруг заключенного, проверяя состояние бинтов. Им пришлось уходить в спешке. Колдинг протестовал, и все его протесты были на медицинской почве. Он не хотел, чтобы пациента перевозили или тревожили. Пациент нуждался в послеоперационном отдыхе и шансе стабилизировать свои жизненные показатели.

Гаунт тогда посмотрел ему в лицо и сказал ему, насколько был близок Кровавый Пакт и, более колоритно, расписал, что произойдет, когда они ворвутся в дом.

«Как он?» спросил Гаунт.

Колдинг поднял взгляд на Гаунта. Его глаза были нечитаемы за линзами из синего стекла.

«Сейчас лучше, его не трясет. Я не хочу, чтобы рана снова открылась. Тем не менее, у него низкая температура, а его пульс слабый. Мы можем рискнуть развести здесь огонь?»

«Нет,» сказала Крийд.

Гаунт тоже помотал головой.

«Простите,» сказал он. «Так как они охотятся на нас, это не вариант.» Колдинг выпрямился. «Тогда я принесу еще одеял из скорой. Я думаю, что там еще есть несколько старых термопростыней, которые все еще могут работать.» Он направился к старому потрепанному фургону.

«Где вы его нашли?» прошептала Крийд.

«Убедись, что выказываешь ему некоторое уважение,» ответил Гаунт. «Без него, Кровавый Пакт уже бы победил.»

Маггс вернулся. Он выглядел измученным, а высохшая кровь на его ухе и шее заставляла все выглядеть так, как будто он побывал в потасовке.

«Мы в безопасности, пока что,» сказал он.

«Пока вещи не поменяются, давайте отдохнем здесь час или около того. Кстати, кто-нибудь знает, здесь – это где?»

«Моат Стрит,» ответил Колдинг, пока шел от машины с охапкой одеял.

Крийд пошла, чтобы помочь ему укутать пациента.

«Кто-то должен встать в карауле,» сказал Маггс.

«Я это сделаю, Вес,» отозвалась в ответ Крийд. «Я сейчас слишком на нервах, чтобы уснуть.» Маггс кинул ей свой лазерный пистолет. Она ловко поймала его, запихнула за пояс, и присела рядом с Колдингом.

«В чем дело?» спросил Маггс Гаунта.

Гаунт покачал головой, и сказал, «Моат Стрит. На ней звенел колокол. Я думаю, что, возможно, я был здесь раньше.»

«Когда?»

«Пятнадцать лет назад.»

Маггс присвистнул.

«Серьезно?» спросил он.

«Я не могу быть уверен. Мы наступали на множестве улиц в Старой Стороне, чтобы добраться до Олигархии. Большинство из них были разбомблены или выгорели, или и то, и то. Знакомое название, вот и все.»

«Я думал, что вы помните каждую деталь такого шоу, как то,» сказал Маггс.

«Я думал, что это так,» ответил Гаунт. «Вообще-то, я никогда много об этом не думал. Никогда не чувствовал большой необходимости вспоминать. Но я всегда считал, что мои воспоминания о том времени были весьма полными, что они были, если они мне понадобятся. А теперь...»

Он сделал паузу и пожал плечами. «А теперь, когда мне нужно вспомнить, найти воспоминания, я обнаруживаю, что они, фактически, расплывчатое пятно. Они все перемешались.» Маггс кивнул.

«Я понимаю,» сказал он. «У меня то же самое с Хинцерхаусом, понимаете? Я помню, что произошло, я помню, что это был за ад. Я просто не могу вспомнить ни одной детали.» Сильный порыв ветра поднял края рабочей завесы, и поднял в воздух кучу стружек так, что они понеслись подобно густому снегу.

«Вы знаете, что виновато во всем это, так ведь?» сказал Маггс.

«Просвети меня,» сказал Гаунт.

«Война,» сказал Маггс. «Она сносит крышу. Она сносит крышу ужасными способами. И чем дольше ты открыт ей, тем хуже будет.»

«Я это слышу,» сказала Крийд, пока уходила, чтобы встать в карауле.

«Поспи немного,» сказал Гаунт Маггсу.

Маггс кивнул, и ушел на поиски какого-нибудь брезента, чтобы закутаться в него.

Гаунт побродил по зданию, отодвигая рабочие завесы и входя в новые места, голубовато-темные, которые пахли молодым деревом и краской. *Моат Стрим, Моат Стрим...* Бывал ли он здесь?

Возможно, не в этом самом здании, но снаружи на улице, передвигаясь от укрытия к укрытию с Хурканцами, пока трассеры пронзали дым. Было ли это настоящее воспоминание, или просто симуляция, которую его разум создал из кусочков в подсознании?

Он услышал легкое постукивание: пятна от снежинок стучали по закрытым деревом окнам на ветру. Он отодвинул еще одну завесу и прошел на следующую площадку. Пластиковое покрытие трещало, когда сквозняк оттягивал и отпускал ее на панелях из древесноволокнистых плит. Он подстроил свои глаза. Как переднюю, так и заднюю стены комнаты перестраивали. Нарезанный камень ожидал укладки, а стены, выходящие на улицу, временно заменялись деревянными досками. Пятнадцать лет назад, что-то чисто прошло сквозь эту часть здания. На внутренних стенах, которые остались, он нашел неровные отметины, которые шли вдоль камня на высоте плеча. Он пробежался по ним рукой, пока не опознал. Танк, или подобная бронированная машина, проехала здесь, сровняв с землей переднюю и заднюю стены своими гусеницами, и поцарапав обе боковые стены краями корпуса.

Станным было то, что он не в первый раз видел это. Он был на Балгауте уже год. Он ходил по его улицам по своим делам. Сколько раз он видел угол улицы, зазубренный и шероховатый на высоте плеча? Или стену, на которой был длинный, уродливый шрам? Он их видел уже сотни раз, и только сейчас он понял, чем это было: следы, оставленные железными плечами хищных гигантов, которые крались по Балгауту в его темные дни.

Даже вещи, которые пережили войну, даже вещи, которые остались стоять, вышли из войны со шрамами.

Он вернулся в комнату, где отдыхали остальные. Маггс спал, а Колдинг тихо сидел рядом с закутанным заключенным на носилках. Крийд наблюдала за улицей из окна, с которого сняли доски.

«Что-нибудь?» спросил он ее.

«Очень тихо,» ответила она. «Я думаю, что они околдовали весь город.» Гаунт покачал головой.

«Я так не думаю,» сказал он. «Не делай из них больших монстров, чем они есть. Они упорные, и у них нечестивое колдовство варпа, но здесь их не может быть много. Я совершенно уверен, что это внедрение, а не полномасштабное вторжение. Снежная буря просто стала плохим стечением обстоятельств, совпадением.»

«Серьезно?»

«Мы не победим их, пока не сможем победить их в своих головах, для начала. Не давай им такое преимущество.»

Крийд кивнула, и на ее лице промелькнула ухмылка, но она не выглядела полностью убежденной.

Гаунт пошел к машине скорой помощи и сел, прислонившись спиной к одной из колесных арок, чтобы отдохнуть.

Он был вымотан и помят дневными событиями, особенно после дикой драки с маниакальным дамогором. Как Крийд, так и Маггс, оба были на нервах, но только сейчас он осознал, насколько он сам устал. День вернул его снова в мир жизни или смерти, который он не посещал два года. Он был неприятным: шокирующим, а еще ужасно знакомым. Мускулы его челюстей были напряжены, его спина и поясница были мокрыми, а во рту был отвратительный привкус. Только вчера, в Митридате с Бленнером, он жаловался, с каким нетерпением он ждет, чтобы снова пойти и познакомиться с войной.

Он совсем не ожидал, что она придет и найдет его сама.

Он засунул руку в карман пальто за блокнотом Эзры, намереваясь успокоить нервы за чтением еще одного старательно записанного нихтгейнского мифа. Они были восхитительными. В них содержалась старая мудрость об охоте и военном ремесле. Он решил, когда позволят обстоятельства, тщательно изучить их, и, возможно, даже научиться чему-нибудь из них. До сих пор, у него не было возможности отдать им должное внимание, которое они заслуживали.

Когда он вытащил блокнот, сложенный лист бумаги выпал из его страниц на землю между его ног. Это было письмо, с красивой шапкой наверху бланка. Это было вежливое официальное представление от Мистера Жайме, фотографа-портретиста.

Гаунт осознал, что он вытащил свой собственный блокнот. Блокнот Эзры, практически идентичный, был в другом кармане пальто. Письмо, которое, как бедный Белтайн настаивал, что Гаунт видел, а тот в свою очередь это отрицал, лежало под обложкой, возможно, с того самого утра, когда оно пришло в Аарлем.

Он сложил его, чтобы убрать, и заметил шапку. Адрес студии Жайме значился, как «137 Карнейшн Стрит, рядом с Моат Стрит.» *Моат Стрит*. Вот, где он видел это. Это совсем не было воспоминание о Балгаутской Войне, просто маленькая частичка, которая затерялась в его голове.

Эйл тихо стоял на кухне дома Доктора Колдинга на Кепелер Плейс. Хотя полночь прошла совсем недавно, голубые сумерки начали просачиваться в окна. Первый свет, и хотя снежная буря еще не утихла, первый намек на дневной свет начал усиливаться и отражаться от окутывающей белизны.

Кроме Крига, который стоял в карауле за передней дверью, и Гнеша, который присматривал за нижней улицей из гаража, люди братства отдыхали в верхних комнатах дома. Двадцать девять человек; его войско уменьшилось до двадцати девяти человек. Кэйлб Сирдар погиб, первый, который умер. Эйл не был свидетелем этой смерти, чтобы поместить ее в окончательную хронологию, но он знал, что его сестра не может лгать.

Эйл снял свой гротеск. Он ощущал боль в руках, груди и на лице, где, когда карабин взорвался у него в руках, остались раны и ожоги. Раны напоминали ему, что он был жив, так же, как напоминали ему, кто должен умереть.

Время медленно уходило. С каждой прошедшей минутой, миссия становилась труднее, сложности больше, сопротивление более решительное. Братство утратило элемент неожиданности, и Эйл прикидывал, что у них осталось только несколько часов, за которые можно использовать шоковое состояние противника. К утру, подумал он, Имперцы соберутся с мыслями и сплотятся. Они закроют город и начнут охотиться на нас.

Но, пока этого не случилось, Эйл собирался как можно лучше использовать свое время. Городские окрестности были, все еще, пойманы в *не-состояние*, болезненный полусвет колдовства варпа, который его сестра наколдовала над столицей, чтобы ошеломить, сбить с толку и запутать. Буря продолжалась, и давала им свои дары маскировки и таинственности. У братства все еще было достаточно времени, чтобы сделать свою работу. И опять же, его сестра была ключом.

Эйл взял одну из полупустых эмалированных кружек, которая стояла на потертом кухонном столе.

Из любопытства, он отпил холодной черной жидкости.

Она на вкус ощущалась, как кровь. Все ощущалось, как кровь.

Он пошел вниз по лестнице, чтобы найти свою сестру.

Она была в маленькой анатомической, которая располагалась за дверями в конце каменной лестницы.

Эйл тихо открыл двери. У него не было никакого желания потревожить ее или помешать ее работе.

А она, определенно, работала.

Эйл понимал, что члены братства ушли на верхний этаж дома, потому что в этом случае им не нужно было находиться так близко к ее колдовству. Близость к ремеслу Ульрике заставляла щипать кожу, а сердце сводить с ума.

Эйл проглотил желчь, которая подступила к горлу.

«Сестра?»

Она взяла полотна белой ткани из кладовой, и прикрепила их к деревянным панелям анатомической, воспользовавшись хирургическими клинками, превратив полотна в занавесы. Затем она нанесла на них кровавые знаки.

Она нашла источник крови анатомической, холодильник рядом с мойкой, и нанесла рейд на его содержимое. Пустые пакеты для переливания, разорванные и отброшенные, валялись на покрытом плиткой полу. Она разбрызгала, растрясла и расплескала содержимое пакетов по простыням.

Когда Эйл приблизился, она пристально смотрела на знаки, свои мокрые, красные руки они держала по бокам, и кровь с них капала на траурное платье.

«Что ты видишь?» спросил он.

«Ничего. Все сломано. Разъединено. Неполно.»

«Почему?»

Она пожала плечами. «Будущее не хочет, чтобы я его увидела.»

Эйл наклонился и поднял один из пустых пакетов. Он прочитал этикетку.

Синтетическая кровь.

«Это не настоящая кровь,» сказал он. «Она искусственная. Сделана в баке.»

Она кивнула.

«Я знаю,» сказала она. «Я могу читать. Я подумала, что это может сработать.»

Она снова украдкой посмотрела на кровавые знаки на простынях, ежевичную темноту крови, желтовато-розовые гало плазмы.

«Мне нужно использовать настоящую кровь. Я пушу себе кровь. Дай мне свой ритуальный нож, брат.»

«А потерял его,» признался он.

Она повернулась к нему. Он мог чувствовать жар ее взгляда из-за вуали.

«Клянусь душой,» сказала она, «это прискорбно.»

«Что есть, то есть,» ответил он, хотя он понимал, что она права. «Расскажи мне о настоящей крови.» Быстро прошагав, как упрямый ребенок, она тотчас подошла к столику с инструментами. Она опустошила и вымыла пару стеклянных стерилизаторов, и наполнила их кровью. Взвешенные в красной жидкости, Эйл мог видеть полосы запачканной кровью кожи, которые Малстром и Бэр срезали с обивки лимузина.

«Откуда кровь?» спросил он.

«Из искусственного запаса,» ответила она. «Не беспокойся, это просто среда. Не такая реактивная, как кровь, но лучше, чем вода, и это то, что я подумала, мне придется использовать.»

«И?»

«Я уже могу его чувствовать,» сказала она.

Используя хирургический инструмент, она нацарапала сетку и символы на рабочей поверхности стола, и поместила стеклянные стерилизаторы в центре. Тайные механизмы пришли в действие.

«Ты можешь?»

Она кивнула. «Я скоро определю его местоположение. Его пульс. На коже было много крови. Он заляпал кровью все сидения.»

Она посмотрела на него.

«Должно быть, он уже мертв, Балтасар.»

«Надо полагать.»

«Фегат уже, должно быть, мертв,» продолжила она. Она обняла его, и положила голову ему на грудь. «Наше дело, может быть, уже сделано. Мы можем исчезнуть и--» Он убрал ее руки от себя.

«У меня должно быть подтвержденное убийство,» сказал он. «К тому же, ты знаешь, что мы не можем. Мы не можем улизнуть из этого. Этот мир будет нашим концом.

Миссия уничтожит нас. Еще день, возможно, два, это мера наших жизней. Мы знали это, когда приняли эту ношу, поклявшись душами.»

«Ты принял. Не я,» ответила она.

«Мы были созданы для этого, сестра, мы--»

«Я была создана. Я была создана для этого. Кровавые маги соткали меня для этой самой цели. Ты вызвался добровольно, Балтасар. Гордый воин, великий дамогор, ты добровольно вызвался ради славы этой миссии. Мне никогда не предлагали шанс, а мне бы хотелось, чтобы он был. Это одна из моих истин.» Он печально кивнул.

«Если бы у тебя был выбор, ты бы выбрала это?» спросил он.

«Я не могу лгать,» ответила она. «Иногда я задумываюсь, на что похожа жизнь. Я имею в виду, на что похоже вести жизнь: родиться и вырасти, и принимать решения и следовать путями. Хотела бы я этого. Я задумываюсь, какие бы выборы я сделала. Но я знаю, что я такое, брат. Заколдованный инструмент. Ни детства, ни жизни, ни выбора. Выращена только для одной цели. Даже в этом случае--»

«Даже в этом случае?»

«Я бы выбрала это. Фегат должен умереть.»

«А Анарх?» спросил Эйл. «Анарх умрет?»

«Брат, ты знаешь, что есть только одна вещь, которую я не могу увидеть,» сказала она.

«Что такое?» спросил Маггс.

Он внезапно проснулся, холодный и негибкий на твердой кровати из брезента, без понятия, где он и сколько времени. Ему потребовалась пара панических секунд, чтобы вспомнить.

Его подрезанное ухо болело, как фес. Рана начала болеть и пульсировать, как и любая рана, когда спадал первоначальный шок. А еще хуже, что страх и стресс, которые накопились за предыдущий день, все еще гуляли по его организму, последняя вещь, которую он хотел.

Гаунт спал. Ублюдок может спать где угодно. Крийд, несомненно, шаталась по периметру. Доктор Смерть стоял на коленях рядом с пациентом. Маггс мог сказать, что что-то происходит.

«Что такое?» повторил он. Было холодно до костей в голубой темноте здания, и Маггс видел, как его дыхание парит у него перед лицом. Пациент, под одеялами на носилках, бормотал и трясся.

«У него лихорадка,» ответил Колдинг.

«Лихорадка?»

«Я так и сказал.»

«Что за лихорадка?» спросил Маггс.

Колдинг посмотрел на него в темноте.

«Бывает только одна,» ответил он.

«Самая плохая?»

«Да.»

«Ху-ху. Что будем делать?»

Колдинг слегка рассмеялся, грустным смехом, и сказал, «Ну, сэр, мы можем отвезти его в Муниципальный Медицинский Хоспис Олигархии, чтобы они смогли начать интенсивную терапию... Кроме этого, ох, что мы еще можем сделать?»

Маггс покачал головой.

«Лихорадка началась внезапно,» сказал Колдинг. «Я нашел воду в одеялах здесь. Я пытаюсь держать его лицо в холоде.»

«Он умрет?» спросил Маггс.

«Мы все когда-нибудь умрем, сэр,» ответил Колдинг.

«Я имею в виду, сейчас,» резко сказал Маггс.

«Возможно. Я думаю, что в его рану попала инфекция. Едва удивительно, при данных обстоятельствах.»

«Слушайте, Док, мне это нравится не больше вас,» сказал Маггс. Он сделал паузу, а затем вздрогнул, внезапно.

Колдинг пристально смотрел на него.

«Ты в порядке, солдат?» спросил он.

«Да,» ответил Маггс, трясая головой. «А что?»

«Ты выглядишь бледным, потным,» сказал Колдинг.

Маггс чувствовал себя совсем нехорошо, но он понимал, что сейчас не время для слабостей. Чувствовать себя дерьмово было его проблемой.

«Я в порядке,» сказал он.

«Я думаю, что у тебя тоже температура.»

«Просто присматривайте за уродливой мордой, ладно, Док?» сказал Маггс.

Он осознал, что его руки трясутся. Его колени ощущаются мягкими. Он смотрел, как доктор в полутьме вытирает лоб заключенному.

«Где Крийд?» спросил Маггс.

«Кто?»

«Девушка, женщина,» сказал Маггс.

«Я думаю, что она пошла проверить улицу,» ответил Колдинг.

Маггс потянулся за своим оружием. У Крийд был его лаз. Автопистолет Доктора Смерть лежал у него в кармане. Он вытащил его.

«Что такое?» спросил Колдинг, внезапно встревожившись, когда увидел оружие.

«Ничего,» ответил Маггс, но это не было правдой. По правде, он только что вспомнил сон, который разбудил его.

Осада Хинцерхауса, на мире-крепости Яго, была ужасным суровым испытанием. Это была, так же, последняя большая битва Призраков, до их отвода с передовой. Хорошие люди погибли в Хинцерхаусе, но, так или иначе, Вес Маггс не был одним из них.

Место пугало их во время осады. Призраки ходили среди Призраков. У всех были истории для рассказа у камина, истории о вернувшихся старых друзьях или потерянных товарищах, или о частях из детства, или воспоминания, которые обрели плоть. Согласно старым Танитцам, таким людям, как Безумный Ларкин и Шогги Домор, призраки, которые появлялись им на Яго, принимали формы давно потерянных душ, как Брагг или Корбек, людей, которые были мертвы задолго до того, как Маггс и Белладонцы присоединились к Первому. Маггс имел мало представления, кем были Брагг или Корбек, но появление их теней, казалось, до феса много значило для множества рожденных на Таните солдат.

Личного призрака Маггса звали старая дама. Это было имя, которое он дал ей. Какая-то древняя, позабытая смотрительница из Хинцерхауса из далекого прошлого, она сошла с одной из старых, уничтоженных временем старых картин, и следовала за Маггсом по темным глянцевым коричневым коридорам. На ней было длинное, черное кружевное платье, которое шуршало, когда она двигалась. Ее лицо... Фес, ее лицо было мясистой раной, такой вещью, на которую даже профессиональный солдат не осмелится долго смотреть.

Когда чары Хинцерхауса, в конце концов, спали (и ходили слухи, что все время это была магия псайкера), старая дама покинула Маггса, навсегда. Последнее шуршание ее черного платья по глянцевому коричневому полу, и она пропала.

С тех пор два года, каждое утро, Маггс возносил тихую благодарность за то, что она больше не охотится за ним.

Два года. *Два года.* Впервые после Хинцерхауса, Маггс осознал, что ему приснилась старая дама. Ему приснилось ее черное длинное шуршащее платье и лицо, которое он не хотел видеть.

Почему она вернулась? Это не честно! Почему сейчас?

Почему она вернулась?

Руки Маггса тряслись. Старый пистолет чувствовался скользким в его хватке. Если старая дама вернулась, он не позволит ей забрать его. Он убьет ее. Призрак или не призрак, он фесово убьет ее.

Капли пота покрыли его лоб. Маггс чувствовал себя совсем нехорошо.

Но у него была пушка, и он не боялся использовать ее.

ВОСЕМНАДЦАТЬ

У Золандера

Кто-то стучал по входной двери. Стук потревожил певчих зябликов, и они в испуге порхали в своих изысканных клетках. Середина ночи давно прошла. Элоди не была уверена, сейчас абсурдно рано или абсурдно поздно.

Она проверила монитор охраны, показывающий красную дверь, но кто бы ни стучал, он был просто вне поля видимости. И почему они стучат, когда есть превосходно работающий звонок?

Элоди зевнула. Ночью, после рейда, Урбано решил не открывать. Это удивило Элоди, потому что обычно Сайрус Урбано сразу возвращался к чертовски спокойному типу человека.

Хотя, в этот день в воздухе было что-то странное, и это было не просто из-за укола, что забрали такую значительную сумму, или из-за таинственного шторма, который появился не по сезону и нежеланно.

Урбано сказал ей отсылать всех домой на день или два, а затем ушел, чтобы уделить внимание какому-то делу.

Сейчас, кто-то стучал по входной двери.

Ранее, Элоди уснула на диване в своем платье. Зомат, член охраны салона, который должен был быть на часах в эту ночь, давным-давно надрался и уснул, и храпел в салоне.

Элоди встала. Снова слышался стук. Затем, кто бы это ни был, он, в конце концов, нашел звонок и начал сильно на него давить.

Она взяла лазерный обрез в ящике бара, и засунула его сзади за пояс. Она подошла к входной двери и посмотрела в глазок.

Снаруди, рассвет сражался и проигрывал снежной буре. Внутренний двор был темной, бессветной пустотой, особенно, когда швейная фабрика была закрыта, и свет не шел из ее окон. Снаружи кто-то был. Элоди просто не могла видеть, кто.

Она открыла дверь. Новый замок, который им пришлось поставить после рейда, был тугим.

«Ох, спасибо Трону,» сказала девушка на пороге. «Я начала думать, что здесь никого нет.»

«Бэнда?»

Бэнда выглядела зажатой и готовой расплакаться. Она, все еще, была одета в красное шелковое платье, которое было на ней, когда ее увез Комиссариат, и больше ничего. Она дрожала, и опиралась на грифоний клюв железных черных перил.

«Что ты здесь делаешь?» спросила Элоди.

«Они отпустили меня,» сказала Бэнда. «Эм, могу я войти?»

«Они отпустили тебя?»

«Да, да. Никаких обвинений. Она задавали мне вопросы. Фесов Комиссариат. Потом они кинули меня в камеру на ночь. Но у них на меня ничего не было, поэтому они меня отпустили.»

«Что ты здесь делаешь?» повторила Элоди.

Бэнда пристально посмотрела на нее с обидой на лице.

«А куда еще мне нужно было идти?»

«Не сюда,» сказала Элоди. «Уходи.»

«Что? Фес, что? Я сделала это ради команды, а ты отмахиваешься от меня?»

«Не я,» сказала Элоди. «Прости, Танитка. Урбано не хочет, чтобы ты была здесь. Он сказал мне уволить тебя. Ему не нравятся хостесс, которых--»

«Которых что?»

«Которых арестовывают. Я понимаю, что ты не хотела, хотя, ты могла бы и догадаться. Тебе не нужно было встречать. Не важно. Урбано хочет, чтобы ты ушла. Он суеверный. Ему не нравятся такие связи. Возвращайся через неделю или две, и, может быть, я смогу найти тебе место в одном из других салонов.»

«Поверить не могу,» ответила Бэнда. Ее голос звучал так, как будто его раздавили. Она села на покрытую снегом ступень и начала плакать.

«Ой, ну же. Иди домой,» сказала Элоди.

«У меня нет дома,» всхлипнула Бэнда. «Танит сгорел, помнишь?»

«Я не имела в виду. Ох, Трон, серьезно, это не моя проблема. У тебя же должны быть друзья в городе, семья?»

Бэнда пожала плечами, и сказала, «Я никого не знаю.» Она посмотрела на Элоди. «Может быть, я могу поговорить с Урбано? Заставить его понять?» спросила она.

«Его нет,» ответила Элоди. «Прости, Танитка. У меня для тебя ничего нет. Иди и найди хостел или еще что-нибудь.»

Бэнда вздохнула и пожала плечами. Она тяжело дышала, чтобы контролировать свои всхлипы. Она поднялась на ноги.

«Ладно. Отлично. Спасибо, фес, за все. Увидимся.»

Она повернулась и начала спускаться по лестнице на уровень дороги.

«Танитка?»

«Ну?»

Элоди держала дверь открытой.

«Заходи,» сказала она. «Я могу дать тебе выпить и, может быть, какой-нибудь еды, и какую-нибудь одежду получше. Но тебе нужно будет уйти до того, как вернется Урбано. Понятно?»

«Трон. Да! Ты об этом не пожалеешь.»

Зомат все еще храпел. Элоди пошла к бару и налила две стопки крепкой сакры.

«Ожидала проблем?» спросила Бэнда, делая жест в сторону лазерного обреза, заткнутого за пояс Элоди.

Он был видим, когда Элоди повернулась и наклонилась, чтобы достать стопки.

«Это? Нет. Я просто люблю быть осторожной.»

Элоди толкнула одну стопку по барной стойке из дерева нала к Бэнде.

«Тебе нужно выбраться из этой мокрой одежды,» сказала она Танитке.

Бэнда опрокинула стопку сакры и протянула ее за добавкой.

«Это была тяжелая ночь, так ведь?» сказала Элоди, улыбаясь и наполняя снова.

«Ты не поверишь,» ответила Бэнда.

Элоди бросила цифровой ключ на стойку бара. Он был привязан к деревянному кубику веревочкой.

«За личными комнатами, в коридоре, ящик с ненужными вещами,» сказала она.

«Там только вещи, которые девочки оставляли годами. Ты можешь там поискать что-нибудь более подходящее для этой погоды. Бери все, что захочешь. И переоденься в служебном туалете.»

«Спасибо.»

«Посмотрю, какую еду я смогу сообразить,» сказала Элоди, снова наполняя стопки.

Держа цифровой ключ в одной руке и стопку в другой, Бэнда побрела в коридор. Свет был выключен, но она нашла ящик, мерзко выглядящую корзину с крышкой, набитую старой одеждой. Она взяла лучшее из того, что там было: пару шорт, майку, и боевую куртку. Ботинок не было, кроме нескольких дерьмовых, которые были ничуть не лучше, чем те, которые были на ней.

Она воспользовалась цифровым ключом, чтобы зайти в служебный туалет. Когда дверь закрылась за ней, она стянула красное шелковое платье через голову.

Обнаженная, она подошла к маленькому окошку в туалете и с трудом открыла его. Древняя краска запечатала его, и ей пришлось постучать по раме рукой.

Холодный зимний воздух ворвался в грязную уборную.

Элоди нашла несколько яиц и несколько ломтиков мяса молодого грокса, и забросила все на сковородку жариться, пока отрезала толстые ломти от буханки пшеничного хлеба.

«Готовишь мне завтрак?» спросил Урбано.

Элоди повернулась, захваченная врасплох. «Нет, я, я имею в виду, я просто проголодалась.»

«Что происходит?»

«Ничего, клянусь.»

«На сковородке хватит на армию,» сказал Урбано, смотря на шипящую сковороду.

«Слушай, вернулась Бэнда, хорошо?»

«Бэнда?»

«Танитка.»

«А,» произнес Урбано, кивая. «И ты пожалела ее?»

«Да, пожалела. Она уйдет в течение часа. Только немного еды и выпивки, и немного свежей одежды.»

«Ты такая доверчивая, Элоди,» тихо рассмеялся Урбано.

«Ага, ладно, у меня все под контролем,» ответила она. «Я даже взяла обрез на случай--.» Она замерла.

«Что такое?» спросил Урбано.

Элоди пробежалась руками туда-сюда по поясу и пояснице.

Лазерного обреза там не было.

«Это ищешь?» спросила Бэнда. Она стояла в дверном проеме маленькой кухни салона, одетая в подержанные шорты и куртку. Ее ноги были голыми. Она целилась из лазерного обреза в них.

«Это какая-то шутка?» спросил Урбано.

«Нет,» ответила Бэнда.

«Убери эту игрушку,» рассмеялся Урбано. «Убери эту игрушку, или я убью тебя.»

«Ох, Бэнда, пожалуйста--» начала Элоди.

Урбано залез в куртку и спокойно вытащил массивный лазерный пистолет с двойной ячейкой. Он поднял его и нацелил на Бэнду.

«Это какая-то чертова шутка?» осторожно повторил он.

«Прошу разрешения стрелять,» сказала Бэнда.

«С кем ты говоришь?» спросил Урбано.

«Она говорит со мной,» сказал Роун. Он появился в дверном проеме кухни рядом с Бэндой. Позади него, Варл целился в Урбано из лазерной винтовки.

«Дерьмо!» воскликнул Урбано и опустил пистолет.

«Хороший мальчик,» сказал Роун.

«Вы – Харк, так?» спросил Урбано, смотря на комиссарскую форму, в которую был одет Роун.

«Послушайте меня, Харк, необязательно, чтобы все было так. Мы можем вести дела. Разве вы не забрали достаточно, когда в последний раз были здесь? Какого черта вы так ко мне прицепились?»

«Потому что мы злые,» сказал Роун. «Потому что мы прошли через ад. Потому что нам нужна некоторая серьезная убийственная мощь, а ты был ближайшим магазином, о котором мы подумали.» Роун сделал паузу и посмотрел на Бэнду, которая все еще целилась из обрезка в лицо Урбано.

«Спасибо, что оставила окно в туалете открытым,» сказал он.

«Без проблем. Ты хочешь, чтобы я выстрелила?»

«Воу, воу!» произнес Урбано. «Убийственная мощь. Я могу достать вам убийственной мощи. Что вам нужно, Комиссар Харк?»

«Ты, все еще, думаешь, что я комиссар?» спросил его Роун.

«Тогда, кто вы?» спросил Урбано.

«Серьезные плохие новости для Сайруса Урбано,» ответил Роун.

«Да ладно!» воскликнул Урбано. «Вам нужна убийственная мощь? У меня есть. Что вы хотите? Лазерное? С пулями? Ад? У меня все есть!»

«Хорошо,» сказал Роун.

«Нам просто нужно обговорить цену,» сказал Урбано.

«Цену?» эхом повторил Роун. «Ты серьезно? В этой ситуации?»

«Конечно,» ответил Урбано. «Я – бизнесмен.»

«А я ублюдок,» ответил Роун. Он посмотрел на Бэнду. «Стреляй.»

«Что?» умудрился произнести Урбано.

Бэнда выстрелила ему в лоб. Лазерный заряд оставил выжженную дыру во лбу Урбано. Он упал на кухонную плиту и опрокинул сковородку с жарящимися яйцами и ломтиками грокса на себя, когда упал на пол и остался лежать в луже собственной растекающейся крови.

«Святой Трон!» закричала Элоди.

«Я полагаю, теперь вести переговоры мы будем с тобой,» сказал Роун Элоди.

Они открыли то, что Элоди назвала «оружейной комнатой». Она была немногим больше, чем укрепленная гардеробная в одной из личных комнат. Внутри, расположенные на деревянных полках, лежали пушки, хранящиеся для защиты недвижимости. Здесь были два дробовика, две лазерных винтовки, и множество пулевого оружия, включая массивную снайперскую винтовку со скользящим затвором и ящик с совершенно новыми небольшими лазерными пистолетами с ярлыками Муниторума, которые все еще висели на них, трофеями прибыльного обмена между подпольными дельцами и квартирмейстерами Гвардии.

«Отлично,» сказал Лейр, подняв один из пистолетов и прицеливаясь.

«Берите все, что хотите,» сказал им Роун. Казалось, что он лично собирается сделать ставку на лазерную винтовку Кровавого Пакта, которую он забрал в тюремном блоке в Секции. Две лазерные винтовки ушли Дауру и Мерину, а Варл и Бэндой взяли

боевые дробовики. Кант, самый последний в очереди, вооружил себя старым пистолетом-пулеметом и сумкой с магазинами. Лейр взял большую винтовку.

«Ты уверен?» спросил Варл.

«Охотился с подобной деткой дома,» ответил Лейр.

В оружейной комнате, из-за массивных замков, так же были клубные запасы обскуры и других наркотиков в баночках и сложенных листах бумаги.

«Даже не думай,» сказал Даур.

Варл с Мерином посмотрели на него.

«Иди отфесай себя, Даур,» сказал Мерин.

Даур сделал шаг вперед.

«Воу, воу!» вклинился Варл, вставая между ними. «Мы здесь все друзья.»

«На самом деле, нет,» сказал Даур, бросая взгляд на Мерина. «Мы в глубоком дерьме, и я не хочу, чтобы фес, который, предположительно, должен прикрывать мне спину, спал.»

«Послушай себя, Даур,» презрительно сказал Мерин, открыв крышку на банке с листом обскуры и понюхав, «говоришь так, словно ты все еще в фесовой Гвардии. Ты такой правильный. Как будто я собираюсь слушать тебя или прислушаться к тому, что ты говоришь.»

Даур прыгнул к Мерину, но Варл удержал его.

«Мерин?» произнес Роун позади них.

«Да?»

«Выбрось.»

Мерин повернулся, чтобы посмотреть на Роуна.

«Чего?»

«Выбрось.»

«Почему?»

«Потому что,» сказал Роун, «мы в глубоком дерьме, и я не хочу, чтобы фес, который, предположительно, должен прикрывать мне спину, спал.»

Мерин сверкнул глазами.

«Мы, все еще, фесова Гвардия, Мерин,» сказал Роун, «мы просто во временном плохом месте. Так что выбрось это дерьмо и начни соблюдать цепь командования, или я прикажу Лейру пристрелить тебя из его абсурдно большой винтовки. Нет, нет, даже хуже. Я прикажу Канту расстрелять тебя из его стаббера. Вот тогда будет стыдно.»

«Ты же сможешь расстрелять Мерина из этого, Кант?» спросил Варл.

Кант улыбнулся.

«Да,» пообещал он.

Мерин опустил руки.

«Фес вас всех,» сказал он и отбросил баночку.

«Я не слышал тебя, солдат,» сказал Роун.

«Я сказал: фес вас всех, сэр,» сказал Мерин.

«Лучше. А теперь, возможно, тебе лучше свалить и проверить, что это место может предложить нам в плане связи. Варл, помоги ему.»

Даур смотрел, как Варл и сердитый Мерин уходят из комнаты.

«Спасибо за поддержку,» сказал он Роуну.

«Пожалуйста, не думай, что я сделал это ради тебя,» ответил Роун.

«Отвратительная мысль,» сказал Даур. Он пошел к бару. Лейр, большая винтовка покоилась на сгибе его руки, наблюдал за Элоди, которая сидела на кушетке. Громила, Зомат, сидел на стуле у задней стены, связанный и с залепленным липкой лентой ртом.

Его глаза были широкими.

Даур подошел к барной стойке из дерева нала и положил на нее свою лазерную винтовку. Он сел на барный стул, тот же самый стул, на котором сидел в ночь аферы. Он взял пачку раскрашенных вручную карт с одного из игровых столов, и начал рассеянно выкладывать их лицом вверх на стол.

«Какой у тебя размер ботинок?» спросила Бэнда. Она быстрым шагом зашла в бар, с голыми ногами, положив дробовик на плечо, и пошла прямо к Зомату.

«Ммггх!» ответил он.

Бэнда сорвала липкую ленту с его рта.

«Чего?»

«Девятый!» заикаясь, произнес Зомат.

«Ох, ты бесполезен!» заявила Бэнда и вернула ленту на место.

«У тебя какой, шестой?» спросила Элоди.

«Да.»

«Наверху, в моей комнате. Голубая дверь в конце. Там пара рабочих ботинок под кроватью. Шестой размер.»

«Спасибо,» сказала Бэнда. Она повернулась, чтобы уйти, но остановилась. «Я совершенно не хотела превратить твою жизнь в фес,» сказала она.

Элоди пожала плечами.

Когда Бэнда ушла, Элоди встала и пошла к Дауру у бара. Лейр наблюдал за ней, но ничего не сказал.

«Я бы хотела, чтобы ты сделал мне одолжение,» сказала Элоди Дауру, когда села рядом с ним на стул.

«И что это может быть?»

«Убей меня.»

Даур посмотрел на нее.

«Чего?»

«Убей меня,» сказала Элоди. «Это будет доброе дело.»

«Как ты додумалась до этого?»

«У Урбано есть друзья. Коллеги. Партнеры. Они управляют серьезными клубами и барами в этой части города. Если они придут сюда и выяснят, что случилось, и найдут меня живой, они просто предположат, что я сыграла в этом какую-то роль. Так что, пожалуйста, убей меня. Сделай это быстро.»

«Я не буду убивать тебя,» запротестовал он. Он перевернул еще одну карту.

«Пожалуйста, Даур. Тебя же зовут *Даур*, так ведь?»

«Да. Меня зовут Даур.»

«Так что это все? Этот Харк, он не комиссар. А Бэнда--»

«Бэнда – это Бэнда. Харк, вообще-то его зовут Роун, и нет, он не комиссар. Это была афера. Мы все Гвардейцы, и, помоги нам Трон, нам просто было скучно. Мы решили посмотреть, сколько мы сможем забрать из знаменитого «У Золандера». Я думаю, что, первоначально, это была идея Варла. Нет, может быть, Мерина. Я был вишенкой на торте. Что Варл называет 'красивой частью'.»

«Потому что ты искренний и честный, и ты не делаешь таких вещей?»

«Точно. Знаешь что? Здесь и сейчас, в этой затруднительной ситуации, я даже не могу начать вспоминать, почему я сказал да.»

«Это возбуждение,» сказала Элоди.

«Что?»

«Ты – солдат, воин.»

«И?»

«Когда ты последний раз видел боевые действия?» спросила Элоди.

«Два года назад,» сказал Даур.

«Ты скучаешь по риску,» сказала она.

Даур начал отвечать, а затем кивнул. Он перевернул еще несколько карт. Перед ним были династии, накрытые сверху Голубым Сеянусом и Королевой Мэб.

«Еще мне нравятся карты,» признался он.

«Да?»

«Я никогда не играл,» сказал он, «практически совсем. Мне просто нравятся сами карты. Их изменчивая форма.»

«Ты – недиагностированный игрок.»

Даур покачал головой.

«Нет, нет. Они мне просто нравятся,» сказал он.

«Ты можешь видеть в них будущее?» спросила она.

«Это не то.»

«Ты мне можешь сказать, что происходит?» спросила она.

Даур вздохнул и сказал. «Мы ограбили вас. Позапрошлой ночью, мы ограбили вас. Затем нас поймали и с нами случились плохие вещи. Нам предъявили серьезные обвинения, мы были в заключении--»

«И?»

«Затем ставки снова поменялись. Внезапно. Здесь Архивраг, мамзель. Здесь, на Балгауте. Его руки добрались до внутренностей этого мира, и он будет извиваться, пока не травмирует.»

«Ты серьезно?» спросила Элоди.

«Абсолютно.»

«Значит, если партнеры Урбано не доберутся до меня, это сделает Архивраг?» спросила Элоди.

«Нет, если я помогу с этим,» ответил Даур.

«Весьма стандартный вокс,» сказал Мерин, откидываясь с пожиманием плечами в комнате наблюдения клуба.

«Плюс, мы можем наблюдать за всему подходами на этих мониторах,» сказал Варл.
«Мы в неплохой безопасности.»

Роун кивнул и спросил, «Вокс высокочастотный?»

«Гвардейский,» сказал Мерин. «Эти идиоты достали его на черном рынке.»

«Ты знаешь, как двойниковать сигнал, Мерин?» спросил Роун.

«Ага, конечно.»

«Тогда, двойникуй его для меня.»

Мерин подстроил шкалы передатчика.

«Кому я посылаю?» спросил он. Роун сказал ему.

«Вы из ума выжили?» закричал Мерин.

«Эм, Мерин?»

«Ради феса... вы из ума выжили, сэр?»

«Пошли в точности то, что я говорю, Мерин,» сказал Роун. «Прямо сейчас, мне нужно доверять кому-нибудь, а он единственный ублюдок, который приходит на ум.»

ДЕВЯТНАДЦАТЬ

Следы и Результаты

Птички Инквизиции сели на Площади Вайсрой и на дворе Секции. Их лопасти вращались на холостом ходу и снег мягко падал между ними. Снежинки быстро исчезали, когда приземлялись на горячие колпаки блоков лопастей. Черный дым все еще вырывался из поврежденных крыльев штаба Секции.

Колеа ждал у ворот с группой Танитцев, в которую входили Баскевиль и Ларкин.

Эдур бродил неподалеку с несколькими штурмовиками из Роты S, присматривая за Раймом и силами ордоса, которые осматривали деревья в садах площади.

«Мы можем ожидать стрельбу?» спросил Ларкин Колеа.

«Конечно нет,» ответил Колеа.

«Но нас пошлют наверх, чтобы наблюдать?»

«Ты можешь расслабиться, Ларкс?» сказал Колеа.

«Это кажется неправильным, Гол,» сказал Ларкин. «Я не собираюсь выискивать Гаунта в прицел.»

«Отмечено, Ларкин,» сказал Баскевиль. Он прикоснулся к руке Колеа. «Мколл идет.» Мколл, Бонин и другие Танитские разведчики появились в поле зрения, идя под аркой к ним. За ними, Секция горела на фоне бесцветного неба.

«Говори,» сказал Колеа.

«Гаунт жив,» сказал Мколл, остановившись перед действующим командующим и отдавая краткий, но уважительный салют. «Ценный заключенный тоже. Мы просмотрели записи на мониторах и отследили их с камер у ворот и с охранных башен.»

«Гаунт с Маггсом смотались отсюда посреди пика атаки,» сказал Каобер. «Безумный поступок. Они, определенно, были главными целями Кровавого Пакта.»

«Значит, они живы,» сказал Колеа. «Далеко?»

«Дайте нам десять минут, и мы вам скажем,» сказал Бонин.

«Кто наверх?» спросил Баскевиль.

Бонин посмотрел на Мколл.

Мколл сказал, «Вы наверх. Возьмите с собой Ларкса. Хвлан, наверх с Нессой.»

«Понял!» отозвался Хвлан.

Они побежали к ожидающим их Валькириям. Турбодвигатели начали набирать скорость. Мколл сделал жест Жажжо, Приду и остальным разведчикам, и они начали идти вперед. Эзра ап Нихт стоял рядом с Баскевилем. Когда разведчики пошли, он тоже пошел.

Деревья на площади задрожали, когда две Валькирии взлетели, и снег полетел, как пыль.

«Я не разрешал взлет транспорта!» заявил Инквизитор Райм, быстро шагая к ним.

«Куда направляются эти Валькирии?»

«Мы почуяли запах,» сказал ему Колеа.

«Серьезно? И этот запах? Кто его почуял?»

«Он, сэр,» сказал Колеа. Он указал на заснеженные сады.

«И он ваш главный разведчик? Он знает, что делает?»

«Танитцы знают, что они делают, инквизитор,» сказал Эдур.

Далеко впереди, Мколл медленно шел по следам, оставшимся на снегу. Как будто осознав, что они говорят о нем, он выпрямился и посмотрел назад.

Он позвал их кивком за собой.

«Игра началась,» пробормотал Гол Колеа.

«Было бы неплохо выбраться отсюда вместе с ними,» заметил Нахум Ладд. Он смотрел из окна командного пункта на снег, падающий на учебный плац Аарлема.

«Слишком много начальников,» ответил Харк.

«Как так, сэр?»

Харк поднял взгляд на своего младшего от кучи докладов, с которыми он работал.

«Инквизиция держит все под контролем. Разве у тебя не создалось впечатление, что этот парень, Эдур, пытается сделать все, чтобы удержать некоторый контроль над операцией?»

«Думаю так.»

«Благодаря ему, у нас Танитские офицеры и разведчики при деле. Я думаю, если бы он попытался привязать сюда Комиссариат, этого скользкого Райма хватил бы удар.»

«Вы знаете Эдура?» спросил Ладд.

«Нет,» ответил Харк. «Я встречал его пару раз в Секции. Он кажется порядочным. Я рад, что он на нашей стороне.»

Харк умолк и уставился на часы на стене.

«Что?» спросил Ладд.

«Ничего, Ладд.»

«Вы собирались что-то сказать.»

«Я просто думал, что я надеюсь, что Эдур честный. Что бы здесь не происходило, все сложно и запутано, и, кажется, каждый хочет урвать кусочек этого. Я надеюсь, что Эдур тот друг, который нужен Гаунту. Я надеюсь, что у Эдура не своих собственных тайных планов.»

«Думаете, что у него могут быть?» спросил Ладд. «Он кажется порядочным, как вы и сказали.» Харк вздохнул. «Ты разработаешь нюх на такие вещи, Ладд. Каждый комиссар делает это, раньше или позже. Вы разработаешь, и сможешь замечать, что скрывается за маской. Эдур что-то скрывает, хотя, это может быть из-за природы этого ценного заключенного.»

«Я такие трюки тоже смогу распознавать, так ведь?» спросил Ладд.

«Конечно. И это безмерно будет помогать в твоей работе. Это скажет тебе, например, что Рядовой Крийд здесь не просто потому, чтобы доставить дневной отчет своей роты.» Ладд повернулся. Далин Крийд стоял в дверях офиса, со свежим отчетом в руках. Он выглядел неловко.

«Простите за вторжение, сэр,» начал он. «Мне сказали принести это вам в отсутствие Майора Колеа.»

«На стол, пожалуйста,» сказал Харк. «А потом ты сможешь сказать, что у тебя, на самом деле, на уме.» Далин слегка махнул.

«Ну же, парень,» сказал Харк. «Не нужно двоих, чтобы доставить дневной отчет, а если Меррт думает, что я не могу видеть, как он шныряет в коридоре, в конце концов, его протезное лицо не самая большая проблема.»

Меррт появился в дверном проеме. «Я не хотел доставить гн... гн... гн... проблемы, сэр,» сказал он, пережевывая слова своей уродливой аугментической челюстью. «Я просто оказывал Далину некоторую моральную поддержку. Он думает, что что-то обнаружил.»

«Зачем тебе нужна моральная поддержка, Крийд?» спросил Харк.

«Разрешаете говорить открыто, комиссар?»

«Разрешаю.»

«Я знал, что я должен принести это вам, сэр, а вы чертовски меня пугаете.»

«Хороший ответ,» сказал Ладд.

«Тебя я тоже должен чертовски пугать, Ладд,» прорычал Харк. «Ладно, Крийд, что у тебя? Ожидание новостей из города сводит меня с ума, так что отвлеки меня чем-нибудь интересным.»

«Я – адъютант Роты Е, и пока Мерин, я имею в виду, *Капитан* Мерин, не на базе, это означает, что я должен вести все расписание и быть осведомлен--»

«Достаточно забавно. Удивительно, но я хорошо знаком ежедневными военными делами,» сказал Харк.

«Да, комиссар. Конечно, знакомы, комиссар.»

«Тогда, пропусти это.»

Далин сделал паузу.

«Я проводил дневные тесты передатчиков вокса роты, и я думаю, что поймал сигнал,» сказал он.

Харк сделал жест в сторону двери за Далином. «Там трое замечательных мужчин из Инквизиции в вокс офисе дальше по коридору, Крийд,» сказал он. «Я сомневаюсь, что ты поймал что-то, что не смогли они. Они мониторят весь трафик.»

«Конечно,» согласился Далин. «Если только это не двойник, сэр.»

Ладд посмотрел на Харка.

Харк наклонился вперед и сделал жест в сторону Меррта.

«Вы бы не могли закрыть дверь, пожалуйста, Рядовой Меррт?» спросил он.

Меррт закрыл дверь, и прислонился к ней для верности.

«Я не понимаю,» сказал Ладд.

«Ты уверен, что это двойник?» спросил Харк Ладда.

«Уверен настолько, насколько могу, сэр,» ответил Далин. «Последовательность спрятана, но достаточно ясна. Это подпись Роты Е, поэтому я предполагаю, что это Капитан Мерин.»

«Потому что Мерин может использовать свой код, чтобы связаться с передатчиками своей роты,» поразмышлял Харк.

«Точно.»

«Простите меня,» сказал Ладд. «Я не понимаю.»

«И к подписи прикреплен целевой тег?» спросил Харк.

Далин кивнул и сказал, «Я проверил его. Это ваш позывной, сэр. Капитан Мерин... или кто-то бы не послал сигнал, хочет поговорить с вами.»

«Хмм...» произнес Ладд, и поднял руку.

Харк с раздражением бросил на него взгляд.

«Что такое, Ладд?» спросил он.

«Я не понимаю,» сказал Ладд.

«Это ловкость рук,» сказал Харк. «Старый Гвардейский трюк. Если тебе нужно послать сообщение, и ты не можешь гарантировать, что приемный передатчик безопасен, ты посылаешь то, что известно среди офицеров вокса, как *двойник*.»

«И как это работает?» спросил Ладд.

«Отправитель транслирует сигнал на одной из стандартных частот Гвардии,» сказал Далин. «Это звучит... Простите, сэр. Я говорю вне очереди.»

«Продолжай, Крийд,» кивнул Харк.

«Ну,» сказал Крийд, «сигнал звучит, как шум для слушающих. Например, для Инквизиции. Но он не такой, по нескольким причинам. Для начала, он специфичный для передатчика, зашифрованный для получения, в данном случае, для воксов Роты Е. И хотя он слышится, как случайный шум или статика, он содержит вокс-код, спрятанный в себе. Мне понадобилось время, чтобы распознать это.»

«Значит, это сообщение, которое звучит, как шум в воксе?» спросил Ладд.

Далин кивнул.

«А вот и хитрая часть,» сказал он. «Мусорный сигнал содержит подпись, плюс еще один код, называемый локатором. В данном случае, кто-то использовал позывной Комиссара Харка. Локатор говорит, где, на самом деле, вы должны искать.»

«Что искать?» спросил Ладд.

«Фактическое сообщение,» сказал Меррт позади них.

«Локатор – это код, указывающий на другую частоту,» сказал Далин. «Нестандартный канал, что-то в мусорном диапазоне частот. Там спрятан двойник. Он называется двойником, потому что он двойник первого сообщения. Он, обычно, не

восприимчивый или замкнутый, что означает, что получателю надо потянуться, в воксовых терминах, и схватить сообщение. Он просто плавает в эфире, ждет, абсолютно необнаруживаемый, если вы не знаете, где его искать.»

«И именно это говорит локатор?» спросил Ладд.

Далин кивнул.

«Как давно это было, Крийд?» спросил Харк.

«Около двадцати минут назад, сэр. Я попросил Меррта по-тихому проверить мои находки до того, как прийти к вам.»

«Я думаю, что это не подделка, сэр,» сказал Меррт, «но, может быть, вам лучше попросить Белтайна, чтобы гн... гн... гн... взглянуть на это.»

«Вы просмотрели само сообщение?» спросил Харк Далина.

«Нет, сэр.»

«Тогда ладно, вот что мы сначала сделаем. Ладд, иди и найди Белтайна. И Рервала. Приложим к этому кое-какую экспертную оценку. Крийд, возьми один из передатчиков Роты Е и принеси его в часовню. Мы будем работать там, подальше от посторонних. Меррт, можешь взять оружие и присматривать за дверями. Это строго между нами, пока я не скажу обратное, джентльмены. Ладно, пошли.» Они вышли в коридор, Ладд с Мерртом пошли в одном направлении, а Харк с Далином в другом. В коридоре была обычная для середины утра активность, а запах тушеных бобов и капусты доносился из столовой.

Харк с Далином прошли мимо Керт, идущей в другую сторону с охапкой медицинских отчетов.

«Все в порядке, Виктор?» спросила она, когда они проходили мимо.

«Все отлично, Ана.»

«Ты уверен? Ты выглядишь--»

«Как я выгляжу, доктор?»

Керт повернулась и осмотрела его.

«Ты выглядишь так, как будто что-то происходит,» сказала она. «Как будто что-то произошло. Что-то произошло, Виктор?»

Харк помотал головой и сказал, «Совсем ничего, Ана. Просто несколько дисциплинарных вопросов, о которых мне нужно позаботиться. Ты же знаешь, как это все. Возможно, я выгляжу раскрасневшимся из-за того, что чувствую шанс расстрелять кое-кого, кто заслуживает пули.»

«Ну, если только это,» ответила Керт, и пошла дальше к медицинской комнате.

«Что-то пришло в движение,» сказала она Дордену, когда вошла в медицинскую комнату.

«Анатомически?» спросил он, бросая взгляд от своей работы.

Керт улыбнулась.

«Харк увиливает,» сказала она. «Я только что видела его в коридоре. Что-то происходит.» Она свалила кучу отчетов на стол Дордена и начала работать с ними.

«Что это?» спросил Дорден.

«Всё, что мы послали в фармакон вчера, вернулось.»

«Ты шутишь! Обычно, на это надо неделю.»

Керт потрясла головой.

«Неа,» сказала она. «Всё. Все тесты, все образцы, вся кровь. Хвала Императору за изоляцию.»

«Что?»

«Работники фармакона не смогли покинуть базу вчера ночью, поэтому, из-за отсутствия чего-то более интересного, они поработали со всеми образцами пациентов. Я думаю, что в следующий раз мы можем напомнить им, как быстро они могут работать, когда у нас будет аврал, а они скажут нам, что мы на них давим.»

«Согласен,» сказал Дорден. Он начал помогать ей сортировать пакеты, срывая печати на конфиденциальных отчетах об осмотрах.

«Гепатит Костина подтвержден,» прочитала она. «Я приведу его, чтобы обсудить лечебные меры.»

«У тебя там есть отчет о крови Твензета?»

«Да, и данные выглядят хорошо. Они лучше, чем можно сказать об аугментике Нескона. Выглядит так, как будто у него снова отторжение.»

«Если Нескон не сможет сохранить эту ногу, его попросят из Гвардии по 4-F.»

«Я знаю,» сказала Керт. «Я ищу другие варианты.»

«Что ты там говорила о Харке?»

«Он что-то скрывает,» сказала Керт. «Что-то происходит.»

«Откуда ты знаешь, Ана?» спросил Дорден.

«Ты разработаешь нюх на такие вещи,» ответила она. «Что-то пришло в движение.» Она открыла другой пакет.

«Ох, это один из твоих,» сказала она, отдавая отчет ему.

Дорден прочитал этикетку.

«Аха, Цвейл,» сказал он. «Спасибо.» Он вскрыл конверт и вытащил его содержимое.

«Просто у Виктора было это выражение лица, понимаешь?» сказала Керт, сортируя оставшиеся отчеты по приоритету. «Ты понимаешь, о каком я выражении? Дорден?» Она повернулась и посмотрела на пожилого доктора Призраков.

«Что такое?» спросила она.

«Ох, Трон,» прошептал Дорден, переворачивая страницы отчета фармакона и быстро читая.

«Дорден? Что такое?»

«Ох, фес,» сказал Дорден. Он закрыл глаза, закрыл отчет, и отдал его ей. Керт взяла его и начала читать.

«Дерьмо,» пробормотала она.

«Старый пес должен узнать,» сказал Дорден, снимая очки и массируя переносицу.
«Вот, почему он избегал медосмотры.»

«Ох, это просто ужасно,» сказала Керт. Она тяжело вздохнула и потерла глаза. «Это нечестно, вот что это такое.» Дорден кивнул. «Итак, кто скажет ему?» спросила Керт.

ДВАДЦАТЬ

Старые Призраки

Гаунт нашел Крийд, наблюдавшей за дорогой у входа.

«Тебе нужно отдохнуть,» сказал он ей.

Она помотала головой.

«Уставшей ты для меня бесполезна,» сказал он.

«Я месяцы отдыхала,» тихо сказала она. «Тихо стоять. Вот все, что мне нужно.»

«Перспектива кровавой смерти от рук Архиврага?» спросил он, поднимая бровь.

Она фыркнула.

«Цель,» сказала она.

Гаунт посмотрел на покрытую снегом улицу. Оказалось, что его хронометр остановился ночью, и он не смог снова вбить или вкрутить в него жизнь. Его лучшим предположением было, что приближалась середина утра. Они уже прятались в здании где-то шесть часов.

Снаружи не выглядело, как середина утра. Улица Старой Стороны была тиха и пуста. Снег все еще сыпался из облачного покрова, и покрывал каждую поверхность. Он сильно наслоился на тротуарах и вокруг припаркованных машин. Признаков жизни не было: ни трафика, ни горожан, ни пешеходов, ни муниципальных рабочих или снегоуборочных машин, ни грузовиков с песком. Небо было таким же серым, как сланец, а видимость была весьма ограничена. Линия горизонта Старой Стороны была слабым черным фантомом в снегопаде. Чем больше он смотрел на снег на фоне неба, тем больше тот выглядел, как статический поток заклинившего пиктера.

Пугающая пустота города могла быть объяснена плохой погодой, а так же, он мог быть изолирован после атаки. Оба этих объяснения всецело устраивали Гаунта.

Третье объяснение, в глубине его разума, мысль, что все было полностью неестественным, нет. Он отодвинул ее в сторону, даже хотя в зимнем свете была

желтизна, а в воздухе странное ощущение, и его хронометр остановился намертво и отказывался работать.

«Цель - это хорошо,» запоздало сказал он.

«План был бы лучше,» сказала Крийд.

Он кивнул.

«Доктор Колдинг говорит, что это гор слишком болен, чтобы его передвигать. У него серьезная лихорадка. Колдинг не хотел, чтобы мы увозили его из его практики, хотя обстоятельства заставили нас. Хотя это место кажется слегка более безопасным, я чувствую отвращение, что игнорирую его профессиональный совет.» Крийд пожала плечами и надула губы.

«Что?» спросил он.

«Этот человек, на самом деле, так важен? Нам, серьезно, не наплевать, если он умрет?»

«Ты видела, что Архивраг привел в движение, чтобы заткнуть его,» ответил Гаунт.
«Вот твой ответ.»

«Надо полагать,» ответила она. «Это просто кажется неправильным. Я имею в виду, мы провели большую часть наших карьер, пытаюсь убивать таких людей, как он.»

Гаунт сел на стопку ДВП.

«Если мы не можем передвигать его, нам нужно привести помощь сюда,» сказал он.
«Один из нас... ты, я, Маггс... должен попытаться выбраться отсюда и найти какую-нибудь помощь. Но только один из нас, на случай, если придет беда.»

«Я пойду,» сказала Крийд. «Я недавно много бегала. Я могу пробежать некоторое расстояние. Вопрос в том, куда я направляюсь? Кому вы доверяете?»

«Я доверяю полку. Но мы не знаем, насколько глубоко идет проникновение, поэтому я не доверяю ни одной из стандартных линий коммуникации. Нам нужна безупречная точка контакта. Если бы я только смог говорить напрямую с Харком или Голом.»

«Мы можем найти вокс.»

Гаунт пожал плечами.

«Нам, так же, нужна еда, если мы собираемся оставаться здесь какое-то время,» сказала она. «Позвольте мне разведать территорию, и посмотреть, что я могу найти. Я увижу, если что-нибудь будет двигаться снаружи, пока я там.»

Гаунт кивнул.

«Начнем с этого. Но будь осторожна.»

Крийд выскользнула через одно из боковых окон здания, и побежала по пугающе пустой главной улице. Снежинки падали ей на волосы.

Она снова чувствовала покалывания, но, на этот раз, это ощущалось хорошо, это ощущалось правильно.

Она повернула налево и побежала вдоль центра дороги, игнорируя тротуары, где снег сильно наслоился. Она следовала вдоль наполовину похороненного блеска трамвайных рельс, и шлепала через воду, где снежный покров растаял от труб или источников энергии под поверхностью улицы.

Она пробежала два перекрестка на восток, а затем повернула, вокруг церкви Святой Сарк, где зеленые железные заборы выглядели так, как будто их окунули в сахарную глазурь. Она знала, что здесь была пекарня, на Площади Лондольф, где она сможет достать немного хлеба и, возможно, немного холодного мяса и сыра. Гаунт отдал ей все деньги, которые у него были с собой.

Было смело предполагать, что пекарня была открыта. Если это не так, она собиралась применить Правила Обеспечения Продовольствием при Военном Положении.

Что-то заставило ее остановиться. Позднее, Тона не могла дать этому объяснение. Что-то просто щелкнуло у нее в голове. Это было интуитивно. Это было так, словно Кафф был рядом с ней, и просто протянул руку и прикоснулся к ее руке.

Она прекратила бежать, и нашла укрытие позади покрытых снегом надгробий, которые заполняли маленькое кладбище церкви Святой Сарк. Она пригнулась. Ее пульс стучал, как барабан.

Три фигуры появились в сотне метров. Это уже сам по себе был шок, потому что улицы были настолько безжизненны.

Они были солдатами. У них было оружие. Они охотились.

Пытаясь контролировать дыхание, Крийд держалась низко, ее рука лежала на рукояти лазерного пистолета. Трое солдат разошлись, двигаясь по широкой улице по направлению к церкви в классической схеме прикрытия. Она могла видеть пар от их дыхания. Она могла видеть блеск, когда свет попадал на их железные боевые маски.

Кровавый Пакт был так близок. Они были всего лишь в нескольких улицах от убежища Гаунта, и они приближались, как будто они что-то чужили! Откуда они могли знать? Как они смогли подчинить город своей власти?

Сколько из них она сможет убить, задумалась она. Двоих, возможно, потом третий свалит ее.

Если ей повезет, и она будет точна, всех троих, но с лазерным пистолетом, в автоматическом режиме, на этом расстоянии? И что, если там еще один отряд, за углом улицы?

Она услышала шум, идущий с востока. Это был сильный шум от турбодвигателей. Она сменила позицию, и подняла взгляд как раз, чтобы увидеть, как мимо пролетают две Валькирии, направляясь на запад. Они пролетели за двойными шпилями Святой Саббат Мученицы, и это означало, что они, по меньшей мере, в километре. Они исчезли в снегопаде.

Солдаты Кровавого Пакта тоже слышали Валькирии. Они посмотрели вверх, а затем быстро убежали с улицы. Крийд не была уверена, куда они делись, но исчезли они быстро.

Охотники, и охотники, охотящиеся на охотников.

Соперничающие силы приближались в Балополисе, и, когда они, в конце концов, встретятся, результат будет совсем нехорошим.

Что еще хуже, это превращало ее и Гаунта только в одну вещь: добыча.

Черт побери хлеб, холодное мясо и сыр. Крийд понимала, что ей нужно быстро вернуться в здание.

«Маггс?»

Голос звал его по имени, но Маггс не был уверен, откуда. Он забрался в часть здания, в которой до этого не бывал, и обнаружил, к своему смущению, что оно, каким-то образом, стыкуется с Хинцерхаусом. Он прошел через арку, отодвинув в сторону рабочую завесу, и вышел из холодных серых теней здания на Балгауте в теплые коричневые тени дома в конце мира на Яго. Со стороны Яго, ветер гнал вечную пыль, как плывущий снег.

Или это был снег, плывущий, как пыль в сухом овраге с—

«Маггс?»

Пыль или снег, это едва имело значение. И то, и другое может сделать толстый покров, под которым он сможет полежать, полежать и быть им похороненным. Снег или пыль, это защитит его кости от жара. Это защитит его кровь от закипания.

В его крови был жар, который не хотел исчезать. Он производил шипящий, шуршащий звук, когда струился по его телу, как кружево, тащащееся—

«Маггс?»

Кто, фес его, продолжает звать его по имени?

«Маггс? Тебя зовут Маггс, так ведь?»

Маггс открыл глаза и посмотрел вверх. Урод-альбинос в голубых затемненных очках склонился над ним.

«Я думаю, что ты болен, Маггс,» сказал альбинос. «Я думаю, что у тебя лихорадка. Мне нужно помочь тебе--»

«Сколько времени?» пробормотал Маггс, пытаясь сесть.

«Я не знаю,» ответил Колдинг. «Мой хронометр остановился. Сейчас день. Утро. Середина утра. Света нет, и все еще идет снег.»

«Ваши часы остановились?» спросил Маггс.

«Да. Почему это важно?»

«Мои тоже остановились. Здесь же, на самом деле, жарко, так ведь?»

Колдинг помотал головой.

«Тут холодно, как в аду,» сказал он. «Похоже на середину зимы, и из окон идет сквозняк.»

Маггс потряс головой и сел.

«Тут, на самом деле, жарко. Я истекаю потом.»

«Это то, что я пытаюсь вам сказать. Я думаю, что вы заболели. Я думаю, что у вас тоже лихорадка.»

«В смысле? А у кого еще лихорадка?»

Колдинг заморгал.

«Ну, очевидно, что у вашего драгоценного заключенного.»

Маггс поднялся с брезента. Ему было нехорошо. Капли пота сорвались с его лба, когда он поднялся. У него было болезненное ощущение в животе, но это было ничто по сравнению с пылающим беспорядком в голове. Он даже не мог вспомнить, как лег спать.

«Я думаю, что вам лучше сесть,» сказал Колдинг.

Маггс махнул рукой.

«Я думаю, что вам лучше сесть и позволить мне сделать вам укол.» Колдинг протянул руку, чтобы поддержать Маггса.

Маггс стряхнул ее.

«Мне ничего не нужно,» резко бросил он.

Подул легкий ветерок. Рабочие завесы в здании закачались от холодного дыхания снежной бури. Это была та арка, которая вела на Яго?

Сухие черепа в пыльном овраге, все с—

Слова сделали шуршащий звук в его голове.

Маггс вытащил старый пистолет из кармана.

«Ох, Трон!» прошипел он. «Как давно она здесь?»

«Кто?» спросил Колдинг.

«Старая дама! Старая сука!» прошептал Маггс, кружась и целясь из оружия в случайные тени. «Разве вы не слышите ее? Разве вы не чувствуете ее вонь?»

«Здесь никого нет,» сказал Колдинг, поднимаясь на ноги. «Пожалуйста. Пожалуйста. Опустите оружие.»

«Она прямо здесь!» настаивал Маггс. «Она так близко, что кажется, что она у меня в голове. Это фесово черное кружевное платье. Его шуршание!»

«Здесь никого нет,» настаивал Колдинг.

За исключением того, что кто-то был.

Снежная буря снова задула, а рабочие завесы закачались. Женщина тихо вышла из-за одной из качающихся завес к ним.

Маггс не мог видеть ее лица. На ней была вуаль. Он был рад вуали. Он, на самом деле, абсолютно не хотел видеть ее лицо. Сама мысль об этом заставляла его вздрагивать. Его руки были скользкими и тряслись. Ее платье было очень длинным, черным и кружевным, и оно производило шуршащий звук, когда тащилось по полу.

«Сколько времени тебе потребовалось, чтобы найти меня?» спросил ее Маггс.

«Сколько времени тебе потребовалось, чтобы прийти ко мне сюда?»

«С кем вы говорите?» спросил Колдинг.

«С ней. С ней!»

«Пожалуйста, Маггс, там никого нет.»

Колдинг указал на пустую рабочую завесу, качающуюся на легком ветру. Ее низ шуршал по шероховатому полу.

Маггс нацелил старое оружие на женщину с вуалью в черном платье.

Пистолет, который был оставлен, гроыхнул в автоматическом режиме, выбрасывая пустые гильзы. Колдинг закричал и отступил, закрывая уши. Пули прорвались сквозь рабочую завесу, наделав дырок в ткани.

Пули попали ей в лицо и грудь. Они прошли сквозь ее вуаль и тело, как будто ее тут, на самом деле, не было.

Балтасар Эйл отступил, когда его сестра внезапно начала задыхаться.

«Что такое?» спросил он.

Руки ведьмы по локти были вымочены в крови. Ранее, она погрузила их в стеклянные стерилизаторы, чтобы достать полоски кожи, срезанные с сидений лимузина. Она сжимала узкие полоски в своих окровавленных кулаках, как мокрые водоросли.

«Кровь,» сказала она. Казалось, что ее слова оставляют выравненные следы в ненормально холодном воздухе анатомической, как будто они пишут кислотой.

«А что с ней?»

«Она была не вся его.»

«Что ты имеешь в виду?»

«Немного крови было фегата, но другая часть от одного из людей, которые с ним. Должно быть, одного из них тоже ранили.»

Эйл вспомнил, как прицепился к машине, когда она неслась к воротам. Он вспомнил, подобно снимку, как боковым зрением видел голову и шею водителя, истекающие кровью.

«Водитель,» сказал он.

«Да. Он – единственный, кого я достала,» сказала Ульрике. «Я держусь за его душу. И он сопротивляется.»

«Ты можешь контролировать его?»

Ведьма улыбнулась брату. Ее вуаль была опущена, но он мог чувствовать ее улыбку, подобно горячей утечке смертельной радиации. «Я могу сделать лучше, чем контролировать его,» ответила она. «Я могу использовать его.»

«Что вы делаете?» закричал Колдинг.

Маггс повернулся и ударил доктора в висок старым пистолетом. Колдинг вскрикнул и тяжело упал. Он попытался подняться. Маггс пнул его, а затем ударил по затылку рукояткой оружия.

Колдинг упал и остался лежать.

Все еще трясясь и сильно потев, его тело было охвачено жаром от лихорадки, Маггс, шатаясь, пошел к заключенному.

Этогор тряся под одеялами. Пот покрыл его лицо. Его глаза закатились, показывая только белки.

Маггс приставил дуло старого пистолета к голове этогора и спустил курок.

ДВАДЦАТЬ ОДИН

Кровотечение

Мколл остановился. Он медленно повернулся вокруг, рассматривая покрытую снегом поверхность.

Он покачал головой.

Позади него, на пустой зимней улице, Прид и Жажжо проверяли перекресток на наличие следов.

Старший разведчик был совершенно уверен, что они тоже ничего не найдут.

Следы были раньше. От сторожки у Секции, и дальше на улицах, их было легко находить, ясные, как день. Ради Трона, шел снег! Абсолютный подарок для любого следопыта. Гаунт мог, с таким же успехом, оставить дорожку из сигнальных огней, или крови.

Что-то начало обманывать острые чувства Танитских разведчиков. Что-то обманывало глаза и ум Мколла, и это, так же, обманывало его лучших людей.

Этот снег был другим. Он не был похож ни на какой снег, который он когда-либо считывал. Он дразнил и флиртовал, и обещал раскрыть все секреты, но он отказывался сотрудничать. Он расплывался и смешивался. Он покрывал и стирался. Он забыл больше, чем помнил.

Он не вел себя, как снег.

Мколл был уверен, абсолютно уверен, что в буре было *что-то*, какое-то мерзкое влияние в плохой погоде, которое умышленно ослепляло их и ставило их в тупик.

Тихий, как и любой призрак, Эзра подошел к нему сбоку.

Мколл посмотрел на Нихтгейнца и пожал плечами.

Эзра сузил глаза.

«Близко, он,» сказал он.

Мколл кивнул. «За исключением того, что это просто... ты должен был тоже это заметить, Эз. След неправильный. Снег лжет мне.»

Мколл посмотрел вверх. Отдаленные, грохочущие очертания Валькирий разворачивались для еще одного прохода.

«Яго,» ответил Эзра.

Мколл пожал плечами. «Ты прав. Ты и я, мы следовали за ним по пыли Яго и нашли его. Мы снова сможем найти его.»

Комиссар Эдур наблюдал за прогрессом поисковых отрядов.

«Я совсем не люблю звучать нетерпеливым,» сказал он Танитским офицерам, Колеа и Баскевилю, «но я ожидал немного большего от хваленых разведчиков Призраков.»

«Вы не единственный,» резко ответил Колеа. «На Мколла не похоже, чтобы он был так далек от своей игры.»

«Объяснения?»

Баскевиль пожал плечами. «Полковник-Комиссар Гаунт залег. Он умный человек, и, возможно, он хорошо замел свои следы. Он знает, как действуют Мколл и его разведчики. Он знает, как спрятать следы, которые они будут искать.»

Эдур пожал губы. «Напрашивается вопрос: он прячется, чтобы выжить, или прячется, потому что он в чем-то виноват?»

Он заметил выражения на лицах Колеа и Баскевиля.

«Просто мысли вслух,» уверил он их. «Проблема в том, что запас терпения инквизитора, скорее всего, намного меньше, чем у меня.»

Все трое, одновременно, обернулись. Дальше на улице, Райм и его круг приспешников собрались и тихо разговаривали. Недовольство на лице Райма было читаемо даже на расстоянии.

«Если он прикажет нам уйти,» сказал Эдур, «мы потеряем весь контроль. Затем, я боюсь, Гаунт погибнет, виновен он или нет.»

Маггс выстрелил. Он стрелял и стрелял. Ничего не вылетало из старого пистолета альбиноса. Он истратил всю обойму, стреляя в старую даму.

Маггс отбросил пустой пистолет в сторону и наклонился. Он схватил руками шею этогоора и скрутил.

Гаунт врезался в него сбоку, и оторвал его от этогоора. Спутанным клубком из конечностей, Гаунт с Маггсом тяжело покатались по частично покрытому досками полу здания, и болезненно врезались в штабель ДВП.

«Что ты пытаешься сделать?» закричал Гаунт на Белладонца, пока пытался прижать и утихомирить его. Выстрелы заставили Гаунта прибежать.

Маггс не ответил каким-нибудь членораздельным способом. Он резко дернул назад плечами, вырываясь из хватки Гаунта. Затылком он заехал в щеку Гаунту.

«Маггс! Прекрати это,» предупредил Гаунт, откатившись.

Маггс произвел булькающий, нечеловеческий звук. Он снова был на ногах, низко пригнувшись, как обезьяна или урсид. Он рванул к Гаунту. Его зубы были обнажены в рычащей гримасе: демонстрация угрозы дикого животного.

Гаунту не оставалось ничего другого, как попытаться выдержать дикий натиск. Маггс врезался в него, обхватил, и они снова вместе врезались в штабель ДВП, на этот раз стоя на ногах. Гаунт видел глаза Маггса. Он понял, что человек сошел с ума. Он мог ощущать вонь пота на коже Маггса, жар лихорадки, исходящий волнами от него.

Маггс в третий раз ударил Гаунта о штабель ДВП, и попытался вдавить его в них. Гаунт ударил локтем Маггса по задней части шеи. Ему пришлось повторить безжалостные удары несколько раз перед тем, как Маггс отпрянул от источника боли и убрал хватку.

Когда Маггс отпрянул, Гаунт нанес удар кулаком, который пришелся Белладонцу в челюсть, и отбросил его на кучу банок с краской, ведер и деревянных приспособлений. Металлические банки загрохотали, когда упали.

Пытаясь устоять на ногах, Маггс пробирался через дерево и ведра, махая руками и отбрасывая препятствия со своего пути.

Гаунт пошел вперед, чтобы сдержать его. Он снова выкрикнул имя Белладонца, в надежде, что это сможет вбить какой-нибудь смысл или узнавание в человека.

Маггс выбрался из своего спотыкающегося столкновения с банками с краской, держа толстую деревянную доску. Он держал ее, как дубину, и замахнулся ей. Гаунту пришлось отпрыгнуть назад, чтобы избежать удара.

«Ради Трона, Маггс.»

Маггс наступал на него, размахивая деревяшкой. Маггс производил воющий, всхлипывающие звуки.

«Маггс!»

Гаунт пытался перехитрить Маггса и обойти, но Маггс попал ему по плечу своей импровизированной дубиной, и Гаунт отлетел в одну из рабочих завес. Он схватился за нее для поддержки, и верх завесы сорвался со своих железных петель с резким, рвущимся звуком. Маггс снова пошел на него, держа доску поднятой над головой обеими руками, готовый нанести удар по черепу Гаунта.

Гаунт попытался защитить себя. Он резко крутанулся, обернув тяжелую завесу вокруг себя и своей головы. Он почувствовал удар, но смертоносная сила впиталась упругой занавесью.

Гаунт с трудом выбрался из завесы, и захромал в примыкающую комнату здания. Толстый парафинистый слой занавеси зацепился за пуговицы его униформы, мешая ему, и ему пришлось выбраться из своего пальто. Содержимое его карманов рассыпалось по полу.

Маггс прошел через рабочую завесу за Гаунтом. Он все еще сжимал доску, и он все еще всхлипывал и завывал, хриплые, влажные звуки смешивались с быстрыми задыхающимися. Его глаза были розовыми и налитыми кровью. Он моргал, пытаясь сфокусироваться, пытаясь увидеть, куда ушел Гаунт.

Гаунт пригнулся справа, прямо за дверным проемом. Маггс увидел его прямо в последнюю секунду. Гаунт нашел швабру, и замахнулся ей, как своей собственной дубиной. Он ударил Маггса по лопаткам, и старая швабра разлетелась пополам, но силы удара оказалось достаточно, чтобы бросить Маггса на четвереньки. Толстая

деревянная доска выскочила из его хватки. Маггс попытался схватить ее, но Гаунт отбил ее вне зоны досягаемости отколотым концом своей швабры. Гаунт замахнулся остатками швабры, целясь Маггсу в голову, но Маггс, все еще на коленях, перехватил ее правой рукой и остановил намертво.

Лихорадка вырастила ошеломительную силу внутри Веса Маггса. Он держался только одной рукой за сломанную рукоятку швабры, по сравнению с двумя руками Гаунта, и он все еще стоял на коленях, когда Гаунт стоял на обеих ногах. С хрипом от напряжения, он вырвал швабру из рук Гаунта.

Он поднялся. Гаунт попятился.

Гаунт ожидал, что Маггс нападет на него с рукояткой от швабры, но Маггс отбросил ее в сторону.

Гаунт увидел, почему. Стоя на четвереньках, Маггс нашел лучшее оружие. Он нашел покрытый копотью ритуальный нож дамогора. Он выпал из кармана пальто Гаунта.

Маггс сделал шаг вперед, держа зазубренное лезвие низко. Его дыхание стало по-настоящему тяжелым. Он сделал выпад, и Гаунт отпрыгнул. Маггс снова сделал выпад, широко взмахнув ножом. Гаунт едва избежал второй удар.

Третий бросок – дикий колющий удар вперед – прошел ближе всех. У Гаунта почти закончилось место, чтобы пятиться. Позади него была стена. Маггс отгонял его к ней. Пол был неровным. Не было места, чтобы повернуться. Гаунт подумал, сможет ли он сделать обманный маневр слева или справа. Он был почти уверен, что тяжело дышащий, потеющий, с налитыми кровью глазами Белладонец будет слишком быстрым.

У него закончились варианты. Единственным оставшимся вариантом остался тот, которого он больше всего хотел избежать.

Он вытащил свой болт-пистолет и навел его на Маггса.

«Прекрати,» предупредил он. «Прекрати, Маггс. Брось клинок и прекрати это.» Маггс зарычал.

«Не заставляй меня заканчивать это так, Вес,» прошептал Гаунт. Его палец напрягся на твердой кривой спускового крючка. Он не нажал. Он почувствовал еще одно движение по направлению к нему.

Последовал громкий и глухой металлический удар. Маггс закачался, а затем упал набок. Он безвольно грохнулся на пол и остался неподвижно лежать.

На виске Доктора Колдинга был ужасный синяк. Он опустил помятое металлическое ведро, которым ударил Маггса по голове.

«Вы в порядке?» спросил его Гаунт.

Колдинг не ответил.

Гаунт нагнулся и вырвал ритуальный нож из безвольных пальцев Маггса. Маггс был без сознания.

«Нам нужно связать его,» сказал Гаунт. «Киньте мне тот моток бечевки. Вот там, доктор.» Как будто слегка потрясенный, Колдинг поставил помятое ведро, и принес бечевку. Гаунт быстро начал связывать запястья Маггса вместе.

«Я подумал, что он убил вас,» сказал Гаунт.

«Он ударил меня,» сказал Колдинг. «Он сильно ударил меня. Я не солдат. Я не знаю, как сражаться. Как только я упал, я решил лежать для своего же блага.»

«Возможно, это было очень мудро,» сказал Гаунт.

«Это не чувствуется очень смелым,» сказал Колдинг. «Ни сейчас, и ни тогда, когда мне было шестнадцать.»

«Вы спасли мне жизнь,» сказал Гаунт, «и за это, и за все предыдущее, я благодарю вас.» Колдинг указал на Маггса. «У него ужасная лихорадка. Я думаю, что она его довела до такого. Он видел вещи. Это были вещи, которыми он, очевидно, был напуган.»

«Это даже больше, чем это,» сказал Маббон Этогор.

Заклученный выглядел, как стоящий труп. Лихорадка все еще была в нем, а его дыхание было таким же тяжелым, как и у Маггса. Он прислонился в дверном проеме позади них, держась как за порванную рабочую завесу, так и за дверную стойку.

«Вы не должны быть на ногах,» сказал Колдинг, быстро пойдя к нему. «Помогите мне снова устроить его,» добавил он, оглянувшись через плечо на Гаунта.

Они поддержали заключенного и отвели его обратно к кровати, которую Колдинг сообразил для него в примыкающей комнате. Заклученный был вялым и некрепко стоял на ногах. Чувствовался болезненный запах, идущий от него, который совсем не нравился Гаунту.

«Он разбудил меня,» сказал Маббон. «Он вырвал меня из моих лихорадочных снов, вцепившись мне в горло. Он пытался сломать мне шею.»

«Не трать силы,» сказал Гаунт.

Они устроили его. «Я пытался двигаться. Позвать.»

Он посмотрел на Колдинга, который готовил еще один шприц.

«Вы доктор?» спросил он.

«Тебя ранили. Мы нашли доктора, чтобы он помог нам,» сказал Гаунт.

«Я должен был умереть,» сказал Маббон Колдингу.

«Вы все еще можете умереть,» кратко ответил Колдинг. «Я залатал вашу рану, но у вас появилась вторичная инфекция, возможно из-за меньше, чем идеальных обстоятельств вашего послеоперационного восстановления. Лихорадка--»

«Моя рана не причина лихорадки,» тихо сказал Маббон. «Это они.» Гаунт посмотрел на него.

«Это работа тех, кого послали заткнуть меня,» сказал Маббон. Промежутки между его словами становились длиннее. «Они занесли колдовство варпа в мою кровь. В кровь вашего человека тоже, я полагаю.»

«Как?» спросил Гаунт.

«С ними есть ведьма,» прохрипел Маббон, «сильная. Она висит на моей душе, и она вызывает ко мне в моих снах, приказывая мне умереть. Я могу слышать ее. Она была в снах вашего друга тоже, побуждая его убить.»

«Как нам сражаться с этой ведьмой?» спросил Гаунт. «Ты знаешь?»

«Вы должны позволить ему отдохнуть,» вмешался Колдинг.

«Ты знаешь, как бороться с ведьмой?» потребовал Гаунт.

Глаза Маббона Этогора закрылись, а затем снова резко открылись.

«Она чертовски сильная,» выдохнул он, «но я знаю пару трюков. Я был этогором в Пакте. Дайте мне этот ритуальный нож.»

«Погодите-ка!» воскликнул Колдинг.

«Послушайте меня,» прошипел Маббон. «Она в моей крови. Она у меня на душе. Это означает, что эта игра близка к концу. Она знают, где мы. Пока она у меня в крови, они смогут найти нас. Мне нужно разорвать эту связь, а затем мы должны переместиться в другое место.»

«Как мы разорвем связь?» спросил Гаунт.

«Не могу поверить, что вы слушаете все это,» воскликнул Колдинг. «У этого человека лихорадка. Он бредит. А еще, он--»

«Как мы разорвем связь?» резко сказал Гаунт.

Маббон протянул руку. «Я должен вылить ее из себя, а затем я должен вылить ее из вашего друга.»

«Я не собираюсь принимать участие ни в каком варварском ритуале,» сказал Колдинг, но он дал Гаунту маленькую медицинскую емкость.

Гаунт взял емкость из нержавеющей стали у доктора и вернулся к заключенному. Он принес связанное тело Маггса из другой комнаты и положил его рядом с этогором. Маггс все еще был без сознания, и извивался в бреду, в объятиях сна, разделять который у Гаунта не было никакого желания.

Гаунт поставил емкость на пол и, после последней, задумчивой паузы, отдал ритуальный нож Маббону, рукояткой вперед.

«Держите емкость наготове,» сказал Маббон хриплым голосом. «Мы не должны пролить ни капли, или оставить что-нибудь, чем они смогут воспользоваться.»

Гаунт кивнул.

«Быстрее,» сказал он. «Мне это все совсем не нравится.»

Гаунт держал емкость рядом. Маббон раскрыл одну из связанных рук Маггса, твердо взял ее, и провел клинком ритуального ножа по ладони. Маггс вздрогнул.

«Много не потребуется,» сказал Маббон. «Ведьма, она чудовищно сильная, но чтобы внедриться в нашу кровь, ей пришлось создать связь, понимаете? Чтобы мы были связаны с ней, она должна быть связанной с нами.» Он сжал руку Маггса, и кровь потекла.

С ней случился приступ. Он наступил без предупреждения. Эйл был так шокирован этим, что отскочил.

Его сестра кричала. Она держала руки в стерилизаторах, по локоть в красной жидкости, и, пока она кричала, стерилизатор справа разлетелся вдребезги. Больше шести литров искусственной крови разлетелись из взорванного цилиндра и хлынули по столу анатомической.

Ульрике отшатнулась назад, вытащив руку из целого стерилизатора. Кровь оставила длинные полосы на покрытом плиткой полу, стекая у нее с рук. Она снова закричала, воплем ярости и боли.

Она повернулась к Эйлу.

«Сестра? Что такое, сестра?»

Она дышала так тяжело, что ее вуаль ходила туда-сюда. Капли крови, которые попали на сеть кружева, блестели, как шлифованные рубины. Она подняла правую руку и показала ему ладонь. Вся рука была в крови, но он мог видеть рану на ее ладони. Он предположил, что она порезалась осколком стекла от взорвавшегося стерилизатора.

«Твой нож!» завопила она.

«Что?»

«У него твой нож, и он вылил меня из них!»

«Фегат? Ты имеешь в виду фегата?» потребовал Эйл.

Она снова закричала на него, но на этот раз это был обидчивый крик разочарования и злости. Она осела на пол.

«Это больно!» пожаловалась она. «Он сделал мне больно. Он разорвал связь!» Эйл встал на колени рядом с ней, и крепко обнял. Она всхлипнула. Ее руки оставили кровавые отпечатки на желто-коричневой коже рукавов его плаща.

Он услышал своих людей у двери анатомической. Ее крики притянули их вниз от беспокойства.

«Магир?» позвал Кархунан, не желая переступить порог.

«Все в порядке!» крикнул в ответ Эйл. «Все в порядке. Оставьте нас. Возвращайтесь наверх и приготовьтесь выдвигаться.»

Эйл почувствовал ее дрожь. Она открыла левую ладонь и протянула, чтобы он увидел.

Он смотрел, как невидимый клинок разрезает ладонь.

Маббон захрипел и сжал руку над емкостью. Его кровь полилась из кулака и собралась с кровью, которую они уже взяли у Маггса.

«Мы закончили?» спросил Гаунт.

Маббон кивнул.

«Доктор?» позвал Гаунт.

Колдинг только что закончил перевязывать ладонь Маггса. Он встал и подошел к ним.

Гаунт отдал ему емкость. «Запечатйте крышку, потом перевяжите руку заключенному.» Колдинг взял емкость. Он смотрел пренебрежительно и неодобряюще.

«Побыстрее, пожалуйста,» сказал Гаунт. Он был не в настроении для неодобрения человека. Гаунт пересек несколько черт за свою жизнь, всегда по необходимости. Какой-то языческий кровавый ритуал чувствовался, как один из худших.

Лучше бы это чертовски хорошо сработало.

Послышался шум от входа в здание.

Гаунт подал знак Колдингу быть тихим, вытащил свой пистолет и поспешил ко входу.

Это была Крийд, пролезающая сквозь закрытое досками окно с улицы. Ее волосы были мокрыми от снега, и она, очевидно, тяжело бежала.

«Ты вернулась раньше, чем я ожидал,» сказал Гаунт, убирая пистолет в кобуру.

Она потрясла головой.

«Они близко,» сказала она. «Нам нужно уходить.»

«Не спорю,» ответил Гаунт. Он нагнулся, чтобы поднять свою фуражку. Она была у него на коленях, когда он сидел в карауле, и услышал выстрелы.

«Достала какой-нибудь еды?» спросил он.

«Времени не было.»

Она проследовала за ним в комнату, где Колдинг присматривал за Маггсом и заключенным.

«Какого феса тут произошло?» спросила она.

«Они добрались до Маггса, каким-то образом,» сказал Гаунт.

«Что?»

Гаунт прошел рабочую завесу, которую он наполовину сорвал, и начал возвращать на место свое пальто и вещи, которые выпали из карманов. Крийд последовала за ним.

«Не важно, на самом деле,» сказал Гаунт. «По-простому, они точно знают, где мы, поэтому нам нужно сменить местоположение. Собирай свои вещи и помоги доктору.»

«Нам нужно бежать,» сказала Крийд.

«Маггс болен, а заключенный болен и ранен,» сказал Гаунт. «Цель всех этих физических упражнений – помочь ему остаться в живых, и передвигать его на любое расстояние, которое противоречит этой цели. Мы уже слишком часто перемещали его. Я должен довериться в этом доктору.»

«Так куда мы пойдём?» спросила она.

Гаунт замер, подняв свои ручку и блокнот.

«У меня есть идея,» ответил он.

ДВАДЦАТЬ ДВА

Контакт

«Это сработает?» с сомнением спросил Ладд.

Рядовой Бростин выглядел оскорбленным.

«Конечно, это сработает,» настойчиво сказал он. «Я это изготовил, разве нет? Прямо, как вы и просили. Я знаю такие штуки.»

«Он знает такие штуки,» сказал Белтайн.

«Видите?» сказал Бростин.

Ладд взял маленькую скрученную бумажку из постоянно покрытой сажей лапы Бростина. Она была, примерно, четырех сантиметров в длину, и не толще карандаша. Конец был смят и запечатан тем, что выглядело, как патока.

«В любом случае, это же не будет...» начал он.

«Что?» спросил Бростин.

«Чрезмерно?» ответил Ладд.

Обиженное выражение вернулось на лицо Бростина.

«Я сделал все прямо так, как вы просили,» сказал он.

«Ладно, ладно,» сказал Ладд. «Все потому, что я тоже знаю твои штуки, Бростин, а для тебя нет такой штуки, как *слишком большая*.»

Бростин оскалился и потряс своей лохматой головой.

«Это маленькое. Это изящное. Это будет прелестно.»

«Отлично,» сказал Харк. Маленькая группа солдат повернулась, чтобы посмотреть на него. «Вы все знаете, что делать. Давайте покончим с этим.»

Ладд сделал глубокий, успокоительный вдох, и вошел в вокс офис. Был поздний вечер, и снаружи уже смеркалось. Снег стучал по грязным окнам.

В комнате было темно и очень жарко. Электрические нагреватели на стенах извергали потоки сухого тепла, регулируемые автоматическими термостатами Аарлема. Было душно.

В офисе было шесть больших передатчиков вокса; три были включены и использовались. Индикаторы силы сигнала мерцали и светились, и Ладд мог слышать фоновое бормотание тысяч голосов, таких же сухих, как жар.

Обычных операторов вокса Призраков выгнали, когда прибыла Инквизиция. Трое вокс специалистов Инквизиции располагались в комнате, каждый работал за одним из включенных передатчиков. Они были внимательными и исполнительными людьми в серьезных черных одеждах, на их ушах были большие наушники. Они тщательно мониторили весь входящий и исходящий трафик Аарлема. Портативные записывающие устройства были подключены в трех передатчикам, чтобы помочь с последующей транскрипцией, а операторы делали регулярные, сокращенные пометки на планшетах, которые лежали у их правых рук.

Их надзирателем был высокомерно выглядящий агент ордоса по имени Сиркл. Он тоже был одет в черное, хотя частью его облачения была нательная броня. Он ходил между операторами, сомкнув руки за спиной, изредка останавливаясь, чтобы наклониться и прочитать одну из пометок.

Когда вошел Ладд, Сиркл с сомнением бросил на него взгляд. До этого Ладд видел Инквизитора Райма только издали во время его визита, но он был поражен лицевой идентичностью между Раймом и его приспешником.

«Могу я вам помочь?» спросил Сиркл.

«Простите за вторжение,» сказал Ладд с тем, что, он надеялся, выглядело, как расслабленная улыбка. «Я просто подумал, есть ли какие-нибудь новости.»

«Новости?»

«О полковнике-комиссаре,» сказал Ладд.

«Почему вы хотите знать?»

Ладд засмеялся. «Вы шутите? Люди хотят знать, друг. Призраки – очень лояльная толпа. В казармах довольно сильно переживают. Они хотят знать, что происходит.»

«Это место является объектом расследования священного ордоса. Здесь строгие--»

«Я это понимаю, друг,» сказал Ладд. «Я просто надеялся, ты понимаешь, не для записи, только между нами...»

Сиркл уставился на него.

«Ты должен знать, каково это, чувствовать верность старшему командиру.»

Сиркл задумался.

«Еще ничего нет,» сказал он. «Никаких следов Гаунта к настоящему времени, хотя все указывает на то, что он выбрался из Секции живым.»

Ладд кивнул. «Хорошо. Спасибо. Спасибо за это, я это ценю.» Послышался стук во внешнюю дверь, и вошел Белтайн с подносом.

«Простите за вторжение, сэр,» сказал он Сирклу. «Комиссар Харк посоветовал, чтобы я принес сюда кофеина.»

«Я уверен, что это очень кстати,» сказал Ладд. Он отошел назад, когда Белтайн прошел, чтобы Сиркл и его операторы взяли себе чашки с подноса.

Крошечное окно для шанса открылось. Ладд стоял спиной к полуоткрытой двери во внутренний офис. Он вытащил бумажку Бростина из перчатки, держа руки за спиной.

Затем он быстро отклонился назад, потянулся за дверь офиса, и уронил бумажку за решетку ближайшего настенного обогревателя.

«Ладно, оставим вас вашей работе,» сказал Ладд, направляясь к внешней двери.

«Еще раз спасибо,» добавил он, посмотрев на Сиркла.

Агент ордоса кивнул в ответ, попивая свой кофеин.

«Сэр?» произнес Белтайн, смотря на Ладда.

«Что?»

«Что-то неправильно,» сказал Белтайн и указал в сторону внутренней двери офиса.

«Ох, фес!» крикнул Ладд.

Через полуоткрытую дверь, они все могли видеть яростное яркое пламя, вырывающееся из настенного обогревателя. Икры разлетались по ковру внутреннего офиса, разжигая маленькие огоньки, а густой, резкий дым уже наполнял вокс офис.

Белтайн ударил по пожарной сигнализации, и начали звенеть звонки.

«Что это за чертовщина?» потребовал Сиркл.

Они все начали кашлять, когда дым добрался до их глоток.

«Фес!» крикнул Ладд. «Бел, хватай огнетушитель в коридоре! Фес это все. Это уже третий раз на этой неделе!»

Он посмотрел на Сиркла. «Пыль набивается в эти старые обогреватели и загорается. Вам лучше уйти отсюда, пока мы тут не возьмем все под контроль.»

«На этот раз дело плохо, сэр,» прокашлял Белтайн, когда прибежал назад с цилиндрическим огнетушителем.

Вонючий дым жалил их глаза и жег глотки, а высота пламени в примыкающей комнате была тревожной.

Сиркл быстро увел своих операторов из комнаты, все они закрывали рты и кашляли, когда уходили.

Белтайн посмотрел на Ладда, а Ладд посмотрел на Белтайна. Белтайн кинул огнетушитель молодому комиссару, а затем сел за ближайший включенный передатчик. Оба вытащили сложенные увлажненные квадраты ткани из карманов и прикусили их, дыша ртами, чтобы не наглотаться дыма.

Прикрывая лицо от жара пламени, Ладд распахнул внутреннюю дверь офиса и начал поливать свирепое пламя из нагревателя огнетушителем.

У передатчика, Белтайн работал так быстро, как мог. Он быстро сканировал и записывал группы частот, которые прослушивал оператор; затем он использовал

маленькую отвертку, чтобы убрать переднюю панель передатчика. Ладд дал по огню еще пару залпов из огнетушителя и бросил взгляд назад.

Ну же! умоляли его глаза.

Белтайн игнорировал его. Он остановил портативное записывающее устройство, потом залез в панель, выбрал один из толстых главных кабелей, и открутил его от коннектора. Он вытащил байпас – маленькую, металлическую штучку – из кармана, прикрутил один конец к коннектору, а другой к кабелю. Маленький зеленый огонек «активно» зажегся на байпасе.

Белтайн начал прикручивать панель назад на место.

Ладд окончательно победил огонь огнетушителем. Он закрыл внутреннюю дверь офиса, вынул ткань изо рта, и начал открывать окна вокс офиса, чтобы удалить дым.

Снежинки понеслись внутрь с холодным воздухом.

Он бросил взгляд на передатчик. Белтайн уже вкрутил на место два винтика и начинал вкручивать третий. Кто-то вырубил пожарную сигнализацию.

«Вы взяли все под контроль?» потребовал Сиркл, появляясь в дверном проеме.

«Да,» ответил Ладд. «Я приведу рабочих, чтобы они убрались тут.» Сиркл пристально посмотрел на Ладда с Белтайном. Они открывали последние окна, чтобы удалить дым.

«Такое часто случается?» спросил он.

«Слишком часто,» ответил Ладд. «Я не понимаю, куда деваются деньги на техобслуживание.»

«На свои места,» сказал Сиркл своим операторам, и они потянулись назад. Белтайн с Ладдом бросили друг на друга взгляды. В кармане Белтайна была маленькая отвертка и четвертый, последний винтик. Не было времени прикрутить его. Он молился, чтобы никто не заметил, что он отсутствует.

Операторы возвратились на места.

Внезапно, Белтайн замер. Он забыл снова включить записывающее устройство.

Он быстро пошел вперед, схватив поднос на крайнем столе, где оставил его.

«Давайте принесу вам свежих напитков», живо сказал он, «у этих теперь будет мерзкий вкус.» Он взял кружку Сиркла, затем наклонился у каждого передатчика, чтобы собрать кружки. У третьего передатчика он закрыл свою руку от оператора подносом, и включил записывающее устройство, когда потянулся к кружке.

Ладд с Белтайном направились к двери. В коридоре, Белтайн показал три пальца Меррту, пока спешил в столовую с подносом. Меррт был одним из нескольких Призраков, которые собрались в коридоре, чтобы посмотреть, что за суета.

Меррт прошел через качающиеся двери коридора в холл, и показал три пальца Далину, который ожидал в дальнем конце.

Далин кивнул, и повернулся, чтобы побежать в часовню. Сложив руки, Бростин стоял на часах у двери.

«Все в порядке. Парень?» спросил Бростин.

Далин кивнул.

«Мистер Желтый вел себя хорошо?»

«Он шлет свой привет,» сказал Далин, и вошел в часовню.

Харк ждал внутри, стоя рядом с адъютантом Гола Колеа, Рервалом, и потрепанным передатчиком Роты Е.

«Три,» сказал Далин. «Три. Действуйте.»

Рервал подстроил настройки канала, поднял микрофон вокса и начал.

«Дерево Нала, Дерево Нала, это Крепость, это Крепость, пожалуйста, ответьте.» Дремая, положив ноги на край стола в мониторинговой комнате, Мерин, вздрогнув, проснулся, и едва не упал со стула. Он нащупал микрофон, разбросав пепельницу, несколько ручек и пустой пивной стакан.

«Есть связь!» крикнул он.

Его руки находилась за мгновение от микрофона, когда Варл потянулся и взял его.

«Крепость, Крепость, это Дерево Нала, это Дерево Нала, подтверждаем,» спокойно сказал Варл в микрофон.

«Отдай мне его,» прошипел Мерин, пытаясь вырвать микрофон из руки Варла. Варл несколько раз шлепнул по руке Мерина.

«Но, но, но,» предупредил Варл, прислушиваясь.

«Отдай мне его!» повторил Мерин, его голос был кислотным шепотом, который бы разъял свинец.

«Привет, Дерево Нала, привет, Дерево нала,» протрещал вокс. «Рад слышать ваш голос.»

«Твой тоже, Рервал,» с ухмылкой ответил Варл.

Мерин снова потянулся к микрофону, а Варл так сильно шлепнул по его руке, что он отпрянул назад с вскриком от боли.

«Рядом со мной Комиссар Харк,» произнес вокс. «Сейчас хорошее время?»

«Сказочное, Крепость,» ответил Варл.

Даур, Бэнда и Роун вошли в мониторинговую комнату клуба. Варл протянул микрофон Роуну.

Роун взял его. Мерин бросил сердитый взгляд на Варла.

«Крепость, это Роун.»

«Ожидайте, майор.»

Вокс затрещал.

«Роун, это Харк.»

«Слышу вас, сэр. Я понимаю, мы в безопасности?»

«Настолько, насколько можно быть уверенным. Мы установили байпас в прослушку Инквизиции, который, мы надеемся, они не заметят. Какова ваша ситуация?»

«Мы спрятались в доме рядом с Селвайр Стрит.»

«Это в Олигархии?»

«Почти в центре,» сказал Роун.

«Хорошо. Я найду на карте. Значит, вы все выбрались из Секции живыми?»

«Точно,» ответил Роун. «Я могу подтвердить семерых живых, раненых нет.»

«Роун, вы вооружены?»

Роун бросил взгляд на остальных. Даже Варл выглядел серьезным.

«Могу подтвердить семерых вооруженных,» ответил Роун. «Почему спрашиваете, Харк?»

«Это не будет ошеломительным сюрпризом для тебя, но мы в плохой ситуации, майор.»

«В масштабе планеты?»

«Не могу подтвердить или опровергнуть, Роун, но из данных, что у меня есть, выглядит так, как будто это ограничено регионом Балополиса-Олигархии, что означает, что вы прямо в центре. Подтверждена угроза Архиврага.»

«Силы?»

«Неизвестны, но я думаю, что не больше, чем внедренческие или экспедиционные силы. Берегите себя.»

«Понял,» сказал Роун.

«Все даже более сложно, Роун,» сказал Харк по связи. «Гаунт в беде, и, возможно, вы единственные Призраки, которые смогут по-настоящему помочь ему.»

«Понял, Харк,» сказал Роун. «Расскажите мне все, что знаете.» К тому времени, как связь была прекращена, Ладд, Белтайн, Далин и Меррт присоединились к Харку и Рервалу в часовне. Харк вздохнул и отдал микрофон обратно Рервалу.

«Банда Роуна жива, и мы знаем их позицию,» сказал Харк.

«Банда?» отозвался эхом Ладд.

«Есть лучшее название для них?» спросил Харк. «Толпа криминальных идиотов, возможно? Дебилы-рецидивисты?»

«Банда нормально,» сказал Ладд.

«Мы сможем связываться с ними так долго, пока байпас не обнаружат,» сказал Белтайн.

«И как долго это может быть?» спросил Далин.

«Если с нами будет какая-нибудь удача, молодой человек,» сказал Харк, «достаточно долго, чтобы выяснить местоположение Гаунта, и передать эти сведения Роуну.»

«Тем временем, будем надеяться,» сказал Ладд, «что Майор Роун не решит сделать что-нибудь еще.»

«Например?» спросил Харк.

«Ну, вы сказали ему оставаться на месте. Вы сказали ему оставаться с воксом, чтобы мы могли связаться с ним,» сказал Ладд. «Что если он решит... уйти куда-нибудь?»

Харк раздраженно вздохнул. «Даже Роун не будет настолько туп, так ведь?»

«Конечно нет, сэр,» сказал Белтайн.

«Пока это устраивает его,» сказал Далин.

Даур снова вернулся в главную зону салона. Элоди сидела у бара, медленно потягивая амасек.

Громила, Зомат, все еще был примотан липкой лентой к стулу у задней стены. Он выглядел абсолютно безрадостным своим положением. Лайр задремал на одной из кушеток салона.

«Выпьешь?» спросила Элоди Даура.

Он покачал головой.

«Что такое?»

Дар начал переворачивать карты, которые он оставил на барной стойке.

«Нам удалось связаться с нашим полком, тайно. Там кое-что происходит, но вся картина не ясна. Приказ сидеть тихо и ждать дальнейших инструкций.»

«Вы собираетесь сделать это?» спросила Элоди.

«Ага,» произнес Даур.

«Все вы?»

«Ага.»

«Я спрашиваю просто потому, что следование приказам не кажется вашей сильной стороной.» Варл вошел в салон.

«В этом месте есть угроза еды?» спросил он.

«Ты знаешь, где кухня,» сказал ему Даур.

Варл вздохнул, и снова покинул помещение. С бара, они услышали его крик, «Кант? Ты умеешь готовить, или нет?»

Элоди улыбнулась и слезла со своего барного стула. Она обошла бар, чтобы найти еще амасека.

Внезапно, Даур поднял взгляд. Настойчивые голоса начали доноситься из мониторной комнаты. Даур посмотрел на Элоди, и они вместе поспешили от бара.

«Что происходит?» спросил Даур, когда быстро вошел в мониторную. Бэнда, Мерин и Роун изучали пикты, идущие с различных камер безопасности клуба.

«Гости,» сказал Роун. Он указал на один из экранов. «Что это за дверь?»

«Служебная,» сказала Бэнда. «Для грузов, сзади.»

«Мы знаем этих красивых джентльменов?» спросил Роун.

Элоди проскользнула в комнату рядом с Дауром и пристально посмотрела на монитор. Свет снаружи был плохим. Там было, возможно, шесть или семь человек, приближающихся к служебной двери клуба от погрузочной площадки на Конаут Роу.

«Я не узнаю их,» сказала она. «Погодите. Отмотайте назад и остановитесь на лицах, когда они проходят под фонарем.»

Роун поигрался с контрольной панелью монитора и отмотал картинку назад.

«Так?»

«Да,» сказала Элоди, и изучила размазанное изображение более близко.

«Ох, дерьмо,» сказала она. «Я думаю, что это Ксони.»

«Кто?» спросил Мерин.

«Один из печально известных партнеров Урбано?» спросил Роун.

«Хотелось бы,» ответила Элоди. «Лев Ксони член картеля, который в прямом соперничестве с толпой Урбано. У нас раньше были проблемы с ними. Они искали предлог или шанс, чтобы закрыть этот клуб.»

«И пока город закрыт из-за этой ненормальной снежной бури--» начал Даур.

«С предохранителей, все,» сказал Роун.

Он поднялся по покрытым снегом ступеням и постучал по входной двери старого разрушающегося дома.

Прошло полминуты. Он уже собирался постучать снова, когда дверь открылась. Молодой, слегка неряшливый человек в черной, застегнутой на пуговицы одежде и в шарфе, выглянул. Он выглядел совершенно смущенным.

«Могу я вам помочь?» начал спрашивать молодой человек, а затем остановился, и вместо этого сказал, «Погодите, погодите, а вы не Полковник-Комиссар Гаунт?»

«Привет, Мистер Жайме,» сказал Гаунт.

ДВАДЦАТЬ ТРИ

Портреты

«Я не понимаю,» сказал Жайме. «Разве наша встреча не была перенесена, или...?»

«Нет, Мистер Жайме,» сказал Гаунт, «это, скорее, импровизированный визит.» Он вошел в вестибюль мимо озадаченного молодого человека, и огляделся. Как и у входной двери здания, в вестибюле был дух впечатляющего умеренного чувства собственного достоинства. Полы были лакированными и черными, стены были выкрашены в черные, подавляющие цвета, а кресла в вестибюле и шторы были бархатисто черными, фиолетовыми и малиновыми. Здесь ощущалось, как в фойе престижного борделя.

Но здесь была и подоплека. Гаунт тотчас заметил странные места в окраске, поспешность, с которой шторы были собраны и приколоты, слабый запах плесени, который не смогли полностью замаскировать запахи лаванды и сирени.

«Я полагаю, вы сможете просветить меня,» сказал Жайме. Он пристально смотрел на Гаунта. Выглядело так, словно, пока Гаунт видел сквозь начальное впечатление о доме Жайме, так и Жайме видел сквозь начальное впечатление о Гаунте. Он виделся в грязной, потертой одежде, с двухдневной щетиной, с различными синяками.

«Я обнаружил себя в неприятной ситуации,» сказал Гаунт. «Мне нужна помощь, и есть очень мало людей, к которым я могу обратиться. Прямо сейчас, Мистер Жайме, вы – ближайший. Вы верный слуга Имперского Трона?»

«Я что?» начал Жайме. «Конечно!»

«Следовательно, вы не будете возражать против помощи офицеру Трона в выполнении его обязанностей?»

«Что это?» спросил Жайме.

Гаунт посмотрел на дверь позади Жайме, и сделал краткий кивок. Внезапно, другие люди вышли из снега и наступающей темноты.

«Что это?» повторил Жайме, когда они прошли мимо него.

Крийд сопровождала Маггса, который был полубессознателен, его руки, все еще, были связаны. Колдинг, отягощенный своим медицинским снаряжением, поддерживал заключенного.

«Туда,» сказал Гаунт, сделав жест, а затем закрыл на замок входную дверь за собой.

Крийд повела всех из вестибюля в приемную комнату. Она была точно так же обставлена в темных романтических оттенках малинового, красного и черного. Здесь были диваны и кресла, столы, украшенные сухими цветами, и огромное количество штор на стенах.

Крийд опустила Маггса на один из диванов, а Колдинг устроил заключенного на другом.

«Проверь место, пожалуйста,» сказал Гаунт Крийд. «Входы и выходы. Здесь есть еще кто-нибудь, Мистер Жайме?»

«Нет,» ответил Жайме. «Я здесь один. На сегодня были назначены встречи, но все были отменены из-за погоды.»

Гаунт кивнул Крийд. Она вытащила лазерный пистолет и выскользнула из комнаты.

«Почему она вооружена?» спросил Жайме.

Гаунт проигнорировал вопрос.

«Вы работаете здесь?» спросил он, осматриваясь.

«Да,» сказал Жайме.

«Это ваша студия?»

«Да,» сказал Жайме.

«И вы портретист? Вы делаете пикты?»

«Фотоэкспозиции,» сказал Жайме, «а также кое-какую гололитическую работу.»

Приемная комната была так же местами потрепана, как и вестибюль. Гаунт мог видеть, что была использована вакса, чтобы закрыть потертые места на досках пола и

ножках мебели. Шторы были собраны так, чтобы закрыть старые отметины от воды, а вазы с цветами были покрашены, чтобы замаскировать сколы.

Несколько больших, черных альбомов с кажущимися резными обложками были расположены на столиках для обычного просмотра. Гаунт открыл один, и начал переворачивать огромные страницы. Пикты внутри были большими, и были вставлены в элегантные бумажные рамки. Пикты были портретами людей в униформах: Гвардия, Флот, СПО, милиция. Все униформы на людях были парадными, а их лица были единообразно торжественными. Они стояли чопорно, лицом к камере, смотря в объектив пустыми или поглощенными мыслями глазами, и выражениями на лицах, которые никогда не изменятся. Здесь были ремешки под подбородками и усы, мечи и рожки, штандарты и барабаны. Здесь были кивера на головах, и позолоченные шлемы подмышками. Здесь были накидки из медвежьих шкур, нагрудники, и орнаменты вокруг пуговиц. К своему удивлению, Гаунт обнаружил, что он не может опознать множество униформ.

«Я делаю памятные портреты,» сказал Жайме, смотря, как Гаунт пролистывает альбом, ожидая одобрения. «Здесь, на Балгауте, огромный спрос на это, из-за Знаменитой Победы, конечно же. Огромный спрос.»

Большинство портретов показывали линию горизонта Балополиса или Олигархии на фоне. Одни и те же виды, снова и снова. На большинстве пиктов Гаунт мог видеть линию горизонта, которой не существовало уже пятнадцать лет.

Некоторые портреты включали в себя гордые семьи в их лучших торжественных одеждах, собравшиеся вокруг сына или мужа, отца или брата в униформе.

«Сюда приходят семьи, или присылают заказы,» продолжил Жайме, «со всего сектора, на самом деле. В памятном портрете есть гордость. И утешение.» Гаунт осознал, что дом Жайме напомнил ему не о борделе. Скорее, это был похоронный салон. Бизнес Жайме был частью траурной индустрии. Люди, на которых он смотрел, были мертвы, несомненно. Он рассматривал изображения людей, которых больше не существовало, которые были мастерски объединены с изображениями города, которого тоже больше не существовало.

Гаунт закрыл альбом.

«Что там?» спросил он, и прошел сквозь задрапированную арку до того, как Жайме успел ответить.

Главная студия располагалась за аркой. Мощные лампы и пиктеры на триподах были расположены перед сценой. С одной стороны были стойки с одеждой и ящики с реквизитом, как в раздевалке за кулисами. Гаунт включил одну из ламп, и ее мощная нить накаливания загорелась.

Перед ним лежал Балополис, гордый и величественный. Над ним, Олигархия; ниже, изгибающаяся река. Там, Башня Плутократов, Монастырь, Верховный Дворец, Дворец Сирены, Освободительный, Врата Олигархии.

Врата Олигархии. Днем девятого дня, по левую руку от Слайдо. Впереди, знаменитые Врата, защищаемые машинами скорби Херитора Асфоделя. Озера грязи. Ненормальная погода. Химический поток, вызванный орбитальной бомбардировкой и токсинами Херитора. Расплавленная смола в воздухе, подобная проливному дождю—

Гаунт пошел к яркой перспективе. Она была нетронута. Чиста от войны. Это был Балополис, каким он когда-то был.

Колючая проволока затянула небо. Ба-бахи от взрывов, слишком многих взрывов. Облака розового тумана слева и справа от него, когда в людей попадали. Впереди, под Вратами, машины снова зажужжали—

«Прекрати,» сказал Гаунт.

«Сэр?» спросил Жайме.

«Я говорил сам с собой,» сказал Гаунт.

Балополис был одним из множества постановочных фонов, расположенных позади сцены.

«Есть выбор,» сказал Жайме, отодвинув *Балополис* в сторону на колесиках.

«Олигархия особенно популярна. А, так же, Аллея Восхождения, Заебес Сити... Еще я могу сделать Хулан. Даже Терру, в крайнем случае.»

«Но ваша тематика – мертвые люди,» сказал Гаунт.

«Не все из них,» сказал Жайме, «но большинство. Берете изображения из старых запасов, и накладываете их.»

«Зачем тебе нужен набор?»

«Это зависит от вознаграждения,» сказал Жайме. «Если семья хочет быть включенной, я рассаживаю их здесь, перед выбранной ими сценой. Затем я одеваю ассистента соответствующе, чтобы он стоял с ними.»

Жайме подошел к вешалкам с вещами, и выбрал одну, наугад, мундир гусара и саблю.

«Видите? Что-то соответствующее. У меня много чего на выбор. Военные остатки. Вещи, которые были оставлены.»

«Пистолет, который был оставлен,» пробормотал Гаунт.

«Простите?»

«Ничего.»

Жайме замахал реквизитом. «Ассистент стоит в позе, которая совпадает с позой любимого члена семьи на старом пикте, а потом я меняю лицо. Этого вполне достаточно. Семьи всегда рады воссоединиться таким способом, в последний раз.»

«Как вы точно воспроизводите детали униформы?» спросил Гаунт.

«Если честно,» сказал Жайме, «на большинстве пиктов, которые мне дают для работы, люди не в парадной униформе, или некоторые униформы просто не слишком... неотразимые. Героические, если хотите. Семьи всегда настаивают, чтобы их возлюбленные выглядели настолько лихо и воинственно, насколько возможно.»

«Значит, вы приукрашиваете?» спросил Гаунт.

«Я изготавливаю память, сэр,» сказал Жайме. «Я даю своим клиентам память о том, как все должно было быть.»

Вошла Крийд. Она огляделась и присвистнула.

«Чисто?» спросил Гаунт.

Она кивнула, и подробно изложила план дома. Пока она говорила, она прошла вдоль вешалок с вещами, и попыталась надеть шапку драгуна с плюмажем.

«Как я выгляжу?» спросила она.

«Ошеломительно аутентично,» кисло ответил Гаунт. «Ты нашла кухню?» Он бросил взгляд на Жайме. «У вас есть какая-нибудь еда?»

«Да, конечно. Не много, но--»

«Когда это закончится,» сказал Гаунт, «Муниторум все вам возместит.»

«Сэр, могу я спросить,» сказал Жайме, «а 'это' – это что?»

Гаунт пошел на кухню с Крийд. Он был в плохом настроении. Он не был уверен, было ли это реакцией на дешевые фантазии Жайме, или на воспоминания о девятом дне, которые были вызваны, так неожиданно, потертым изображением.

Вне публичных мест, дом Жайме был грязным и заброшенным. Кухня была тихим ужасом. Молоко и яйца, которые они нашли, были протухшими, хотя у Гаунта было предчувствие, что всё молоко и все яйца в городе были протухшими, так же как все часы остановились.

Здесь было, по крайней мере, немного хлеба, немного восстановленной колбасы, немного соленой капусты, и запасы приличного супа и кофеина.

«Он живет в этих комнатах, как неряха,» сказала Крийд, пока они вместе готовили еду.

«Я думаю, что индустрия смерти на Балгауте сама умирает,» ответил Гаунт, нарезаая лук в бульон. «Мистер Жайме настаивает на другом, но я не думаю, что это еще приносит много денег. Только скорбь длится столь долго. Когда она заканчивается, остается только пустота, а пустота не нуждается в надгробных плитах или памятных портретах.»

«Скорбь длится долго,» сказала она. В ее глаза стояли слезы.

«Тона?»

Она засмеялась.

«Это лук,» сказала она.

«Я знаю, что это не так,» сказал Гаунт, и скинул лук с доски в кастрюлю кухонным ножом.

Маггс проснулся. Лихорадка в нем каким-то образом исчезла.

«Почему мои руки связаны?» спросил он. «Почему моя голова болит, как ублюдок? Эй, кто порезал мне руку? Болит!»

Крийд принесла тарелку горячего супа. «Съешь это. Не задавай вопросов.»

«Но у меня связаны руки, Тона. Ну же.»

«Как и мои, в гораздо более метафорическом смысле. Ты хочешь есть? Будь изобретательным.»

«Как он?» спросил Гаунт Колдинга.

Колдинг был так занят уничтожением супа и хлеба, что у него запотели очки.

«Заклученный?» спросил он, жуя.

«Да, доктор.»

Колдинг опустил свою тарелку, глотая. Он посмотрел на заключенного, спящего на ближайшем диване. Маббону удалось съесть немного супа и хлеба перед сном.

«С ним поразительно... *хорошо*. Лихорадка исчезла. Я признаюсь, что это изменение к лучшему.»

«И, очевидно, не имеет ничего общего ни с каким ритуалом.»

«Ну, *очевидно*,» сказал Колдинг, поднимая ложку.

Гаунт с Крийд съели свои суп и хлеб, сидя под светом перед *Балополисом*.

«Вы были там, так ведь?» спросила она с набитым ртом, кивая на фон.

«В другой жизни.»

«Там было настолько плохо, как говорят?»

«Я не знаю,» ответил Гаунт. «Как говорят?»

«Что было плохо,» ответила Крийд, запихивая ложку с супом в рот, как будто было соревнование, кто первым закончит.

«Значит все так и должно было быть,» сказал он.

Он откинулся на диване, и долго пристально смотрел на фон.

«Это было что-то,» наконец сказал он.

«Хуже, чем мы повидали?» спросила она.

«Конечно, нет. С Призраками я прошел через плохое, и хуже, и еще хуже. Балгаут был, всего лишь, сражением. Они все просто сражения. Балгаут был большим сражением. *Большим* сражением. *Естественно* он вонзился мне в память. Но это не определяет меня.»

Крийд уставилась на него. «Ох, я думаю, что определяет.»

«Что?»

«Я думаю, что Балгаут был адом на палочке, и я думаю, это значит для вас, потому что Слайдо значил для вас больше, чем вы хотите признать. Я думаю, что Балгаут – это старая рана для вас.» Гаунт засмеялся.

«Я серьезно,» продолжила она. «Вы достигли огромной победы для Магистра Войны здесь, на Балгауте. Вы и Хурканцы? Врата Олигархии, а затем Башня Плутократов? Алло? И что он сделал для вас? А? Он умер, вот, что он сделал.»

«Все произошло не так,» сказал Гаунт.

«Но, *фактически*, так все и произошло,» ответила Крийд, поставив пустую тарелку. «Вы и Хурканцы сражались, как фурии для Слайдо, но, когда пыль осела, он был мертв, а на вершине появился новый Магистр Войны. Вас пропустили. Похлопали по спине и отправили на какой-то захолустный лесной мир, где--»

«Все было не так.»

«Разве?» спросила она.

«Хурканцы были с честью награждены. Я был награжден. Мой собственный отряд.» Крийд печально улыбнулась. «Вы были лучшим Слайдо. Его фаворитом. Вы должны были стать его приемником. Его помазанником.»

Гаунт снова рассмеялся. «Ты понятия не имеешь, о чем говоришь, Тона.»

«Может быть, я не слишком хороша в плане чтения книг или официальном обучении,» ответила она, «но, когда вы стали моим командующим офицером, я решила узнать вас. Я изучала. Вы отличились у Врат и отличились у Башни. Насколько Макарот старше вас?»

«Магистр Войны?» спросил Гаунт. «Я думаю, лет на семь.»

«Не слишком много. Два молодых человека. Два молодых протеже. Не слишком большой выбор между вами. Как братья, наследники. Слайдо умер. И в смерти, только в смерти, Макарот сменил его.»

«Это было совсем не так,» усмехнулся он. «Макарот был высшим командиром. Я был просто комиссаром.»

«Слайдо любил вас,» ответила она. «Подумайте, как он поддерживал вас. Он отдал вас левый фланг, у Врат. Да, я читала послужной список. Запомнила его. Он предоставил вас левый фланг у Врат, не потому что это был легкий путь, но потому, что он доверял вашим способностям. Вы взяли две невозможные преграды. Бах, бах! Макарот принял командование штурмом Балополиса только потому, что все над ним по званию были мертвы.»

«И он, все-таки победил,» сказал Гаунт.

«И вы бы тоже победили, на его месте. Вы когда-нибудь встречали его?» Гаунт посмотрел на нее.

«Макарота?»

«Да, Макарота, нашего возлюбленного Магистра Войны.»

«Нет.»

«Что, никогда?»

«Никогда.»

«Значит, это не он отослал вас на какой-то захолустный лесной мир, где--»

«Нет!» резко бросил Гаунт.

«Просто спрашиваю,» улыбнулась Тона.

«Не надо,» сказал Гаунт.

«Час или два там,» сказала она, повернувшись, чтобы указать на изображение города, «час или два прямо *там*, вы были на грани от становления Магистром Войны.»

«Это не правда.»

«Да, правда.»

«Нет.»

«На самом деле, да.»

«Крийд. Хватит!»

«Слушайте,» сказала она, вставая с дивана, «кто был очевидным приемником Слайдо? Сайбон? Дравере? Блэквуд? Они все были старыми, пожилыми людьми. Он отдал это Макароту. Слайдо был абсолютно готов отдать магистрство кому-то молодому и менее квалифицированному, чем это предполагает стандартная цепь командования. Макарота выбрал случай. Вы могли стать Магистром Войны! Вы *должны* были!» Гаунт отвернулся. «Тебя там не было,» сказал он.

Она смотрела на него. Он на мгновение уставился на пол, а затем посмотрел ей в глаза.

«Тебя там не было,» повторил он. «Я аплодирую твоему воображению, но все было не так. Верь, во что хочешь, единственная вещь, которую тебе, на самом деле, нужно знать это: я бы никогда не упустил шанс стать командиром Призраков. Танитцы, Вергхастцы, Белладонцы, это была честь служить рядом со всеми ними.»

Оба обернулись, когда Маггс закричал в другой комнате. «У него нож!» кричал Маггс.

Гаунт с Крийд вбежали в приемную комнату. Этогор был на ногах, держа ритуальный нож. Колдинг с Жайме, оба вскочили и пятились. Маггс сидел прямо на своем диване, держа связанные руки перед собой, как будто молился.

«У него нож!» сразу крикнул Маггс, когда увидел Гаунта. «Где он взял нож?»

Гаунт уставился на Маббона. Он не был уверен, откуда у заключенного оказался ритуальный нож.

Возможно, Гаунт просто забыл забрать его у него в здании. Это была оплошность, простая оплошность.

Все, что имело значение, что заключенный собирается с ним делать.

«Отдай его мне,» сказал Гаунт. «Отдай его мне или брось.»

Заключенный ничего из этого не сделал. Крийд выхватила лазерный пистолет и нацелила его, держа двумя руками, на заключенного.

«Делай то, что он сказал тебе сделать,» сказала она.

Гаунт поднял руку, чтобы успокоить Крийд.

«Дай мне нож,» снова сказал он.

«Я не собираюсь никого ранить,» ответил Маббон. «Вы подумали, что я собираюсь кого-то ранить? Нам просто нужно себя обезопасить здесь.»

«Ножом?»

«Ведьма будет нас искать,» сказал этогор, смотря прямо на Гаунта. Казалось, что все признаки лихорадки оставили его. На розовой шрамированной коже его лица был здоровый румянец. «Это недалеко, так ведь?»

«Что?»

«Это недалеко от места, где мы раньше прятались, так ведь? Я не очень помню. Я все еще был в бреду, когда мы перемещались. Я не помню, сколько времени понадобилось.»

«Нет, недалеко. Пара улиц от того места,» сказал Гаунт.

«Ведьма будет искать нас. Мы стряхнули ее, заставили потерять запах, но она возобновит свои попытки. Я собирался скрыть нас. Где кровь?»

«Кровь?» спросил Гаунт.

«Кровь, которую вы взяли у меня и своего человека.»

Гаунт посмотрел на Колдинга. «Она еще у вас, так ведь, доктор?»

«Да,» сказал Колдинг.

Доктор вытащил емкость. Маббон взял ее и пошел к входной двери студии. Крийд метнула вопросительный взгляд на Гаунта, но Гаунт покачал головой.

У двери, Маббон использовал ритуальный нож, чтобы нацарапать сложный символ на дереве порога, символ, на который Гаунт не хотел смотреть слишком близко. Затем Маббон заполнил царапины кровью из емкости.

Методично, он повторил процесс на подоконниках окон здания, и порогах задних и передних дверей.

«Это скроет нас от нее, по крайней мере, на несколько часов,» сказал он. Он отдал емкость Колдингу, который осторожно следовал, чтобы посмотреть на работу, а затем отдал нож Гаунту.

Гаунт взял его и положил обратно в карман пальто.

«Еретическая магия,» пробормотал Колдинг и пошел, чтобы положить емкость назад в свою сумку.

«Именно,» произнес Маббон.

Гаунт смотрел на последние часы ночи. Небо над Старой Стороной стало странного, бледного цвета, а снегопад ослаб впервые за последние два дня. Гаунт начал, вопреки своей натуре, ассоциировать снежную бурю с силой ведьмы, противостоящей им. Ослабление бури предполагало, возможно совершенно неправильно, упадок ее сил и влияния.

«Что думаешь?» спросил он Крийд.

Они сидели у окна в приемной комнате, попивая кофеин. Маббон вернулся ко сну, а Колдинг с Жайме впали в какое-то подобие дремоты. Маггс лежал на диване с широко раскрытыми глазами.

Гаунт провел несколько последних минут, рассказывая свою идею Крийд.

«Это не великолепный план,» признался он.

«Нет,» согласилась она.

«Лучший, что у меня есть.»

«Вы доверяете ему?»

«Своей жизнью. Мне просто жаль, что придется идти тебе вместо меня. Мне нужно оставаться с заключенным, и мы не можем доверять Маггсу.»

Она кивнула. «Имеет смысл. Я могу туда быстро добраться.»

«Нам будет нужно переодеть тебя из запасов Мистера Жайме.»

«Серьезно?» спросила она.

Он кивнул. «Ты не войдешь без этого. И ты знаешь, что говорить?»

«Я знаю, что говорить. Что случится, если я не вернусь по... по любой причине?»

«Я все еще буду там.»

Крийд посмотрела на него. «Это слишком большой риск.»

«Так же, как большой риск этого не сделать. Нам нужно, чтобы все закончилось. Возможно, будут все типы факторов, мешающих тебе вернуться. Я буду там.»

«А если это полное фесово дерьмо?»

«Я пробью себе путь из этого,» сказал Гаунт.

С маленькой сумкой с одеждой из запасов Мистера Жайме на плече, Крийд покинула студию на Карнейшн Стрит прямо перед рассветом. Гаунт наблюдал, как она бежала по тихим, пустым улицам, где снег прекратил падать.

Он надеялся, что прекращение снегопада было хорошим знаком.

Он надеялся снова ее увидеть.

Он не был уверен в обеих этих вещах.

ДВАДЦАТЬ ЧЕТЫРЕ

Отпор

Сначала стало темно, затем последовал треск горячего белого шума, когда люди Ксони вывели из строя системы электронного подавления клуба и повредили связь.

«Работа электромагнитного заряда, и пара секунд с тонкогубцами,» сказал Лейр с завидным восхищением. «Ничего особо сложного, но они знают, что делают.» Красная темнота заполнила клуб и, из-за отключения энергии, системы циркуляции воздуха остановились.

Очень быстро стало жарко и душно. Они могли чують пропитанные пивом ковры и дерьмо певчих зябликов. В мониторинной комнате, экраны, питающиеся от батарей, наполнились статикой, подобно снежной буре.

Когда это началось, снаружи снегопад прекратился, и Роун решил, что это ирония.

В красной темноте, они ждали звуков ломаемых дверей. Погрузочная площадка была открыта, потому что они видели приближающихся людей на мониторах. Если они приближались по погрузочной площадке, значит, у них, так же, был доступ к восточной стороне здания.

«Крыша,» сказал Лейр.

Мерин посмотрел на разведчика. «Думаешь?»

Лейр бросил взгляд на Элоди.

«Где главная распределительный ящик для ваших камер и связи, мисс?» спросил он.

«Позади главной трубы вытяжки на крыше,» ответила она.

«Значит, вот куда они направились, чтобы поработать тонкогубцами, поэтому на крыше тоже кто-то есть,» сказал Лейр.

«Люки? Доступ на крышу?» спросил Варл.

«Я могу показать вам,» сказала Элоди.

«Просто расскажи ему,» твердо сказал Даур.

Элоди описала план верхнего этажа, и Варл с Кантом ушли.

«Что теперь?» спросила Элоди.

«Просто стой офесенно тихо,» сказал ей Мерин.

«Почему?»

«Потому что он прислушивается,» ответил Мерин, указывая в темноте на Роуна.

Силуэтом в красной темноте, Роун стоял, наклонив голову.

«Металлическая пила,» наконец сказал он, «переносная. У задней двери. Хочешь прикрыть ее для меня, Мерин? Я уверен, что Лейр поможет.»

Мерин кивнул и встал. Лейр пошел за ним, с огромной винтовкой на плече.

«Капитан?» спросил Роун.

«Да, сэр?» ответил Даур.

«Возможно, ты и Бэнда прикроете передний вход?»

«Понял,» сказал Даур.

«Ты собираешься просто сидеть здесь и позволить нам сделать всю работу?» спросила Бэнда.

«Нет,» ответил Роун.

При своей подготовке к первоначально эффективному, но полностью катастрофическому, набегу на «У Золандера», Роун изучил все планы места, до которых смог добраться. Он заставил Мерина, Варла и Канта посетить архив Муниторума на Регнум Хан Авеню, и Библиотеку Архитектуры Олигархии на Площади Салпедер, чтобы раздобыть общедоступные записи и сделать дешевые копии на грязной бумаге.

Кант показал необычную склонность к копированию схем с поразительной криминалистической точностью. Роун даже вытащил пару вещей из городских данных.

Он смешивал и сравнивал. Он перекрывал. Он накладывал, работая, чтобы выяснить наиболее свежий план здания клуба.

Он спланировал это, и его маленький круг осуществил это, с тем же самым вниманием к деталям, как он планировал любую из операций. Он использовал тот же самый навык, который сделал его награжденным майором в Имперской Гвардии, тот же самый навык, который вводил его и выводил из специфических мест, таких как Хагианский Доктринополис, и Гереон, и из проблем в целом. Он определял лучший вход и лучший выход, и как достать транспорт и подделать униформу.

Он сделал все это не из-за того, что беспокоился, как бы разбогатеть. Роун сделал это, потому что ему становилось чертовски скучно.

Наиболее полезные схемы нашлись в Архиве Реконструкции Балополиса, который каталогизировал все послевоенные здания, перестроенные и восстановленные. Группа подуличных построек, теперь известных, как «У Золандера», когда-то была отчасти успешной столовой. Во время войны в ее восточную стену попали два противотанковых снаряда, и основная ее часть выгорела или была разграблена.

Роун узнал, как прошло восстановление. Он узнал, что «У Золандера» сохранились старый грузовой и передний входы, и добавились служебные ворота с восточной стороны за время восстановления.

Урбано, или один из его криминальных подельников, заблокировал и запечатал служебные ворота, когда они заняли это место, и превратили его в клуб, который они могли отмыть за пару лет перед продажей. Они хотели минимизировать количество входных точек, что имело смысл с точки зрения безопасности. Роун сам бы так поступил, если бы управлял этим местом.

Тем не менее, это была скрытая уязвимость. Это не было так, словно Урбано или такой, как он, на самом деле заложили кирпичами служебные ворота. Они, все еще, были там.

Изучая схемы перед своей изгоняющей скуку операцией, Роун заметил служебные ворота, и серьезно воспринимал их, как вариант. В конце концов, он пошел другим путем, путем «Бан Даур такой невинный, что держит голубиное гнездо в своей шляпе».

Роун знал, что никогда не стоит недооценивать своего оппонента. Он был совершенно уверен, что Лев Ксони, человек, которого он никогда не встречал, не говоря уже о том, что слышал о нем, был тем еще ублюдком, и притом умным. Если уж Роун знал о служебных воротах, значит Лев Ксони тоже знал о служебных воротах, если предположить, что у него было врожденное собачье чутье.

Ради безопасности, Роун просто предположил, что Лев Ксони подходил к проблеме «У Золандера» так, как это сделал он.

Вот почему он взял свое оружие и пошел прикрывать служебные ворота.

На верхнем этаже Варл шикнул Канту. Он мог слышать людей,двигающихся на крыше, делающих тайные крысиные звуки, шарканья и царапания. Это неприятно напомнило Варлу о верхних галереях Хинцерхауса, куда забирался Кровавый Пакт из пыли гор, на бастиионы, чтобы вскрыть металлические казематы. Он держал свой дробовик наготове, пристально смотря вверх. В темноте было душно. Он бы сейчас многое отдал за пару очков ночного видения или прицел, как у Безумного Ларкина.

Перед ним появился свет. Бледная голубая лента света начала двигаться наклонно с крыши, широкая и тонкая, как лист бумаги. Это было словно святое зрение, луч призрачного, божественного света, проникающего с высоты в адскую темноту душного здания.

Кто-то открывал люк, и мягкий холодный зимний свет пронзал тьму.

Кант тоже его увидел. Он занял укрытие в коридоре недалеко от Варла, присев за жардиньеркой, на которой стоял мертвый папоротник в стеклянном цветочном горшке.

Лестница из голубого света расширилась. Варл почувствовал первое влажное дуновение снега в воздухе, просто намек в душной теплоте. Раздался приглушенный грохот, и свет значительно увеличился.

Они просто слишком сильно раскрыли люк, подумал Варл, и весь снег с него резко упал на крышу. Люк был заблокирован, а теперь нет.

Варл услышал, как первый человек готовится прыгнуть. Он привлек внимание Канта жестом, и подал сигнал ему не стрелять, пока у них не будет, по меньшей мере, две цели.

Обрамленная бледным, холодным зимним светом, темная фигура начала слезать из люка. Незванный гость пытался действовать тихо, но это была ужасно неуклюжая попытка. Кто-то еще, очевидно, был на крыше, держа веревку или опуская его на руке. Это был самый офесенно ужасный ход, который Варл видел за долгое время. Он осознал, что, они, может быть, и имеют дело с жестокими, плохими людьми, но Призраки не имеют дело с компетентными, профессиональными солдатами.

Любой приличный Гвардеец или экс-Гвардеец знал бы, что наиболее быстрым и тихим способом войти через люк в потолке, было бы просто повиснуть на руках, а затем просто прыгнуть. Люк не был особенно высоко. Спуститься, повиснуть, прыгнуть: быстро и просто.

Забудьте о болтании ногами, пытаюсь нащупать опору.

«Ох, ради феса,» сказал Варл, «на это слишком больно смотреть.» Он поднял дробовик, и пристрелил вторженца единственным выстрелом. Грохот был ошеломительным, а резкие фуцелиновые пары ударили ему в ноздри. Незванный гость был брошен по воздуху с такой силой, что потащил за собой человека. Второй человек рванул вперед, потянутый веревкой, и ударился лицом о край люка с таким жутким ударом, что Варл вздрогнул.

Оба человека приземлились в коридоре под люком спутанной, недвигающейся кучей.

Варл передернул затвор, чтобы загнать свежий заряд в патронник.

Затем кто-то, третий человек, которого ни Кант, ни он еще не видели, начал стрелять сквозь люк из тяжелого стаббера.

Мерин с Лейром, у грузового входа, слышали, как наверху началась стрельба. Они знали, что ни у Канта, ни у Варла не было достаточно тяжелого стаббера, чтобы производить такой характерный грохот, но ничего не могли с этим поделать.

Маленькая металлическая пила только что закончила с замком на двери погрузочной площадки.

Тяжелая дверь открылась внутрь, медленно на своих петлях, и кто-то залил лазерным огнем щель в качестве аперитива. Мерин с Лейром заранее расположились за крепкими несущими стенами, и лазерные заряды прошлепали по каменной кладке.

Второй поток выстрелов последовал вслед за первым, а затем первый незванный гость пошел в атаку.

У Лейра не было угла, чтобы выстрелить в дверной проем, поэтому он выстрелил в саму дверь. На коротком расстоянии, массивная пуля из винтовки со скользящим затвором помяла металлическую дверь, и бросила ее со значительной силой на входящего человека. Мерин услышал визг от боли и проклятия. Один из вторженцев пинком раскрыв дверь, но до того, как он смог сделать выстрел, Мерин свалил его двумя уверенными выстрелами в тело из своего лазгана.

Кто-то снаружи выпустил еще один, длящийся намного дольше, поток лазерного огня через дверь, заставив Мерины спрятаться за укрытием. Заряды прожгли воздух рядом с его лицом, едва не задев.

Лейр попытался повторить свой трюк с ударом по двери винтовочной пулей, но тело человека, которого свалил Мерин, заблокировало ее.

Еще один долгий поток лазерного огня полился внутрь. Лейр сделал жест Мерину *притворимся мертвыми*. Они были окутаны красноватой тьмой, а плывущий дым от выстрелов и кирпичная пыль высасывались наружу в холодную ночь. В дверном проеме был мягкий, естественный свет наружного мира, проникающее серое излучение, которое казалось Мерину с Лейром таким же ярким, как свет от полной луны. Инстинктивно, они закрывали глаза каждый раз, когда начинал литься лазерный огонь, чтобы минимизировать последствия от вспышек, и сохранить свое ночное видение.

Дверь, возможно подталкиваемая дулом лазерного оружия, начала провокационно открываться.

Она двигалась медленно, заставляя предположить, что соблазнительная цель сейчас появится. Это был старый трюк, и оба Призрака знали это, поддразнивание, чтобы убедить их выстрелить и обнаружить себя. Молодой или неопытный стрелок соблазнился бы выстрелить, даже хотя если бы не было реальной цели, которую можно подстрелить.

Он бы выстрелил и выдал себя.

Люди снаружи не были уверены, что их щедрая стрельба из лазгана убила кого-нибудь из защитников за дверным проемом, и они хотели быть достаточно уверенными перед входом внутрь.

В обычных обстоятельствах, это был просто вопрос сопротивления поддаться искушению раннего выстрела. Вам нужно залечь и быть тихим примерно в десять или двадцать раз дольше, чем это чувствуется правильным. Вам нужно ждать, что ощущается, как бесконечность, кровь стучит в ваших висках, как вода о шлюз. Вам нужно иметь терпение статуи, терпение из стали-и-бархата игрока в карты, который может сдерживать свои нервы намного дольше за точкой, где любой другой сбросит или вскроется.

Мерин с Лейром были частью внутреннего круга Роуна по двум главным причинам. Первой причиной было то, что никто из них не выказывал глубочайшего уважения к правилам и нормам. Другой было то, что они оба были великолепными игроками в карты.

После того, что чувствовалось, как вечность, вечность, в которой солнца могли бы родиться и снова умереть, а династии рептилий и млекопитающих могли бы возникнуть и исчезнуть, силуэт медленно появился в дверном проеме, черный на фоне серого. Мерин с Лейром не двигались.

Они не двигались, когда далее появился второй силуэт. Он перешагнул тело в дверном проеме.

Появился третий силуэт.

Великолепный игрок в карты знает, что можно повышать ставки только до этого момента.

Винтовка Лейра гроыхнула, как гаубица в тихой темноте, и выбросила третью фигуру через дверной проем на погрузочную площадку. Человек просто исчез, как будто дикая декомпрессия всосала его в дверной проем.

Мерин не тратил заряды впустую. Первый и второй человек были перед ним на одной линии, и расположены близко.

Мерин знал, что на таком расстоянии лазерный заряд из винтовки может пройти сквозь два тела так же легко, как и через одно. Не было необходимости стрелять в автоматическом режиме. Он выстрелил, и свалил сразу обоих, как одного, уронив их в клубке конечностей, когда они вцепились друг в друга в напрасной попытке поддержать другого.

Наступила тишина. За дверью ничего не шевелилось. Лейр медленно и тихо открыл свою винтовку и загнал в патронник еще одну массивную пулю.

Он с Мерином снова будут ждать, просто, чтобы убедиться.

Замки на красной входной двери «У Золандера» выбили второй раз за три дня. Бэнда с Дауром позволили трем людям, которые вошли, проделать весь путь внутрь по коридору, а затем наполнили нижний холл перекрестным огнем из дробовика и лазерной винтовки. Все было кончено менее, чем за десять секунд.

Позволив Дауру прикрывать ее из лазерной винтовки, Бэнда поскользился вдоль холодной стены коридора к входной двери, держа дробовик опущенным сбоку. Она обошла троих мертвых на полу коридора, один из которых все еще дергался.

Она почувствовала холодный ночной воздух у себя на лице, и проверила улицу. Снаружи никого не было, всего лишь несколько следов на ступенях, на снегу.

Огонь стаббера с верхнего этажа неистово грохотал, похоже, как на швейные машины грохотали по двору из швейной, в ночь, когда она пришла на собеседование.

Это звучало плохо.

Позади нее, в холодном коридоре, Даур услышал кое-что еще, что звучало хуже.

Элоди закричала.

Варл бросился назад, чтобы избежать выстрелов, которые проделывали дырки в крыше. Облака черепичной пыли и расколотого дерева сыпались с крыши; стабберные заряды оставляли огромные рваные дыры на ковре. Он выстрелил из дробовика в крышу, и сам сделал огромную дыру, со всеми осколками, полетевшими скорее наружу, чем внутрь. Варл попытался прикинуть угол, и выстрелить туда, где должен был находиться человек, если бы он сам стрелял из оружия, которое оставляло дырки.

Кант открыл огонь из своего старого пистолета-пулемета, и просто прочесал утеплитель крыши содержимым целой обоймой.

Когда он закончил, наступила тишина: тишина, за исключением кучи пыли, и грохота обломков, падающих сверху. Кант с волнением менял обойму, не осознавая, что он уже совершил убийство.

Человек со стаббером, вместе с внушительным количеством снега и большим количеством разбитой черепицы, провалился вниз, когда гниющие и хрупкие старые балки, которые Кант распилил своими выстрелами, сдались. Ударная волна от падения и порыв холодного воздуха бросили пыль им в лица.

Варл закашлялся и сплюнул, и послал еще два выстрела в тело, перекрученное в обломках крыши. Фес был, вероятно, мертв, но он доставил Варлу беспокойство, а Варл любил принимать такие вещи близко к сердцу.

Варл посмотрел на Канта и сплюнул еще больше густой от пыли слюны.

«Ты видишь?» спросил он. «Иногда ты можешь, разве не так?»

Кант оскалился. «Ага, могу, на самом деле,» сказал он.

Роун добрался до сервисных ворот, но они были закрыты. Не было никаких признаков, что кто-то пытается открыть их силой снаружи.

Он задумался, озадаченный. Оружейный огонь грохотал по клубу позади него, особенно на верхнем этаже. Он был озадачен. Он был уверен, что основной удар придется от ворот. Это то, что бы сделал он.

Может быть, у Лева Ксони просто не было сообразительности, которую Роун приписал ему.

Сервисные ворота были большими, усиленными дверями в восточной стене клуба, закрытыми на большие засовы с висячими замками. Пока они не использовались, территория перед ними использовалась в качестве склада, и ящики с выпивкой стояли здесь.

Роун сузил глаза и снова присмотрелся. Стопки ящиков были частично отодвинуты, сдвинуты в сторону, чтобы дверь можно было свободно открыть.

Они были специально отодвинуты в сторону. Ключи к висячим замкам были оставлены на одном из ящиков.

Теперь он понял. Он понял, ясно, как день.

Ксони ожидал, что кто-то впустит его.

Роун взял ключи. Он решил, что это может быть и он.

Зомат, громила, прижал лазерный обрез к горлу Элоди. Певчие зяблики сходили с ума в своих клетках, дико порхая, как перезаведенные игрушки с заводным механизмом. Некоторые так сильно врезались в решетки, что оглушили себя, и упали основания клеток.

«Что ты делаешь?» закричала Элоди, чувствуя оружие, прижатое к горлу. «Что ты делаешь?» Она освободила Зомата, чтобы он мог помочь им. Если Лев Ксони пришел за их головами, им нужны были все стволы, которые смогут собрать. Она разрежала липкую ленту, которая приковывала его к стулу.

Фактически она сказала, «Мы все в этом.»

Видимо, Зомат смотрел на это все совершенно по-другому.

Он схватил ее, и держал ее, пока выуживал лазерный обрез из магнитного держателя под барной стойкой. Элоди даже не знала, что у Урбано там запасной.

«Заткнись,» сказал ей Зомат. Он обхватил рукой ее шею и прижал свое оружие к ее голове. Он начал тащить ее в направлении коридора, который вел к сервисным воротам.

«Что ты делаешь?» снова крикнула она, борясь. Несмотря на реальную угрозу оружия, она отказывалась сотрудничать.

«Ради Трона, Зомат! Я понимаю, что они связали тебя, но Ксони послал ударную группу против нас!»

«Я знаю,» сказал Зомат.

Элоди поникла и прекратила сопротивляться. Теперь она поняла.

«Ах, ты ничтожный сукин--» начала она.

Даур появился в дверном проеме салона напротив них. Он бросил свою лазерную винтовку на пол, и вытащил лазерный пистолет. Они смотрели друг на друга в красной темноте обесточенного салона.

Зомат прижал Элоди, так крепко, что она хватала воздух. Он сделал из нее щит, приставив оружие к ее голове.

«Отвали!» предложил он.

Даур сделал шаг вперед, и навел пистолет, держа его крепко.

«Отпусти ее,» сказал он громиле.

Зомат живописно описал, что может сделать Даур, при условии, что он найдет несколько специальных сельскохозяйственных приспособлений, некоторое количество домашнего скота, и способы контактов с пожилой родственницей в заключении.

«Он в этом замешан!» взвизгнула Элоди.

«Заткнись,» рявкнул Зомат, сдавив ей шею предплечьем.

«Ты в этом замешан?» спросил Даур. «Ты что, внедренный? Фес, ты, должно быть, загаковал, когда мы вернулись и привязали тебя к фесовому стулу.»

«Это было препятствие,» согласился Зомат. «Но, когда я не открыл дверь, Лев пришел старым проверенным способом, и это означает, что вы все окажетесь в мешках для трупов.»

«Если Лев сунется сюда,» сказал Даур, «он сделает самую большую ошибку в своей жизни. Поэтому отпусти ее. Сейчас же.»

Зомат помотал головой и сильнее прижал Элоди.

«Ты дашь мне уйти, или, я клянусь, я снесу ей голову.» Даур полупожал плечами.

«Вообще-то, она не столько значит для меня, поэтому это не такая уж и угроза. Делай, что хочешь.» Глаза Элоди расширились.

«Я не шучу!» воскликнул Зомат.

«Я тоже,» сказал Даур, прицеливаясь. «На самом деле, она так мало значит, что я могу просто пристрелить тебе через нее и покончить с этим. Нас учили делать так, разве ты не знал? Штуки стрелков-специалистов. Я знаю, где цели мягкие, понимаешь, места, где в теле нет кучи костей. Я могу выстрелить в такое место, и заряд чисто пройдет в тебя. С таким же успехом ты можешь прятаться за шторой.»

«Ты дашь мне уйти!» крикнул Зомат.

«Живот, например,» сказал Даур, наводя оружие.

«Святой Трон!» завопила Элоди.

Зомат заревел, и навел лазерный обрез на Даура вместо Элоди.

Даур сделал один выстрел.

Лазерный заряд разнес лоб Зомата, и опрокинул на спину. Он все еще держал руку вокруг шеи Элоди, и она полетела вместе с ним.

Даур рванул к ней и поставил на ноги.

«Ты в порядке?»

«Что это была за чертовщина?» закричала она. «Мягкие цели?»

«Успокойся!»

«Я ничего для тебя не значу?» Ее глаза смотрели в разгневанном неверии. Еще несколько секунд был шок. Сбоку на лице Элоди были капли крови от взрывной кончины Зомата.

«Слушай!» убеждал Даур, пытаясь вытереть капли крови, «у меня был хороший выстрел в голову. Прямо над твоим плечом. Я просто нужно было, чтобы он убрал оружие от твоей головы на случай, если он спустил курок от конвульсий, когда я сниму его. Мне нужно было, чтобы он сменил цель.»

«Ты собирался меня тоже пристрелить!»

«Нет!» крикнул в ответ Даур.

«Ты сказал, что собирался!»

Бан Даур осознал, что они слишком возбуждена, чтобы принять любое из его объяснений и успокоиться.

Поэтому, вместо этого он поцеловал ее.

Роун откинул последний засов и открыл служебные ворота. Три человека, ожидавших снаружи, начали идти к нему, но затем остановились с удивлением.

Роун мимоходом, но спокойно, навел на них потрепанную лазерную винтовку Кровавого Пакта. Вся троица была вооружена, но они мгновенно поняли, что поднятие оружия было предсмертным решением.

«Кто из вас Лев Ксони?» спросил Роун. Он отлично знал, что это был слегка лысеющий, румяный человек в центре, потому что он опознал в нем того, кого Элоди указала на пикте. Тем не менее, он чувствовал себя игриво.

«Эм... я,» сказал Ксони.

«Вы выбрали очень, очень плохую ночь, чтобы сделать это, Ксони,» сказал Роун, и пристрелил остальных двоих.

Ксони побелел и начал дрожать.

«Отбросьте оружие в сторону,» сказал ему Роун. Ксони повиновался.

«Теперь затащите этих двоих внутрь за ворота и закройте на засовы.»

Ксони сделал так, как ему сказали. Когда он закончил, он посмотрел на Роуна.

«Кто вы?» спросил он.

«Идем,» ответил Роун, и показал своим оружием.

Роун провел Ксони в салон. На крыше, Варл только что восстановил подачу энергии, и лампы снова замерцали, включаясь. Роун услышал, как системы циркуляции воздуха тоже включаются, и почувствовал, как начало ослаблять запахи страха и пота, оружейного дыма, крови и птичьего дерьма. Воздух начал охлаждаться.

Бэнда присматривала за передней дверью. Даур успокаивал Элоди у бара. Роун поднял бровь. Он точно знал, к чему такое успокаивание может привести человека.

Лейр вернулся из задней части.

«Сзади безопасно,» сказал он. «Нам пришлось снова заблокировать дверь.»

«И никто не валяется снаружи мертвым?» спросил Роун.

«Люди, кто вы, ради Трона?» пробормотал Ксони.

«Мы затащили всех жмуриков внутрь перед тем, как закрыли дверь,» сказал Лейр.

Роун кивнул.

«И никого не продырявили?»

«Варл с парнем докладывают, что они тоже целы, значит нет,» сказал Лейр.

«На какую контору вы работаете?» взмолил Ксони. «Вы не из парней Урбано. Слушайте, я могу заплатить вам. Хорошо заплатить!»

«Почему ты сохранил ему жизнь?» крикнула Бэнда от переднего входа, кивая в сторону пленника Роуна.

«Гарантия,» ответил Роун.

«Пожалуйста, вы с какой конторой?» умоляюще спросил Ксони.

«Танитский Первый и Единственный,» сказал Роун.

Ксони заморгал. «Кто?»

«Что вы имеете в виду под ‘гарантией’?» спросил Даур.

Роун пожал плечами.

«... Ксони... как там это слово?»

«Контора?» спросил Лейр.

Роун сел у бара и налил себе сакры.

«Контора Ксони решила, что сегодняшняя ночь - это ночь, когда они захватят «У Золандера». Сейчас, я только предполагаю, потому что я понятия не имею, какие у них ресурсы, но я думаю, что если эти не вернуться, тогда, может быть, контора пошлет еще одну ударную группу, и еще одну, и, может быть, даже еще одну и, откровенно, к тому времени, у меня лопнет терпение от всего этого. Поэтому, мы будем держать Мистера Ксони живым на случай, если нам придется вести переговоры. Лейр, примотай его печальную задницу к стулу. Мамзель?» Роун смотрел на Элоди.

«Что?»

«Не освобождайте этого, хорошо?»

Элоди кивнула.

Роун сделал глоток сакры. Легкая улыбка тронула его губы.

«Что?» спросила Бэнда.

Роун вздохнул.

«Если подумать,» спокойно сказал он, держа свою стопку напротив света, «вся эта фесова затея была плохой мыслью. Я знаю. Я признаю факт. Я признаю, что совершил ошибку. Операция, суматоха, быть арестованным, все это, было неправильным фесом с самого начала. Мы все еще, все мы, в очень плохом, темном месте, и

единственный проблеск надежды исходит из задницы Виктора Харка. Это, вы согласитесь, мрачная перспектива.»

Он сделал еще глоток.

«Но, знаете что?» спросил он. «Если вы думаете о том, почему мы все сделали это, что подстегнуло нас к этому, я вот что скажу вас... фес, мне больше не скучно.»

Все молчали.

«На самом деле,» сказал Роун, «это самое большое веселье, которое у меня было за годы.» Он начал тихо смеяться. Лейр тоже начал тихо смеяться.

Через мгновение, посмеивание превратилось в настоящий смех, и Бэнда присоединилась.

Даже Даур не смог сдержать ухмылку.

Мерин вошел в салон.

«А потом Мерин заходит и все портит,» сказал Роун. Смех прекратился.

«Чего?» спросил Мерин.

«Рассказывай нам плохие новости,» сказал Роун. Могу сказать, что это будут плохие новости по выражению твоего лица.»

Мерин указал на Ксони.

«Электромагнитная бомба этого болвана все сломала,» сказал он.

«Как?»

«Вокс мертв. Мы потеряли контакт с Аарлемом, и я думаю, что навсегда.» Харк храпел. Ладд подергал его за рукав.

«Что?» спросил Харк. «Я не сплю, Ладд.»

«Конечно нет, сэр,» сказал Ладд.

«Сколько времени,» спросил Харк, садясь. В часовне было темно, свет шел только от шкала передатчика и из окон.

«Рано,» сказал Ладд, «и поздно. Белтайн сменил Рервала.»

«И что-то неправильно?» спросил Харк.

«Белтайн попытался выйти на связь по расписанию,» сказал Ладд. «Он пытался шесть раз за последние полчаса. Безрезультатно. Сигнал Майора Роуна исчез.»

Ана Керт проснулась в полной темноте, ловя ртом воздух.

Она успокоила себя. Она была на своей кровати в Аарлеме.

Ей снился Цвейл, и как она приносит новости ему. В ее сне, он хочет слушать причины. Она понимает отрицание. Это был один из общепризнанных этапов.

Она поднялась с постели в своей одиночной комнате, роскошь только для наиболее старших офицеров. Пол был холодным под ее голыми ногами. Снаружи, казалось, что снегопад, наконец-то, прекратился. Ночное небо было странно серым с текущими облаками.

Она говорила с Дорденом, и они решили, что новости лучше придут от нее.

Цвейл любил Керт, он обращался к ней с любовью и заботой. Лучше от нее.

Но, как это сделать?

Ана Керт знала все об отрицании, потому что она сама все отрицала, включая надежду на спасение, в то время, когда она была на Гереоне. Она знала, на что похож смертный приговор, тоже, потому что Гереон почти убил ее.

Как она сможет донести это до дорогого старого аятани и заставить его понять? Она оделась, и вышла из своей комнаты.

Она нуждалась в наставлении. Она решила, что посидит в часовне и поразмышляет. Тихая темнота успокоит ее, и позволит ее разуму собраться. Никого не должно быть в часовне в этот час.

Она распахнула дверь в часовню и замерла на ходу.

Харк, Белтайн и Ладд обернулись к ней с виноватыми лицами от света передатчика вокса, стоящего на скамье.

«Какого--?» спросила она.

«Эм,» сказал Харк, поднимаясь на ноги. «Ана, это будет немного неловко.» Снежная буря стихла, и оставила в себе вакуум из густой тьмы, стоячую пустоту ночи, которая поглотила весь город.

Небо очистилось, а звезды появились, как застывшие снежинки, но температура упала так резко, что жидкости в машинах начали замерзать. Наблюдающие Валькирии и поисковые птички были отозваны до рассвета. Танитские охотничьи отряды были отозваны, против желания, к Секции, чтобы ждать первый свет.

На пустых улицах Старой Стороны братство все еще охотилось. Люди Эйла осмотрели углы и перекрестки по соседству с восстанавливающимся зданием, их дыхание вылетало в прозрачный воздух из ротовых щелей их масок. Как и ночь, след остыл.

Эйл с ведьмой укрылись неподалеку.

«Найди его,» сказал он своей сестре.

Она пожала плечами. Она сидела на полу в куче складок ее платья.

«Я не могу!» прошипела она сквозь вуаль.

Они вломились в дом вместе. Это было *ничем не примечательное* место, просто резиденция у дороги, дом для шести человек из одной семьи и двух слуг, закрывшихся внутри из-за снега.

Ульрике убила их всех. Как демон, как ярость, она разрезала их. Вид ее безумия заставил Эйла содрогнуться, а он много чего делал в свое время. Что волновало его, так это мания этого, и факт, что Ульрике могла оставлять порезы, как раны от меча простыми щелчками пальцев.

Так много крови было пролито, с достаточным безумием, что стены стали окрашенными ей, а в воздухе все еще была роса из молекул крови. В доме стоял кровавый туман.

Ульрике пыталась прочесть кровь. Она выпотрошила все трупы, чтобы прочесть по ним предсказания.

Она отбросила скомканные ленты из мяса, и яростно топнула в увеличивающейся луже крови.

«Я не могу увидеть его!» взвизгнула она. «Я не могу увидеть его. Он прячется от меня!»

«Как он может это делать?» спросил Эйл, держа ее за руки, чтобы успокоить. «Он тоже колдун?»

«Нет,» выдохнула она, «он просто человек. Не колдун, не колдун. Кажется, он просто знает пару трюков.»

«Ты сможешь пробраться через его трюки,» сказал Эйл, поглаживая вуаль на затылке, когда притянул ее ближе. «Ты можешь добраться до него. Ты можешь сделать все, что угодно.»

«Я могу,» кивнула она. «Я знаю, что могу.»

ДВАДЦАТЬ ПЯТЬ

Ловушка Приближается

Ночь почти закончилась. Первые серые пятна дня начали наполнять город. Холодная, чистая, словно стекло, ночь, которая последовала за снежной бурей, вырастила к утру полупрозрачный туман, который повис над тихим, заснеженным городом, как дыхание зимнего демона. Из окон студии Жайме, улица была дымящимся призраком.

Призраки, прячущиеся в призрачном городе.

После ухода Крийд, Гаунт не был способен отдыхать. Он мерил шагами студию, и мрачные комнаты, примыкающие к ней, пока остальные спали. Он просмотрел еще несколько альбомов Жайме, и изучил глаза на лицах, которые никогда не придут домой, как будто они смогут дать ему какой-нибудь совет или мудрость.

Он думал о том, что ему сказала Крийд, и глупость этого заставляла его снова улыбаться, но это, так же, заставляло его думать о Слайдо, и Хурканцах, и Вратах, и из-за этого его улыбка быстро исчезала.

У Жайме был большой старый рабочий стол в комнате рядом со студией. Как и все остальное, вне публичных комнат его владений, он был загроможденным и грязным. Гаунт сел за него, и ради отвлечения просмотрел стопки желтеющей бумаги. Здесь были пачки писем, перевязанных лентами, кучи писем, и заказов и пожеланий, печальных, наполненных страданием сообщений от вдов и скорбящих семей. Это было топливом для бизнеса Жайме. Гаунт не был уверен, что он все еще чувствует насчет всего этого. Он не был уверен, что думает, что или Жайме был каким-то вампиром, делающим деньги на потерях других людей, или он был, на самом деле, в каком-то нелогичном положении, предлагая им настоящее утешение. Утешение не было подлинным, но, возможно, эффект был.

На краю стола Жайме был потрепанный старый рубрикатор. Рядом с ним была большая кipa бумаг, которые Гаунт, поначалу, принял за счета, или, возможно, рекламные брошюры.

Они были совершенно другим. Это были эпитафии. Они были короткими некрологами, описывающими героические деяния мертвых людей. Каждая была посвящена кому-то, и, очевидно, Жайме сам их сочинил. Гаунт начал их читать.

«Это личные бумаги,» сказал Жайме. Он забрел в комнату, и обнаружил Гаунта за столом.

Гаунт кивнул, но продолжил читать.

«Сколько вы получаете за каждую?» спросил он.

«Стоимость не проблема,» сказал Жайме.

«Это цена, а не стоимость,» сказал Гаунт. «Сколько? Крона? Две кроны? Пять крон за особенно сенсационный подвиг или упоминание в официальном издании?»

«Я устанавливаю стандартную ставку в две кроны,» признался Жайме.

«И сколько вы можете отштамповать сидя?» спросил Гаунт, пролистывая пачку.

«Дюжину? Двадцать?»

«Я не штамую их,» сказал Жайме.

«Может быть, но это не то, что вы бы назвали тяжелой работой, так ведь?» спросил Гаунт. «Я имею в виду, две кроны за письмо, это хорошие деньги, если считать, что вы не проводите расследование.» Жайме не ответил.

Гаунт взял одно письмо.

«Здесь не было Кантикалских Врат. Хотя, хорошее название.» Он махнул другим. «В зоне боевых действий, которое вы упоминаете тут, не было никакого 'доблестного сражения на шестой день', потому что битва была закончена на четвертый. Вот в этом? Командующий офицер – это выдумка. В этом, вы, вообще-то, наградили медалью, которой не существует.»

Он посмотрел на Жайме.

«Вы просто выдумали все, за две кроны за сообщение. Это в точности, как с портретами. Вы просто все выдумали.»

«Содержимое не имеет значение,» тихо ответил Жайме. «Кто будет беспокоиться? Кто узнает? Кто когда-нибудь заметит ошибку или выдумку?»

«Ну, я?» предположил Гаунт.

«С уважением,» ответил Жайме, «за пятнадцать лет, вы первый человек, кто ступил сюда, кто, на самом деле, был на Балгауте в то время. Нет, сэр, детали не важны. Для скорбящих и горюющих, для убитых горем и безутешных, детали далеко не важны. Все, что важно, это красивый портрет души, которую они потеряли и, если это помогает, несколько строчек, которые говорят о добром характере, звучат уважительно, и минимум страдания. Две кроны, сэр, небольшая цена за такое облегчение и утешение.»

Гаунт покачал головой, и бросил пачку бумаг обратно на стол.

«Я должен вспомнить,» сказал он, «напомнить своим людям в следующий раз, когда мы пойдем в бой, что детали не важны.»

Жайме фыркнул.

«Я думаю, что вы весьма наивный, сэр,» сказал он. «Почему вы думаете, я так жаждал сохранить право на то, чтобы сделать ваш портрет?»

«Могу представить, что в этом были замешаны две кроны для вас,» ответил Гаунт.

Жайме безрадостно рассмеялся.

«Это моя жизнь, полковник-комиссар, это мое ремесло. Я брожу по городу, который почти мертв на мире, который почти умер, мемориализируя тех, кто был потерян. Я никогда не собирался встретиться с живым. Я никогда не собирался встретить человека, который выиграл войну, и выбрался из того огня живым.» Гаунт не ответил.

«Вы думаете, что я опошляю это,» сказал Жайме. «Возможно, что это так. Я изготавливаю героев. Я никогда не встречался с одним раньше.»

«Я не герой, Жайме,» сказал Гаунт.

Жайме рассмеялся.

«Если нет, тогда Боже-Император помощи нам всем.»

«Я благодарен, что ты понимаешь,» тихо сказал Харк Керт. Они стояли в часовне, смотря, как Белтайн с Рервалом работают с передатчиком. От Роуна не было ничего уже довольно долго. Наступал рассвет, и нетерпение начинало превращаться в раздражение.

«Я удивлена, что ты даже подверг сомнению мою реакцию, Виктор,» ответила Керт. «Я была на Гереоне с Гаунтом. Я была на Гереоне дольше, чем кто-нибудь другой. Я оценила его серые территории больше, чем кто-либо, и моя верность Гаунту абсолютна. Ты должен был довериться мне раньше.»

«Это не был вопрос доверия,» сказал Харк. «Я не хотел ставить кого-нибудь в сложное положение до тех пор, пока не потребуется.»

«Сколько вы еще собираетесь делать это?» спросила Керт, кивая в сторону передатчика.

Харк пожал плечами.

«А если вы не сможете вызвать Роуна, что еще мы сможем сделать, чтобы добраться до Гаунта и помочь ему?»

«Ты имеешь в виду, открыть огонь по агентам Инквизиции, нарушить прямые приказы и силой вырваться из Аарлема?»

«Это был бы, определенно, наименее предпочтительный вариант,» ответила она.

«Тогда, я совершенно без понятия,» ответил он.

Имперские охотники снова выдвинулись от Секции, поутру, в город, наполненный густым зимним туманом. Туман размывал, но увеличивал солнце, создавая странное свечение в воздухе.

Менее, чем в четырех километрах от Имперцев, внутри запланированного радиуса, братство наворачивало круги в маленьком клочке города, поблизости от восстанавливающегося здания, беспокоясь, как стая гончих, у которых был сильный след, который внезапно исчез.

В своей дыре, Эйл понимал, что время уходит. Им нужен был успех до того, как их удача тоже исчезнет. Каждый раз, когда Кархунан, или один из его людей, возвращались в дом с отрицательным докладом, муки Эйла возрастали.

Его сестра работала в задней комнате дома. Она трудилась всю ночь, творя уродливое колдовство над трупами на крови. Он продолжал слышать ее визги и стоны, когда разочарование следовало за разочарованиями.

Прямо после рассвета, она позвала его. Он вошел в комнату с трупами. Она разложила карту Внутреннего Балополиса и Олигархии, карту, которую предоставил Валдюк, и которую она использовала, чтобы указать на Секцию. Она разложила ее на полу, и карта была пропитана кровью.

«Ты нашла его?» спросил он.

«Нет,» прошептала она, и покачала головой под вуалью. «Я совершенно не могу его увидеть.» Она указала на крошечную точку карты, которую кровь странно не затронула.

«Но я могу видеть, где я *не могу* видеть,» сказала она.

Крийд достигла своей цели прямо перед рассветом, когда холодная чистота сменилась на призрачный туман. Гаунт сказал ей, что нет никакого смысла приходить до середины утра.

Густо покрытые снегом улицы были тихими, хотя в этом конце города было больше активности, чем на все еще ненормально тихих дорогах Старой Стороны, находящихся под чарами колдовства варпа Кровавого Пакта.

Она обогнула цель дважды, оценила, а затем искала что-нибудь, чтобы отдохнуть. Маленькая публичная часовня, посвященная самой беати, располагалась рядом с углом улицы, и Крийд обнаружила, что это был такой тип места, который оставался открытым во все часы дня или ночи.

Она открыла тяжелую деревянную дверь и вошла внутрь от злого холода пустой ночи. Место было старым и неровным, каменная кладка с деревянными балками, и поблекшим крашеным потолком. Светосферы, которые оставались, освещали пространство, излучая мягкий желтый свет, а последние огни исполненных по обету

свечей, зажженные предыдущим днем, догорали на металлической стойке перед фигурой беати.

Крийд свернулась в одной из хоровых палаток, и использовала сумку со сменной одеждой в качестве подушки. Она урвала пару часов тревожного сна.

Когда она проснулась, часовня была омыта мягким, белым свечением. Солнце уже встало, и принесло с собой туман, а странный, расплывчатый белый свет лился в окна часовни.

Она взяла свою сумку и пошла в маленькие задние комнаты часовни, где священники аятани хранили свои символы и кое-какие священные кодексы. Это было серое, покрытое паутиной место, которое, очевидно, редко посещали. Она зажгла светосферу, и начала переодеваться в вещи из сумки. Все вещи были с вешалок Жайме, как и маленькая, потертая коробочка с косметикой. Крийд не могла вспомнить, когда в последний раз ей приходилось накладывать какую-нибудь краску на лицо, которая не была камуфляжной или маскирующей. Это не было способностью, которую она когда-либо развивала взрослея, и она была убеждена, что может перестараться и будет выглядеть, как один из тех страшных кастрированных трансвеститов в Цирке дю Хулан. Она отложила коробочку с косметикой в сторону, неоткрытой.

Жайме помог ей выбрать одежду. Он показал кое-какую заинтересованность в ее выборе.

Несомненно, платье вдовы называлось траурным, и самое лучшее делалось из бомбазина, крепа и тонкого кружева. Крийд пробежалась рукой по черному шелку одного из платьев, которое ей показывал Жайме, и подумала, как это было иронично, что она выбирает одежду, которая позволит ей сыграть вдову, когда, внутри, она была вдовой после Освобождения Гереона.

Жайме предложил особенное платье в пурпурных тонах, которое, сказал он, было несерьезно траурным. Цвет менялся с черного на пурпурный обозначая, что траурный период продлился больше трех лет. Вдова не была больше вынуждена носить свою вуаль все время, и она могла позволить умеренно использовать немного больше декоративных украшений. Дальнейшая несерьезность, до розовато-

лилового, следовала еще через год, и сигнализировала о возможном возвращении в мир.

Крийд надела несерьезный траур, и полуботинки с перчатками, которые выбрал Жайме, а затем вуаль. Она решила, что вдова, которое она стала, испытывала такие страдания, что у нее не оставалось времени на такую мишуру, как косметика, поэтому она пошла без нее.

Комиссар Бленнер только сел за свой обычный стол, когда сообщили о посетителе.

Это было отвратительное утро, с ярким белым светом, и адским туманом, подобным артиллерийскому дыму, и это на верхушке пары последних дней, когда город совершенно перевернулся с ног на голову. Он слышал самые ужасные истории о каком-то деле в Секции, которое запечатало центр города.

По крайней мере, снежная буря прекратилась. У Бленнера было абсолютное неприятие к приближению к казарменной еде, поэтому он сунул своему водителю обычную премию, чтобы тот отвез его в Митридат по мрачной погоде на поздний завтрак из выпечки танзато и густого кофеина цвета тины.

Там почти никого не было. Слуги, в своих ливреях красного, черного и золотого цвета, казались рады что-то сделать, и его завтрак прибыл в рекордное время.

«К вам пришел посетитель,» сказал мажордом, когда подошел.

«Серьезно?»

«Леди, сэр.»

«Отлично.»

«Она спрашивала вас по имени.»

«Почти всегда.» Бленнер промокнул рот салфеткой. «Она, случайно не сказала, кем она была?»

Мажордом кивнул.

«Она говорит, что вы знали ее мужа, сэр. Его звали Вергайл.» Бленнер нахмурился. «Вергайл? Я и не знал, что он был женат. Ничего подобного не слышал. Хорошо, вам лучше привести ее сюда.»

«Простите, что приходится напоминать вам о том, сэр, что леди не допускаются в главные залы Митридата,» сказал мажордом, «но если сэр очень желает, я могу проводить ее в комнату отдыха, и вы сможете встретиться с ней там?»

Бленнер бросил взгляд вниз на завтрак, к которому едва прикоснулся.

«Ай, ладно,» сказал он, отодвигая стул со скрипом, «но вы можете принести немного кофеина в комнату отдыха? И, может быть, тележку с десертами?»

«Мамзель,» сказал Бленнер. «Я – Вэйном Бленнер. Польщен вашим визитом.» Вдова была с вуалью. Она стояла, ожидая Бленнера, у окна комнаты отдыха, за которым призрачное белое утро расплеталось. Официанты принесли поднос с кофеином и большую тележку с кексами и десертами.

«Комиссар Бленнер, очень любезно, что вы меня приняли.»

«Бросьте. Я хорошо знал вашего мужа, и было чертовски жаль слышать о его кончине. Насколько понимаю, его мемориал это то, что привело вас на Балгаут?»

«Да, но это не то, что привело меня сюда сегодня,» ответила она.

Бленнер предложил ей сесть.

«Может, кофеина?»

«Нет, спасибо.» Она подождала, пока персонал клуба не покинул комнату.

«Тогда, может чего-нибудь съестного?» Бленнер сделал жест в сторону тележки. «Крустучко особенно хорош.»

Забудь про крустучко, подумала Крийд. Посмотри на миндальный сепис. Что за восхитительная вещь.

«Спасибо вам, но нет,» сказала она с большой неохотой.

«Тогда, как я могу вам помочь?» спросил он.

«Мне не нужна ваша помощь, она нужна нашему общему другу.»

«В самом деле? Кому?»

«Ибраму Гаунту.»

Бленнер уставился на нее. «Ибраму?»

«Так я сказала.»

«Я спрошу, что происходит?»

«Гаунт в затруднительном положении,» сказала Крийд. «Вы - единственная личность, которую он может позвать на помощь. Я – единственный способ связать вас.»

«Вы совсем не вдова Вергайла, так ведь?» спросил Бленнер.

«Меня зовут Крийд. Я одна из его Призраков.»

«Танитка?»

«Нет, Вергхастка,» ответила она.

Бленнер откинулся назад. «Слушайте, все это очень нелепо. Ибрам разыгрывает какую-то шутку? Потому что я скажу вам, что это ему не идет.»

«Никаких шуток,» сказала Крийд. «Задействована необходимая уловка, и я за это извиняюсь перед вами. Мне нужно было прийти сюда, чтобы найти вас.»

«Откуда я узнаю, что это не какой-то обман?» спросил Бленнер. Он выглядел явно смущенным.

«Гаунт послал меня,» ответила она. «Он сказал мне передать, что в тот день, когда вы впервые встретились, вы соврали ему о вашем отце.»

Бленнер фыркнул. Это было достаточно правдиво. Целую жизнь назад в школе прогениум на Игнатус Кардинал, два маленьких мальчика в продуваемом сквозняком коридоре.

«Очень хорошо. Что происходит?»

«Я объясню так просто, как смогу,» сказала Крийд. Она сделала паузу. «Просто мне надо сначала сделать это.» Она встала, и взяла огромный кусок сеписа с тележки, отбросила вуаль назад, и начала есть. Бленнер смотрел на нее с кривой усмешкой.

«Во что теперь ввязался Ибрам?» спросил он.

Она рассказала ему, между укусами, и детально описала события последних двух дней так четко и просто, как смогла. Смущение Бленнера превратилось в заинтересованность, а затем в что-то, что Крийд боялась увидеть, выглядящее, как страх.

«На Балгауте?» спросил Бленнер. «Архивраг действует на Балгауте?» Она кивнула. Бленнер побледнел. Он отрезал себе кусок сеписа, пока она говорила, но теперь не показывал никакого интереса к прикосновению к нему.

«Это серьезно,» сказал он. «Мы должны донести это до Секции.»

«Нет.»

«Ради Трона!»

«Вы меня не слушали?» спросила Крийд. «Нигде не безопасно. Мы не знаем, как глубоко внедрился враг. Гаунт может доверять только тем людям, которых он знает лично. Ему нужно, чтобы вы встретились с ним.»

«Я?»

«Да. Вы, сэр. Вы и, возможно, маленькая группа Гвардейцев, которым вы доверяете из вашего полка. Ему нужна охрана, огневая команда.»

«Ох, это не просто!»

«И транспорт,» сказала Крийд.

Бленнер потер лоб и постучал кулаком по переносице. «Он будет причиной моей смерти. Это типично для его сумасбродства. Я уже подумываю идти напрямую к комиссару-генералу--»

«Если это ваше решение, сэр,» сказала она ему, «вы не выйдете из этой комнаты.» Бленнер затих на мгновение.

«Когда он хочет встретиться?»

«В четыре часа,» сказала она.

«И где?»

«Он сказал, что вы знаете, где,» ответила она. «Он сказал, что вы знаете место, которого, он уверен, здесь нет.»

«Что? Теперь на вершине всего этого загадки?»

«Это в точности то, что он мне сказал передать.»

Бленнер встал с долгим вздохом.

«Лучше вам пойти со мной в мою казарму. Я приведу вещи в движение.» Бок о бок, они поспешили из комнаты отдыха вниз по лестнице к главному входу клуба. В фойе, Бленнер огляделся в поисках сотрудника клуба, чтобы распорядиться прислать его машину.

К ним приблизился человек. На нем не было клубной ливреи.

«Комиссар Бленнер,» сказал он, больше утвердительно, чем вопросительно.

«Что такое?»

«Ваша дружба с Ибрамом Гаунтом общеизвестна. Вы были под нашим наблюдением со вчерашнего дня.»

Крийд начала пятиться. Она опустила вуаль перед тем, как покинула комнату отдыха. Она потянулась вниз туда, где к ее бедру липкой лентой был примотан ее серебряный клинок под бомбазиновыми полами.

«Кто вы, черт возьми?» спросил Бленнер человека.

«Я полагаю, что пришло время задать вам вопросы,» ответил человек. Он посмотрел на Крийд. «Вашему другу тоже.»

Еще два человека приблизились к ним сзади от гардероба. К ужасу Крийд, у них были в точности такие же лица, как и у первого.

«Меня зовут Сиркл,» сказал человек, показывая им свою инсигнию. «Не пытайтесь сопротивляться.»

ДВАДЦАТЬ ШЕСТЬ

Место, Которого Здесь Нет

Валькирии Инквизиции были окружены ярким туманом, который покрывал верхнюю часть Балополиса и Олигархии, как арктический ледник в полкилометра толщиной.

С Танитскими разведчиками во главе, основные Имперские поисковые отряды переключили свое внимание с центральных дорог города, вместе с главными, пролегающими с востока на запад авеню, на лабиринт улиц и узких дорог Северной Старой Стороны. В медленном, дотошном стиле, они пробирались сквозь линии многоквартирных домов и обыскивали подвалы, сточные колодцы, и длинные, полузаброшенные муниципальные участки земли на подвешенных над магистралями ирригационных платформах. Земля была мертвенно-белой с почти непотревоженным снегом, а воздух был ярко-белым от жемчужного тумана.

Места видимость упала до двадцати метров.

Колеа с Баскевилем шли вместе с главными силами позади линии разведчиков, держась близко к грузовику с воксом, который со скоростью шага катился вместе с поисковым формированием, и регулярно выплевывал желтые выхлопы из вертикальных труб в белый воздух.

Холод заставлял их глаза слезиться, а щеки гореть. Нос Колеа стал красным, факт, который Баскевиль счел нужным упомянуть несколько раз. В свою очередь, Колеа продолжал говорить об особенно хорошем кофеине, который готовили в столовой, которую он часто посещал на левой стороне реки, со стороны Аарлема. Они оба понимали, что говорят ни о чем, что эта пустая болтовня между двумя людьми, которые стали хорошими друзьями и товарищами за последние пять лет с тех пор, как их полки были объединены, была всем, что стояло между ними и кричащим разочарованием.

Напряжение стало невыносимым. Продвижение стало очень медленным. Каждый час или около того, они по очереди уходили к линии разведчиков и немного шли вместе с Мколлом или Бониным или Жажжо, просто чтобы посмотреть, как идут дела. Разочарование здесь тоже было ощутимым. Ни Колеа, ни Баскевиль до этого никогда не видели, чтобы знаменитые Танитские разведчики настолькоплыли по

течению. Они оба читали в глазах Мколла то, что могло означать только беспомощную ярость.

«Снег лжет нам,» говорил он им обоим, по отдельности, и слова заставляли их обоих дрожать. Навык главного Танитского разведчика в чтении следов был легендарным. Его называли почти сверхъестественным. Если что-то обманывало его, если что-то вводило в заблуждение его разум и острые чувства, тогда это должно было быть по-настоящему неестественным.

Токсичное проклятие колдовства варпа тяжелым грузом лежало на этой древней улице.

Из-за своей близости к зонам поиска, отряды солдат из Капайского Первого были вызваны из Крепости Олигархии, чтобы помочь с поисками. Люди, все молодые парни с типичными коренастыми фигурами и оливковой кожей Капайцев, послушно и ответственно переходили от дома к дому вдоль поискового периметра, стуча в двери и опрашивая жильцов, узнают ли они лицо Гаунта на голопикте, или видели ли они что-нибудь необычное.

Баскевиль с Колеа разговаривали о том, что жители в этой зоне ведут себя довольно странно.

Капайцам обычно требовалось два или три стука, чтобы получить отклик, а жители были подозрительны и неразговорчивы. Напуганные, бледные лица можно было постоянно заметить, смотрящие вниз на проходящие Имперские поисковые отряды из верхних окон. Семьи попрятались в подвалы и убежища, как они делали это в военное время. Торговцы и владельцы магазинов закрыли ставни, и спрятались в задних комнатах. Никто, казалось, ничего не видел и не слышал с тех пор, как начался снегопад.

«Снегопады здесь не редкость, так ведь?» спросил Баскевиль.

Колеа помотал головой. «Обычное дело. Сезонное. Я думаю, что уже, как минимум, снегопад был один раз с тех пор, как мы прилетели на планету.»

«Тогда почему все так напуганы этим, как будто это конец света?» спросил Баскевиль. «Почему все прячутся? Почему улицы пустые?»

У Колеа не было ответа.

Единственной вещью, о которой Баскевиль с Колеа не разговаривали, так это о самом Капайском полке. Капайский Первый был новообразованным, ничем не выдающимся, умеренно подающим надежды. Гаунт был назначен в полк в качестве приходящего инструктора, в качестве части его служебных обязанностей на Балгауте на время отвода с передовой. Он им очень нравился, и он принял свои менторские обязанности серьезно, посещая их два или три раза в неделю. Иногда, он даже брал своих старших офицеров с собой, чтобы инструктировать молодых людей, никто из которых еще не видел ни одной битвы, насчет реальных тонкостей войны. Баскевиль был в Крепости Олигархии с Гаунтом дважды, Колеа - три раза.

Ходили слухи, что Гаунт будет командовать Капайцами на постоянной основе. В Капайском Первом, суммарно, было приблизительно пятнадцать тысяч человек. Кто-то пустил слух, что Капайцы собираются стать билетом Гаунта к званию генерала или генерала-маршала, значительный шаг по служебной лестнице к должности в высшем командовании, как например к милитанству или маршалству в гвардии. Капайский Первый стал бы его новым Первым и Единственным. Сплетни так же предполагали, что если Гаунт таким образом будет повышен, Танитский Первый будет распущен, и разбит на отдельные команды специалистов, чтобы заведовать обучением или действовать в качестве специальных советников. Это было, в первую очередь, как провозглашали слухи, тем, почему Призраков отправили на Балгаут: медленный и тщательный разбор полезных активов полка.

Гаунт слышал сплетни. На обеде старшего состава, всего лишь недель ранее, он торпедировал слухи с таким невозмутимым юмором и вопиющим неуважением к системе, что все офицеры вокруг длинных столов, включая Баскевиля и Колеа, чуть не умерли от смеха.

Баскевиль с Колеа не говорили о Капайцах только потому, что Капайцы напоминали им о Гаунте. Капайцы были недостаточно пустым предметом для разговора. Они слишком сильно напоминали им об их отсутствующем командире и будущих вероятностях. На одиноких, туманных улицах Старой Стороны, где они могли ощущать кристаллы льда в воздухе и колючий холод вокруг себя, больше не было

никаких возможных будущих, за исключением мрачной решимости в каком-нибудь разрушающемся доме.

Колеа похлопал Баскевиля по руке, и Баскевиль повернулся. Черный, без маркировок транспортник-8 с бронированным кузовом появился из окружающего тумана, чтобы присоединиться к хвосту поискового строя. Он заморгал своими фарами, когда загрохотал позади грузовика с воксом.

«Смотри,» сказал Баскевиль.

Впереди, один из явно многочисленных людей по имени Сиркл, предупредил своего начальника о прибытии машины. Инквизитор Хандро Райм повернулся и начал быстро идти к черному грузовику.

Колеа с Баскевилем сменили направление, чтобы перехватить его. Комиссар Эдур добрался туда первым.

«Новости?» спросил он Райма, шагая задом, чтобы поддерживать скорость ходьбы Райма и оставаться лицом к лицу.

«Может быть,» ответил Райм.

«Кто в грузовике, инквизитор?» спросил Эдур.

«Лица, представляющие интерес для расследования,» резко ответил Райм.

«Собираетесь раскрыть их личности?» спросил Эдур.

«Посмотрим,» сказал Райм.

«Пожалуйста, уйдите с пути инквизитора,» сказал один из Сирклов.

«Ох, погодите,» сказал Эдур, «инквизитор и я достигли понимания, так ведь, сэр?» Райм остановился и уставился на Эдура.

«Когда это закончится, Эдур--» начал он.

«Что?» подмигнув, спросил Эдур. «Вы говорите об обеде? Я не знаю, я не из таких.» Райм пробормотал тихое проклятие. Один из Сирклов сделал шаг в направлении Эдура.

Эдур быстро положил руку на рукоять пистолета.

«Но, но,» предупредил он. «Понимание, помнишь?»

«Что в большом черном грузовике, инквизитор?» спросил Колеа, когда он с Баскевилем подошли.

«Да, инквизитор,» сказал Эдур, «что в большом черном грузовике?»

«Я скажу вам сразу, как только закончу процесс допроса,» сказал Райм, и протолкнулся мимо них.

«Он дружелюбная душа,» сказал Колеа.

«Восхитительные манеры,» сказал Баскевиль.

Эдур смотрел, как Райм быстро уходит. Сиркл открыл заднюю часть транспортника-8, и Райм залез внутрь.

«Вполне возможно, что все станет на самом деле очень скверно,» заметил Эдур.

«Отлично,» сказал Колеа.

«Просто скажите, когда,» сказал Баскевиль.

«Скверно – это то, что мы делаем лучше всего,» сказал Колеа.

«Меня зовут Райм,» сказал Райм (Rime), когда забрался в бронированный грузовик и сел на одно из решетчатых сидений.

«Рифма (rhyme) для чего?» спросил Бленнер.

«Что?»

«Рифма для чего?» повторил Бленнер.

«Вы неправильно услышали меня, сэр,» сказал Райм. «Мое имя Райм. Хандро Райм, из Инквизиции.» Он раскрыл свой тяжелый кожаный бумажник и показал свою инсигнию.

«Ой, простите,» сказал Бленнер.

В задней части грузовика было душно. Тучный комиссар, который считал себя таким забавным, потел, а вдова с вуалью рядом с ним решительно ничего не говорила.

Данные по связи уже сказали Райму больше о Вэйноме Бленнере, чем Бленнер когда-либо решился бы раскрыть. Сиркл в Администратуме Балополиса достал досье Бленнера и отослал его Сирклу, наблюдающему за Митридатом.

«Вы знаете, почему вы здесь?» спросил Райм.

«Откровенно, я даже не знаю, здесь - это где, поэтому 'почему' – это целая отдельная головоломка,» ответил Райм.

Райм попытался понять, был ли Бленнер просто идиотом, или играет ли он в какую-то умную игру.

На решетчатом сидении рядом с Бленнером, Крийд размышляла в точности о том же.

«Вы, лицо, представляющее для нас интерес,» сказал Райм, «давний товарищ Ибрама Гаунта. Я полагаю, вы встретились в школе?»

«Если честно, я пытаюсь забыть эту часть моей жизни,» сказал Бленнер. «В играх я был безнадежен, и другие мальчики задирали меня. Хотя, погодите... Я думаю, что одного из них вполне могли звать Гаунт. Боксер Гаунт, так мы его звали, и он--»

«Замолчите,» сказал Райм. «Мы знаем, что вы знаете Гаунта. Наши записи весьма подробны. Схола прогениум. Игнатус Кардинал, а затем несколько периодов контактов, последний и самый долгий после школы, это здесь, на Балгауте, за последние восемнадцать месяцев или около того. Вы регулярно встречаетесь. Вы оба – члены Клуба Митридат. Он оплатил ваш клубный взнос за последний месяц, потому что вы в трудном финансовом положении.»

«Погодите... он низкий толстяк с бородой?» спросил Бленнер.

«В последний раз вы обедали вместе три дня назад,» сказал Райм. «Гаунт подписал счет. Очевидно, он уважает вас. Вы – друг детства. Очень немногие люди на службе в Гвардии еще имеют друзей детства. Он присматривает за вами, когда ваши проблемы с азартными играми выходят из-под контроля.»

«У меня нет никаких проблем с азартными играми,» сказал Бленнер.

«Вы хотите, чтобы мне прислали аудит ваших финансовых дел?» спросил Райм. «Вот тут есть один, свежий. Я слышал, что он просто постыдный.»

Бленнер затих.

«Вы знаете Гаунта,» сказал Райм. «Этот факт хорошо задокументирован. Вот почему мы приставили к вам наблюдение, как к представляющему интерес. Менее, чем за двенадцать часов до того, как Ибрам Гаунт пропал с ценным активом, а Секция была атакована, вы обедали с ним. О чем вы говорили, Вэйном?»

«Ох, ну знаете,» сказал Бленнер, «обычная болтовня. Как набрать надежных солдат Архиврага в этой глубине Имперской территории, лучший способ штурмовать ворота, и всякое такое. Вся это болтовня--» Кулак Райма прилетел ему в лицо, и сбросил с решетчатого сидения в боковую стенку грузовика. Голова и плечи Бленнера встретились с металлической стенкой, и он тяжело упал.

Крийд поднялась на ноги.

«Оставьте его в покое,» сказала она.

«Ублюдок,» простонал Бленнер с пола.

Райм поднялся напротив Крийд. «Что вы сказали?»

«Оставьте его в покое,» медленно повторила Крийд.

«Защищаете, да?» спросил Райм. «Защищаете? Сержант Крийд? О, да, мы знаем кто вы, тоже. Сканирование ладоней не лжет. Доставили сообщение хорошему другу Гаунт, так ведь?» Крийд сорвала вуаль и уставилась на Райма.

«Интересно,» сказал Райм, не прерывая зрительный контакт. «Вы не то, что я представлял от первого женщины-офицера Танитских Призраков.»

«Что вы представляли?» спросила она.

«Что-то гораздо более мужеподобное,» сказал он.

Крийд нанесла удар ногой ему в лицо. Несмотря на тяжелые полы ее несерьезно траурного платья, она достаточно крутанулась, чтобы врезать ему в лицо ногой. Он

врезался в стену грузовика. Крийд задрала свои безнадежно дурацкие полы, чтобы добраться до своего серебряного клинка.

Райм вернулся к ней. Он смеялся. Это был отвратительный смех, такой смех, который человек может издать, если он играл в игры и любил немного грубые вещи. Он ударил кулаком Крийд в плечо, достаточно сильно, чтобы заставить ее закричать, затем двинул ей поднимающимся предплечьем по рту так сильно, что она отлетела к стенке грузовика со стороны кабины.

Райм был на ней через секунду, до того, как она смогла подняться, до того, как она смогла совладать с головокружением.

Каким-то образом, ублюдок забрал у нее нож.

Он приставил его к ее горлу.

«Больше не надо драться,» сказал он. Он посмотрел на Бленнера.

Бленнер уже отполз на заднице в угол, и промакивал кровь, которая текла у него из носа.

«Последний шанс, Вэйном,» сказал Райм. Он прижимал серебряный клинок Крийд к ее обнаженному горлу. На клинке уже выступила кровь.

«Последний шанс. Что он передал вам? Какое сообщение он передал вам через эту суку?»

«Я думаю, сообщение было, 'Пошел ты, инквизитор',» сказал Бленнер, «хотя не могу быть уверен.» Крийд громко засмеялась. Райм сильнее прижал нож.

Длинная струйка крови потекла по шее Крийд, и начала пропитывать воротник ее платья. Она не издала ни звука.

«Серьезно, Вэйном, самый последний шанс. Что он передал?»

«Он хочет встретиться со мной,» закричал Бленнер.

«Когда?»

«Сегодня в четыре! Пожалуйста, прекратите ее резать!»

«Где?» спросил Инквизитор Райм.

«Вот этого я не знаю!» прокричал Бленнер. «Он сказал, что я знаю место, но я не могу понять, что это. Пожалуйста, остановитесь!»

«Что он сказал?» спросил Райм, очень медленно и четко.

«Он сказал, что я знаю место, которого... которого, он уверен, здесь нет.» Райм спрыгнул из грузовика, и ближайший Сиркл закрыл дверь.

Еще два Сиркла подошли к своему господину.

«Бленнер идиот,» тихо сказал им Райм. «У него, на самом деле, не хватает мозгов для уверток, поэтому Гаунт, должно быть, в отчаянии, раз попытался использовать его. Гаунт пытался устроить встречу, но Бленнер смущен закодированной природой места.»

«Возможно, он играет в тупого?» предположил Сиркл.

Райм покачал головой.

«Если это так, он заслуживает награды от Театрум Импералис.»

«Что насчет женщины?» спросил другой Сиркл.

«Я думаю, что Гаунт не сказал ей значение, чтобы она не смогла выдать его. Но она умная. Она могла понять.»

«Должны ли мы провести с ней более глубокий допрос?»

«У нас есть время только до четырех,» ответил Райм. «Женщина экстремально упорная. Вы сможете сказать это, просто посмотрев на нее. Она, скорее всего, будет держаться до тех пор, пока время не пройдет. Мы должны понять смысл этого, и мы не можем позволить себе суетиться.» Райм вытащил планшет и быстро занес туда ключевую фразу. Он отдал планшет одному из Сирклов.

«Сравни это с файлом Гаунта. Посмотрим, что всплывет.»

Сиркл кивнул.

«Мы использовали Танитцев, чтобы найти их командира,» сказал Райм. «Я предлагаю продолжать эту стратегию. Свяжись с нашими агентами в штабе Танитцев и посмотри, значит ли что-нибудь эта фраза для них. Пусть они проведут опрос, особенно среди Танитцев. Танитское ядро полка было с ним дольше, и знает его лучше.»

«Да, и избавься от этого,» добавил Райм, и отдал серебряный клинок Крийд своему агенту. Сиркл поспешил прочь.

Другие агенты ждали следующего решения своего господина. Райм посмотрел через плечо, и заметил Танитских офицеров, стоящих вместе с Эдуром, наблюдающих за ним с расстояния.

«Какова ваша воля?» спросил один из Сирклов.

Райм начал идти к ним.

«Давайте их тоже спросим,» сказал он.

«Вот и снова он,» прошептал Колеа Баскевилю.

«Ты видел, что у него было?» прошептал в ответ Баскевиль.

«О, да.»

«Что?» тихо спросил Эдур. «Что у него было?»

«Он вытащил Танитский боевой нож из грузовика,» сказал Колеа, «и на нем была кровь. Я хочу знать, кто внутри и что он сделал с ними.»

Маббон, заключенный, фегат, проснулся.

Гаунт нашел его стоящим перед одним из окон студии. Он немного приоткрыл жалюзи, чтобы посмотреть на яркое белое ничто туманного дневного света снаружи.

«Ваша женщина, она ушла?» спросил Маббон.

«Она не моя женщина,» ответил Гаунт, попивая кофеин из кружки, который приготовил себе.

«Я не намекал, что вы вовлечены сексуально,» сказал Маббон. «Она – ваша женщина. Она служит вам. Она одна из ваших Призраков, так ведь?»

«Да.»

«Она была на Гереоне, так ведь?»

Гаунт кивнул.

«Забавно,» прошептал Маббон.

«Что именно?»

«На Гереоне, если бы я победил, если бы я был успешен в своей миссии, вы бы были мертвы, и она тоже. Но все здесь, рискуете своими жизнями, чтобы защитить меня.»

Гаунт нахмурился.

«Да,» сказал он. «Иронично, так ведь?»

«Здесь есть еще такое?» спросил Маббон, указывая на кружку Гаунта.

Гаунт кивнул, и Маббон последовал за ним на мерзкую кухню Жайме. Гаунт наполнил еще одну кружку.

«Могу я доверять Маггсу?» спросил Гаунт. «Мне бы, на самом деле, понадобилась лишняя пара рук.»

«Вы меня спрашиваете?»

«Да.»

Маббон пожал плечами, и отпил из кружки. «Я бы доверился ему.»

«Я не ты,» сказал Гаунт.

«Ладно, если бы я был вами, я бы никогда снова не доверился ему,» сказал Маббон. «Возможно, я бы убил его, для уверенности.»

«Трон,» выдохнул Гаунт.

Внезапно, Маббон поставил свою кружку и почесал затылок.

«Они приближаются,» сказал он.

«Кровавый Пакт?»

Маббон кивнул.

«Ты можешь чувствовать их?»

Маббон посмотрел на Гаунта.

«Вы когда-нибудь служили на тропическом мире, таком жарком и влажном, где пылевые мухи врезаются в ваши глазные яблоки быстрее, чем вы сможете моргнуть?»

«Да, я был на таком.»

Маббон взял свою кружку и глубоко вдохнул перед тем, как снова сделать глоток.

«Вот, на что это похоже. Микроконтакт в моих руках, глубоко в основании позвоночника. Что-то прикасается к моим глазам.»

«И это говорит тебе, что они близко?»

«Близко и приближаются,» сказал Маббон Этогор.

Гаунт заморгал. И вот опять, он мог видеть это, ясно, как день: Кровавый Пактиец, влажная кровь капает с него, перешагнувший порог дома Жайме.

Его новые глаза показывали ему ужасно многое за последние пару дней.

Каждый шаг пути, он выбрасывал из головы изображения, считая их системными ошибками, помехами, артефактами визуализации, оптическими конфликтами, настроенными шаблонами.

Но он видел такие вещи посредством своих новых глаз. Он видел плохое отношение своего водителя. Он видел нападение на Секцию до ее начала. Если по правде, он видел Маггса, пытающегося убить этогора.

Это не была дикая стрельба из оружия, которая осталась позади и которая предупредила его.

Он видел заранее, до того, как оружие начало стрелять.

«Насколько они близко?» спросил он.

«Очень близко,» ответил Маббон.

Гаунт посмотрел на свой карманный хронометр. Он остановился.

«Нам в любом случае нужно уходить,» сказал он. «У нас назначена встреча.»

«Фраза ничего не значит, особенно для меня,» сказал Харк Сирклу. «Но я уделю этому некоторое внимание. Это может быть более очевидно, чем кажется.»

Сиркл кивнул.

«Конечно,» продолжил Харк, «если сообщение предназначалось для Комиссара Бленнера, как вы намекнули, это должно быть очень специфично для его отношений с Гаунтом. Они знали друг друга долгое время. Это может быть связано с чем-то, о чем не знает никто из нас.» С кислым видом, который предполагал, что он думает, что Харк был еще меньше, чем полностью бесполезен, Сиркл ушел, чтобы продолжить свой опрос. Агенты ордоса уже ходили по комнатам главной казармы, опрашивая рядовых.

«Вы знаете, что это такое, так ведь, сэр?» тихо спросил Ладд Харка.

«Напомни мне никогда не играть с тобой в карты, Ладд,» прошептал Харк. С Далином и Мерртом на хвосте, она повернулись и начали живо идти в направлении часовни.

«Вы *знаете*, что это такое,» сказал Ладд.

«Конечно, знаю, Ладд. Это едва ли криптография уровня вермиллион. Место, в котором Гаунт *уверен, что его здесь нет?* Кто-нибудь?»

«Башня Плутократов,» сказал Далин.

Харк остановился и посмотрел на молодого адъютанта.

«Дайте парню медаль! Отлично, Крийд.»

Далин покраснел. «Моя мать – я имею в виду, Сержант Крийд, она изучала карьеру полковника-комиссара в некоторых подробностях. Я вырос на историях.» Харк похлопал Далина по плечу, а затем пошел дальше к часовне.

Они вошли в часовню. Рервал, со сложенными руками, стоял рядом с передатчиком вокса, пока Белтайн работал с ним.

«Что-нибудь?» спросил Харк.

Рервал помотал головой.

«Все еще мертвяк. Как будто Майор Роун просто выпал из бытия.»

«Досадно,» ответил Харк, «потому что теперь у нас есть кое-что, что сказать ему. Продолжай пытаться. Куда ушла Доктор Керт?»

«Она сделала перерыв, сэр,» сказал Белтайн. «Я не думаю, что она сможет выдержать напряжение. Она сказала, что вернется. Она сказала, что есть кое-что важное, что нужно сделать.»

«Ты выглядишь забавно,» сказал Цвейл.

«Очаровательно,» ответила Керт. Она сидела напротив него. Закрытая папка лежала перед ней на столе.

«Я имею в виду, у тебя забавное выражение лица,» сказал Цвейл. «Приступим к делу, ладно? Я не люблю врачебные кабинеты. Они не сходятся во взглядах со мной. К тому же, у меня есть, чем заняться. Неотложные вещи. У меня есть сборники гимнов, которые нужно достать. На хессианском, что самое лучшее, что я смог получить. И там еще полбутылки алтарного вина, которое само себя не выпьет.»

«Пришли результаты вашего медосмотра,» сказала она.

«Серьезно?» рассмеялся он. «Я и не думал, что ты позвала меня сюда, чтобы сказать, что меня повысили до генерала.»

Она открыла папку.

«Это очень трудно, отец. Трудно для меня, чтобы сказать, и трудно для вас, чтобы услышать.» Цвейл не ответил. Он пристально смотрел на нее.

«Отчет фармакона выявил проблему.»

«Я говорил, что так и будет,» фыркнул Цвейл. «От тестов никогда ничего хорошего. Совсем ничего. Незнание, знаешь ли? Лучше не знать. Люди, как правило, недооценивают силу незнания.»

«Уверена, что так, отец,» мягко сказала она. «Тем не менее, в данных обстоятельствах, нам нужно это обсудить.»

«У этого длинное название?»

«Да, отец.»

«Не говори мне, что это такое!» закричал Цвейл, поднимая руку. «Я не хочу знать. Я не хочу подружиться с этим. Мы будем обращаться к этому только как Проблема.»

«Если вы так хотите.»

Он кивнул. «Я предполагаю, что длина настоящего названия Проблемы обратнопропорциональна длине времени, которое она будет оставаться со мной?»

«Типа того,» ответила она. Она сглотнула. Было очень тяжело оставаться профессионалом.

«Где это прячется? В моей голове? Печени? Легких?»

«Вообще-то, в вашей крови. Это гематологическая--»

«Бу-бу-бу!» оборвал Цвейл, делая резкий жест замолчать. «Я не хочу длинных слов. Я не хочу разговаривать с этим!» Его голос упал до шипения. «На самом деле, мы должны шептать. Я не хочу, чтобы это слышало нас. Я не хочу, чтобы это знало, что я знаю о нем.» Он посмотрел ей в глаза.

«Я не хочу, чтобы фесова вещь знала, что я напуган,» прошептал он.

Керт вытащила ящик стола, чтобы найти носовой платок.

«И плакать, значит полностью выдать тайну,» проворчал он на нее.

Керт кивнула и высморкалась.

«Итак,» прошептал Цвейл, «сколько?»

«Мы можем вводить паллиативные средства, чтобы замедлить прогресс--»

«Я не хочу лекарства. Я не хочу сиделок и тесты и мониторы. Я просто буду продолжать то, что делаю, если не против, столько, сколько смогу, сколько это позволит мне. Сколько?»

«Без лечения,» сказала она, «не больше трех месяцев.» Цвейл издал неприличный звук.

«Это абсолютно дерьмово,» сказал он. «Я полагаю, что нет никакой вероятности, что результаты тестов неправильные?»

Она покачала головой. «Мне так жаль.»

Старый священник откинулся, разочарованный. Затем новое выражение появилось на его лице. С самого начала их разговора, он не показывал практически ничего, кроме злости. Теперь у него было выражение шока.

«Ой, дерьмо,» пробормотал он.

«Что?»

«Я только что подумал кое о чем,» сказал он. «Я только что подумал об одной крошечной детали, которая делает это дело в тысячу раз хуже.»

Братство скользило сквозь туман. Город все еще был покрыт яркой белой пеленой, похожей на высокогорное облако, но солнце начинало прожигать ее. Суровый, яркий, чистый день угрожал стать реальностью.

Кархунан Сирдар был уверен, что их священное дело будет сделано и закончено к тому времени, когда туман исчезнет. Они столкнулись с осторожным врагом, который сбивал их со следа не единожды. Но они были Кровавым Пактом, и они поклялись и шли вперед. У них была решимость Кровавого Родства за спиной, и они поклялись выполнить свой долг на своих душах.

Они устали, они были голодны, и приближающаяся перспектива их общей, насильственной смерти, несмотря на прославленную судьбу, затронула многих из

них страхом. Тем не менее, никто из них, ни один, не затаил даже незначительной мысли о том, чтобы сдаться. Они все любили дамогора и, варп им свидетель, они не подведут его, не в этой жизни.

Ведьма сделала свое дело. Дамогор сказал людям, что фегат скрыл себя. Ведьма не могла прочесть его. Тем не менее, после длительного процесса тайного изгнания и молитвы, адская сестра дамогора идентифицировала одну часть Имперского города, в которую не могла посмотреть. Одно маленькое место оставалось пустым для нее. Логика была проста. Цель прячется в месте, в которое она не может посмотреть.

Ведьма поклялась в этом, и у Кархунана Сирдара не было причин сомневаться в ней. Она не могла лгать.

Только правда срывалась с ее губ.

Впереди, Имри замер на углу улицы. Он указал на черный металлический знак на мокрой кирпичной стене.

Карнейшн Стрит. Вот это место.

«Возьмите меня с собой,» настаивал Маггс.

Гаунт покачал головой.

«Нет.»

«Слушайте, я не знаю, что произошло,» запротестовал Маггс. «Развяжите меня и позвольте помочь.»

«Я тоже, на самом деле, не знаю, что произошло, Маггс,» сказал Гаунт, «и именно поэтому я не могу развязать тебя или взять с собой. Ты останешься здесь с Мистером Жайме. Когда все закончится, я вернусь за тобой.»

Маггс уставился на него. Во взгляде было много невысказанного.

Гаунт посмотрел на Жайме, который стоял поблизости.

«Спасибо за ваше гостеприимство, Мистер Жайме. Мы попытаемся больше не доставлять вас неудобства.» Жайме пожал плечами.

«Могу я пойти с вами? Как-нибудь помочь?»

«Спасибо, нет. Я бы предпочел держать вас подальше от опасности.»

В углу, Колдинг заканчивал упаковывать свою медицинскую сумку. Он был готов выходить.

Гаунт уже рисковал жизнью одного гражданского, и этого уже было слишком много.

«Эй,» позвал Маббон. Он был у переднего окна, смотря на улицу через цель в жалюзи. «Я думаю, наши планы только что изменились.»

Гаунт присоединился к нему.

Снаружи, туман был густым. Медленно и тихо, темные фигуры выходили из его бриллиантовых глубин. Гаунт насчитал троих, четверых...

Они медленно приближались, на расстоянии друг от друга. Они шли прямо к дому.

Гаунт мог видеть, что они были вооружены. Оружие они держали опущенным, но наготове.

Они остановились на покрытом снегом тротуаре и посмотрели в закрытые окна дома. Теперь, он тоже мог видеть их маски.

ДВАДЦАТЬ СЕМЬ

Знаменитые Поля Сражений Балгаутской Войны

«Уходим!» приказал Гаунт. «Через задний вход, все. Никто не остается.» Все начали выходить в холл и наверх по короткой, шаткой лестнице в заднюю часть дома. Гаунт увидел страх на лице Жайме.

Теперь он тоже был в этом, по-настоящему. «Развяжите мне руки,» прошипел Маггс. «Тихо,» сказал ему Гаунт.

Снаружи, в ярком тумане, Кархунан кивнул. Гнеш пошел вперед, смотря на дверь старого дома. Он согнул свои широкие плечи, чтобы закрепить ремень своего тяжелого лазгана, и открыл огонь. Он поливал дверь от бедра, посылая толстые заряды в нее, в дверную раму и в окружающие кирпичи. Дверь расщепилась, продырявленная, как высушенный осенний лист. Рама разлетелась острыми обломками и древесной пульпой. Кирпичная кладка разрушилась, исторгнув облака кирпичной пыли, и на ней образовались кратеры. Несколько выстрелов пролетели через приемный вестибюль за дверью, и разнесли мебель или зарылись в доски пола.

Закончив свою пальбу, Гнеш отступил назад, и Криг пробежал мимо него, чтобы возглавить штурм. Кригу едва ли потребовалось наносить удар ногой, чтобы вынести разрушенную дверь. С поднятым лазганом и целясь, он перешагнул через порог, выискивая цель.

Он прошел меньше метра по вестибюлю, когда его начало трясти. Ощущение было сбивающим с толку. Криг был почти более озабочен внезапным наступлением недомогания, чем дискомфортом, которое оно принесло с собой. Он закачался, и его прицел сбился.

Понадобилось десять секунд, чтобы эффект усилился, наполняя его тело, как химический токсин, или как кипение горячего вируса шестого класса, вида чудовищного патогена, с которым человек может столкнуться на мире смерти, и который может убить его за три дня.

Этому потребовалось десять секунд. Криг начал биться в судорогах. Он уронил свою винтовку и зашатался, потеряв баланс. Он чувствовал, как будто у него внутри был огонь. Жидкость наполняла его легкие, душа его. Он начал кашлять, и кровь потекла из его рта. Он ударился о стену и упал, стащив за собой одну из розовато-лиловых штор Мистера Жайме, сорвав ее с гвоздей и обнажив обшарпанную, незаконченную поверхность стены.

Криг истекал кровью. Несвертывающаяся кровь текла у него из носа, рта и глаз, с кончиков пальцев, из его пор, из каждого отверстия в его теле. Он вздрогнул в последний раз, внезапно обмяк, и умер.

Снаружи у входной двери, Гнеш с неверием смотрел, как его товарищ умер в вестибюле перед ним. Он сделал шаг вперед, чтобы попытаться помочь ему, но Кархунан Сирдар удержал его.

Кархунан указал вниз на порог, и Гнеш увидел символ, который был нацарапан на дереве и наполнен кровью: кровавый охранный знак, смертельная ловушка для дураков. Криг переступил прямо через него.

«Дом блокирован,» сказал Гнеш. «Мы можем обойти? Здесь есть другой вход?»

«Нет времени,» сказал сирдар. Он махнул Малстрому подняться.

Они отошли назад, когда Малстром катнул гранату на порог и пригнулся сбоку. Взрыв снес остатки дверного проема, разнес порог, и отбросил труп Крига на несколько метров дальше по вестибюлю.

Он, так же, стер кровавый знак, и разрушил его колдовство.

«Внутрь!» приказал Кархунан. «Смотрите на предмет таких знаков. Пошли. Пошли!»

Гаунт и его компаньоны слышали *бах* гранаты позади них, когда уже ушли от заднего входа дома Жайме и пробирались по грязным дворам и темным аллеям позади дома.

Непотревоженный снег лежал толстым слоем на крышах и во дворах. Сквозь медленно плывущий туман, Гаунт мог видеть висящее постиранное белье на веревках в соседних дворах.

«У вас есть машина?» спросил Гаунт Жайме, пока они бежали по снегу к концу двора.

Жайме помотал головой.

У Гаунта оставалась последняя обойма в его болт-пистолете. Он вытащил лазерный пистолет, который Крийд оставила ему, и переключил его на «заряжено».

«Ради Трона!» крикнул Маггс. «Отпустите меня и дайте мне оружие.» Гаунт проигнорировал его, и направил их дальше вдоль высокой стены аллеи, которая заканчивалась воротами в конце ряда особняков. Кучи мусора и хлама наполовину заполняли пространство, сглаженные и накрытые недавним снегопадом.

Они бежали так быстро, как могли. Гаунт бежал замыкающим с оружием в руке. Дважды, он останавливался и целился в то, что казалось движением позади них.

Затем они услышали еще один глухой взрыв, когда их преследователи взорвали знак, который Маббон оставил на пороге заднего входа. За ним быстро последовали залпы лазерного огня, которые пронзили туман, заставляя его кружиться и завиваться.

Гаунт снова поднял свое оружие, но стрельба была просто случайной. Он не собирался тратить драгоценные выстрелы на цель, которую не мог видеть.

Они уже были рядом с главной улицей, примыкающей к той, на которой стоял дом Жайме.

«Доктор,» сказал Гаунт, пока они бежали, «вы бы не могли, пожалуйста, перерезать пути Маггса? побыстрее, пожалуйста.» Колдинг нащупал скальпель в своей сумке, и разрезал бечевку, которая была на запястьях Маггса.

Маггс посмотрел на Гаунта.

«Оружие?»

«Колеса,» ответил Гаунт.

Маггс кивнул, и побежал вперед от них, на широкое авеню в туман.

Гаунт подгонял остальных в направлении улицы, двигаясь позади с приготовленным оружием для любого движения в туманной аллее позади них.

Маггс выбежал на дорогу. На широком пространстве авеню туман начинал уменьшаться. Он мог видеть крыши зданий на дальней стороне улицы, так же, как и куски молочно-голубого неба. Солнце пробивалось сквозь туман, подобно галогеновой лампе.

Здесь был небольшой трафик, и несколько пешеходов, закутанных в пальто и шарфы от холода. Младшие работники близлежащих торговых домов чистили снег на тротуарах перед витринами. Слегка впереди подъехали два транспортника-б, чтобы бригада муниципальных рабочих сгрузила мешки с солью, чтобы посыпать его на дорогу.

Маггс подбежал к задней машине, и начал забираться в кабину.

«Эй. Эй, ты!» крикнул бригадир, бросив свою лопату и поспешив к грузовику.

«Имперская Гвардия!» крикнул в ответ Маггс, нащупывая зажигание. «Я реквизирую эту машину.»

«Ой, да ладно. Как будто идет война,» возразил бригадир.

«Всегда идет война,» сказал ему Маггс. Он запустил двигатель.

«Спускайся оттуда, сейчас же!» крикнул бригадир.

Маггс пристально посмотрел на него из водительского окна.

«Отвали, друг. Не заставляй меня выходить и делать тебе больно.»

Бригадир увидел что-то в выражении лица Веса Маггса, что ему совсем не понравилось. Он резко отошел назад, и так же сделали члены его бригады. Они с ошеломлением смотрели, как Маггс дал задний ход, и рванул машину назад. Колеса машины скользили на снегу, и ее задняя часть сбила несколько мешков с солью, выгруженных на тротуар.

«Boo! Boo! Boo!» кричал бригадир.

Маггс игнорировал его, и продолжал двигаться задом вдоль тротуара, широкие шины транспортника-б разбрасывали грязь, когда проскальзывали. Он отъехал назад на

десять метров, чтобы встретить Гаунта и остальных, которые бежали по тротуару от аллеи.

Несколько случайных выстрелов пропели из аллеи на улицу. Большинство разлетелись широко. Один срезал фонарный столб, а другой разнес фару проезжающей машины. Пешеходы на улице замерли, а затем разбежались в ужасе. Еще больше выстрелов в слепую вылетело из аллеи. Витрины двух торговых домов разлетелись миллионами стеклянных осколков. Два младших работника, откидывающих лопатами снег перед ними, пригнулись и побежали.

Гаунт отправил заключенного в заднюю часть грузовика, а затем помог Колдингу и Жайме залезть туда. Он побежал к пассажирской двери кабины.

Пешеходы поблизости кричали, пока бежали. Рабочая бригада тоже уже начала спасаться бегством. Гаунт повернулся, и увидел первого из их преследователей, вышедшего из аллеи на туманную улицу с поднятой лазерной винтовкой.

Гаунт поднял лазерный пистолет, держа его двумя руками, и сделал два быстрых выстрела. Оба попали в воина Кровавого Пакта, отбросив его назад в тень аллеи.

Гаунт залез в кабину.

«Поехали!» крикнули он.

Маггс вдавил ногой до упора.

Транспортник-6 заскользил прочь по снегу на главные ряды улицы. Шквал лазерного огня и пуль осветили воздух вокруг него, и застучали по корпусу.

«Пригнитесь!» крикнул Гаунт в заднее окошко кабины.

Было тяжело контролировать тяжелый грузовик с каким-либо изяществом на снегу. Маггса занесло, и они смяли переднюю часть припаркованной машины, которую ее владелец бросил при первых признаках выстрелов.

Затем грузовик вскользь задел маленький грузовой фургон, отбросив его на другую машину. Корпус погнулся, а окна и фары разлетелись.

Они набирали скорость. Один последний удар, который отбросил машину в боковую часть трамвая, и они выехали на чистое место и повернули на следующем перекрестке на другую улицу.

«Куда?» спросил Маггс.

«Олигархия,» крикнул в ответ Гаунт. «Направляемся в Олигархию!» Эйл вел свою сестру сквозь туман. Он держал ее за руку, а она держала подол своего длинного платья. Несколько членов братства шли вместе с ними.

Ведьма начала смеяться.

«Что?» спросил Эйл.

«У нас контакт!» закричала она, вырвав свою руку из его, чтобы радостно захлопать.

«Отряд Кархунана Сирдара вошел в контакт. Фегат убегает, но у нас снова есть след, сильный и свежий!»

Она повернула свое, закрытое вуалью, лицо, чтобы посмотреть на своего брата.

«Он снова на открытой местности,» сказала она. «У нас его след. Клянусь душой, ему конец.» Инквизитор Райм резко захлопнул досье и передал его в руки Сиркла.

«Это так очевидно,» сказал он, качая головой и тихо смеясь. «Так чертовски очевидно. Я слишком сильно переоценивал это.»

«Сэр?»

«Я предполагал, что сообщение Гаунта было косвенно связано с каким-то личным делом. Это намного менее изощренно.»

Райм начал быстро идти мимо поисковых отрядов к передней линии, зовя старших Танитских офицеров и командиров бригады Роты S. Сирклы спешили за ним.

«Передислоцируемся!» кричал он. «Мы направляемся в Олигархию.»

«Олигархию?» спросил Эдур. «Но нет никаких оснований, чтобы предполагать--»

«Он направляется туда,» резко бросил Райм. «Башня Плутократов. Посмотрите в дело Гаунта. Я был идиотом, не установив связь раньше. Как выглядит туман?»

«Быстро рассеивается, сэр,» доложил один из Сирклов.

«Пришлите птичек назад. Я хочу, чтобы с воздуха нас прикрывали снайперы. Только лучшие.» Один из Сирклов поспешил прочь, чтобы выполнить приказ Райма. Еще двое сопровождали Бленнера и Крийд от бронированного грузовика.

«Фес!» прошептал Колеа. «У него Тона. А это не приятель-комиссар Гаунта?» Баскевиль кивнул. «Когда мы отправимся, нам лучше оставаться поблизости с передним краем. Мы не хотим, чтобы Райм добрался туда первым.»

«Согласен,» сказал Колеа. Он, расталкивая плечами, пробирался через собирающуюся толпу людей, и пытался добраться до Крийд.

«Тона. Тона!» звал он. Она услышала его, и увидела его. Она выглядела бледной. Она слегка махнула закованными в наручники руками.

«Ближе не подходите,» сказал один из Сирклов, блокируя Колеа дорогу.

«Я хочу поговорить со своим сержантом,» сказал Колеа.

«Она под арестом Инквизиции, поэтому прямо сейчас это невозможно.»

«Но--»

«Возвращайтесь к своим обязанностям, майор,» сказал ему Сиркл.

Пока поисковой отряд готовился сменить фокус, Эдур улучил момент, чтобы поговорить с Капитаном Тавилом, одним из офицеров Роты S.

«Райм не убьет Гаунта или ценный актив, пока мы в состоянии предотвратить это. Это ясно, капитан?»

«Как стекло, сэр,» сказал Тавил. Он забросил свой хеллган на плечо, и побежал к своим людям, чтобы раздать им инструкции.

Эдур смотрел, как он убегает. Комиссар вытащил свой болт-пистолет, и проверил обойму. Затем он убрал его в кобуру и проверил заряд короткоствольного пистолета, который он держал на плечевом приспособлении под своим пальто, в качестве запасного. Не смотря на эффект кувалды от болт-пистолета, Эдур посчитал, что вскоре ему может понадобится изящество лазерного пистолета.

Он посмотрел на небо. Туман уже быстро поднимался, и небо было чашей чистой, стеклянной синевы.

С востока, Эдур услышал увеличивающийся вой двигателей боевых кораблей, когда Валькирии разворачивались, чтобы присоединиться к охоте.

Притворяясь, что перевешивает последнюю партию уведомлений на информационной доске, Нахум Ладд показал искусное ошивание возле двери комнаты вокса.

Полдень очистился, и превратился в яркий и резкий, и снаружи, он мог слышать людей, кричащих и улюлюкающих, пока те играли в битву-и-мяч на заснеженном плацу.

Что-то привлекло внимание Ладда. Он уставился в полуоткрытую дверь, и наблюдал за активностью, происходящей между Сирклом и операторами вокса. Он попытался почитать по губам.

Внезапно, Сиркл быстро пошел из комнаты вокса, и Ладд быстро начал прикреплять расписание недельных дежурств. Ладд подождал, пока Сиркл не исчез. Затем он поспешил в офис Харка.

«Что такое, Ладд?» спросил Харк, отрывая взгляд от стола.

«Что-то происходит,» сказал Ладд. «Сиркл только что стал очень возбужденным. Я думаю, что услышал, как он говорил что-то о том, чтобы покинул Аарлем и вернуться к своему хозяину. Сэр, я думаю, что они на что-то напали. Я думаю, что они тоже выяснили, что это Башня.»

Харк выругался и бросил на стол стилус.

«Мы в опасной близости от точки, где я сделаю кое-что, о чем, я знаю, буду сожалеть,» сказал он. Он поднялся на ноги. «Давай поглядим, что там, в часовне.» Они вышли в коридор. Вновь появился Сиркл, и он разговаривал с одним из операторов вокса рядом с дверью комнаты вокса. В дальнем конце коридора, Далин Крийд, внезапно, вбежал в поле зрения. Он поспешно перешел на шаг, когда заметил агента ордоса в коридоре.

Он увидел Харка с Ладдом, установил зрительный контакт с ними, и сделал крошечный жест, что они должны следовать за ним, легким наклоном головы.

Харк подошел к Сирклу.

«Что-то случилось?» спросил он.

«Вы будете проинформированы в свое время, если это будет касаться вас,» сказал Сиркл.

«Ладно, вы знаете, где меня найти,» ответил Харк, и пошел дальше по коридору.

Он с Ладдом вошли в часовню. Белтайн работал с передатчиком с Далином и Рервалом, а Меррт наблюдал за дверью.

«И?» спросил Харк.

Белтайн прижимал наушник к уху.

«Только что появилось,» ответил он. «Это идет из другого источника, и коды неправильные, но я думаю, что все подлинное. Я просто жду подтверждения.»

Никто ничего не говорил минуту. Затем передатчик с треском ожил. «Крепость, Крепость, это Дерево Нала, это Дерево Нала, пожалуйста, ответьте.» Харк взял микрофон у Белтайна. «Дерево Нала, Дерево Нала, это Харк. Где вы были, фес вас?»

«Тоже рад говорить с вами, Харк,» сказал Роун, сидя в комфортном кожаном кресле. «У нас были некоторые трудности на предыдущем месте, поэтому нам пришлось сменить позицию, прием.» Он бросил взгляд на Мерина и Даура, стоящих позади него в маленьком офисе. Передатчик вокса, компактная модель, стоял на столе в углу комнаты. Они могли чують дым обскуры, поднимающийся из салона внизу.

«Мне нужно знать, какого рода трудности, Роун? Прием,» ответил Харк по связи.

«Возможно, нет. Наша связь сдохла. Нам удалось найти альтернативный источник, благодаря нашему новому самому лучшему другу, Мистеру Ксони.»

Лев Ксони сидел в наружном офисе под пристальным взглядом Варла. Привести их в его собственный игровой клуб, *Восьмерку Жезлов*, на Бригантес Стрит, и позволить им свободно использовать его вокс, казалось маленькой ценой за его

продолжающееся существование. Ксони даже позволил им воспользоваться одним из больших коричневых лимузинов, которые привезли его ударный отряд к «У Золандера». Остальная часть группы ждала у машины.

«Расскажешь мне об этом потом, Роун,» сказал Харк. «Вещи быстро происходят. Гаунт обнаружил себя.»

«Где?»

«Насколько мы можем быть уверены, он собирается показаться у Башни Плутократов в четыре.» Роун посмотрел на высокие часы в офисе Ксони. Было без четверти.

«Маловато времени,» ответил он. «Башня давно упала, так ведь?»

«Верно.»

«Но она была у Врат Олигархии, на пути в Верховный Дворец?»

«Снова верно.»

«Место, в котором мы, севернее, чем «У Золандера». Это двадцатипятиминутная поездка отсюда, особенно со снегом на земле.»

«Значит, шевелите задницами, майор.»

«Как раз собирался,» сказал Роун, уже поднимаясь на ноги. «Есть еще что-нибудь, что я должен знать до того, как повешу трубку? Последний шанс.»

«Имейте в виду, в этом, весьма вероятно, есть интерес Инквизиции, так же, как и у Секции, и, может быть, даже у СПО. Если все выйдет из-под контроля, вы, возможно, окажетесь в драке с пятью или шестью сторонами.»

«Понял. Что-то еще?»

«Император защищает, Эли.»

«Спасибо, Виктор. Увидимся в почетном списке.»

«Удачи, майор.»

«Дерево Нала, отбой.»

Роун щелкнул выключателем, который убил вокс, и бросил микрофон на стол.

«Выдвигаемся,» сказал он, поднимая свое оружие.

«Если мы собираемся добраться туда быстро, позвольте мне вести в этот раз,» сказал Мерин.

«Ох, отвали,» сказал Даур. «С моим вождением нет ничего плохого.»

«Ты водишь, как старуха,» сказал Мерин.

«А ты будешь орать, как маленькая девочка, если мне придется отстрелить тебе кое-что не слишком жизненноважное ниже пояса,» сказал Роун, «поэтому делай, как говорит Даур и заткнись нафес, Мерин.» Они вышли во внешний офис. Варл с Ксони подняли взгляды.

«Вы закончили?» спросил Ксони.

«Мне больно говорить это, Мистер Ксони,» сказал Роун, «но мы должны распрощаться с вами, и освободить вас.»

Роун посмотрел вниз, на сидящего человека, и вздохнул.

«Мистер Ксони, ради вас, я не собираюсь ломать привычку своей жизни и сдержу слово. Я не собираюсь пристрелить вас, чтобы гарантировать ваше молчание. Трон, это должно было быть более лаконично и просто, если бы я мог, но я пообещал. Вы останетесь в живых.»

«Спасибо вам, спасибо вам!» воскликнул Ксони, а затем начал плакать.

«Одна вещь, Ксони,» сказал Роун, наклонившись, чтобы посмотреть в лицо человека, «вы не захотите быть тем человеком, которые заставит меня пожалеть об этом решении.»

«Не захочу?» всхлипнул Ксони, подняв взгляд.

«Не захотите,» кивнул Роун.

«Ох, вы, на самом деле, фесово не захотите,» рассмеялся Варл. «Вы обманете его, и он прирежет вас, как бешеную ларисель, и отфесает вас так, что вы не сможете--»

«Спасибо, Варл,» сказал Даур. «Я полагаю, Ксони представил картину.»

«Да. Да!» произнес Ксони.

Вчетвером, они прогрохотали по лестнице с заднего входа клуба на задний двор, где оставили лимузин. Роун рассказал Варлу о том, что ему сказал Харк.

«Фес,» сказал Варл. «Он сказал еще что-нибудь?»

«Он сказал, 'Император защищает',» сказал Даур.

Они вышли на заснеженный задний двор. Большой коричневый лимузин с хромированными деталями был припаркован рядом с въездными воротами. Фигуры, стоящие вокруг него, обратили свое внимание, когда увидели четырех людей, вошедших в поле зрения.

«Вы знаете, что полная версия благословения звучит, как 'Император защищает добродетельных', так ведь?» спросил Варл, пока они бежали к машине.

«Да?» произнес Мерин. «Тогда, мы в заднице.»

Прилегающая к Верховному Дворцу территория, как предполагало его название, находилась на вершине гигантского покатого пика, над рекой, на которой был построен Балополис. Олигархия, обширные площади с правительственными зданиями и древними колледжами и часовнями, формировала мантию, с короной, в качестве дворца.

Туман рассеивался наверху гораздо быстрее, чем на нижних, пологих улицах Балополиса. Наверху, у Верховного Дворца, воздух был голубым и чистым, как кристалл. Снег покрывал восстановленные стены и крыши благородного дворца, а мороз покрыл лужайки декоративных садов в палисадниках. Жаворонки, настолько высоко, что были невидимы, пели чистыми трелями в холодном воздухе. Караульные из СПО, в официальных мехах, несли караул, дуя себе на руки.

Олигархия, и Верховный Дворец, который располагался в его сердце, были ключевыми местами для любой поездки на Балгаут. Планета хвасталась некоторыми наиболее печально известными городами сражений в секторе, и стала магнитом для ученых, теоретиков, энтузиастов, туристов и, конечно же, для оплакивателей павших

и горюющих о старых потерях. Верховный Дворец был кульминацией для любого траурного паломничества, и делом, которое само стало индустрией. Верховный Дворец был тем место, где решился исход войны. Это было тем местом, где пал Слайдо. Это был тем местом, где они возвели мемориальные часовни, особенно Хонорариум, где был похоронен Слайдо.

Они называли это, возможно резко, Экскурсией Вдов, потому что это наиболее часто предпринималось состоятельными вдовами с разбросанных миров Группы Хана, приезжающими на Балгаут с многострадальными слугами и ссорящимися детьми, которые никогда лично не знали покойных. Профессиональные экскурсоводы и сопровождающие предлагали свои услуги; разработка экскурсии обычно определялась богатством и статусом.

Различные театры и поля сражений могли быть включены, в зависимости от карьеры покойного. Можно было посетить церемонию Поднятия Аквилы в Заебес Сити, или прогуляться по элегантным рядам простых белых надгробий на кладбищах с видом на Долину Вознесения.

Были даже официальные книги, с которыми любой мог проконсультироваться. Некоторые были исчерпывающими, другие можно было приобрести за несколько монет у любого торговца на любом углу: энциклопедии и невзрачные сборники, научные тома и хрупкие брошюры. Одним из наиболее повсеместных и доступных по цене был шестистраничный буклет, теперь уже в сорок седьмом издании, озаглавленный *Знаменитые Поля Сражений Балгаутской Войны*. Он был выпущен Муниторумом, и одобрен Обществом Ветеранов Балгаута. Это был дешевый и мало заслуживающий внимание отчет о ключевых фазах и столкновениях войны, дополненный поразительно плохими картами и пиктами.

Гаунт взял копию с полки снаружи киоска гида, и поверхностно ознакомился.

«Что это?» спросил Жайме.

«Памятка,» ответил Гаунт. Он открыл одну страницу и читал.

«О чем там говорится?» спросил Жайме.

«Тут говорится, что на девятый день сражения, Слайдо повел свой левый фланг на Врата Олигархии. Атакой номинально руководил Капитан Аллентис из Серебряной Гвардии, но его наступление было остановлено убийственными машинами Херитора. Таким образом, первым подразделением, достигшим Врат, стал Хурканский Восьмой, которому превосходно удалось проделать большую дыру в защите Архиврага, и создать брешь, которая сохранялась девять дней штурма.»

«Это правильно?» спросил Жайме.

Гаунт посмотрел через плечо. В тени колоннады, он мог видеть Колдинга и Маггса с заключенным. День был тихим. Яростный снежный шторм удержал большинство туристов и вдовьих экскурсий от посещения Верховного Дворца на пару дней. Охранники и гиды, последние по большей части студенты-историки из Коллегио Балополиса, скучающие бродили вокруг, или дремали в своих деревянных киосках.

«Идем со мной,» сказал Гаунт Жайме.

Он повел молодого человека в центр четырехугольного двора из нового камня. Несколько оригинальных камней от Врат, изуродованных и отколотых, были помещены на обозрение в ящики из укрепленного стекла по периметру, подобно трофеям.

«Вот здесь стояли Врата,» сказала Гаунт, раскинув руки. «Прямо здесь. Они были достаточно хороши, чтобы оставить свой отпечаток на новом булыжнике.»

Жайме посмотрел вниз. Новый двор был выложен из черного камня, матового и плоского. Он увидел, что очертание широкой структуры было обозначено толстой серебряной проволокой, инкрустированной в камень.

«Вот здесь стояли Врата,» сказал Гаунт.

«И вы взорвали их,» сказал Гаунт. «Трон. Они были огромными.»

«Аллентис проделал большую часть работы,» сказал Гаунт. «Он одержал победу, не мы. Трон, мне было так жаль, когда они сказали мне, что он погиб.»

«Он был из Серебряной Гвардии, этот Аллентис?»

«Да.»

«Значит, Астартес?»

«Да.»

«Мне говорили, что Астартес не как нормальные люди. Что они другие. Больше, чем люди, и меньше тоже.»

«Я знал Астартес, которые были больше животными, чем людьми,» пожал плечами Гаунт. «Аллентис был человеком. Человеческой душой. Один из храбрейших и настойчивых, с которыми у меня когда-либо была привилегия служить.» Жайме поджал губы, и кивнул.

«Значит, здесь то место, где погиб Слайдо?» спросил он.

«Нет, не здесь. Примерно в километре западнее.»

Жайме кивнул.

«Странно снова оказаться здесь?» спросил он.

«Самая странная вещь, которую я когда-либо делал,» улыбнулся Гаунт. «Сколько времени?»

«Без десяти четыре,» сказал Жайме. Он хорошо видел башенные часы дворца. Ни один из их часов не работали с тех пор, как начался снежный шторм.

«Нам лучше идти,» сказал Гаунт.

«Мои уважаемые сэры, могу я помочь вам?» спросил гид, приближаясь и кланяясь. Он был высоким молодым человеком, худым, с длинными волосами, которые висели в вырезе горловины его красной робы гида. Он улыбался дружелюбной улыбкой.

«Может, экскурсию?» предложил он. «Крона с человека, и вы увидите все достопримечательности. Это очень познавательно. Я могу провести вас по местам сражений Верховного Дворца, Врат, Башни и, конечно же, гибели Слайдо. Я полностью сведущ. Вы потеряли здесь своих возлюбленных?»

«Множество,» сказал Гаунт.

«Да,» сказал Жайме. «Своего отца. Он был из СПО. Он участвовал в штурме Врат, ну или так мне говорили.»

«Ну, это, в самом деле, было отважным поступком,» согласился гид. «Я был бы рад показать вам ключевые места.»

«Да. Сделайте это,» сказал Гаунт. Он занырнул в карман в поисках монет. «Мы хотим увидеть их все, но в особенности мы хотим увидеть Башню Плутократов.»

«Одна из достопримечательностей,» сказал гид.

«Отведите нас сначала туда,» сказал Гаунт.

Гид кивнул. «Сколько вас в группе, сэр?»

«Пятеро,» сказал Гаунт. Он нашел три монеты. «Помогите мне с этим, Жайме.» Жайме поспешно достал еще две кроны, и Гаунт заплатил экскурсоводу. Он позвал кивком головы Маггса, и Маггс с доктором повели Маббона из теней, чтобы присоединиться к ним.

«Ох, бедный человек!» воскликнул гид, указывая на Маббона. «Он – ветеран?»

«Да,» сказал Гаунт.

Гид пошел. Еще три или четыре группы ходили по восстановленным руинам.

Гиды в отличительных красных робах водили семейные группы по дорожкам, цитируя рассказы о войне, заученные наизусть. Гаунт видел группы из горюющих вдов с вуалями, группы серьезным молодых солдат, и семейные группы, которые включали в себя и тех и других. Маленькие дети в семейных группах свободно прогуливались по четырехугольным дворам и открытым местам, их тети и матери ворчали на них.

Гаунт по очереди наблюдал за каждой группой, слушая тихие эха рассказов гидов.

Их собственный гид ни на мгновение не замолкал, пока вел их по дворам и длинным крытым галереям.

«Здесь, на девятый день! Смерть Капитана Олларка! На этом самом месте! Две пули, пока он пытался залезть на кучу тел!»

«Олларк сам застрелился на пятый день,» прошептал Гаунт Жайме. «Он больше не мог это выносить. Этот человек так же плох, как и вы.»

«Это, должно быть, заразно,» сказал Жайме.

«Ваш отец, на самом деле, был здесь?» прошептал Гаунт, когда гид пошел дальше.

«Да. Я бы не стал такое придумывать,» сказал Жайме.

«Я не помню Жайме,» прошептал Гаунт. «Здесь были части СПО с нами, но я не помню Жайме.»

«Я вряд ли ожидаю это от вас,» ответил Жайме, пока гид бормотал дальше. «Он был маленьким человеком в незначительном отряде, и это было пятнадцать лет назад. Вы, возможно, даже никогда не видели его. К тому же, разве вы говорили мне, что можете вспомнить имя каждого на каждом поле боя на котором вы когда-либо побывали?»

«Конечно, нет,» сказал Гаунт, смотря на него.

«Тогда, ладно,» сказал Жайме. «Вы не вспомните его. Он был неважен.» Гаунт нахмурился.

«Спо было прямо здесь с нами, на каждом шаге пути. Их вклад часто недооценивают. Жайме, если ваш отец был здесь, он был отважным человеком. Вы сказали, что он погиб здесь?»

«Мы никогда не знали, где,» сказал Жайме. «Он погиб у Врат, так нам говорили.»

«Вы мне говорили, что никогда не встречали героя,» сказал Гаунт, пока гид все продолжал и продолжал, «но это не так. Ваш отец был героем.»

Жайме посмотрел на него, и улыбнулся.

«Спасибо вам,» сказал он.

«За что?»

«За то, что достаточно любезны, чтобы сказать мне ту же самую белую ложь, которую я говорю остальным.»

«Это не ложь,» сказал Гаунт.

«Возможно,» сказал Жайме. «В любом случае, я благословляю вас за это. Возможно, сейчас вы лучше понимаете достоинства моей профессии.»

«Вы знаете, что отец Колдинга тоже погиб на войне?»

«Доктора?» спросил Жайме.

«Его отец погиб, пытаясь защитить раненых. Кажется, сегодня сыны героев присматривают за моей спиной.»

Жайме засмеялся.

«Я никогда не ожидал таких сентиментов от вас,» сказал он. «Я должен выдать вам предварительный гонорар. Скажем, полкроны за эпитафию?»

Гид, все еще бормоча, привел их ко входу восточного палисадника. Он стал говорить возвышенно.

«А здесь! Здесь то место, где великий Слайдо пал в своей смертельной битве с грязным Архонтом! Видите, как место его гибели отмечено аквилой, инкрустированной серебром и рубинами.» Они посмотрели вниз на священное место. Оно было освещено прожекторами и висячими шарами.

«Я думаю, что мы все должны провести здесь торжественное мгновение,» сказал гид.

«Это не то место, где погиб Слайдо,» прошептал Гаунт.

«Нет?» прошептал в ответ Маггс.

«Он упал примерно в шестидесяти метрах в ту сторону к западным палисадникам. Затем они протащили его труп еще сотню метров, и ритуально обезобразили. Я ставлю на то, что этого нет в экскурсии.»

«Нет,» прошептал Жайме.

«Я не могу поверить, что у них так много всего неверного,» пробормотал Гаунт.

«В отличие от вас, их здесь не было,» тихо сказал Маббон.

Гид снова начал идти.

«Сколько времени?» спросил Гаунт.

«Без пяти четыре,» сказал Колдинг. «По крайней мере, это было последнее время, когда я видел часы дворца.» Гаунт посмотрел на гида. «Теперь мы бы хотели увидеть Башню Плутократов,» сказал он.

«Ну, разумеется,» воскликнул гид. «И я уверен, вы захотите увидеть места смерти ключевых павших там!»

«Ме... места смерти?» спросил Колдинг.

Гид кивнул.

«Как и в случае Слайдо, места, где пали герои. Капитан Менхорт из Колстекских 'Молотов', Гаунт из Хурканцев и, конечно же, Аллентис.»

«Что?» спросил Гаунт.

«Вы сказали Гаунт?» спросил Жайме.

«Гаунт, Комиссар Хурканцев,» сказал гид. «Он погиб, взрывая Башню.» Гаунт посмотрел на своих компаньонов.

«Честно слово, я не погибал,» прошептал он. Маггс с Жайме фыркнули. Намек на улыбку даже появился на губах Колдинга.

«Давайте посмотрим на место смерти Гаунта,» сказал Маггс гиду.

«Да. Почему бы и нет?» рассмеялся Гаунт.

«Сюда,» объявил гид. «Это был девятый день. Херитор сопротивлялся. Гаунт, упокой его Трон, повел Хурканцев через уничтоженные Врата, и окопался на внутреннем дворе под Башней...»

До четырех оставалось всего две минуты.

ДВАДЦАТЬ ВОСЕМЬ

Место Смерти Ибрама Гаунта (посетители приветствуются)

Энергичный гид вел их вперед к большому двору, где контур Башни Плутократов был очерчен серебром и золотом.

Гаунт почувствовал, что воздух становится холоднее.

Он потянулся к обнадеживающей рукояти своего болт-пистолета. Она ощущалась удобной в его руке. Он держал группу близко к себе, и продолжал визуальный осмотр. Он отметил, что и Маббон, и Маггс, тоже осматривают территорию. Они тоже это почувствовали, и, кем бы они не были, оба были, в первую очередь, солдатами. У них были отточенные навыки, которые никогда не сотрутся.

Гаунт продолжал держать руку на своем болт-пистолете, пока гид вел его группу через крытую галерею к месту, где стояла Башня. Маггс подошел ближе к Гаунту.

«Дайте мне оружие,» прошептал он.

Гаунт помотал головой.

Небо над Верховным Дворцом стало болезненно синим, незапятнанным никакими облаками. Солнце, начавшее свой дневной путь по небу, все еще было ярким. Тени от галерей и мемориальных часовен вокруг огромного двора были жесткими и черными.

Гаунт слышал повсеместное бормотание голосов: других гидов, ведущих группы; разговоров между посетителями; священника аятани, совершающего простую службу перед мемориальной доской, семьи, собравшейся вокруг него со склоненными головами. Легкий ветер шуршал длинными полами черных шелковых платьев.

Гаунт услышал, как башенные часы в Олигархии пробили четыре. Он повернулся к гиду.

«Вы бы не могли побыть тут с моей группой несколько минут?» спросил он.

«Расскажите им о Башне. Расскажите им, какой экстраординарный шум она произвела, когда упала, как будто мир раскололся пополам. Расскажите им об

облаке пыли, которая скрыла солнечный свет. Расскажите им о кучах тел, более пологих, чем кучи камня.»

«Сэр?» спросил гид, выглядя озадаченным.

«Расскажите им все о Комиссаре Гаунте и каким выдающимся солдатом он был.» Гаунт повернулся и вышел из теней на солнечный свет огромного двора. Он увидел экскурсионные группы на дальней стороне двора, и еще несколько поближе, собравшихся вокруг мемориальных статуй в центре двора.

Это было совершенно не похоже на то, как он все это помнил, хотя он начал всерьез сомневаться в качестве своих воспоминаний. Местность была другой, более плоской. Топография зданий, окружающих территорию, изменилась, что было едва ли удивительно, учитывая побочный эффект от гибели Башни. Он помнил, как часами залегал под огнем, пристально смотря на маленькую заставу у ворот с характерным орнаментом в виде аквил. Он задумался, что случилось с тем местом. Оно все еще стояло, когда ему с Хурканцами, в конце концов, удалось прорваться через нее. Пала ли она позже? Была ли она уничтожена намного позже, чтобы освободить место для этих мемориальных построек.

Даже небо было другим.

Он медленно повернулся вокруг. Он мог видеть Верховный Дворец, затуманенный голубой далью. Он мог видеть кружащуюся стаю птиц. Он мог видеть огромный, темный монолит Хонорариума, возвышающийся позади огромного двора, подобно зубчатой стене.

Он пошел к центру огромного двора. Хотя она давно исчезла, он мог ощущать присутствие Башни над собой, оставшееся, подобно призраку. Его приказами было взорвать ее: его тяжким трудом, его успехом. Башня добавила почти полкилометра к общей высоте Олигархии. Падая, рев, который она производила...

На отдалении, он увидел фигуру, стоящую рядом с галереями. Он тотчас ее узнал.

Вид почти вызвал спонтанные слезы в его глазах: не слезы печали или слабости, но внезапный прилив эмоций. Быть здесь, через столько лет, и видеть, что его самый старый друг пришел ему на помощь, на этом самом месте...

Гаунт не заплакал. Это была одна из особенностей дизайна, которой не обладали его новые глаза.

Он начал идти к Бленнеру. Бленнер улыбался своей гребаной улыбкой, своей «Давай пошлем оставшуюся часть дня и пойдем в тот маленький бар, который я знаю,» улыбкой. Его фуражка была надета под отличительным, почти небрежным, полностью еретическим углом.

Все собиралось быть хорошо.

Когда он подошел ближе, Гаунт заметил руки Бленнера. Руки Бленнера были у него по бокам. Указательный и средний пальцы на обеих руках делали «идущее» движение.

Это был один из старых кодов, один из школьных кодов, который они использовали так давно на Игнатус Кардинале. *Одноклассник, друг, я могу видеть проблему, которую ты не можешь видеть; я могу видеть, что учитель или префект ждет, чтобы внезапно выпрыгнуть, ждет, чтобы поймать нас за беготню или пение или разговоры, поэтому уходи, пока все еще можешь. Мне уже конец, но ты, все еще, можешь спастись. Иди, иди, ради Трона, иди...*

Гаунт остановился, и начал пятиться. Широкая ухмылка пересекла лицо Бленнера. *Да, ты понял, Брам...*

Внезапно, два человека оттолкнули Бленнера в сторону, и рванули из галереи на солнечный свет. У обоих были лазерные пистолеты. У обоих было одно и то же лицо: двое из агентов Райма.

Они навели оружие на него.

«Ибрам Гаунт!» крикнул один. «Властью священной Инквизиции, мы приказываем вам немедленно сдаться! Не сопротивляйтесь. На землю, лицом вниз, раскинуть руки!»

«Почему?» спросил Гаунт.

«Делайте, как я говорю!»

«Я не признаю вашу власть.»

«Вы связались с известным культистом варпа. Виновны в связи. Ложитесь на чертову землю!» Быстро моргая, Гаунт вытащил свой болт-пистолет и навел его на Сирклов.

«Ладно,» сказал он. «Сделаем это.»

Сирклы слегка попятились.

«Взять его,» сказал один другому.

Раздался треск кости. Вэйном Бленнер соединил руки в кулак и удар ими по затылку одного из Сирклов.

«Беги, ради Трона, Брам!» крикнул Бленнер, когда Сиркл упал на колени.

Другой Сиркл посмотрел на своего двойника, растерянный.

Гаунт выстрелил болтом в каменное мощение двора перед ногами Сиркла. Бум был гигантским, и эхом раздался по огромной территории. Стайки испуганных птиц рванули с крыш галерей в синеву.

Посетители обернулись, подивившись, что означает глухой удар грома, не узнавая звук выстрела.

Кто на Балгауте все еще узнает звук выстрела?

Под ударами каменных осколков, другой Сиркл попятился назад. Гаунт начал убегать по залитому солнцем открытому пространству, его плащ развевался позади, как рваные крылья.

«Бегите!» крикнул он группе, ожидающей его в тени крытой галереи. Маггс уже заставлял их двигаться.

«Я думаю, что вы должны остаться здесь,» мягко сказал Маббон озадаченному гиду. «Это, возможно, та точка, на которой вы захотите отсоединиться от этой группы.»

«Если вы думаете, что так лучше всего, сэр» заикаясь, произнес гид. «Умм, Император защищает.»

«Я все время это слышу,» сказал Маббон, когда повернулся, чтобы последовать за Маггсом, Жайме и Колдингом по галерее.

«Это ловушка! Уходим,» крикнул Гаунт, догнав их.

Отряды солдат, некоторые из Роты S, но по большей части огневые команды ордоса, ворвались на огромный двор из восточных галерей, где ожидал Бленнер.

Райм был с ними, выкрикивая приказы своим агентам.

«Рассредоточится. Занять галереи! Территория заблокирована?»

«Да, сэр! Ударные отряды у всех ворот. Они не смогут покинуть территорию Олигархии.»

«Мы не можем позволить им сбежать!» заявил Райм. «Вызвать сюда птичек. Снайперов. *Сейчас же*, черт побери!»

«Да, сэр,» ответил Сиркл, махнув вокс-офицеру.

«Этот Гаунт показал свои истинные цвета!» прорычал Райм. «Если бы он сдался, когда у него был шанс, я бы проявил немного сострадания. Но теперь ясно, куда он забросил свою судьбу. Старые привычки умирают тяжело, а все свои он приобрел на Гереоне. Скажи птичкам, чтобы они стреляли сразу, как смогут! Они *все* цели, ты понял?»

«Да, сэр!» ответил Сиркл.

Эдур появился в солнечном свете огромного двора с первой волной. Он крикнул людям своей Роты S продвигаться вперед, надеясь защитить Гаунта после замешательства, которое последовало за неумелой игрой Райма.

«Вперед. Вперед!» кричал он.

«Цели сбежали в галерею, западная сторона, сэр,» воксировал Тавил по микробусине.

«Черт возьми!» крикнул Эдур.

«Мы полагаем, что цели направляются на восток к Хонорариуму и мемориальному анклаву, сэр.»

«Следуйте за ними!»

«Сэр, на нашем пути значительное количество гражданских!» Эдур снова выругался, и в расстройстве повернулся кругом в солнечном свете.

Он увидел Колеа с Баскевилем, и отряды Танитских разведчиков, бегущих к нему.

«Назад. Назад, сейчас же!» закричал он, поднимая руки. «Уходите. Вы только сделаете все хуже!»

«Ну а вы прекрасно справляетесь,» крикнул Баскевиль, когда пробежал мимо.

«Черт побери!» закричал Эдур.

«Мы присматриваем за своими!» крикнул ему Колеа.

«Именно поэтому это плохая идея,» ответил Эдур.

Мколл был первым из группы Танитцев, который достиг западных галерей. Эзра был прямо позади него.

Внезапно Мколл остановился, и посмотрел на небо.

«Что-то приближается,» сказал он.

«Вы имеете в виду воздушное прикрытие?» спросил Жажжо, подбегая к нему.

«Нет,» прорычал Мколл. «Что-то плохое, я полагаю.»

Он вскинул свою винтовку, и рванул в галерею.

«Разве мы не должны просто им сдаться?» спросил Жайме, пока они бежали.

«Нет,» сказал Гаунт.

«Но они были агентами Трона, так ведь? Работниками Инквизиции?»

«Ответ, все еще, нет,» сказал Гаунт.

Он резко остановился. Он мог слышать гул от преследующих их огневых команд, крики групп посетителей, убирающихся у них с пути.

Внезапно, все это стало казаться очень далеким.

Гаунт поднял взгляд. Разбросанные снежинки, не более трех или четырех, падали к ним из безоблачного неба. Она падали до тех пор, пока не оказались в нескольких метрах над их головами.

Затем они замерли в воздухе. Они висели, невозможным образом, в небытии, как будто время остановилось.

«Теперь у нас настоящие проблемы,» пробормотал Гаунт.

«Она здесь,» прошептал Маббон. «Ведьма здесь.»

Внезапно, мощный оружейный огонь понесся к ним. Они рванули в укрытие позади столбов колоннады.

Гортанный лазерный огонь проделывал дыры в каменных плитах, и отправлял камни в воздух.

Приближающиеся позади группы Гаунта, огневые команды ордоса развернулись, чтобы открыть огонь по внезапному источнику огня.

Они произвели несколько выстрелов до того, как тяжелый оружейный огонь развернулся к ним, срезав многих из них. Люди падали или резко отлетали назад, сбитые с ног. Некоторые из них побежали в укрытие. Некоторые из них упали, ужасно раненые.

«На них!» приказал Балтасар Эйл.

Гнеш шел вперед вдоль галерей, поливая из своего тяжелого лазгана. Лазерные заряды выли и выплевывались из массивного, черного, как нефть, оружия, висящего на его плече. Его выстрелы отгрызали углы у каменных столбов колоннады. Облицовочный камень трескался и разлетался. Кирпичная пыль раскрывалась цветками, похожая на пыльцу. Агенты ордоса падали. Сиркл, дважды подстреленный, врезался в колонну, и сполз вниз, мертвый.

Вокруг Гнеша, члены братства оказывали поддержку. Их оружейный огонь встретил формирования Роты S, прибывающие позади отрядов ордоса. Штурмовики Комиссариата заняли укрытие, и начали отстреливаться из своих хеллганов. Меньше,

чем за минуту, западные крытые галереи огромного двора превратились в яростный, воющий ночной кошмар перестрелки.

Вот это Башня Плутократов, какой я ее помню, подумал Гаунт.

Он огляделся, оценивая лучший путь для отхода. Лазерные заряды стучали по стене над ним.

Где-то взорвалась граната. Над ревом оружейного огня, он смог услышать вой турбодвигателей.

Гаунт поднялся, сбил воина Кровавого Пакта единственным болтом, побежал, и попытался добраться до следующего арочного прохода, надеясь пригнуться там и предоставить прикрытие для людей, следующих за ним.

Имри из братства выскочил из теней арочного прохода, и приставил дуло своего оружия ко лбу Гаунта.

«На колени,» сказал он на ломаном Низким Готике. «На колени. Где фегат?»

«Тар шет фезак!» ответил Гаунт, прокляв воина Кровавого Пакта на его собственном языке.

Имри отступил на шаг от удивления, а затем навел оружие, чтобы выстрелить.

Кусок каменного покрытия мостовой ударил его в лицо, расколов его гротеск.

Имри упал на спину, его оружие бесполезно разрядилось в потолок колоннады.

Рядом с Гаунтом появился Маггс.

«Ну и не давайте мне чертово оружие,» сказал Маггс, и взял себе оружие Имри. Гаунт не остановил его.

Маггс проверил оружие. Но полу, Имри начал шевелиться. Маггс приставил винтовку к его голове и выстрелил.

«Одним меньше,» сказал он.

«Нам нужно найти выход отсюда,» сказал ему Гаунт.

Еще двое стрелков Кровавого Пакта открыли по ним огонь с другого конца галереи. Лазерные заряды разрезали воздух. Гаунт с Маггсом пригнулись и открыли ответный огонь.

«Ох, святой Трон!» услышал Гаунт крик Жайме. «Ох, святой Трон, это безумие!»

Маггс поправил угол, и снял одного из стрелков Архиврага. Другой попытался сменить позицию, чтобы добраться до Маггса, и Гаунт послал два болта сквозь него и стену за ним.

«Бегите!» сказал Маггс остальным. «Сейчас!»

Все побежали.

Валькирии опустились над Верховным Дворцом. Дым поднимался из галерей рядом с огромным двором.

Привязанный ремнями в открытом дверном проеме передовой птицы, Ларкин посмотрел на Бонина, который держался за перила над головой у двери.

«Там внизу фесов беспорядок,» прокричал он сквозь ветер.

Бонин кивнул. Он вытащил прицел и начал осматривать.

«Сам посмотри, Ларкс,» сказал он.

«Я уже даже не знаю, что мне высматривать,» пробормотал Ларкин, прильнув к прицелу своего лонг-лаза.

«Плохих парней,» сказал Бонин.

«Ах, понятно,» ответил Ларкин.

Райм и трое Сирклов бежали по западной колоннаде, мимо тел мертвых агентов и, по меньшей мере, двух других Сирклов. Райм мог слышать пронзительные звуки яростного оружейного огня на территории прямо перед ними.

«Наступать, наступать!» кричал он по связи. «Состояние красное! Все силам наступать и подавить. Стрельба на поражение разрешена, все цели!»

Перекрестный огонь застучал по колоннаде, мгновенно убив двух Сирклов. Райм споткнулся от ранения в левое бедро. Воин братства, известный, как Наеме, выскочил из укрытия позади инквизитора с поднятым оружием, чтобы закончить свою атаку.

«Затем Голгуулест,» говорил он, «затем Нюрталот.» Наеме был возбужден. В своем сердце он знал, что миссия, на которую послали братство, почти закончилась, и он знал, что его ритуал уже тоже почти закончен. Оставалось всего несколько имен смерти, которые нужно произнести.

«Затем Джастах,» сказал он.

«Затем Райм,» сказал Райм.

Наеме замешкался и уставился на инквизитора в замешательстве. Этого нельзя было отрицать. *Райм* было, определенно, одним из последних имен смерти.

«Ты,» выдохнул Наеме. «Ты--»

Райм поднял руку и схватил Наеме за горло. Он сломал шею воину Кровавого Пакта не требующим усилий движением.

«Да,» сказал Райм, позволив телу упасть. «Я.»

Кархунан Сирдар понимал, что братство быстро теряет людей. Перестрелка в Верховном Дворце дорого обходилась обеим сторонам. Он только что увидел, как его брат Бэр упал, его мозги разлетелись по стене. Территория перед сирдаром была усеяна мертвыми Имперцами.

Будучи всегда стратегом, Кархунан подсчитал, что у него осталось достаточно людей, чтобы прорваться сквозь линию Имперцев, и сдерживать их достаточно долго, чтобы его возлюбленный дамогор смог убить.

Крича *Гор Магир!*, что было боевым кличем Пакта, он приказал тому, что осталось от братства наступать. Снег начал идти довольно сильно. Свет пропал, синева неба превратилась в цинк. Кархунан мог чують кровь и снег.

Он полил огнем, и срезал троих штурмовиков Комиссариата, которые пытались продвинуться по оспариваемой колоннаде. Из укрытия, Капитан Тавил сделал выстрел, который попал Кархунану в живот.

Сирдар выстрелил в ответ, инстинктивно на полном автоматическом, и расстрелял Тавила.

Кархунан мог чутя свою собственную кровь.

Он поморщился, и попытался остаться стоять вертикально. Он махнул своим людям идти вперед.

Последним из его людей: Гнешу, Самусу и Ласку.

Гнеш шел впереди, поливая колоннаду огнем. Солдаты Роты S, крича о нехватке укрытия, взрывались, как мешки с мясом. Гнеш смеялся. Здесь было предостаточно крови для всех жаждущих богов Кровного Родства.

Гнеш упал.

Кархунан не видел, что его поразило, но большой человек упал с ужасной и окончательной достоверностью, смертельное падение.

Кархунан закричал в ярости. Он увидел, как несколько фигур в черных одеждах обходят его людей сбоку, вдоль наружной стены колоннады. Он выстрелил в них, раскалывая каменную кладку.

Мколл повернулся и выстрелил в ответ. Его первая очередь развернула Ласка, а вторая отправила в полет Самуса. Жажжо, слева от него, прицелился над стеной колоннады, и напичкал Самуса залпом на полном автомате.

Воя, Кархунан побежал на них.

Высокая фигура в кошмарной боевой раскраске вышла из теней колонны перед ним, и выстрелила из какого-то мощного арбалета.

Стрела попала Кархунану Сирдару в лоб, и бросила его на спину, мертвого.

«Чисто,» крикнул Эзра ап Нихт Танитским огневым командам.

«Вперед!» крикнул Мколл.

«Это тупик!» закричал Гаунт.

«Нет, сюда,» крикнул Жайме. «Это дорога через Хонорариум.»

«Вы уверены?» спросил Гаунт.

«Конечно, уверен. Я приходил сюда каждую пятницу последние шесть месяцев,» прокричал Жайме.

Гаунт даже не подумал спросить портретиста, зачем.

«Маггс!» крикнул он. «Веди Жайме и доктора в укрытие в Хонорариуме!» Маббон отстал. До этого он хорошо держался, но теперь он слабел, замедляясь от вернувшейся боли от раны. Снег кружился вокруг них.

«Но--» запротестовал Маггс.

«Это приказ!» крикнул Гаунт.

Маггс повернулся, и понесся за Колдингом и напуганным Жайме в направлении обширного Хонорариума.

Гаунт обхватил рукой Маббона и поддержал его.

«Теперь уже недалеко, магир,» сказал он.

«Вы хороший человек, Гаунт,» прохрипел этогор.

«Если они поймают нас, пожалуйста, никому такого не говорите. Говорите им, что я ваш заклятый враг.» Граната провизжала вдоль колоннады, и взорвала крышу. Удар тяжело сбил Гаунта с Маббоном с ног.

Малстром широким шагом шел вперед сквозь закручивающийся дым и случайный снег, вставляя новый толстый заряд в гранатомет. Пыль от взрыва придала воздуху песчаное, зернистое качество.

Впереди, два тела лежали среди обломков, покрытые каменной пылью. Оба выглядели мертвыми. Одним из них был фегат. Малстром отбросил свой гранатомет, и вытащил лазерный пистолет. Они сделали это. Братство победило. Все, что ему нужно было сделать, так это подтвердить убийство.

Покрытый каменной пылью, и выглядя, как ожившая статуя, Гаунт, внезапно, сел. Его болт-пистолет был у него в руке.

«Не сегодня,» сказал он, и выстрелил.

Болт разорвал Малстрома пополам, и украсил стену галереи ужасным количеством крови.

Здесь не было кровавых магов Кровного Родства, чтобы прочесть кровавые знаки, но предзнаменования не были ничем другим, кроме насильственной смерти.

Маббон был оглушен и чувствовал головокружение. Его рана снова начала кровоточить. Гаунт поднял его, и обхватил рукой вражеского офицера подмышкой. Оба были покрыты каменной пылью и кровью, и оба были слегка оглушены, после взрыва.

«Ну же. Оставайся со мной!» прокричал Гаунт. Он уставился в лицо Маббона, и отвесил пощечину по его шрамированной щеке. «Оставайся со мной!»

Он мог слышать вой. Он подумал, что это было только в его ушах. Снежинки касались его лица.

Дуло пистолета прижалось к виску Гаунта.

«Должен отдать вам должное,» сказал Балтасар Эйл, тяжело дыша. «Вы были достойным противником. Вы заставили мое братство хорошо поплясать. Но теперь, мы покончим с этим.» Его голос был полон акцента, иномирского акцента. В крайней опасности момента, Эйлу стало трудно поддерживать свою цивилизованную показуху.

«Последняя вещь, которую вы, скорее всего, захотите принять во внимание, дамогор,» сказал Маббон на языке Архиврага. «Когда вы поймали ублюдка, убейте ублюдка. Не *говорите* об этом.» Гаунт нанес яростный удар локтем, который отбросил Эйла. Дамогор зашатался, его зубы были сломаны, а его рот был наполнен кровью, но у него, все еще, был пистолет. Гаунт пнул его в живот.

У Эйла, все еще, был пистолет.

«У нас есть цели! На открытой территории!» закричал Бонин.

«Убить их! Убить их всех!» кричал Райм по забитой статикой связи.

«Фес это, над местом дым и снег!» ответил Ларкин, удобно располагая руку, пока Валькирия раскачивалась.

«Большой босс сказал стрелять, Ларкс,» сказал Бонин.

«Погоди...» сказал Ларкин. «Погоди... скажи пилоту, чтобы он поднял нас! Хорошо, у меня три цели. Повторяю, три цели. Что сообщили?»

«Инструкции стрелять,» повторил Бонин сквозь рев турбодвигателей.

«Я стремлюсь угодить,» ответил Ларкин, лонг-лаз громыхнул в его руках.

Последовал треск избыточного давления и проколотого вакуума. Кровавый туман окатил Гаунта с Маббоном, заляпав их покрытые пылью лица.

Череп Эйла просто взорвался. Его безголовое тело упало напротив Гаунта. Боевой корабль выл на головой, разбрасывая поднимающийся дым и вздымающийся снег. Секундой позже, его тень накрыла их.

«Святой Трон,» заикаясь произнес Гаунт.

«Попал! Попал!» закричал Ларкин.

«Ага, но куда ты попал?» спросил Бонин, наклонившись над Ларкиным в дверном проеме.

«Я всегда вижу только то, что реальное и настоящее через свой прицел,» ответил Ларкин. «Я снял плохого парня, конечно, разве нет?»

Гаунт с Маббоном побежали к Хонорариуму. Истекая кровью, Маббон все время становился медленнее.

Позади них, яростная перестрелка грохотала в галереях огромного двора, пока последние их братства Кровавого Пакта сражались до конца.

Хонорариум был огромным, массивным, мрачным куполом с холодным, отдающим эхом воздухом и тишиной. Лампы освещали выставленные экспонаты на уровне пола вокруг широкого кольца здания. По краям огромного храма располагались индивидуальные часовни, посвященные определенным героям или кампаниям. В

центре пространства была гигантская базальтовая крипта, содержащая останки Магистра Войны Слайдо.

На полпути по огромной открытой территории Хонорариума, ноги Маббона подвели его, и он упал. Гаунт повернулся, чтобы поднять его.

Жайме, Маггс и Колдинг прятались за передним рядом церковных скамей. Они побежали, чтобы помочь Гаунту.

«Нам нужно отвести его в укрытие,» сказал Гаунт.

«У него весьма серьезное кровотечение,» сказал Колдинг, открывая свою сумку.

«Перевяжите рану. Значит, перевяжите рану!» подгонял Маггс.

«Давайте отнесем его в какое-нибудь тихое место в сторонке,» сказал Гаунт.

«Давайте. Те часовни выглядят весьма хорошо для меня.»

«Ваша часовня прямо вон там,» сказал Жайме, указывая.

«Моя что?»

«Ваша часовня,» повторил Жайме.

«О чем ты говоришь, черт возьми?» резко бросил Гаунт. «Какая еще часовня?»

«Ради Трона,» ответил Жайме. «Вот, почему мне дали поручение! Вы что, даже не читали письмо? Мне дали поручение сделать ваш портрет для посвященной вам часовни здесь!»

«Я не думаю, что Ибрама Гаунта занесут в какие-нибудь Имперские хроники после такого,» произнес Хандро Райм.

Он шел к группе по широкому, освещенному солнцем полу. Снежинки падали на стеклянную крышу над их головами. Райм целился в них из своего лазерного пистолета.

«Еретическое чудовище и помогающие ему. Вы далеко пали от того величия, которого когда-то достигли здесь, Гаунт.»

Гаунт встал и посмотрел на Райма.

«А вы – самый худший тип фанатика, Райм. Вы все так неправильно поняли. Вы должны бы благодарить меня.»

Райм состроил улыбку, которую мог скопировать любой из его Сирклов.

«Я так не думаю, презренный вы предатель.»

Гаунт покачал головой. «Что бы я не сказал, вы просто ответите 'Так бы сказал еретик', разве не так?»

«Конечно, скажет,» закашлял Маббон.

Гаунт повернулся. Жайме с Колдингом помогали Маббону подняться. Этогор, очевидно, решил встать и встретиться лицом к лицу со своим противником.

«Я даже не хочу смотреть на тебя,» презрительно сказал Райм. «Архивражеская мразь.»

«Моей смерти хочет не только Кровавый Пакт Гора,» сказал Маббон Гаунту, отстраняясь от поддержки Колдинга. «Войска Анарха тоже хотят заткнуть меня. Они гораздо более утонченны.» Он посмотрел на Райма.

«Ты менял свое лицо тысячу раз, но я, все еще, узнаю тебя, Сайко Магир.»

«Это животное несет чушь!» заявил Райм.

«Разве?» спросил Маггс.

Райм поднял оружие, чтобы застрелить этогора. За долю секунды до того, как он сделал это, Гаунт осознал, что идет снег.

Внутри.

Убийственный крик сбил их всех с ног, и разнес на куски огромную стеклянную крышу Хонорариума.

Воя, ведьма направилась к ним, окруженная сверкающим шаром из варп-молний. Она была сведена с ума и несла бред. Она выкрикивала слова мести за смерть ее возлюбленного брата. Она приближалась к ним по полу Хонорариума, подобно тайфуну, гоня арктический шторм перед собой. Молнии разрывали воздух.

Все, что видел Вес Маггс, было старой дамой, которая посещала его разум после Хинцерхауса. Все, чего Вес Маггс хотел, так это избавиться от наносимых ей призрачных мук.

Он открыл огонь, крича, в полном автоматическом режиме, и полностью разрядил энергетическую ячейку лазерной винтовки.

Его выстрелы разорвали кокон из энергии варпа ведьмы, и искромсали ее. Она приняла, примерно, две сотни выстрелов, и к тому времени, как ее тело упало на каменные плиты, ее вид был далеко за пределами какой-либо структурной целостности. Последние несколько выстрелов подняли ее вуаль на мгновение, когда она падала. Маггс увидел ее лицо, лицо, которое он никогда не забудет. Его оружие дало осечку, и начало периодически звенеть на *заряд истощен*. Он выключил предупреждение, и опустил оружие. «Фес меня,» заикаясь произнес он. «Я это сделал?» Гаунт похлопал Маггса по спине. «Да, сделал. Меня радует, что я тебя не убил.» Маггс улыбнулся полуудивленной улыбкой.

«Очнись, солдат, и помоги мне отнести заключенного в укрытие,» сказал Гаунт. За стенами Хонорариума, они могли слышать вой сирен и грохот боевых кораблей. «Ох, дерьмо,» произнес Колдинг.

Гаунт повернулся.

Райм снова был на ногах. У него была резаная рана вдоль головы, и все, что было ниже, выглядело больше, как аугментическое устройство, чем плоть и кровь. Его лицо наполовину висело. Он целился в них из пистолета. «Вы никуда не уйдете,» провозгласил он.

Гаунт услышал шаги, бегущие по отдающему эхом пространству обширного храма. Солдаты занимали позиции вокруг противостояния, с поднятым оружием. Гаунт осознал, что они были его.

«Рад, что вы смогли присоединиться к нам, Майор Роун,» сказал Гаунт, не отрывая глаз от Райма.

«Мои извинения, сэр. Нарвались на небольшую засаду.»

«Кто с тобой?» спросил Гаунт.

«Варл, Мерин, Даур, Бэнда, Лейр и Кант, сэр.»

«Все нацелились на этого лунатика, который передо мной?»

«Ох, да, сэр.»

«Даже Кант?»

«Несомненно, сэр,» отозвался Кант.

«Видите?» сказал Роун. «Иногда даже он может.»

«Ладно,» сказал Гаунт Райму. «Это реальное безвыходное положение, так ведь? Бросьте свое оружие.» Райм улыбнулся. «Не будьте смешным. Скажите своим людям сдаться. Эта возможность закончится в следующие пять минут.»

«Мои люди так не работают, инквизитор, особенно не тогда, когда тот, на кого они смотрят, был идентифицирован, как агент Анарха.»

«Это нелепо! Бред еретика, которые сделает все, что угодно, чтобы спасти себя!» Гаунт покачал головой. «Маббон был уверен. Он опознал вас, *Сайко Магир*.»

«Этот человек безумен,» засмеялся Райм. «Поднимайте свое оружие. Ну же, Гаунт. Я знаю, как вы прямолинейны в сердце.»

Болт-пистолет все еще был в руке Гаунта. В обойме оставался последний патрон.

Он поднял его, и направил прямо на Райма.

«Нет,» сказал он, «у меня есть причина считать, что вы – агент Архиврага, и я приказываю вам бросить оружие, сейчас же.»

«Или что, Гаунт?» оскалился Райм. «Вы пристрелите меня? Я знаю вас. Я изучал ваше досье. Без неопровержимых доказательств, вы никогда не будете действовать против Трона. *Никогда*.» Гаунт замешкался, и опустил свое оружие.

Райм бросил взгляд назад, когда Роун сделал шаг вперед.

«Мы закончили, спасибо, солдат,» сказал Райм. «Назад.»

«Мой босс не доверяет вам,» сказал Роун.

«У него нет доказательств,» сказал Райм. «И он не будет действовать. Я читал его досье.»

«Ага,» сказал Роун, «но вы никогда не читали *мое*.»

Райм поднял свой пистолет, стреляя, крича.

Роун снял его двумя выстрелами в грудь.

ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТЬ

Сквозные Ранения

«Присаживайся, Ибрам,» сказал Исайя Меркюр. Они встречались в комнате Секции, в одном из крыльев, которое не пострадал от дыма.

Значит, внезапно, я теперь Ибрам?

«Высший балл за это, сэр,» сказал Меркюр. Он был занят сразу тремя вещами: планшетом с данными, письмом, и несколькими отчетами. «Серьезно, мужик, хорошая работа. Мы собираемся работать с этим. Эдур говорит мне, что твой полк готовится возглавить операцию? Это так?»

«Танитский Первый рад служить, сэр,» ответил Гаунт.

«Хорошо, я могу тебе сказать,» сказал Меркюр, изобразив быструю улыбку, когда закончил с отчетом на планшете, «это хорошие новости. Это хорошо иметь хороших людей на своей стороне. Думаешь, что сможешь справиться с этим?»

«Мой полк мобилизован, сэр. Мы отправимся к Пределу Спасения в течение недели.»

«Многое зависит от этого, Ибрам,» сказал Меркюр, «и меня там не будет, чтобы водить тебя за руку до конца.»

«Я понимаю, сэр,» сказал Гаунт. «У меня есть только один вопрос. Инквизиция, что ей сказали?»

«Только то, что отважный Инквизитор Райм был потерян в ходе операции на Гереоне,» ответил Меркюр.

«Ясно. Не хотел бы я иметь священные ордосы за спиной, помимо всего прочего.»

«Понял.»

«И я хочу, чтобы Бленнера и Крийд освободили под мою ответственность.»

«Согласен.»

«Вы можете это урегулировать?»

«У тебя есть друзья наверху, Ибрам,» усмехнулся Меркюр. «А еще у тебя, так же, есть друзья в низах. Как это гор?»

«Стабилен. Жаждет помочь. Он--»

«Что?» спросил Меркюр.

«Хороший человек,» сказал Гаунт.

«У меня было ужасное чувство, что ты это скажешь,» произнес Меркюр. Он встал, и подошел к угловому столику. «Выпьем? Тост?»

«Почему нет?» ответил Гаунт.

Меркюр наполнил пару рюмок сакрой и дал одну Гаунту.

«Ты осознаешь, что не выйдешь из этого живым, так ведь?» спросил Меркюр.

«Они мне всегда так говорят, когда я высаживаюсь с корабля,» ответил Гаунт.

«Серьезно? Черт,» сказал Меркюр, и чекнул. «В любом случае, твое здоровье.»

«Мы отправляемся в течении недели,» сказал Бан Даур. «Я думаю, что ты должна отправиться с нами.»

«Ох, точно, ага. Почему?» спросила Элоди.

«Потому что я не смогу целовать тебя так, если ты будешь на расстоянии световых лет,» ответил он.

«Как так?» спросила она.

Он показал ей.

«Точно,» кивнула она. «Тогда я лучше отправлюсь с тобой.»

Широкое пространство Хонорариума было наполнено слабыми эхами и ощущением вечности. В свой последний день на Балгауте, Танитский Первый промаршировал в храм для специальной службы благословения. Было теплый, яркий день, снегопад давно закончился, и большинство повреждений, нанесенных зданию во время

последнего боя, были устранены. На них были парадные униформы, а их марш был безупречным, даже хотя они и застаивались уже два года.

Как только служба была закончена, и взвода потекли наружу, Гаунт обошел с Дорденом вокруг огромного храма, останавливаясь, чтобы взглянуть на боковые часовни. Оркестранты из церемониальных групп паковались. Барабаны убрали в чехлы и закатали в свои ящики. Горнисты чистили свои инструменты, тонкие ремешки их шапок все еще были накинута над их носами.

Раньше Гаунт и не осознавал, насколько постарел Дорден. Прогулка была медленной.

«Есть кое-что, что мне нужно сказать тебе,» сказал Дорден.

«Да?»

«Это тяжело, и тебе это не понравится,» добавил Дорден.

«Давай я тебе сначала кое-что покажу,» сказал Гаунт.

Он повел его в одну из боковых часовен.

«Ох, великий Трон,» с изумлением произнес Дорден.

«Все боковые часовни посвящены мирам, потерянным в первые годы крестового похода,» сказал Гаунт. Они сели на одну из скамей в боковой часовне. «Это мемориальная часовня, посвященная Таниту. Это то, что Жайме хотел от меня, чтобы сделать мой портрет, чтобы он был на этом дисплее. Ты можешь представить?»

«Не могу,» ответил Дорден. У него в глазах стояли слезы.

«Я понимаю. Слушай, я хотел, чтобы ты увидел это, Тол. Из всех людей, ты должен был знать, что это место существует.»

«Спасибо Трону, что показал,» ответил Дорден.

Они откинулись, плечом к плечу, на новых, покрытых воском скамьях, и смотрели на гололитическое изображение Танита.

«Это был прекрасный мир, так ведь?» спросил Дорден.

«Был,» согласился Гаунт. «Ох, кое-что еще. Кажется, я мертв.»

«Что?»

«Согласно гидам, которые работают тут, я погиб во время Знаменитой Победы. Ты можешь заплатить, чтобы посетить мое место смерти.»

«Это забавно,» тихо рассмеялся Дорден.

«Никто ничего в точности не помнит,» сказал Гаунт. «Все стало искаженным и позабытым.» Дорден кивнул. «За исключением вещей, которые мы помним сами.» Гаунт вздохнул. «Когда они мне сказали об этом, я на мгновение задумался, а что, если бы я погиб здесь. Я задумался, если бы я погиб здесь и стал призраком, и был бы призраком все то время, которое я провел с Танитцами.»

«Я могу видеть, как ты пришел к такому умозаключению,» ответил Дорден. «Кто я такой, чтобы отрицать такое?»

Гаунт улыбнулся и кивнул.

«Мне нужно рассказать тебе кое-что,» сказал Дорден, поворачиваясь к Гаунту.

«Что-то плохое?» спросил Гаунт.

«Я говорил, что тебе это не понравится.»

«Ладно,» сказал Гаунт.

Дорден откинулся.

«Я провел тесты. Я проверил этого старого ублюдка.»

«Цвейла?»

«Да. Я сделал все тесты.»

«Что-то вернулось, так ведь?» спросил Гаунт.

Дорден кивнул. «Лейкемия. Рак крови. Он повсюду в нем.»

«Он, Трон. Сколько?»

«Цвейлу? Этот старый ублюдок будет жить вечно.»

«Но--»

Дорден вздохнул. «Он не любит тесты крови, так ведь? Старина Цвейл не любит иголки. Мне пришлось показать ему, как это делается.»

«И?»

«Когда я отвернулся, он поменял образцы.»

«Значит... о, нет. Нет. Нет!»

«Тсс,» произнес Дорден.

«Мои глаза не позволят мне плакать,» сказал Гаунт, смотря на своего старого друга.

«Возможно, это хорошо.»

«Сколько?»

«Шесть месяцев, если мне повезет. Но я хочу продолжать. Ты знаешь, и Ана знает. Не говори больше никому. Я хочу сражаться до конца. Я хочу служить до конца.» Гаунт кивнул.

«И я бы хотел упокоиться здесь, когда умру,» сказал Дорден.

Гаунт посмотрел на крышу Танитской часовни. У мертвых было умение находить путь назад на Балгаут.

«Я позабочусь об этом,» сказал он.

ЭПИЛОГ

Девятый День

Врата Олигархии, днем девятого дня, по левую руку от Слайдо. Впереди, знаменитые Врата, защищаемые машинами скорби Херитора Асфоделя. Озера грязи.

Ненормальная погода. Химический поток, вызванный орбитальной бомбардировкой и токсинами Херитора. Расплавленная смола в воздухе, подобная проливному дождю.

Гаунт пригнулся, пока дождем сыпались снаряды.

Колючая проволока затянула небо. Ба-бахи от взрывов, слишком многих взрывов. Облака розового тумана слева и справа от него, когда в людей попадали. Впереди, под Вратами, машины снова зажужжали.

Они окопались напротив маленькой заставы у ворот с характерным орнаментом в виде аквил. Бомбардировка была такой мощной, что Гаунт сомневался, что строение будет стоять на следующий день, или даже через час. Оно будет стерто с мира и из его памяти.

Его сержант, любимый Танхаус, выкрикнул приказ атаковать. *Отделение, вперед!*

Гаунт посмотрел назад. Отряды СПО приближались к фронту, пригнув головы. Он должен был отдать должное их решимости. Обычно, у них было не больше, чем винтовки со скользящим затвором и штыки, но они, тем не менее, бросались на передовую.

«Как дела?» крикнул молодой офицер СПО над ревом бомбардировки, когда пригнулся в укрытии.

«Весьма терпимо,» крикнул в ответ Гаунт. «Если мы сможем собраться здесь и поднажать, у нас все еще может быть хороший день!»

Он поднял взгляд. Башня Плутократов была самым огромным строением, которое он когда-либо видел.

Ничто во Вселенной не опрокинет ее.

«Эх, кто знает, что мы сможем сделать,» произнес в ответ офицер СПО. «Мы могли бы даже опрокинуть этого ужасного большого ублюдка!»

«Мне нравится, как это звучит,» ухмыльнулся Гаунт. Он протянул руку.

«Я – Гаунт,» сказал он.

Молодой СПОшник схватил руку Гаунта и пожал ее.

«Жайме.»

Гаунт улыбнулся.

«Рад познакомиться,» сказал он. «Давай покончим с этим.»